

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(конец XIX – XX вв.)

Ответственный редактор
Доктор исторических наук В.А. Исупов

Новосибирск
2017

УДК
ББК

*Утверждено к печати
Ученым советом Института истории СО РАН*

Рецензенты

доктор исторических наук В.А. Ильиных
доктор исторических наук В.И. Исаев
доктор исторических наук Н.Н. Родигина

Редакционная коллегия:

к.и.н. А.А. Бурматов, к.и.н. О.Б. Дашинамжилов (отв. секретарь), д.и.н. В.А. Зверев, д.и.н. В.А. Исупов (отв. редактор), к.и.н. Н.С. Коробейникова, к.и.н. М.А. Семенов.

М.В. Нефедова (техническое оформление)

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX вв.). Новосибирск: 2017.

ISBN

Монография является результатом трехлетней совместной работы сотрудников сектора историко-демографических исследований Института истории СО РАН и приглашенных авторов в рамках проекта РГНФ № 14-01-00109 «Демографическая история Западной Сибири: конец XIX – начало XXI вв.».

Системные изменения этого периода, повлекшие за собой важные социально-экономические перемены в российском обществе, не могли не отразиться на демографических процессах. Социально-политические катаклизмы XX столетия оказали такое воздействие на рождаемость, смертность и территориальные перемещения населения, что их последствия еще длительное время сказывались на динамике численности российского населения. В представленном коллективном исследовании на основе широкого круга источников рассматриваются особенности процессов народонаселения в одном из крупнейших регионов востока страны. В книге анализируются основные показатели демографического развития (процессы воспроизводства и миграции, численность, возрастной и национальный состав населения и т.д.) и исторический контекст их динамики.

Монография рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся Отечественной историей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Глава 1. На закате империи, на заре демографической модернизации (1897–1917 гг.).

Глава 2. Эпоха революционных бурь (1918–1923 гг.).

Глава 3. «Золотой век» демографического роста (1923–1928 гг.).

Глава 4. В годы сталинской модернизации (1929–1938 гг.).

Глава 5. От великой катастрофы к «советскому демографическому чуду», 1939–1945 гг.

Глава 6. "После тревог...": новая страница демографической истории. 1946–1953 гг.

Глава 7. От успехов к стагнации (1953 – конец 1970-х гг.).

Глава 8. От закрытости к гласности (конец 1970-х – конец 1980-х гг.).

Глава 9. Системный кризис 1990-х гг. в зеркале демографии.

Заключение

Введение

В середине 2000-х гг. писатель и общественный деятель А. И. Солженицын актуализировал применительно к современности мысль о сбережении народа как национальной идее, необходимой «для спасения» и успешного развития России¹. Эта мысль, впервые высказанная еще в елизаветинские времена государственным деятелем графом И. П. Шуваловым, обретает сегодня широкую поддержку среди граждан нашей страны. Чрезвычайная актуальность политики народосбережения в России объясняется тем, что общество, вступившее четверть века назад в жестокий кризис и с трудом восстанавливающее стабильность, еще ищет свой путь к надежному возобновлению численности, оптимальной структуры и эффективного режима воспроизводства населения. Изменения к лучшему, характерные для нескольких последних лет, незначительны, они вызваны не столько реальным улучшением демографических параметров, сколько огромной инерцией демографического роста. Новейшие вызовы пока не осознаны должным образом ни на теоретическом, ни на практическом уровнях. Собственно демографические проблемы усугубляются трудностями в сферах семейной жизни, социализации подрастающих поколений, обретения гражданами новой общероссийской идентичности. Восточные и северные окраины Российской Федерации наиболее уязвимы в демографическом отношении. Имея на огромной территории немногочисленное население при неблагоприятном балансе его рождаемости и смертности, возрастной структуры и продолжительности жизни, цены и качества возобновления поколений, они чуть ли не впервые в своей истории переживают еще и механический отток постоянных жителей.

Очевидно, что демографическое неблагополучие России имеет свои исторические корни. Без научного постижения сложного исторического пути, пройденного народами и регионами России в последние 100 лет, мы никогда не поймем проблемы сегодняшнего дня. Соответственно, в наши дни наблюдается «взрыв» исследований по исторической демографии. Еще вчера этот раздел науки, развивающийся на стыке истории и демографии, являл собой далекую периферию науки. Он был табуирован в идеологическом отношении, а источники были недоступны для большинства ученых. Сегодня исследователи получили доступ к новым комплексам документов. В свет выходят десятки статей, сборников научных трудов, монографий и даже фундаментальных коллективных трудов. Особенно отметим в этой связи этапные коллективные монографии, написанные под руководством А. Г. Вишневого [1], Ю. А. Полякова и В. Б. Жиромской [2], авторские обобщающие труды видных историко-демографов В. А. Борисова [3], А. Г. Вишневого [4], В. Б. Жиромской [5], Б. Н. Миронова [6], Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского, Т. Л. Харьковской [7], охватывающие большие периоды отечественной демографической истории. Столь бурный всплеск исследований сам по себе является свидетельством актуальности и практической значимости историко-демографической проблематики.

Как нам представляется, вклад ученых-историков в общее дело сбережения народа может заключаться в том, чтобы сформировать достоверное знание о состоянии демографической сферы России в прошлом; об этапах и способах их трансформации в неблагоприятном в целом для отечественного народонаселения XX столетии; о жизнеспособных элементах сохранившегося исторического наследия и опыта его приведения в соответствие с потребностями времени. Для историков-сибиреведов важно еще раскрыть общие и особенные черты демографической истории зауральских регионов в их сравнении с Европейской Россией и глобальной ситуацией.

Настоящая книга как раз посвящена демографической истории Западной Сибири – обширного и наиболее населенного региона Азиатской России – с конца XIX до начала XXI в. Демографическая история Западной Сибири, ее отдельных субрегионов и местностей,

¹ Солженицын А. И. Национальная идея – сбережение народа // Гудок. 2005. 11 июня.

поселенческих комплексов, конкретных городов и сел развивалась на протяжении указанных 120 лет в том же русле, что и во всей нашей стране, но имела и свою специфику, которую можно рассматривать в контексте философских оппозиций «часть и целое», «общее, особенное и единичное». Нельзя при этом не учитывать, что демографическая история Западной Сибири мало известна. Сегодня в ее историографии имеются многочисленные и достаточно глубокие наработки по отдельным проблемам, но историческая картина в целом пока не создана. В конечном итоге такое положение определяет особую остроту, актуальность и научную значимость тематики настоящей книги.

Выбор для нашего исследования Западной Сибири диктуется особой ролью этого региона в экономическом и социокультурном развитии страны, а также высокой степенью напряженности в ней современной демографической ситуации. Важно, что демографическая история Западной Сибири, наряду с общими для всей страны тенденциями, обладает существенными особенностями, выраженными в пертурбационных трансформациях народонаселения (форсированная урбанизация, интенсивные миграции, искажения половозрастной структуры населения, аномальные колебания рождаемости, смертности и брачности населения, огромные людские потери). В комплексе это позволяет утверждать, что избранная тематика относится к числу не только актуальных, но и наиболее фундаментальных проблем отечественной и мировой историографии.

Для создания научно обоснованной, глубоко фундированной демографической истории Западной Сибири необходимо найти ответ на целый ряд вопросов, раскрывающих сам процесс развития народонаселения региона в конце XIX – начале XXI в., а также вскрыть те социальные напряжения, которые возникали в его ходе, показать демографические последствия принимаемых политических решений. Исходя из этого, подчеркнем, что реализация достаточно амбициозного замысла возможна при решении двух взаимосвязанных задач. С одной стороны, необходимо охарактеризовать собственно процесс демографического развития, раскрыть динамику и детали возобновления поколений сибиряков в соотношении процессов брачности, рождаемости, смертности и миграций народонаселения. Иными словами, раскрыть эндогенные закономерности развития населения региона. С другой стороны, не менее важно определить девиационные, экзогенные воздействия на динамику демографической подсистемы общества. А это требует вскрыть роль, значение и характер влияния государственных институтов, а также воздействие революций, войн, репрессий, голода и т. д. Экзогенные факторы пертурбационного характера, безусловно, исказили весь ход демографического развития региона, вызвали огромные людские потери, масштабы которых еще предстоит определить.

Для достижения поставленных целей в нашей монографии предполагалось решение следующих задач:

- охарактеризовать исходную базу и тенденции развития демографической подсистемы Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.;
- выявить основные параметры демографической ситуации, сложившейся в регионе в годы Первой мировой войны;
- установить показатели демографического кризиса, постигшего Западную Сибирь в годы революции и Гражданской войны;
- показать основные черты развития народонаселения региона в период нэпа;
- раскрыть главные тенденции демографической динамики в годы индустриализации и сплошной коллективизации сельского хозяйства;
- определить масштабы демографической катастрофы периода Великой Отечественной войны;
- показать основные параметры развития населения в послевоенный период, в последние десятилетия советской эпохи;
- вскрыть тенденции динамики демографической подсистемы региона в конце XX – начале XXI в.

Как явствует из этого перечня, в основу структуры коллективной монографии положен хронологический принцип.

Принято считать, что объектом изучения в исторической демографии является развитие народонаселения в прошлом, предметом исследования часто называют закономерности воспроизводства населения как непрерывного процесса смены поколений на основе рождаемости и смертности. Мы включаем в предметную область данной коллективной монографии также динамику численности и демографического состава (по полу, возрасту и брачности) населения Западной Сибири в общественно-исторической обусловленности этого процесса. Помимо этого мы рассматриваем и миграции, поскольку в изучаемом регионе в течение всей изучаемой эпохи они оказывают мощное воздействие на воспроизводство населения, его численность и структуру. Очевидно, что без анализа численности, состава и миграций населения создать цельную картину развития населения Западной Сибири в прошлом было бы невозможно.

Демографическая история Западной Сибири описывается авторами монографии в рамках теории демографической модернизации [8] как важной составной части модернизации традиционного общества, ядром которой служит теория демографического перехода, а в её рамках (на микроуровне) используется теория эпидемиологического перехода. Для более глубокого понимания миграционного движения населения привлекается теория миграционного перехода. Но, по сути, основной подход к решению задач, сформулированных в рамках данного проекта, представляет теория демографического перехода.

Основа концепции демографического перехода – периодизация демографической истории согласно трем крупным историческим эпохам развития человечества, которые характеризуются как общество присваивающей экономики, аграрное и индустриальное общества [9]. Соответственно, выделяются три типа воспроизводства населения: архетип, традиционный тип и современный (рациональный, индустриальный) тип. Процесс демографической модернизации можно трактовать как совпадающий с переходом от традиционного типа и режима воспроизводства к современному (модернизированному).

В Западной Сибири в конце XIX столетия господствовал традиционный тип воспроизводства населения. Для него была характерна повышенная смертность населения, низкая продолжительность ожидаемой жизни, преобладание в структуре смертности причин экзогенного характера, главным образом инфекционных болезней. Последние и определяли низкие показатели ожидаемой продолжительности жизни и высокую детскую смертность. В условиях повышенной смертности единственным способом обеспечить хотя бы средние темпы прироста населения долгое время оставалась высокая рождаемость. Соответственно, общество в ходе исторической эволюции выработало особые социально-демографические механизмы, поддерживающие показатели рождаемости на высоком уровне. В основном это всеобщая и ранняя брачность; недопущение разводов; негативное отношение общества к регулированию числа детей в семье; законодательный запрет абортов и т. п. Немаловажное значение имели низкие позиции, которые занимали в иерархии крестьянских и мещанских ценностей бобыли и малодетные семьи. Таким образом, репродуктивное поведение населения было направлено на многодетность, но оказывалось весьма неэффективным вследствие непомерной младенческой и детской смертности.

В течение XX в. демографическая ситуация кардинально изменилась. Со снижением смертности необходимость поддерживать рождаемость на высоком уровне отпала. Происшедшие изменения, а именно – шаги общества в сторону пониженных показателей смертности и рождаемости, резкое увеличение продолжительности жизни людей – и составляют основу демографического перехода. Длительность этого процесса занимает целое столетие. В России и ее восточных регионах весь XX в., если рассматривать его с позиций демографической истории, прошел под знаком демографического перехода. И принципиальный успех этого перехода, и его издержки в наших конкретных условиях

сопряжены с форсированной урбанизацией, коренными трансформациями образа жизни, принципиальными изменениями социальной психологии и всей системы ценностей россиян.

Демографическая модернизация протекала в нашей стране неоднозначно и крайне противоречиво. Для демографической истории нашей страны характерен перманентный кризис, трижды перераставший в мощные демографические катастрофы [10]. Катастрофы и кризисы сильно тормозили процесс демографической модернизации, искажали его. Особенностью демографического перехода в нашей стране стал его прерывный, мерцающий характер. Процесс то возникал, то затухал. Исчезая в отдельные периоды истории, он, после некоторого перерыва и преодоления негативных явлений, завязывался вновь. Сегодня становится очевидным, что истоки этого аномального мерцания следует искать не столько в демографической, сколько в политической плоскости, в сфере взаимодействия власти и общества.

Согласно общепринятым теоретическим воззрениям, на первой стадии процесса демографического перехода проявляется снижение смертности. При инерционном сохранении повышенной рождаемости резко увеличивается естественный прирост, вплоть до так называемого «демографического взрыва». В итоге сложное гомеостатическое равновесие демографической подсистемы нарушается. Только после этого демографический переход вступает во вторую стадию – происходит сокращение рождаемости. Соответственно, нарушенный демографический баланс вновь восстанавливается. Так было в большинстве стран мира. Авторы данной монографии выдвигают гипотезу, основанную на изучении большого количества статистических, прежде всего архивных, материалов, – о том, что в Западной Сибири демографический переход носил иной характер. Здесь в силу причин отчетливо недемографического характера (низкий уровень жизни, голод, неразвитость здравоохранения, периодически возникавшие эпидемии, войны, репрессии) смертность оставалась повышенной на протяжении длительного времени. Так называемый «эпидемиологический переход», знаменующий собой ликвидацию или резкое снижение инфекционной заболеваемости [11], в регионе сильно затянулся. Вместе с тем, бурное индустриальное развитие региона, форсированная урбанизация, интенсивные миграции, нарушения половозрастной структуры населения, быстрые изменения образа жизни людей вели к быстрому снижению рождаемости. Потребность в детях быстро падала, что стало неизбежной платой за форсированную индустриализацию. В итоге сложилась парадоксальная ситуация, при которой низкая рождаемость сопутствовала повышенной смертности. Образно выражаясь, «европейская» рождаемость в регионе бытовала параллельно с «африканской» смертностью. Демографический взрыв в регионе, ярко проявившийся на рубеже XIX–XX вв., в последующие годы был выражен слабо. Следовательно, стадии демографического перехода в Западной Сибири сдвинулись с привычных мест.

Территориальные границы исследования в данной монографии обрисовываются достаточно четко. В состав Западной Сибири как географической категории в досоветский период входили Тобольская и Томская губернии, Акмолинская область. В годы революции и «социалистического строительства» многократно происходила перекройка административных границ. В соответствии с современным административно-территориальным устройством Российской Федерации в Западную Сибирь мы включаем Республику Алтай, Алтайский край, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую, Томскую и Тюменскую области. Отметим, что Тюменская область включает в свой состав Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Западная Сибирь является, с одной стороны, типичным периферийным районом Российской Федерации. Вместе с тем, природные ресурсы региона, наличие здесь мощных нефтегазоносных, железорудных, угольных бассейнов, огромные сельскохозяйственные и лесные массивы выдвигают регион на одно из первых в России мест в экономическом отношении. Вместе со всей страной население Западной Сибири пережило все демографические катастрофы, произошедшие в

нашей стране в XX столетии, и связанные с ними аномальные колебания рождаемости, брачности, смертности и миграций.

Западная Сибирь может рассматриваться как своеобразное зеркало, отразившее все конфликты бурной демографической истории России. Вместе с тем, демографическое развитие региона имеет свою специфику. Долгие годы Западная Сибирь была районом пионерного освоения, в определенном смысле является таковым и сегодня. В ходе строительства Великого Сибирского железнодорожного пути в период столыпинских аграрных переселений регион совершил аграрно-индустриальный рывок, резко увеличил свое население. В период Гражданской войны территория Западной Сибири стала ареной кровопролитных сражений с колчаковскими и белочешскими армиями. В период военного коммунизма Западную Сибирь потрясли мощные крестьянские мятежи. Всё это привело к огромным демографическим потерям. В первой половине XX столетия в Западной Сибири был создан крупнейший в стране промышленный узел – Кузбасс с его угольно-металлургической и химической промышленностью. В таких городах, как Новосибирск, Омск, Барнаул, Прокопьевск, Кемерово, Томск, Бийск значительное развитие получило машиностроение. Это активировало процесс ускоренной урбанизации, в ходе которой не только на несколько порядков увеличилась численность городского населения, но кардинальные изменения претерпел образ жизни сибиряков. В годы коллективизации население региона испытало мощное воздействие голода. Кроме того, в 1930-е гг. регион был превращен в своеобразный полигон сталинской карательной политики. Он стал местом ссылки и дислокации лагерной империи ГУЛАГа.

Еще более мощное пертурбационное влияние на ход демографической истории Западной Сибири оказала Великая Отечественная война. Регион не только стал «боевым арсеналом» Красной армии и важным центром эвакуации, но и отдал для фронта почти все свои людские ресурсы. Тенденции воспроизводства населения региона, динамика численности и состава населения, его территориальное движение даже после завершения войны испытывали ее значительное воздействие. В 1946–1947 гг. население Западной Сибири пережило голод. Все это в совокупности вызвало многомиллионные людские потери и затормозило ход демографической модернизации. В 1960–1980-е гг. северные районы Западной Сибири превратились в сырьевую базу России по добыче нефти и газа. Это не могло не сказаться на динамике развития населения региона, вызвало интенсивные миграции, способствовало заселению отдельных районов. Вместе с тем, в 1960-е гг. в демографическом развитии Западной Сибири статистически фиксируются признаки кризиса, а в 1990-е – начале 2000-х гг. демографическая подсистема Западной Сибири была ввергнута в состояние демографической катастрофы, последствия которой не преодолены до сих пор.

Первые шаги в области изучения демографической истории и народонаселенческой ситуации в Сибири, ее западной части и отдельных местностях были сделаны в досоветский период. Мощные импульсы такой работе были приданы проведением Первой Всеобщей переписи населения Российской империи в январе 1897 г., а затем – переселенческой политикой правительства П. А. Столыпина, в результате которой население Западной Сибири увеличило свою численность в 1,5 раза и перестроило структуру. Труды С. К. Патканова о динамике аборигенного населения [12] и Н. В. Турчанинова с анализом демографических результатов аграрных миграций рубежа XIX–XX вв. [13] до сих пор не потеряли своего научного значения.

После длительного перерыва, вызванного революцией и военными событиями, возобновилась работа по изучению демографического развития Западной Сибири. Этому во многом способствовала заинтересованность новой власти, провозгласившей построение плановой экономики, в развитии статистики народонаселения. Важную стимулирующую роль в развитии исследований играла организация общероссийских переписей населения – демографической в 1920 г. и городской в 1923 г. Эти переписи представили разносторонний материал для детального научного анализа тех изменений, которые произошли в населении Сибири в 1914 – 1920 гг.

Большое значение в становлении статистико-демографических исследований имело создание советских статистических органов, в которых сосредоточивались демографические исследования. Статистические органы в Западной Сибири были созданы сразу после изгнания колчаковцев. Но если в западных районах страны губернские статистические бюро непосредственно подчинялись Центральному статистическому управлению, то в Сибири, учитывая ее огромные территории, в марте 1920 г. было создано промежуточное звено – Сибирское статистическое управление, которое направляло деятельность статбюро, работавших на местах. Учет статистических сил страны, проведенный согласно постановлению СТО от 21 мая 1920 г., показал, что в Сибири в ведомственных органах ЦСУ трудилось 167 статистиков. Кроме того, в других учреждениях было занято 878 статистиков¹. Перед ними были поставлены задачи по обработке первичных статистических материалов, поступавших с мест. На них же возлагались обязанности по научному анализу развития населения. В начале 1920-х гг. свет увидели публикации Д. Мерхалёва [14], А. Мельникова [15], А. А. Корчагина [16] и некоторых других авторов.

Значительный импульс статистико-демографические исследования в регионе получили после проведения Первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. Советское государство, провозгласившее своей целью создание плановой экономики, придавало большое значение статистике населения, необходимой для строгого учета трудовых и военно-мобилизационных ресурсов. В этой связи в годы нэпа статистические исследования населения (эти публикации еще не являлись демографическими в полном смысле этого слова) получили существенное развитие. В Сибири во второй половине 1920-х гг. работала целая плеяда талантливых статистиков: В. Е. Клячкин, А. И. Петров, М. П. Красильников, С. М. Пушкарёв, А. И. Слуцкий, Н. К. Солоницин, А. Р. Шнейдер, А. И. Чураев и др. Издавались специальные статистические и социально-экономические журналы: «Статистика Сибири», «Жизнь Сибири», «Северная Азия» и пр. Большую роль в становлении демографических исследований сыграл печатный орган Сибирского краевого отдела здравоохранения «Сибирский медицинский журнал». Он регулярно публиковал годовые сводки движения инфекционной заболеваемости, многочисленные статьи по вопросам санитарной статистики и здравоохранения. Кроме того, в Сибири издавались многочисленные статистические справочники и бюллетени. На страницах периодических изданий, а также в отдельных брошюрах и статьях обсуждались такие сложные вопросы, как динамика численности и изменения структуры населения, проблемы рождаемости, смертности и миграций.

Заметную роль в становлении собственно историко-демографических исследований в Западной Сибири сыграла монография выдающегося советского статистика Е. З. Волкова [17]. В книге, написанной на общероссийском материале, очень большое внимание отведено динамике численности и источникам роста населения Сибирского края. Особую ценность имеют расчеты Е. З. Волкова по численности населения Сибири в годы Гражданской войны. Вершиной историко-статистических исследований населения сибирского региона начала 1930-х гг. можно считать монографию А. И. Чураева [18]. Она была посвящена населению Восточной Сибири, но сыграла огромную роль в развитии статистико-демографических исследований и в Западной Сибири. В ней много места отведено историческим аспектам демографической динамики. Автор основательно, на основе большого массива статистического материала раскрыл основные тенденции динамики численности, социально-классового состава, рождаемости, смертности и миграций населения с конца XIX в. до начала 1930-х гг.

В конце 1920-х гг. Советский Союз вступил в полосу затяжного демографического кризиса, переросшего в демографическую катастрофу, обусловленную голодом 1932–1933 гг. Смертность населения быстро увеличивалась, рождаемость падала, темпы роста

¹ Солженицын А.И. Национальная идея – сбережение народа // Гудок. 2005. 11 июня.

¹ Поляк Г. Статистические силы республики // Бюл. Центр. стат. упр. 1921. 15 марта.

численности населения сокращались. Миграции приняли хаотичный характер. Руководство страны, не заинтересованное в открытом обсуждении демографических проблем, взяло курс на свертывание демографических исследований. Научное осмысление проблем народонаселения было приостановлено. Сбор первичной информации о населении СССР (регистрация рождений и смертей) в 1934 г. был передан в ведение НКВД. Статистические журналы были закрыты. Издание научных и научно-популярных книг и статей, статистических журналов и справочников прекратилось. Всесоюзная перепись населения 1937 г. была признана фальсифицированной, а её организаторы подверглись репрессиям. Орган Госплана и ЦУНХУ СССР журнал «План» в 1937 г. зловеще предрекал: «Известно, что в аппарате Госплана и плановых органов периферии орудовало немало врагов народа. Далеко не все враги разоблачены и изъяты»¹.

Некоторое оживление исследований произошло только после переписи 1939 г. Но издававшиеся работы носили не научный, даже не научно-популярный, а скорее пропагандистский характер. Их целью было показать «языком цифр» преимущества социализма и правильность политической линии Сталина. О снижении научного уровня работ говорит хотя бы тот курьезный факт, что публикации, за редким исключением, носили одинаковое название, например, «Население страны социализма». В Западной Сибири издание материалов по проблемам народонаселения ограничивалось краткими данными о численности и социально-классовом составе жителей.

Публикации по историко-демографическим сюжетам ограниченно возобновились только во второй половине 1950-х гг., когда вышла монография А. Г. Рашина [19]. Именно в конце 1950-х гг. в отечественной научной литературе возникло понятие «историческая демография». Однако историко-демографические исследования развивались крайне вяло. В. К. Яцунский в 1957 г. отмечал, что «история населения является забытым участком в нашей исторической науке» [20. С.192]. Но если на материалах страны в целом в 1950-е гг. была издана уже упомянутая монография А. Г. Рашина, то вопросы демографической истории Сибири освещались в литературе крайне слабо. К тому же проблемы исторической демографии долгое время не выделялись в самостоятельное направление, велись в рамках географических исследований. Для историков вопросы развития населения имели второстепенный характер. Некоторое время единственным ученым, который еще в 1966 г. в небольшой статье специально рассмотрел некоторые проблемы динамики городского населения Сибири в 1930-е гг., оставался А. С. Московский [21]. Затем комплексно вопрос о необходимости изучения социально-демографического развития Сибири досоветского периода поставил Л. М. Горюшкин, провел пилотную работу в этом направлении [22; 23. С. 133–146]. Обратило на себя внимание также появление в 1979 г. в ведущем историческом журнале статьи известного ученого В. М. Кабузана, поставившего вопрос о темпах, естественных и механических источниках заселения восточных окраин страны в имперский период [24].

Однако кардинально ситуация в области историко-демографических исследований на востоке страны изменилась только в 1980-е гг., когда свет увидела книга А. С. Московского и В. А. Исупова [25]. Это было первое монографическое исследование, специально посвященное демографической истории городского населения Сибири довоенного периода. Рассматривались воспроизводство городского населения региона, изменения его численности, демографического и социального состава, а также миграции. Вскоре В. В. Алексеевым и В. А. Исуповым была издана монография, в которой на большом фактическом материале рассмотрена история населения Сибири в годы Великой Отечественной войны [26].

Интенсивность исследований по исторической демографии резко возросла во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., когда были сняты цензурные запреты, а историки

¹ Плановую работу – под огонь большевистской самокритики // План. 1937. № 7. С. 40.

получили доступ к ранее закрытым статистическим материалам. В 1989 г. в Новосибирске была организована Всесоюзная научная конференция «Исторический опыт социально-демографического развития Сибири». Эта конференция важна не столько своими научными достижениями, сколько тем, что придала импульс становлению и быстрому развитию новосибирской историко-демографической школы. Первым результатом коллективной работы по изучению демографической истории региона, охватывавшей целое столетие, стала книга «Население Западной Сибири в XX веке» [27]. В 1990–2000-х гг. новосибирская школа была представлена такими учеными, как Н. Я. Гущин, В. А. Зверев, В. А. Исупов, А. С. Московский, В. И. Пронин, Т. М. Бадалян, М. М. Ефимкин, И. Б. Карпунина, А. П. Мелентьева, А. А. Бурматов. Сегодня школа пополнилась представителями молодого поколения ученых в лице А. А. Бурматова, О. Б. Дашинамжилова, Н. С. Коробейниковой, Я. А. Кузнецовой, В. Б. Лапердина, М. В. Нефедовой, М. А. Семёнова и др. К настоящему времени в Новосибирске издано большое количество не только научных сборников, но и исследований монографического характера, специально посвященных проблемам исторической демографии.

Новосибирская научная школа оказывает большое влияние на развитие историко-демографических исследований по всей Сибири. Л. Н. Славина (Красноярск) сосредоточилась на проблемах демографической истории Восточной Сибири, Л. В. Занданова (Иркутск) – на вопросах сельскохозяйственного переселения в Сибирь в конце 1940-х – середине 1960-х гг. Значительное развитие получили исследования демографической истории национальных районов Сибири. Существенный вклад в изучение этой проблематики внесли В. А. Кышпанаков (Хакасия) и С. И. Сивцева (Якутия). Основные особенности формирования населения Кузбасса в XX в. выявили К. А. Заболотская, А. В. Бельков, З. В. Боровикова. Вопросы демографической истории Западной Сибири, в том числе Алтайского региона второй половины XIX – начала XX в. входят в круг научных интересов Ю. М. Гончарова, Д. Е. Сарафанова, В. А. Скубневского, В. Н. Фаронова и др. Значительный вклад в изучение динамики урбанизационных процессов Западной Сибири внес омский исследователь Д. А. Алисов. Для историко-демографической литературы нашего времени характерно не только введение в научный оборот новых источников, но совершенствование методики и методологии исследования.

К сегодняшнему дню отечественная историческая демография накопила огромный эмпирический материал. Ученым удалось выявить основные количественные параметры динамики численности, воспроизводства и миграций населения. Далеко непростая, но все же начальная и в некотором смысле черновая часть работы выполнена. Теперь можно дискутировать о точности опубликованных цифровых данных, корректировать их в сторону уменьшения или увеличения. Но прочный фундамент для дальнейших исследований создан. Однако, несмотря на значительное количество литературы, в демографической истории России еще много «белых» пятен. Соответственно, задачи, стоящие сегодня перед научным сообществом усложняются. Ныне ощущается особенно острая потребность в обобщающих исследованиях. Выявление количественных параметров динамики народонаселения как этап в развитии исторической демографии в основном пройден. Эта задача была актуальной еще несколько лет назад, но потребность нынешнего этапа исследований заключается в углубленном анализе качественной составляющей исторического развития населения. Теперь главное – изучение основного тренда демографической истории: процесса демографической модернизации и его ядра – демографического перехода. Не менее важен анализ процессов эпидемиологического и миграционного переходов.

Источники, положенные в основу исследования демографической истории Западной Сибири конца XIX – начала XXI столетия в состоянии лишь частично удовлетворить стремление ученых осветить процесс развития народонаселения во всей его полноте, даже несмотря на то, что в распоряжении исследователей имеется достаточно большой массив статистических материалов. Специалистам известно, что к исходу XIX в. демографо-статистический учет в Сибири становится более систематическим, полным и

дифференцированным, чем раньше, хотя и не лишенным существенных недостатков, особенно в районах, населенных аборигенными народами. Базовые для всех дальнейших демографических расчетов материалы дали Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., всероссийские сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг. В приближенном формате население характеризуют спорадические массовые обследования отдельных городов и категорий населения, ежегодные административные исчисления, основанные на церковном метрическом учете прихожан, регистрации переселенцев, очень неполном врачебном учете заболевших и умерших. Установленные таким образом параметры населения проверялись и обобщались в губернских и областных статкомитетах, при необходимости корректировались в статистическом и медицинском ведомствах Министерства внутренних дел, а затем частично публиковались.

В годы Первой мировой войны, революционных потрясений 1917 г. и Гражданской войны статистический учет населения в Западной Сибири велся спорадически, его результаты некому было обобщать и трудно сохранить, поэтому мы располагаем весьма ограниченными возможностями ведения исследований на их основе.

После восстановления советской власти, начиная с 1920 г., ситуация улучшается. Проводятся всероссийские и всесоюзные переписи населения, которые содержат наиболее полные и точные сведения о численности и составе населения страны и ее отдельных регионов. Переписи проводятся с определенной периодичностью. Сопоставление данных различных переписей позволяет получить представление об исторической динамике развития населения. В нашей стране в XX в. так называемые Всесоюзные переписи населения проводились в 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. В новейшей истории России всеобщие переписи были организованы в 2002 и 2010 гг. Кроме того, в 1920 г. была организована демографическая перепись, в 1923 г. – городская перепись, в 1994 г. – микроперепись. В межпереписные периоды проводились локальные (местные) переписи населения. Так, в январе 1931 г. была организована перепись городского населения Кузбасса, а в феврале 1932 г. – перепись населения Новосибирска.

Но переписи, несмотря на их очевидные преимущества, дают застывшее, неподвижное «изображение» населения. Собственно естественное движение населения улавливается только в ходе так называемого текущего учета рождаемости, брачности и смертности. Однако в связи с очевидной неполнотой, неточностью и противоречивостью данных текущего учета исследователи сталкиваются порой с многочисленными трудностями. В конце 1920-х гг. взамен распространенной в царской России системы учета рождаемости, смертности и брачности, основанной на фиксации религиозных обрядов, утвердился гражданский порядок фиксации демографических событий. Его сердцевиной явились спешно созданные государственные учреждения – загсы (в сельской местности и в поселках городского типа функции загсов возлагались на сельские и поселковые советы). Загсы по заявлению граждан регистрировали рождения, смерти, браки, разводы – так называемые «акты гражданского состояния». Полученные сведения передавались в органы статистики для последующей обработки. После нескольких лет статистического хаоса, примерно во второй половине 1920-х гг., новая система регистрации заработала. Не лишенная недостатков, но в принципе вполне приемлемая, эта система в одночасье была разрушена в начале 1930-х гг. Стремление власти контролировать статистическую информацию и, вместе с тем, превратить статистику в один из элементов идеологического давления на население, не могло не привести к сбою в учете движения населения.

Однако потребности планирования экономики требовали по возможности полных и точных статистических сведений о структуре рабочей силы. Не менее важным аспектом были попытки режима установить контроль над движением населения. Поэтому советское правительство принимало энергичные меры, направленные на упорядочение системы регистрации демографических событий. В декабре 1931 г. при Госплане СССР взамен упраздненного ранее Центрального статистического управления (ЦСУ) был создан новый орган статистического учета – Центральное управление народно-хозяйственного учета

СССР (ЦУНХУ). Ступенькой ниже в иерархии статистических управлений располагались УНХУ союзных и автономных республик. На местах учреждались краевые и областные УНХУ. На уровне городов и районов действовали районные и городские инспектуры НХУ. Все полученные сведения загсы передавали в инспектуры НХУ. Последние, после первичной статистической обработки данных, перемещали их вверх по иерархии статистических органов – в краевые и областные УНХУ. Так материалы о движении населения доходили до ЦУНХУ Госплана СССР.

Самым слабым звеном в образовавшейся информационной цепочке являлись загсы. Первичные данные о демографических событиях собирались с очень большими пропусками. Имелось три основных источника ошибок. Во-первых, неполный охват территорий – далеко не во всех районах огромной страны имелись работоспособные загсы. Во-вторых, качество работы загсов снижалось вследствие низкой статистической культуры или малограмотности служащих. Но главное – даже там, где имелись вполне работоспособные загсы, многие граждане не регистрировали рождения и смерти. В результате в некоторых загсах собирали столь некачественные материалы, что их даже не передавали в инспектуры НХУ.

Власти, стремясь упорядочить сбор данных о населении, использовали самый эффективный, как они считали, способ – максимально «закручивали гайки». В июле 1934 г. загсы были переданы в состав НКВД СССР. Считалось, что это повысит ответственность работников загсов и значительно улучшит их работу. Однако этого не произошло, и 21 сентября 1935 г. увидело свет постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О постановке учета естественного движения населения. Здесь отмечалось неудовлетворительное состояние учета естественного движения населения, что объяснялось подрывной деятельностью классовых врагов (бывших попов, белых офицеров, кулаков), проникших в загсы. Они якобы скрывали рост населения путем недоучета рождаемости и завышения смертности. Помимо бессмысленных сентенций о классовых врагах, постановление содержало и вполне разумные предложения. В частности, вводилась выдача свидетельств о рождении (на гербовой бумаге), которые были обязательны для предъявления при поступлении в школы, техникумы, вузы, при призыве на военную службу. Это вынуждало население являться в загсы для регистрации новорожденных. Кроме того, постановление устанавливало уголовную ответственность секретарей сельсоветов за отказ или несвоевременную регистрацию данных о рождениях и смертях. Постановление ЦИК и СНК СССР «О порядке и сроках регистрации рождений и смертей», изданное 27 июля 1936 г., ввело принцип бесплатности регистрации актов гражданского состояния, установило сроки регистрации. Случаи рождения должны были регистрироваться в течение месяца со дня рождения ребенка. Смерть предписывалось фиксировать не позднее трех дней после ее наступления. Уклонение от регистрации наказывалось штрафом от 25 до 100 р.

Принятые меры улучшили ситуацию. Начиная с конца 1930-х гг., исследователи имеют в принципе приемлемую для научного анализа статистическую информацию. Основная масса демографических событий находила отражение в статистической отчетности. Полнота регистрации была достаточной для проведения научного анализа, выявления основных тенденций развития. В нашей стране, таким образом, сложилась неидеальная, но достаточно стройная и в принципе работоспособная система учета демографических событий.

Какие же данные фиксировали загсы, и по каким параметрам эти данные обрабатывались статистиками? Прежде всего, укажем на главный статистический документ, содержащий все базисные сведения, необходимые для всестороннего анализа естественного движения населения, так называемую форму № 1 «Сведения о естественном движении населения за 19__ г.». Здесь сосредоточиваются материалы о числе родов (включая мертворожденных), о количестве многоплодных родов (отдельно с двойнями, с тройнями, с большим количеством близнецов). Эта же форма содержит сведения о числе родившихся с разбивкой по половому признаку (мальчики, девочки, оба пола), а также о количестве мертворожденных (также с разбивкой по полу). Эта же форма содержит информацию,

характеризующую общие характеристики смертности: число умерших (с дифференциацией по полу), число детей, умерших в возрасте моложе 1 года (также с дифференциацией по полу). Форма № 1а отражает также основные тенденции брачности, а именно – число браков и разводов. Все данные в форме № 1 приводятся с разбивкой по месяцам года.

Информация, содержащаяся в форме № 1, дублируется формой «А» «Итоги регистрации актов гражданского состояния за 19__ г.». Единственное ее отличие от формы № 1 – отсутствие дифференциации сведений по полу. Важной характеристикой этой формы является помесечное отражение демографических событий от января к декабрю. Содержит она и итоговую строку. В данном случае мы сталкиваемся с типичным примером дублирования информации. Это имеет большое значение для исследователей: есть возможность сопоставлять данные разных документов.

Годовые итоги естественного движения населения подводятся в форме № 1а «Общие итоги естественного движения населения за 19__ г.». Таблицы этой формы составлены так, чтобы можно было получить сведения об основных количественных характеристиках естественного движения в городских и сельских поселениях не только страны в целом, но и её отдельных регионов.

Кроме фиксации данных об общих тенденциях естественного движения населения, статистические материалы военных лет содержат большое количество ценных сведений, характеризующих различные специальные аспекты рождаемости. Прежде всего, укажем на сбор и обработку сведений о родившихся по возрасту матери. В результате мы располагаем статистическим материалом, дающим возможность анализа изменений возрастной структуры когорты матерей в течение всей Великой Отечественной войны.

Для того, чтобы фиксировать количество внебрачных детей, ЦСУ Госплана СССР 19 декабря 1944 г. ввело в статистическую отчетность новую форму. Отныне загсы собирали, а статистики обрабатывали «Сведения о родившихся, в отношении которых в акте о рождении отсутствуют записи об отце по возрасту и занятию матери за 19__ г.». Таким образом, сегодня историки имеют бесценные сведения не только о количестве внебрачных рождений (что достаточно глубоко характеризует гендерные отношения и тенденции развития советской семьи), но позволяет соотнести эти процессы с возрастными характеристиками матерей и их социальным статусом. Статистики при сборе сведений о женщинах, родивших ребенка вне брака, фиксировали женщин, работающих в государственных и кооперативных предприятиях и учреждениях, в колхозах, а также домохозяйек и пр.

19 декабря 1944 г. ЦСУ Госплана СССР утвердило форму № 2 «Сведения о родившихся по порядку их рождения и возрасту матери за 19__ г.». Сбор сведений по этой форме позволяет ныне не только выяснить возраст матерей, но и определить очередность рождения детей, понять, какой по счету ребенок родился у матери.

Большой массив статистических материалов, хранящихся ныне в основном в архивах (эти сведения не публиковались) характеризует брачность населения. Они содержатся в так называемой форме № 7 «Сведения о браках по возрастам брачующихся за 19__ г.». Здесь имеются сведения не только о числе заключенных браков, но и о возрасте женихов и невест. Анализ изменений брачности и возраста мужчин и женщин, вступающих в брак на протяжении военных лет, дает возможность достаточно полно охарактеризовать катастрофу, которую пережила советская семья в 1941–1945 гг. В этом аспекте очень насыщены информацией материалы о разводах. Данные о числе разводов сосредоточены в формах № 1, 1а и «А». Помимо этого, статистики разрабатывали сведения о разводах по двум важным параметрам, вследствие чего сегодня историки имеют «Сведения о разводах по возрасту разводящихся» и «Сведения о разводах по продолжительности совместного проживания в браке». В обоих случаях материалы дифференцируются по городским и сельским поселениям.

Значительное внимание уделяли работники загсов и органов статистики сбору и обработке данных о смертности. Этот элемент воспроизводства населения достаточно полно отражен в статистических документах военных лет. Данные о количестве смертных случаев

с разбивкой по полу, городским и сельским населенным пунктам, с выделением «отдельной строкой» детей, скончавшихся в возрасте моложе 1 года, отражены в формах № 1, 1а и «А». Формы № 1 и «А» содержат данные о помесечных колебаниях смертности в течение отчетного года, что дает возможность определить воздействие природно-климатических факторов на динамику смертности и таким образом вычленить воздействие на динамику смертности факторов социального порядка, вскрыть степень «контролируемости» процесса смертности.

Кроме того, сведения о возрасте умерших (в одногодичных возрастных группах) в совокупности с половой принадлежностью умерших и с разбивкой на городское и сельское население содержатся в форме № 4, утвержденной ЦСУ Госплана СССР 1 ноября 1940 г.

Но главным и самым информативным статистическим источником сведений о смертности была форма № 5, утвержденная ЦСУ Госплана СССР 1 ноября 1940 г.: «Сведения об умерших по полу, возрасту и причинам смерти за 19__ г.». Этот статистический документ составлялся на основе врачебных (часто и фельдшерских) заключений о причинах смерти только в городах. В сельской местности учет смертности по причинам смерти из-за нехватки медиков не проводился. В военные годы, согласно номенклатуре, выделялись 84 причины смерти (включая сюда неточно обозначенные и прочие). Это вполне позволяет классифицировать смертность как экзогенную (зависимую от условий существования) или эндогенную (как следствие старения человеческого организма). Таким образом, этот источник дает возможность трактовать динамику смертности не столько как биологический, но как социальный процесс, что особенно важно для исторической демографии.

Немаловажно, что таблицы формы № 5 предусматривают достаточно дробную разбивку умерших по возрастным группам. Они выделяют в отдельную возрастную группу детей, умерших в возрасте моложе 1 года (в том числе и до месяца). Это предоставляет исследователю возможность детального анализа причин детской смертности. Отметим, что в военные годы фиксировались также смерти детей, умерших в возрасте до месяца по дням жизни.

В качестве вспомогательного (и дублирующего) статистического документа для изучения тенденций смертности населения может быть использованы также таблицы формы 5а (утверждены ЦСУ Госплана СССР 1 ноября 1940 г.) «Сведения об умерших по причинам смерти, зарегистрированных в 19__ г.». Единственное преимущество таблиц этой формы состоит в том, что они содержат количественные данные о сезонности смертности (по месяцам года) в совокупности с причинами смерти людей.

Важным источником о половозрастном составе населения является единовременная отчетность, которая велась сельскими советами. Система похозяйственного учета, сложившаяся в нашей стране, состояла из двух видов первичного учета: похозяйственных книг и списка лиц, временно проживающих на территории, подведомственной сельсовету. Похозяйственные книги содержали сведения о каждом отдельном хозяйстве и, соответственно, о каждом члене хозяйства (семьи). В списки временно проживающих вносились все, прибывшие на срок более месяца.

Похозяйственные книги и списки временно проживающих служили основой для составления на начало каждого года единовременного отчета с распределением всего наличного населения по полу, возрасту и ряду других признаков. В ноябре 1942 г. ЦСУ Госплана СССР утвердил специальную форму «С» «Единовременный отчет о возрастном и половом составе сельского населения в _____ сельсовете _____ района _____ области (края) на 1 января 19__ г.». Отчет подписывали председатель и секретарь сельсовета. Таким образом, эти отчеты ежегодно, начиная с 1943 г., направлялись районным инспекторам ЦСУ, которые проводили их статистическую обработку и передавали полученные сведения в высшие инстанции. Необходимость получения таких статистических данных диктовалась тем, что материалы переписи 1939 г. в силу ряда организационных пороков изначально не могли служить надежной базой для анализа. К тому же изменения, произошедшие в

населении за несколько лет после переписи, были слишком значительны, чтобы ими пренебрегать. Власти требовали «свежую» информацию о численности и составе населения.

Единовременные отчеты сельсоветов преследовали главным образом фискальные и мобилизационные цели. Их активно использовали налоговые учреждения, органы по учету и распределению рабочей силы, а также военные комиссариаты. По этой причине отчеты сельсоветов о численности и структуре сельского населения проверялись особенно тщательно, а потому были достаточно надежны. Сегодня они дают возможность не только определить численность и состав сельского населения по полу и возрасту, но и дифференцировать женский перевес по различным диапазонам возрастов. Это чрезвычайно важно для исторической демографии, так как аномалии в соотношении полов были особенно значительны в наиболее активных возрастах от 18 до 49 лет.

К сожалению, источники не дают возможности детально проследить изменения половозрастного состава городского населения. Поэтому исследователи поставлены перед необходимостью использовать такой источник, как списки избирателей, составившиеся к выборам депутатов Верховного Совета СССР (1946 г.), Верховных Советов РСФСР и автономных республик (1947 г.). В эти списки вносились граждане страны в возрасте 18 лет и старше, обладавшие избирательным правом.

Недостатком списков избирателей как источника сведений о структуре населения Советского Союза было то, что в них включались не все группы населения. В частности, в списки не включались лишённые избирательных прав заключенные и спецпереселенцы. Исходя из соображений секретности, СНК СССР категорически запретил статистикам разработку списков избирателей по воинским частям. Кроме того, информация о половозрастном составе гражданского населения, полученная на основе списков избирателей, не может считаться статистически «чистой» при изучении ситуации в военные годы, так как списки составлялись после завершения войны. Они имеют своего рода «примеси» в связи с притоком мужчин в ходе развернувшейся в 1945 г. демобилизации. Нельзя упускать из виду, что собственно в военные годы структурная ситуация в городах была значительно напряженной, чем это показывает используемый источник.

Значительные сдвиги в военные годы произошли в составе детского и подросткового населения. Чтобы получить данные о численности и структуре населения моложе 18 лет, в декабре 1947 – январе 1948 г. в городских поселениях страны был проведен подсчет детей и подростков. Организатором подсчета было ЦСУ Госплана СССР. Подсчет являл собой своеобразную микроперепись населения моложе 18 лет, проведенную, однако, без опроса населения. Информация о количестве и составе детей и подростков по домам индивидуального жилищного фонда была получена в ходе отчетов домовладельцев. Регистраторы ЦСУ СССР и представители уличных комитетов посетили фактически каждое домовладение. По домам обобщественного жилищного фонда отчеты составлялись комендантами и домоуправлениями. Сведения о численности и составе детей и подростков в детских домах, школах-интернатах, в общежитиях учебных заведений были получены на основе рапортов их руководителей. После окончания подсчета проводилась контрольная проверка точности полученной информации. Подсчет численности населения моложе 18 лет показал, что к началу 1948 г. в возрастной структуре этой группы населения образовались две глубоких демографических ямы, соответствующие двум мощным демографическим катастрофам (1932–1933 и 1941–1945 гг.), обрушившимся на Советский Союз в XX столетии.

Источниковая база исследования, начиная с 1959 г. и вплоть до начала XXI столетия представлена главным образом опубликованными и неопубликованными статистическими данными, среди которых ведущую роль играют материалы Всесоюзных и Всероссийской переписей и текущего учета населения. Переписи удобны тем, что являются преемственными, с рядом повторяющихся неизменных вопросов в переписных листах, которые позволяли сделать сопоставимые итоги. Именно в них содержалась информация, представляющая наибольшую исследовательскую ценность – о численности и составе населения по полу, возрасту, общественными группам, образованию, национальности и т.д.

Результаты переписи населения 1959 г. представлены в 16 томах (сводный том по СССР в целом и 15 томов по союзным республикам). Содержательная часть ее программы во многом сходна с программой предыдущей переписи (1939 г.). Вопросы переписных листов были почти идентичными, аналогичной была и методика обработки полученных материалов. Всесоюзная перепись 1970 г., опубликованная в семи томах, отличалась тем, что процессе опроса кроме основных населению задавались и дополнительные вопросы (25% выборка), по результатам ответов на которые можно было дать оценку миграционным процессам, происходившим в стране. До этого момента замеры пространственных перемещений в последний раз осуществлялись в переписи 1926 г. Причем выборочный метод был впервые применен в отечественной практике.

Всесоюзная перепись 1979 г. по содержанию программы почти не отличалась от предыдущей. Вместе с тем, вполне определенные, конкретные отличия были присущи и ей. Так, в ее опросных листах миграции предназначался только один вопрос, тогда как в 1970 г. – три. Однако особый интерес для демографов представляют результаты впервые включенного в программу вопроса о количестве рожденных женщиной детей. Перепись первоначально была опубликована в одном томе, изданном в 1984 г., однако в 1989–1990 гг. ее материалы были выпущены в расширенном виде уже в 10 томах.

Данные Всесоюзной переписи 1989 г. изданы ограниченным числом кратких брошюр. Распад СССР не позволил опубликовать уже готовые данные. Часть материалов была выпущена позднее, правда, только по Российской Федерации. По сравнению с предыдущими программа переписи была существенно расширена. Так, если в 1959 г. опросные листы включали в себя 15 признаков, в 1970 г. – 18, в 1979 г. – 16, то 1989 г. – уже 25. Впервые в практику послевоенных переписей были включены вопросы, характеризующие жилищные условия граждан.

Несмотря на достаточно высокую информативность материалов переписей, познавательную ценность последних снижало качество официально опубликованных данных, которые зачастую были представлены в ограниченном, усеченном виде. В этой связи особую ценность представляют статистические сборники, изданные для ограниченного пользования (ДСП). Публиковались они как по СССР и РСФСР в целом, так и по отдельным регионам. Сведения в этих сборниках по отдельным областям, краям и республикам и административным единицам представлены более подробно. Однако наиболее информативные и исчерпывающие сведения можно извлечь лишь из центральных и региональных архивохранилищ.

В методологию Всероссийской переписи 2002 г. (опубликованной в 14 томах) был внесен ряд принципиально новых положений. Во время ее подготовки был учтен не только отечественный, но и зарубежный опыт, рекомендации ООН и других международных организаций. Так, например, если раньше переписывалось как наличное, так и постоянное население, то в 2002 г. – только постоянное. Административно-территориальные изменения 1990-х гг. отразилось на презентации демографических данных: сведения о численности населения и другим показателям по Алтайскому краю и Республике Алтай были представлены отдельно. Упразднено разделение Сибири на западную и восточную части, а сводные статистические сведения отображались уже по Сибирскому федеральному округу, составными частями которого стали все сибирские регионы, за исключением Тюменской области. Военнослужащие включались в численность населения тех регионов, где проходили службу, а не по месту призыва как раньше. В переписи 2002 г. впервые была опубликована численность населения закрытых городских поселений, существенно расширен список рассматриваемых национальностей и т.д.

Важнейшим источником сведений о процессах воспроизводства в 1960–1980-е гг. продолжали оставаться хорошо описанные в предыдущих разделах формы, в которых фиксировались все годовые итоги регистрации актов гражданского состояния. Статистические органы могли добавлять новые формы, а какие-то из второстепенных убирать. Однако главные из них, представляющие наибольший интерес для исследователей,

разрабатывались каждый год. Это, прежде всего, общие итоги естественного движения населения (№1), сведения о родившихся по порядку рождения и возрасту матери (№2-А), умерших по полу и возрасту (№4), брачности и еще некоторые другие. Иногда менялась и презентация статистических сведений в формах. Так, например, начиная с 1978 г. сведения о числе родившихся по возрасту и порядку рождения выпускались по одногодичным возрастным группам, а не пятилетним как раньше. Большая часть информации о воспроизводственных процессах хранится в центральных, региональных и ведомственных архивах. Вместе с тем, некоторые сведения в краткой форме опубликованы в общесоюзных, республиканских (РСФСР) и областных (краевых) статистических сборниках (ДСП).

Данных о рождаемости, смертности и миграции в постсоветский период в архивах отложилось очень мало. Вместе с тем, существенная часть сведений о процессах воспроизводства и пространственных перемещениях населения стала издаваться открыто. С 1993 г. Госкомстатом Российской Федерации выпускается «Демографический ежегодник России», аналогичные с некоторыми содержательными вариациями статистические сборники стали издавать и его региональные подразделения.

Таким образом, сегодня мы располагаем значительным корпусом достаточно достоверных и информативных исторических источников, что делает возможным научный анализ тех тенденций динамики демографической сферы Западной Сибири, которые проявились на протяжении последних 120 лет.

Основу авторского коллектива данной монографии составляют научные сотрудники сектора историко-демографических исследований Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск). Руководитель авторского коллектива, ответственный редактор монографии – д-р ист. наук, проф. В. А. Исупов. Введение написано им же в соавторстве с д-ром ист. наук, проф. В. А. Зверевым и канд. ист. наук О.Б. Дашинамжиловым. Авторы остальных разделов: глава 1 – В. А. Зверев; главы 2–4 – В. А. Исупов; глава 5 – В. А. Исупов, канд. ист. наук Н. С. Коробейникова, канд. ист. наук М. А. Семёнов; глава 6 – канд. ист. наук В. Б. Лапердин; глава 7 – канд. ист. наук, доц. А. А. Бурматов, канд. ист. наук Я. А. Кузнецова; глава 8 – А. А. Бурматов; глава 9 – канд. ист. наук О. Б. Дашинамжилов; заключение – В. А. Исупов.

Техническое оформление текста произведено ответственным секретарем монографии, О. Б. Дашинамжиловым, Н. С. Коробейниковой и М. В. Нефедовой.

Литература:

1. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневого. М.: Нов. изд-во, 2006. 608 с. (Новая история).
2. Население России в XX в.: ист. очерки: в 3 т. / отв. ред.: Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2000–2012.
3. Борисов В. А. Демографическая дезорганизация России, 1897–2007: избр. демогр. труды. М.: Nota bene, 2007. 752 с.
4. Вишне夫斯基 А. Г. Время демографических перемен: избр. ст. М.: Изд. дом Высш. шк. эконом., 2015. 517 с.
5. Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX в. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.
6. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.
7. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России: 1927 – 1957. М., «Информатика», 1998, 197 с.
8. Демографическая модернизация // Демографическая энциклопедия / гл. ред. А. А. Ткаченко. М.: Энцикл., 2013. С. 212.
9. Демографический переход // Демографическая энциклопедия / гл. ред. А. А. Ткаченко. М.: Энцикл., 2013. С. 241–242.

10. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в.: ист.-демогр. очерки. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000. 244 с.
11. Эпидемиологический переход // Демографическая энциклопедия / гл. ред. А. А. Ткаченко. М.: Энцикл., 2013. С. 932–933.
12. Патканов С. К. О приросте инородческого населения Сибири: статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб.: Имп. Акад. наук, 1911. 210 с.
13. Турчанинов Н. В. Население Азиатской России: стат. очерк // Азиатская Россия. СПб.: Гл. упр. землеустройства и земледелия. Переселен. упр., 1914. Т. 1. С. 64–92.
14. Мерхалёв Д. И. Рождаемость за время войны и революции в Сибири // Сборник Сибирского статистического управления. Новониколаевск: Сиб. стат. упр., 1922. Т. 2. С. 94–111. (Тр. / Сиб. стат. упр.; вып. 7).
15. Мельников А. Городское население Сибири по данным демографической и профессиональной переписи 1923 г. // Стат. бюл. / ЦСУ. Сиб. стат. упр. 1924. № 1. С. 3 – 8.
16. Корчагин А. А. Естественное движение населения Иркутской губернии за 1920–1923 гг. // Труды 1-го Съезда врачей Восточной Сибири в г. Иркутске 20–25 августа 1924 г. Иркутск: 1925, 1925. С. 194 – 197.
17. Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 271 с. (Экон. б-ка).
18. Чураев А. И. Население Восточной Сибири. М.; Иркутск: ОГИЗ, 1933. 75 с.
19. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): стат. очерки. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.
20. Яцунский В. К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг. // История СССР. 1957. № 1. С. 192 – 224.
21. Московский А. С. Рост городского населения Сибири в годы первой пятилетки // Изв. / Сиб. отд-ние АН СССР: сер. обществ. наук. 1966. № 6, вып. 2. С. 73 – 79.
22. Горюшкин Л. М. К характеристике народонаселения Сибири периода империализма // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск: Ин-т филол., филос. и ист. СО АН СССР: Новосиб. отд. Геогр. о-ва СССР, 1975. С. 75–89.
23. Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. 344 с.
24. Кабузан В. М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX в. (1795–1917 гг.) // История СССР. 1979. № 3. С. 22–38.
25. Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск: 1984, 1984. 168 с.
26. Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск., 1986. 232 с.
27. Население Западной Сибири в XX в. / отв. ред.: Н. Я. Гущин, В. А. Исупов. Новосибирск: Изд-во СО РАН: Ин-т ист. СО РАН, 1997. 172 с.

Глава 1.

На закате империи, на заре демографической модернизации (1897–1917 гг.).

В конце имперского периода, как и позже, на протяжении всего XX в. и вплоть до сегодняшнего дня, Западная Сибирь являлась наиболее густонаселенной частью зауральской территории России, имевшей и иные яркие социально-демографические особенности. Речь в данном случае идет о регионе, взятом в существовавших тогда административных границах Акмолинской области, Тобольской и Томской губерний, с июня 1917 г. – также и Алтайской губернии, которая была выделена из Томской. Хронологическое пространство исследования в первом разделе монографии в основном укладывается в два десятка лет между 1897 и 1917 гг. Начало изучаемого периода характеризуется проведением Первой Всеобщей переписи населения Российской империи, давшей наиболее богатый и достоверный статистический материал для характеристики демографической ситуации, итогов и перспектив ее развития во всех регионах страны. В Западной Сибири перепись проводилась в полном объеме повсеместно, кроме труднодоступных и редконаселенных Березовского и Сургутского округов на севере Тобольской губернии. Важнейшая для общества социально-экономическая сфера, тесно сопряженная с демографической, получила в том же 1897 г. в Западной Сибири мощный инструмент для развития: после завершения строительства моста через Обь открылось сквозное сообщение по Транссибирской железной дороге. Верхний хронологический рубеж в данном разделе определяют революционные потрясения 1917 г., существенно изменившие конфигурацию всех сторон общественной жизни страны и ее регионов, в том числе условия, формы и результаты демографического поведения населения.

Период 1897–1917 гг. характеризуется быстрыми темпами роста абсолютной численности населения всей Сибири и особенно ее западной части, большими сдвигами в его размещении по территории, демографической структуре и режиме воспроизводства. С учетом предложений историка В. И. Пронина в пределах этого периода можно выделить четыре этапа динамики народонаселения региона: 1) 1897–1905 гг.; 2) 1906–1909 (1910) гг.; 3) 1910 (1911) –1913 гг.; 4) 1914–1917 гг. Первый этап подразделяется на две стадии: 1897–1900 и 1901–1905 гг. [1] Этапы и в меньшей степени указанные стадии различаются, прежде всего, темпами и соотношением источников прироста населения, но обладают также и иной демографической спецификой, как будет показано ниже.

Изменения абсолютной численности населения Западной Сибири с его разбивкой на городское и сельское отражены в таблице 1.1. Таблица показывает, что наиболее населенной частью региона являлась Томская губерния. Здесь было сосредоточено в 1897 г. 47,7 %, а к моменту раздела губернии в 1917 г. на две части (Томская и Алтайская губернии) – более половины (55,5 %) жителей Западной Сибири. В конце изучаемого периода в Тобольской губернии было сосредоточено 25,5 %, а в Акмолинской области – 19 % жителей изучаемого региона. Во всей Западной Сибири в 1897 г. проживало 3,2 % населения Российской империи (без учета Финляндии, Хивы и Бухары), а в 1914 г. – 4,5–4,7 % (подсчитано с учетом данных Б. Н. Миронова: [2. С. 516]).

Таблица 1.1

Численность населения Западной Сибири в исторической динамике на рубеже XIX–XX вв., тыс. чел. на начало года*

Тип поселений	1897 г.	1901 г.	1906 г.	1911 г.	1914 г.	1917 г.
<i>Тобольская губерния</i>						
Селения	1345,6	1487,8	1596,1	1844,2	1960,3	1985,7
Города	87,4	90,8	120,9	131,0	143,0	130,2
Итого:	1433,0	1578,6	1717,0	1975,2	2103,3	2115,9
<i>Томская губерния</i>						

Селения	1799,8	1985,1	2227,2	3589,7	3814,5	4245,2
Города	127,9	135,2	187,2	290,0	366,9	363,9
Итого:	1927,7	2120,3	2414,4	3879,7	4181,4	4609,1
<i>Акмолинская область</i>						
Селения	607,8	711,9	817,5	1251,0	1321,2	1426,1
Города	74,8	92,1	117,1	192,7	204,3	158,4
Итого:	682,6	804,0	934,6	1443,7	1525,5	1584,5
Регион в целом						
Селения	3753,2	4184,8	4640,8	6684,9	7096,0	7657,0
Города	290,1	318,1	425,2	613,7	714,2	652,5
Итого:	4043,3	4502,9	5066,0	7298,6	7810,2	8309,5

* Составлено по данным: Пронин В. И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX в. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984. Вклейка; Горюшкин Л. М., Пронин В. И. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С. 94.

Данные таблицы 1.1 свидетельствуют также, что в течение 20 лет абсолютное количество жителей в Западной Сибири непрерывно и очень быстро увеличивалось. При этом коэффициент роста численности населения¹ в Тобольской губернии равнялся 147,7 %, в Акмолинской области – 232,1, а в Томской губернии был наивысшим – 239,1 %. В целом по региону этот показатель составляет 205,5 %, т. е. население Западной Сибири за 20 лет более чем удвоилось. Такие темпы являлись беспрецедентными: принято считать, что в конце имперского периода население всей России удваивало свою численность примерно за 50 лет. Среднегодовые темпы прироста численности населения Западной Сибири в 1897–1917 гг. равнялись 103,7 %, в Томской губернии они достигали 104,5 %. Для сравнения скажем, что средние для Российской империи, взятой без Финляндии, Хивы и Бухары, годовые темпы прироста не достигали и 102 % (подсчитано по: [2. С. 516]).

В изучаемый период увеличивалась численность не только «пришлого» в Западной Сибири населения, абсолютное большинство которого составляли русские, но и аборигенных народов региона. В 1897–1911 гг. количество «инородцев» в Томской и Тобольской губерниях увеличилось от 201,4 тыс. до 236,7 тыс. чел. Хотя среднегодовые темпы прироста коренного населения были по тем временам невысокими – всего 101,2 % (подсчитано по: [3. С. 86]), это слабо влияло на динамику численности всего населения региона, в силу малой доли аборигенов в общем массиве населения.

Рост численности населения региона во времени происходил неравномерно. На этапе 1897–1905 гг. количество западных сибиряков прирастало в среднем за год на 102,5 %, причем прирост на начальной стадии этапа был несколько выше, чем на заключительной. В 1901–1905 гг. прирост еще более замедлился – до 102,4 % в год. Однако на этапе 1906–1910 гг. он достиг наивысших параметров, поднявшись до 107,6 %. В 1911–1913 и затем особенно в 1914–1917 гг. имели место наиболее низкие в изучаемый период темпы прироста численности населения – соответственно, 102,3 и 102,1 % (подсчитано по данным табл. 1.1). Некоторые специалисты считают, что на самом деле в 1914–1917 гг. количество наличных жителей в Западной Сибири не увеличивалось, а несколько сократилось. Разногласия по этому и некоторым другим вопросам демографической истории региона периода Первой мировой войны вызваны главным образом пороками исторических источников.

Хотя в конце XIX – начале XX в. генеральной демографической тенденцией в регионе являлся быстрый рост численности населения, плотность его на протяжении всего изучаемого периода оставалась очень низкой. В 1897 г. этот показатель составлял в Тобольской губернии 1,2 чел. на одну квадратную версту, в Акмолинской области – 1,4, в

¹ Коэффициент роста численности населения за период – отношение численности населения в конце периода и в его начале, выраженное в процентах.

Томской губернии – 2,6 чел.¹ К 1914 г. плотность по всему региону поднялась до 1,8, в том числе в Тобольской губернии – до 1,7; в Акмолинской области – до 3; в Томской губернии – до 5,4 чел. Конечно, в Европейской России плотность населения была намного выше: 22,1 чел. в 1897 г. и 28,8 в 1914 г. [4. С. 80].

Обширная территория Западной Сибири была населена людьми весьма неравномерно. Можно различить по степени заселения северную, центральную и южную полосы региона, разделив их двумя воображаемыми линиями, проходящими, во-первых, севернее Тобольска и Томска, во-вторых, южнее Петропавловска, Омска и Бийска. Самую высокую плотность народонаселения имела центральная полоса. В нее входили уезды старого заселения в Тобольской губернии, имевшие благоприятные условия для сельскохозяйственного производства и ближе всех расположенные к Европейской России: Курганский (18,5 чел. на квадратную версту, по данным на 1914 г.), Ялуторовский (12,9), Ишимский (10,6) и Тюменский (9,6 чел.). На рубеже XIX–XX вв. быстро осваивались переселенцами Барнаульский уезд Томской губернии и Омский уезд Акмолинской области, где плотность населения в 1914 г. достигла 14,4 и 10,7 чел., соответственно. Больше всего было уездов со средней для региона плотностью заселения в 3–7 чел. на квадратную версту: Тюкалинский и Тарский в Тобольской губернии, Бийский, Змеиногорский, Каинский, Мариинский, Кузнецкий и юг Томского в Томской губернии, Кокчетавский и север Петропавловского уездов в Акмолинской области. Очень редко заселенными являлись расположенные в южной засушливой полосе уезды Акмолинской области: Атбасарский, Акмолинский, южная часть Петропавловского. Самая обширная по территории и самая неблагоприятная для жизни людей северная полоса (Нарымский край в Томской губернии, Березовский, Сургутский, Тобольский и Туринский уезды Тобольской губернии) имела минимальную плотность населения [5. С. 42–45].

В течение всего изучаемого периода большое влияние на расселение людей оказывали только что вступившая в строй Транссибирская железная дорога и транспортные пути, примыкавшие к ней и отходившие от нее. В зоне влияния дороги сосредоточивалось все больше городских и сельских жителей. Это район наиболее развитого промышленного и сельскохозяйственного производства. В то же время характер расселения в совокупности с природными факторами влиял на занятия сибиряков, развитие сельского хозяйства, формы землепользования.

В конце имперского периода в Западной Сибири наиболее быстрыми темпами увеличивалась численность городского населения. Оно в 1897–1914 гг. стало многочисленнее в 2,5 раза, в то время как количество сельских жителей возросло только в два раза (см. табл. 1.1). Эти данные свидетельствуют о начале урбанизационных процессов в регионе. Доля горожан во всем населении со временем повышалась, но оставалась небольшой. Это видно хотя бы в сравнении с обобщенными данными по Российской империи, где в 1897 г. городское население составляло 13,4 %, а в 1917 г. – 17,2 % [2. С. 518]. В Тобольской губернии в 1897 г. горожан было 6,1 %, в 1914 г. – 6,8 %; в Томской губернии – соответственно, 6,6 и 8,8 %, в Акмолинской области – 11 и 13,4 %, по региону в целом – 7,2 и 9,1 %². Городское население пополнялось за счет естественного прироста, притока переселенцев из Европейской России, переезда в города жителей из селений Сибири. В период Первой мировой войны абсолютная численность городского населения временно сократилась (коэффициент роста численности в 1914–1917 гг. составил 91,4 %), его доля во всем населении региона понизилась до 7,9 %. Впрочем, представленные здесь расчеты уровней урбанизации за все годы имперского периода, а особенно за 1917 г., как и показатели дифференциации городского и сельского населения, представленные в таблице

¹ Общий свод по [Российской] империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. Прил. С. 2 (отд. паг.).

² Подсчитано по данным таблицы 1.1.

1.1, являются приблизительными, поскольку ненадежны соответствующие статистические данные [2. С. 517–518].

Всеобщая перепись населения 1897 г. зафиксировала в Западной Сибири 24 поселения, имевших официальный городской статус. Динамика численности населения городских центров в довоенный период показана в таблице 1.2, куда включены данные о тех городах, где население в 1910 г. насчитывало более 15 тыс. чел. Наиболее крупными в начале века – с числом жителей свыше 100 тыс. – являлись административные центры: Омск (в таблице показано его население вместе с пригородом – Атаманским хутором) и Томск. Менее 2 тыс. жителей и вполне деревенский облик имели городки Березов, Сургут, Нарым.

Таблица 1.2

Численность населения десяти крупнейших городов Западной Сибири в конце XIX – начале XX в., чел.*

Город	1897 г.			1910 г.		
	Мужчин	Женщин	Всего	Мужчин	Женщин	Всего
Омск	20 084	17 292	37 736	78 461	72 967	151 428
Томск	27 006	25 204	52 210	56 465	51 246	104 711
Новониколаевск	-	-	-	28 569	24 126	52 695
Барнаул	10 864	10 209	21 073	23 925	22 116	46 041
Петропавловск	10 095	9593	19 688	18 727	19 246	37 973
Тюмень	14 926	14 618	29 544	16 368	16 305	32 673
Бийск	8581	8632	17 213	14 046	13 892	27 938
Курган	5172	5129	10 301	12 304	12 141	24 445

*Составлено по данным: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904–1905. Т. 78: Тобольская губ. С. 1; Т. 79: Томская губ. С. 1; Т. 81: Акмолинская обл. С. 1; Города России в 1910 г. СПб., 1914. С. 1020, 1090.

Городское население прирастало в результате расширения старых городов и создания новых. Быстро строились города, оказавшиеся на линии железной дороги, на пересечении сухопутных и водных торговых путей, в центре активно развивавшейся сельскохозяйственной округи: Петропавловск, Курган, Омск, Барнаул, Мариинск. Самым крупным из новых центров стал Новониколаевск, основанный весной 1893 г. как поселок строителей железнодорожного моста через р. Обь. В 1897 г. Всероссийская перепись зарегистрировала в поселке 8473 наличных жителя. Местная перепись 1905 г. учла в молодом городе 26 028 постоянных жителей, а к 1917 г., по оптимистичным данным местной управы, Новониколаевск уже имел право называться крупным городом – в нем сосредоточилось 107,1 тыс. жильцов [6. С. 555]. Среди них, впрочем, было много временных – солдат, беженцев, прикомандированных и др. Таким образом, демографическая динамика Новониколаевска была беспрецедентной для России: за 1897–1917 гг. коэффициент роста численности населения здесь составил 1264,4 %, а среднегодовой прирост – 113,5 % (подсчитано по: [6. С. 555]). Вокруг железнодорожных станций, каменноугольных копей и рудников в начале XX в. возникло и развивалось, хотя и не столь быстро, немало других поселений городского типа. Примером может служить Татарск, возникший как железнодорожная станция на Западно-Сибирском участке Транссиба в 1894 г. и ставший безуездным городом Томской губернии уже в 1911 г.¹

По данным административного учета на 1911–1912 гг. по Тобольской и Томской губерниям, абсолютное большинство сельских населенных пунктов (57,5 %) можно отнести к средним по величине. Каждое из них содержало от 25 до 200 домохозяйств, от 150 до 1200 жителей. Мелкие поселения с количеством дворов от 1 до 25 были характерны для

¹ Город Татарск Новосибирской обл. [Электронный ресурс] // Города Российской Федерации. URL: <http://goroda-oblosti.ru/goroda/novosibirskoj-oblasti/tatarsk> (дата обращения: 12.06.2016).

аборигенных сибирских народов в тундровых, таежных и горно-таежных районах. Столь же небольшими являлись новые заимки и выселки русских старожилов, еще не переросшие в деревни, а также поселки на недавно образованных и еще не вполне заселенных переселенческих участках. Значение крупных поселений с числом дворов более 200 и даже свыше 500, с несколькими тысячами жителей было велико в районах с плотным заселением: в равнинных и предгорных районах Алтая, на юго-западе Тобольской губернии [7. С. 96]. По данным переписи 1897 г., самыми большими были в Томской губернии алтайские села Павловское (6101 житель), Смоленское (6101), Усть-Ануйское (5847), Усть-Каменный Исток (5152 чел.), а также с. Зыряновское Мариинского уезда, где обитало 5742 жителя. Более 3 тыс. чел. насчитывало население самых больших сел в Тобольской губернии – Баженовского и Моршихинского, в Акмолинской области – с. Мариинского.

Со временем быстро увеличивались масштабы сети сельских поселений в регионе, увеличивалась людность, возрастало экономическое, социокультурное, административное значение многих населенных пунктов. Большое село Змеиногорское стало в 1894 г. уездным центром, некоторые села позже были преобразованы в города: Боготол (1911 г.), Славгород (1914 г.), Камень (1915 г.). Несмотря на это, Западная Сибирь, как и другие восточные регионы России, оставалась в имперский период преимущественно деревенским краем с преобладанием аграрного населения.

В исторической демографии большое значение придается характеристике демографических структур населения – тех, которые тесно связаны с воспроизводством населения, оказывают на него непосредственное и наибольшее воздействие. Демографическими структурами обычно считают половую, возрастную и брачно-семейную структуру, к рассмотрению которых мы сейчас и переходим.

Режим воспроизводства населения во многом зависит от его полового состава, причем нормой можно считать количественное равновесие мужчин и женщин в репродуктивном возрасте, небольшой женский перевес во всем населении. Половая структура населения Азиатской России в течение долгого времени имела яркую специфику: количественное доминирование мужчин неблагоприятно сказывалось на естественном возобновлении поколений сибиряков. Однако к концу XIX в. проявился положительный симптом: в тех местностях, где уже давно существовало и постепенно численно увеличивалось старожильческое население, оно нормализовало соотношение мужчин и женщин в своей среде. Судя по данным переписи населения 1897 г., в Томской и Тобольской губерниях было достигнуто благоприятное для браков и деторождения соотношение полов: соответственно, 99,6 и 97,3 мужчины на каждые 100 женщин¹. Оптимизация половой структуры была достигнута за счет сельского населения. Наиболее рельефно она проявлялась у крестьян-старожилов юго-западной, более освоенной и развитой в социально-экономическом и демографическом отношении части региона.

Приведенные в таблице 1.3 показатели свидетельствуют, что на начальных этапах изучаемого нами периода (1897–1910 гг.) ситуация трансформировалась. Доля мужчин в населении Западной Сибири, в том числе сельском, заметно увеличилась, возобновилось мужское доминирование. Произошло это главным образом в ходе массового переселенческого движения из Европейской России. Крестьяне-переселенцы, оседавшие не только в селениях, но и городах региона, в своей среде имели количественный перевес мужчин: последним было легче перенести невзгоды далекого пути и устройства на новом месте, именно на них выделялись земельные наделы и т. д. По мере «укоренения» мигрантов на новых местах половая структура их среды имела тенденцию к выравниванию. Поскольку доля переселенцев в населении региона перед мировой войной приближалась к 50 %, эта тенденция отразилась на данных таблицы 1.3, относящихся и к городам, и к селениям начала 1914 г.

¹ Подсчитано по: Общий свод по [Российской] империи... Т. 1. С. 1, 3, 5; Прил. С. 4 (отд. паг.).

**Соотношение численности мужского и женского населения Западной Сибири
в исторической динамике на рубеже XIX–XX вв., на начало года***

Год	В городах			В селениях			В целом по региону		
	Мужчин, тыс. чел.	Женщин, тыс. чел.	Мужчин на 100 женщин	Мужчин, тыс. чел.	Женщин, тыс. чел.	Мужчин на 100 женщин	Мужчин, тыс. чел.	Женщин, тыс. чел.	Мужчин на 100 женщин
1897	149,6	140,4	106,6	1873,8	1879,5	99,7	2023,4	2019,9	100,2
1907	210,2	194,0	108,4	2470,3	2382,6	103,7	2680,4	2576,7	104,0
1910	252,2	233,7	108,0	3084,7	2999,3	102,8	3336,9	3233,0	103,2
1914	300,9	286,1	105,2	3656,2	3567,1	102,5	3957,1	3853,2	102,7

*Подсчитано по данным: Первая Всеобщая перепись... Т. 78. С. 12–13; Т. 78. С. 12–13; Т. 81. С. 8–9; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1906 г. СПб., 1908. С. 58–59, 79–82; Отчет... за 1909 г. 1911. С. 66–67, 91–94; Отчет... за 1913 г. Пг., 1915. С. 98–99, 123–127.

Некоторую роль в формировании «второй волны» полового дисбаланса начала XX в. в Западной Сибири наверняка сыграла начинавшаяся урбанизация. Дело в том, что городское население региона на рубеже XIX–XX вв., вплоть до Первой мировой войны, имело ярко выраженную диспропорцию в пользу мужчин (см. табл. 1.3). Конечно, мужчины преобладали среди горожан во всей Российской империи, но на колонизируемых восточных окраинах дисбаланс был наиболее сильным. В трех самых крупных городах Западной Сибири в 1897 г. на 100 женщин приходилось 108,6 (взяты Омск, Томск, Тюмень), а в 1910 г. – 110,2 мужчины (Омск, Томск, Новониколаевск)¹. Торгово-транспортные и, в известной степени, промышленные центры региона притягивали к себе из сельской местности Сибири, из западных регионов страны преимущественно работников-мужчин. В городах как административных центрах были сосредоточены «мужские» элементы инфраструктуры: воинские гарнизоны и тюрьмы; здесь стремились осесть отставные военные, чиновники на пенсии, ссыльные и т. д.

Еще одна категория населения, имевшая пониженный удельный вес женщин в населении – аборигены Западной Сибири, особенно степные скотоводческие и северные народы. Материалы переписи 1897 г. свидетельствуют, например, что на каждую сотню женщин у сибирских татар – коренных жителей Тобольской и Томской губерний – приходилось 104,8 мужчин. В среде казахов, обитавших в Акмолинской области и на юге Томской губернии, соответствующий показатель достигал даже 112,1².

В годы Первой мировой войны интенсивный призыв мужчин в вооруженные силы, в некоторой степени также приток в Западную Сибирь беженцев из прифронтовых губерний (женщин, детей и стариков) привели к тому, что в наличном населении региона не только исчезло преобладание мужчин, но возник и увеличивался дисбаланс полов в пользу женщин. Особенно заметно это было в сельском населении [8. С. 87]. Всероссийская сельскохозяйственная перепись выявила к осени 1917 г. такую картину. Если при подсчетах в хозяйствах крестьянского типа из числа членов семейных дворов вычесть отсутствовавших (среди мужчин это были в основном призванные в армию), то на 100 женщин в них останется в Акмолинской области 80,4 мужчины; в Томской губернии – 80,1; в Алтайской –

¹ Подсчитано по данным таблицы 1.2.

² Подсчитано по данным: Первая Всеобщая перепись... Т. 78: Тобольская губ. С. 102–105; Т. 79: Томская губ. С. 100–107; Т. 81: Акмолинская обл. С. 62–65.

78,7; в Тобольской – 77,2¹. Среди наличных наемных работников трудоспособного, а значит, и детородного возраста в крестьянских и казачьих дворах Западной Сибири мужчины составляли всего одну треть. Во дворах казаков Акмолинской области среди членов семейных домохозяйств и наемных работников доля мужчин равнялась 47,1 %. В хозяйствах «инородцев» (в Акмолинской области – это казахи) в годы войны сохранилось преобладание мужчин, но общие контуры половой структуры сельского населения всё же определяло более многочисленное крестьянство. Населению большинства городов, в том числе крупнейших – Омска, Томска, Новониколаевска – в военные годы тоже был присущ численный «перекос» в пользу женщин [9. С. 69, 71]. Сильный половой дисбаланс – одна из главных причин кризиса воспроизводства населения Западной Сибири, как и всей страны, в период Первой мировой войны.

Следующий важный элемент демографических структур населения – его возрастной состав. Возрастную структуру населения всей Западной Сибири с его одновременной дифференциацией по полу можно проследить только по данным Всеобщей переписи 1897 г. (табл. 1.4). Зафиксированное здесь некоторое преобладание мужского пола в возрасте до года является обычным среди новорожденных. В возрастных группах от 1 до 19 лет в городах, от 1 до 39 лет в селениях наблюдалось уже обратное соотношение. Оно тоже имело биосоциальную причину: относительно быстрое вымирание мальчиков, юношей и молодых мужчин по сравнению с женщинами их возраста. Во всех более старших возрастах, начиная с 40 лет в сельской местности, с 30 лет во всем населении, мужчин было больше, чем женщин. Так сказывались последствия высокой смертности женщин в детородном возрасте вследствие неблагоприятных медицинских и санитарных условий вынашивания плода и родов. В городском населении перевес мужчин наблюдался во всех рабочих и «полурабочих» возрастах от 20 до 69 лет, что являлось следствием усиленного притока в города преимущественно работников-мужчин. Часть из них позже выезжала обратно, другая часть в сравнительно раннем возрасте умирала от тяжелого труда в неблагоприятных условиях, и поэтому в старческом возрасте женщины численно доминировали среди горожан.

Таблица 1.4

Половозрастной состав населения Западной Сибири (1897 г.), чел.*

Возрастная группа, лет	В городах		В селениях		В целом по региону	
	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин
До 1	4535	4483	67 603	66 698	72 138	71 181
1–9	25 300	26 026	444 155	448 377	469 455	474 403
10–19	28 242	29 537	388 271	390 333	416 513	419 870
20–29	30 910	24 412	256 533	288 225	287 443	312 637
30–39	22 175	19 307	231 564	232 056	253 739	251 363
40–49	16 271	14 657	191 098	181 558	207 369	196 215
50–59	11 168	10 517	137 364	127 946	148 532	138 463
60–69	7108	7063	96 477	86 685	103 585	93 748
70–79	2867	3206	42 270	40 587	45 137	43 793
80+	960	1132	17 620	16 325	18 580	17 457
Итого:	149 536	140 340	1 872 955	1 878 790	2 022 491	2 019 130

* Подсчитано по данным: Первая Всеобщая перепись... Т. 78. С. 12–13; Т. 79. С. 12–13; Т. 81. С. 8–9. Лица, не указавшие своего возраста, в таблице не учтены.

¹ Подсчитано по данным: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. М., 1921. С. 64–65, 76–77. (Тр. / РСФСР. Центр. стат. упр. Отд. с.-х. переписей. Т. 5, вып. 1).

Данные переписи населения 1897 г. предоставляют нам уникальную возможность вычислить важный демографический показатель – уровень старения населения Западной Сибири. В качестве критерия демографического старения в нашей и многих других странах используют долю в населении лиц в возрасте 60 лет и старше. Население считается демографически молодым, если доля в нем таких людей не достигает 8 %, в противном случае говорят, что население вступило в первое преддверие демографической старости [10. С. 244]. Любопытно, что в 1897 г. во всем населении Западной Сибири доля лиц в возрасте 60 лет и старше составляла именно 8 %¹. К сожалению, состояние исторических источников не позволяет нам оценить уровень демографического старения населения, достигнутый регионом к концу изучаемого периода. Это затрудняет понимание тех трансформаций, что происходили в возрастной структуре населения и, шире, в режиме его воспроизводства в начале XX в.

Более определенно относительно количество лиц разного возраста с одновременным учетом их полового статуса в структуре населения Западной Сибири прослеживается по данным таблицы 1.5. В ней по материалам Всеобщей переписи 1897 г. мы выделили возрастные контингенты младенцев и детей (мальчики до 14, девочки до 12 лет), подростков (юноши 14–17, девушки 12–15 лет), лиц рабочего возраста (мужчины 18–59, женщины 16–54 лет), а также пожилых и стариков – мужчин 60 лет и старше, женщин 55 лет и более. Обращает на себя внимание очень высокая концентрация населения в рабочем возрасте в городах и более естественное распределение возрастных контингентов в сельской местности, с большей долей молодежи и пожилых людей среди мужчин.

Таблица 1.5

Распределение населения Западной Сибири по возрастным контингентам (1897 г.), %*

Возрастной контингент	В городах		В селениях		В целом по региону	
	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин
Младенцы и дети	27,4	25,5	36,5	31,8	35,8	31,3
Подростки	7,6	8,3	7,7	8,7	7,7	8,7
Работники	57,7	54,8	47,3	49,0	48,0	49,4
Пожилые и старики	7,3	11,4	8,5	10,5	8,5	10,6

*Подсчитано по данным: Первая Всеобщая перепись... Т. 78. С. 12–13; Т. 79. С. 12–13; Т. 81. С. 8–9.

Интересные выводы получаются при сравнении таблицы 1.5 с аналогичными по характеру данными о распределении по возрастным контингентам сельского населения Европейской России в конце XIX в. Для сибиряков была характерна концентрация населения, особенно мужского, не только в трудоспособном, но и в потенциально-рабочем возрастах. По данным переписи 1897 г., доля старших детей – мальчиков 7–13 и девочек 7–11 лет – у них была больше, чем в сельском населении Европейской России. Суммируя возрастные группы от 7 до 55 лет у женщин и до 60 лет у мужчин, увидим, что в селениях Западной Сибири они тоже составляли относительно более многочисленную группу населения². Таким образом, западносибирский крестьянский двор имел и хорошую хозяйственную будущность, и благоприятные перспективы для брачности, рождаемости и естественного прироста населения.

В начале XX в. возрастная структура населения Западной Сибири испытывала сильное влияние переселенческого движения. Для переселяющихся в регион было специфично преобладание в их среде старшего детского, подросткового и младшего

¹ Подсчитано по данным таблицы 1.4.

² Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись... Т. 73. С. 8–9; Т. 74. С. 8–9; Т. 75. С. 8–9; Т. 78. С. 12–13; Т. 79. С. 12–13; Т. 81. С. 8–9; Общий свод по [Российской] империи... Т. 1. С. 64–67.

рабочего возрастов при малом количестве стариков и малышей. На новых местах у новоселов появлялось большое количество младенцев. Увеличение доли переселенцев, особенно в сельском населении региона, повышало перспективность демографического потенциала Западной Сибири: возрастная структура «омолаживалась», в ней росла доля представителей предрабочего и рабочего возрастов.

В годы Первой мировой войны в нашем регионе, как и во всей стране, произошла сильная деформация возрастной структуры населения, особенно мужского. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., более половины мужчин рабочего и демографически активного возраста, входивших в семейные домохозяйства крестьянского типа, были призваны в действующую армию. В Тобольской губернии таковых оказалось 51,9 %; в Алтайской – 53,7; в Томской – 54,5; в Актмолинской области – 60,6 в крестьянских хозяйствах и 32,1 % в казачьих дворах¹. Если даже в мирное время случалось, что в сибирских деревнях часть урожая оставалась необранной на полях вследствие недостатка работников, то в годы войны это стало острой проблемой. Недостающую рабочую силу взрослых мужчин сибиряки старались дополнять или заменять трудом женщин и подростков, общинной и соседской взаимопомощью, вольным наймом, местами – трудом военнопленных и т. д.

В условиях, когда традиционные нормы демографического поведения требовали рождасть детей только в законном браке, большое значение для воспроизводства населения имели характеристики его брачности и семейного состава. Брачная и семейная структуры населения – важнейшие элементы демографических структур традиционного общества.

Распределение населения Западной Сибири конца имперского периода в возрасте старше 15 лет по брачному состоянию (статусу), полу и возрасту показывает, что абсолютное большинство как женщин, так и мужчин официально состояло в браке (табл. 1.6). Однако уже в конце XIX в. никогда не состоявшими в браке оставалось довольно много сибиряков детородного и более старшего возраста – 27,3 % мужчин, 19,3 % женщин. В городах соответствующие показатели были гораздо больше. Доля овдовевших и не вступивших в новый брак женщин в населении (12,5 %) была почти вдвое больше доли мужчин-вдовцов, которым было гораздо легче вступить в повторный брак. Назвавших себя во время переписи 1897 г. разведенными было ничтожно мало даже в городах – 1,5 ‰ мужчин и 2,2 ‰ женщин. Количество официальных разводов в досоветскую эпоху было минимальным главным образом из-за крайней их затрудненности действующим законодательством. Однако нужно иметь в виду, что фактических разводов было гораздо больше, чем разрешенных церковными инстанциями. Имели довольно широкое распространение и невенчаные (консенсуальные) браки.

Таблица 1.6

Соотношение количества лиц с различным брачным статусом в возрастных группах населения Западной Сибири 15 лет и старше (1897 г.), ‰*

Возрастная группа, лет	Никогда не состоявшие в браке	Состоящие в браке	Вдовы и не вступившие в новый брак	Разведенные и не вступившие в новый брак	Не указавшие брачного состояния
<i>Мужчины</i>					
15–16	997,0	2,9	0,1	-	0,0
17–19	917,7	81,6	0,5	0,1	0,1
20–29	389,9	602,1	6,6	0,5	0,9
30–39	97,7	879,5	20,9	1,2	0,7
40–49	52,7	893,1	51,5	1,8	0,9

¹ Погубернские итоги... С. 72, 84.

50–59	40,9	846,8	109,4	2,0	0,9
60+	33,4	654,3	308,7	1,4	2,4
Итого:	272,7	655,8	69,3	1,1	1,1
<i>Женщины</i>					
15–16	980,4	19,3	0,3	0,0	0,0
17–19	723,5	274,5	1,7	0,2	0,1
20–29	152,1	835,0	11,6	0,8	0,5
30–39	42,5	909,3	46,4	1,4	0,4
40–49	36,5	837,3	123,6	1,7	0,9
50–59	35,6	711,1	249,9	0,6	1,8
60+	40,0	420,1	533,4	1,2	5,3
Итого:	192,9	679,3	125,4	1,1	1,3

*Подсчитано по данным: Первая Всеобщая перепись... Т. 78. С. 26; Т. 79. С. 24; Т. 81. С. 17–18.

Статистические материалы по Тобольской губернии за 1902–1903 гг. дают возможность выяснить соотношение брачного возраста женихов и невест в регионе (табл. 1.7). При анализе данных, относящихся к городскому и сельскому населению, независимо от его конфессиональной принадлежности, обнаруживается, во-первых, что в начале XX в. женщины вступали в брак обычно раньше, чем мужчины. От половины до двух третей женщин выходили замуж до достижения 21-летнего возраста. Невесты младше 26 лет составляли уже 80–90 % всего брачившегося женского контингента. У мужчин же повсеместно только 50–70 % вступало в брак до 26 лет. При этом гораздо больший, чем в женской среде, удельный вес (свыше одной трети) имели браки не в самом молодом возрасте, а те, что были заключены по достижении 21–25 лет.

Таблица 1.7

**Соотношение количества жителей Тобольской губернии, вступивших в брак в
различном возрасте (1902–1903 гг.), %***

Возраст вступления в брак, полных лет	В селениях		В городах		В старообрядческой среде	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Менее 21	61,6	37,0	47,3	14,6	52,7	47,5
21–25	27,4	33,9	31,6	35,9	33,5	34,8
26–30	5,5	16,5	11,0	25,0	7,5	9,6
31–35	2,2	4,5	4,3	10,0	3,5	4,3
36–40	1,2	2,8	2,4	5,4	1,5	1,5
41–45	1,0	2,3	1,5	4,4	0,6	0,7
46–50	0,6	1,4	1,2	2,7	0,6	1,3
50+	0,5	1,6	0,7	2,0	0,1	0,3

* Подсчитано по данным: Движение населения в Европейской России и в двух губерниях Сибири: Енисейской и Тобольской за 1902 г. СПб., 1907. С. 254–255. (Статистика Российской империи; вып. 66); Движение населения в Европейской России, в двух губерниях Сибири: Енисейской и Тобольской, и Семипалатинской обл. за 1903 г. СПб., 1909. С. 254–255. (Статистика Российской империи; вып. 70).

Городские свадьбы имели свою возрастную специфику: и женщины, и особенно мужчины играли их обычно в более зрелом возрасте, чем свадьбы деревенские. У горожан-мужчин возраст 21–25 лет вышел даже на ведущее место, в 2,5 раза опередив по количеству женившихся возраст до 21 года. Да и последующая возрастная группа (26–30 лет) имела преимущество над самым молодым контингентом женихов. Более 30 лет жизненного опыта имела четверть городских женихов и только 10 % невест. Сравнение приведенных данных с материалами, относящимися к различным местностям Западной Сибири второй половины XIX в., показывает: брачный возраст и мужчин, и женщин со временем увеличивался [11. С. 128–130; 12. С. 13–14; и др.].

Известно, что в России в эпоху социальной модернизации сложившиеся веками традиционные институты и формы поведения дольше всего сохранялись в старообрядческой среде. Используемые нами источники позволяют выделить из общей массы браков те, которые были заключены в Тобольской губернии 1902–1903 гг. именно старообрядцами (см. табл. 1.7). За два года статистические учреждения учли в городах и селениях 857 староверческих свадеб. Оказалось, что в среде старообрядцев возраст вступления в брак мало отличался у мужчин и женщин: юных невест (менее 21 года) было только на 10 % больше, чем их ровесников-женихов, а в возрасте до 26 лет разница составляла всего 5 %. Брачность мужчин была существенно сдвинута в сторону младших возрастов: у староверов «в молодых летах» (до 26 лет) вступало в брак 82,3 % женихов, в то время как во всем населении – до 70 %. В то же время невесты у староверов выглядели старше, чем обычно: в возрасте до 21 года вступало в брак меньше девушек, чем у православных-«никониан», а в более зрелом возрасте 21–25 лет – больше. Различия брачного возраста основной массы населения Западной Сибири и здешних старообрядцев свидетельствуют о том, что большинство населения уже встало на путь демографической модернизации.

Интересные сведения имеются в наших источниках относительно брачного (семейного) положения лиц, игравших свадьбу в Западной Сибири изучаемого периода. Рассмотрим вычисленные нами на примере Тобольской губернии соотношения между количеством холостых (никогда ранее не состоявших в браке) и вдовых мужчин, женившихся или на женщинах, не вступавших ранее в брак, – на «девицах», по принятой раньше терминологии, или на вдовах (табл. 1.8).

Таблица 1.8

Среднегодовое количество браков, заключенных в Тобольской губернии лицами, имевшими различный брачный статус (1902–1903 гг.)*

Семейное положение женихов	В селениях женились на				В городах женились на			
	девицах		вдовах		девицах		вдовах	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Холостые	11 821	96,8	395	3,2	377	93,1	28	6,9
Вдовы	1319	63,0	773	37,0	65	71,4	26	28,6
Итого:	13 140	91,8	1168	8,2	442	89,1	54	10,9

* Подсчитано по тем же источникам, что и данные таблицы 1.7.

Бросается в глаза тот факт, что подавляющее большинство мужчин и в селениях, и в городах женилось на девицах. Это закономерно, ибо молодые девушки, впервые идущие к венцу, составляли львиную долю той части «женского полку», которая потенциально могла бы вступить в брак. По данным Всеобщей переписи населения 1897 г., в Западной Сибири из каждой 1000 женщин в возрасте 17–19 лет, самом востребованном на «брачном рынке», 724 были девицами, а вдовами – только 2 (см. табл. 1.6). Имелись причины и для того, чтобы предпочесть девицу наличным вдовам: ее более молодой возраст, необремененность нажитыми в первом браке детьми и т. д. Характерно в то же время, что вдовствующие женихи всё же гораздо чаще, чем холостые, женились на вдовах. Здесь работала установка традиционного общества – выбирая брачного партнера, «клонить дерево по себе». Вдовцов и вдов связывали общность судьбы и большее соответствие возраста.

Сравнивая по данным таблицы 1.8 города и селения, мы замечаем важную закономерность: холостые горожане женились на вдовах вдвое чаще, чем сельские жители, первый раз вступающие в брак. В то же время горожане вдовые женились на вдовах значительно реже, чем потерявшие первую жену сельчане. Можно предположить, что здесь отразилось одно из проявлений модернизации брачных представлений и матримониального поведения в урбанизирующейся среде. Горожане чувствовали себя меньше связанными безличными традициями, они чаще выбирали себе спутников жизни в соответствии с индивидуальными симпатиями, а не по устаревшим дедовским канонам.

Заклучая брачные узы, люди создают основу будущей семьи. С демографической точки зрения семья – это предусловие воспроизводства населения, уникальная социальная ячейка, специфической функцией которой является рождение детей, возобновление поколений. Это общность людей, связанных узами не только супружества, но также родительства и родства. Одну из важнейших первичных ячеек общества в России конца XIX – начала XX в. составляло частное семейное домохозяйство, демографическим ядром которого являлось семейство хозяина.

Судя по опубликованным данным Всеобщей переписи населения, в начале 1897 г. в Западной Сибири, как и в целом по России, основную массу таких хозяйств (в селениях – 97,3 %) составляли семейные дворы, состоявшие главным образом из «лиц, связанных родством». В деревнях одинокие лица являлись главами всего лишь 2,7 % частных хозяйств. Среди семейных домохозяйств 9,6 % состояло из двух человек, 12,9 – из трех, 15,8 – из четырех, 16,6 – из пяти, 41,5 – из 6–10, и только 3,6 % – более чем из 10 чел. В одном сельском семейном дворе соединялось в среднем 5,66 чел. Средняя величина собственно семьи домохозяина, без учета приселившихся к ней лиц, составляла в Тобольской губернии 5,15 чел., в Томской – 5,48, в Акмолинской области – 5,65 душ¹. По своей людности деревенский двор и сельская семья в Западной Сибири были несколько меньше, чем в Европейской России. Средний крестьянский двор в 1897 г. к западу от Урала состоял из 5,8 человек, его людность колебалась по районам от 5,2 в Центральном Нечерноземье до 6,3 души в Черноземном Центре [2. С. 666].

Населенность и половая структура частных хозяйств «лиц, связанных родством» (семейных домохозяйств), в городах Западной Сибири в их сравнении с селениями представлены в таблице 1.9. Среднее домохозяйство в городах по своей населенности было меньше, чем в селениях, примерно на 20 %. Женщин в семьях домохозяев и в городах, и в деревнях было несколько больше, чем мужчин. В городах преобладали ячейки, состоящие из двух человек (как правило, это муж и жена). В селениях чаще всего можно было встретить хозяйства, содержащие 5–6 членов.

Таблица 1.9

Средняя людность семейного домохозяйства в поселениях Западной Сибири (1897 г.), чел.*

Вид поселений	Всего	В том числе членов семьи домохозяина		
		Мужчин	Женщин	Всего
Города	5,29	2,05	2,28	4,33
Селения	5,66	2,65	2,75	5,39
Во всем регионе	5,64	2,60	2,71	5,31

*Подсчитано по данным: Первая Всеобщая перепись... Т. 78. С. 6–7; Т. 79. С. 6–7; Т. 81. С. 4–5.

В начале XX в. на размеры семейного домохозяйства и семьи, на их внутреннюю структуру в Западной Сибири влияли противодействующие факторы. С одной стороны, продолжалось первоначальное накопление капиталов, а оно успешнее шло в крупных неразделенных хозяйствах, где в основном использовался бесплатный труд членов семьи домохозяина. Это способствовало консервации многолюдных и «многоработных» ячеек. Кроме того, в процессе колонизации в регионе все чаще селились относительно большие семьи переселенцев, неохотно делившиеся до полного благоустройства на новых местах, и это тоже увеличивало среднюю людность домохозяйства. По данным массового обследования 1903–1904 гг., в переселенческих поселках Тобольской губернии средняя людность дворов составляла 6,8 душ, в поселках Акмолинской области – 6,4, Томской

¹ Подсчитано по данным: Первая Всеобщая перепись... Т. 78. С. 6–7; Т. 79. С. 6–7; Т. 81. С. 4–5.

губернии – 6,3 чел.¹ Это заметно больше средних показателей населенности домохозяйств крестьян-старожилов. В 1917 г., по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи, в Тобольской губернии двор старожилов имел 5,7 члена (налицо присутствовало 4,9 чел.), а переселенческий двор – 6 чел. (наличных было 5,2)². С другой стороны, в целом по мере социально-экономического развития, распространения модернизационных процессов размеры семейных ячеек и в городах, и в селениях, если рассматривать старожилов и новоселов по отдельности, имели тенденцию к сокращению: шире распространялись автолокальные браки, чаще распадались неразделенные семьи и т. п.

Для того, чтобы сравнить по структурному типу деревенские семьи Западной Сибири рубежа XIX–XX вв. с известными историкам «гнездами» семей и семейных домохозяйств, существовавшими в разное время в Европейской России и других странах мира, мы использовали классификацию английского ученого Питера Ласлетта, которая широко применяется в международной научной практике [13]. В данной классификации все семьи по их структурному типу распределяются на следующие группы: 1) одиночные лица; 2) семьи из нескольких родственников, не образующих брачные пары; 3) нуклеарные, или простые семьи (брачные пары с неженатыми чадами, супруги, живущие отдельно от своих взрослых детей, вдовцы или вдовы с детьми); 4) расширенные семьи, включающие других холостых или вдовых родственников; 5) составные семьи, объединяющие несколько брачных пар с их потомством. Составные семьи, по П. Ласлетту, подразделяются на три подтипа: корневые (родители и один женатый сын, иногда имеющий уже своих детей); братские (двое или более женатых братьев); большие патриархальные семьи (родители и несколько женатых сыновей с их потомством).

Согласно нашим подсчетам, сделанным в результате обработки 6377 первичных карточек Первой Всеобщей переписи населения Российской империи, относящихся к 95 селениям восьми округов Тобольской губернии, наличные семьи распределялись по их структуре следующим образом (табл. 1.10). Предельно простые и несложные по структуре ячейки первого, второго и третьего типа в сумме составляли более половины – 55,9 % всех семей. Относительно сложные по структуре расширенные и составные семьи (4-й тип и 5-й со всеми подтипами) в совокупности имели 43,1 %. Категорию сложных можно увеличить на 1 % за счет «прочих» семей: к этой группе мы отнесли ячейки с запутанной и нестандартной структурой.

Таблица 1.10

Количество сельских семей с различным типом структуры (по П. Ласлетту) в Тобольской губернии (1897 г.)*

Тип семьи	Юго-западные округа		Северо-восточные округа		Вся губерния	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1. Одиночки	128	3,7	81	2,8	209	3,3
2. Родственники без брачных пар	56	1,6	32	1,1	88	1,4
3. Простая семья	1720	49,6	1547	53,2	3267	51,2
4. Расширенная семья	622	17,9	473	16,3	1095	17,2
5. Составная семья	915	26,4	736	25,3	1651	25,9
В том числе:						
5а – корневая	721	20,8	564	19,4	1285	20,2
5б – братская	86	2,5	73	2,5	159	2,5

¹ Подсчитано по данным: Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб., 1905. Ч. 1. С. 18, 52, 64, 98, 100. (Изд. / Переселен. упр.; вып. 19).

² Государственный архив в г. Тобольске (ГА в Тобольске). Ф. 417. Оп. 1. Д. 714. Л. б/н.

5в – большая патриархальная	108	3,1	99	3,4	207	3,2
6. Прочие семьи	29	0,8	38	1,3	67	1,0
Итого:	3470	100	2907	100	6377	100

*Подсчитано по данным: ГА в Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 7, 12, 20, 21, 25, 40, 45, 61, 69, 76, 90, 92, 109, 126, 150, 156, 223, 225, 236, 240, 241, 244, 253, 254, 270.

Таблица 1.10 позволяет сравнить состав семей в северо-восточных, менее развитых в социально-экономическом отношении округах Тобольской губернии (Тарском, Тобольском, Туринском и Тюкалинском), и в юго-западных, более освоенных и развитых – Ишимском, Курганском, Тюменском и Ялуторовском. Интересно, что распределение деревенских семей по типам структуры оказалось в двух группах округов почти идентичным. Так, доля несложных ячеек первого, второго и третьего типа на юго-западе составила 54,9, а на северо-востоке – 57,1 %. Разница в 2,2 % статистически несущественна. Значит ли это, что в эпоху наметившейся демографической модернизации уровень и характер социально-экономического развития той или иной местности в принципе не влияет на внутреннюю структуру деревенского домохозяйства и семьи? Скорее всего, дело в том, что в пределах Западной Сибири социально-экономические различия между выделенными нами большими субрегионами на рубеже XIX–XX столетий не были глубокими и принципиальными.

Выявленная нами в Западной Сибири картина оказалась очень похожей на семейную структуру сельского населения Европейской России, где в 1897 г. составная и расширенная семьи в сумме составляли 46,6 %, а несложные семьи первых трех типов – 53,4 % [2. С. 670]. По мнению известного историка Б. Н. Миронова, это сходство – важный аргумент в обосновании той точки зрения, что в изучаемую эпоху демографическое развитие нашего края происходило одновременно и согласованно с Европейской Россией. Сибирь не была регионом «третьего эшелона» в переходе от традиционного к современному типу воспроизводства населения [14. С. 9].

Перейдем теперь от характеристики демографических структур населения Западной Сибири к проблематике собственно воспроизводства населения. В эту проблематику включают обычно вопросы брачности, рождаемости, смертности, естественного прироста (который интегрирует два последних упомянутых процесса) и миграций – там, где они серьезно влияют на все другие демографические характеристики.

Начнем с брачности. Исторические источники предоставляют нам сведения об абсолютном количестве браков, дают возможность высчитать общие коэффициенты брачности¹ населения всех западносибирских губерний и областей за многие годы конца XIX – начала XX в. (табл. 1.11).

Таблица 1.11

**Количество браков, регистрировавшихся ежегодно в Западной Сибири
конца XIX – начала XX в.***

Год	Томская губ.		Тобольская губ.		Акмолинская обл.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1897	15 578	7,9	13 913	9,8	4797	7,2
1898	16 808	8,3	15 897	10,9	4398	6,1
1899	17 919	8,7	15 425	10,4	5710	7,6
1900	17 708	8,4	14 743	9,8	5227	7,0

¹ Общий коэффициент брачности населения за период времени высчитывается как помноженное на 1000 отношение абсолютного количества заключенных браков к средней для периода численности населения. Как и многие другие демографические показатели, сопровождается значком % (промилле, одна тысячная доля).

1901	17 198	8,0	13 094	8,5	5356	6,8
1902	18 847	8,5	14 083	8,8	5627	6,5
1903	16 279	7,1	15 519	9,4	5307	6,0
1904	18 369	7,7	15 859	9,5	5951	6,9
1905	17 504	7,3	14 007	8,0
1906	26 847	10,8	19 615	11,0	9175	9,7
1907	26 196	9,9	18 593	10,6	9411	9,7
1908	30 423	10,4	16 031	9,0	8656	8,2
1909	29 803	9,1	8918	7,6
1910	30 025	8,2	17 910	9,3	11 728	8,8
1911	31 511	8,2	15 958	8,0	12 071	8,3
1912	32 612	8,3	14 725	7,1	11 374	7,7
1913	19 675	9,4	11 665	7,7
1914	17 696	8,4	10 797	7,0

* Абсолютное количество браков подсчитано по данным «Ведомостей о движении населения...» и «Таблиц о движении населения...», приложенных к книгам: Обзор Акмолинской обл. за... [1897–1904, 1906–1914 гг.]. Омск, 1898–1906, 1907–1915; Статистический обзор Тобольской губ. за... [1897–1899]. Тобольск, 1898–1900; Обзор Тобольской губ. за ... [1900–1908, 1910–1914]. Тобольск, 1901–1909, 1911–1916; Обзор Томской губ. за... [1897–1912 гг.]. Томск, 1898–1914. Коэффициенты брачности подсчитаны с учетом данных о численности населения, помещенных в кн.: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896–1901 гг. СПб., 1905. С. 74, 80, 104; Отчет... за 1902 г. 1904. С. 28–29, 54–55; Отчет... за 1903 г. 1905. С. 28–29, 54–55; Отчет... за 1904 г. 1906. С. 28–29, 54–55; Отчет... за 1905 г. 1907. С. 28–29, 54–55; Отчет... за 1906 г. 1908. С. 30–31, 58–59; Отчет... за 1907 г.: таблицы. 1909. С. 35, 67; Отчет... за 1908 г.: таблицы. 1910. С. 35, 67; Отчет... за 1909 г. 1911. С. 34–35, 66–67; Отчет... за 1910 г. 1912. С. 34–35, 66–67; Отчет... за 1911 г. 1913. Ч. 2. С. 66–67, 98–99; Отчет... за 1912 г. Пг., 1914. Ч. 2. С. 66–67, 98–99; Отчет... за 1913 г. 1915. С. 66–67, 98–99; Отчет... за 1914 г. 1916. С. 34–35, 66–67.

Рассмотрим помещенные в таблице 1.11 показатели, характеризующие историческую динамику брачности в субрегионах Западной Сибири. Прежде всего, обращает на себя внимание быстрый и достаточно последовательный рост в изучаемое время общего количества свадеб. С 1897 до 1913 г. в Тобольской губернии абсолютное число браков увеличилось в 1,4 раза; в Акмолинской области – в 2,4; в Томской губернии (до 1912 г.) – в 2,1 раза. Конечно, число браков увеличивалось в основном по причине быстрого роста численности населения в интенсивно колонизовавшемся регионе.

Масштабы и закономерности динамики брачности становятся более очевидными, обнаруживаются нюансы, если рассматривать не абсолютные, а относительные показатели, в которых «снято» влияние численности населения. В данном случае это – общие коэффициенты брачности. Отметим, прежде всего, что выраженная в коэффициентах интенсивность брачности наибольшей была в Тобольской губернии (в среднем за период 1897–1914 гг. – 9,3 ‰). Территория этой губернии являлась наиболее освоенной в Сибири, здесь сложилось устойчивое население с нормальной половозрастной структурой. Несколько меньше коэффициенты были в Томской губернии – 8,6 ‰ в среднем за 1897–1912 гг. Минимальные для региона показатели выявились в Акмолинской области – 7,6 ‰ за 1897–1914 гг.

В целом довольно высокая «свадебная активность» сибиряков в изучаемый период заметно колебалась от года к году. Очевидны повсеместные сокращения в 1900–1901 гг. (по причинам призыва молодых мужчин в армию для участия в военных действиях в Китае и неурожая); в 1905 г. (в связи с Русско-японской войной и началом революции); в 1911–1912 гг. (из-за нового неурожая и голода). Но особенно впечатляет интенсификация брачности в первые годы Столыпинской аграрной реформы. В 1906–1909 гг. в Томской губернии, в 1906–1910 гг. в Акмолинской области коэффициенты брачности выросли по сравнению с предыдущими двумя – тремя годами почти на треть, в Тобольской губернии в 1906–1910 гг. по сравнению с 1901–1905 гг. – на 12 %. Такую динамику легко объяснить, во-первых, тем, что в 1906–1908 гг. состоялись свадьбы, временно отложенные в годы Русско-японской

войны и революционных потрясений. Во-вторых, сыграла свою роль экономическая и демографическая специфика миграционной волны: среда переселенцев была более молодой по составу, чем постоянное старожильческое население Сибири, домохозяева-переселенцы спешно женили своих «возросших» детей, чтобы увеличить количество получаемой в надел земли, приобрести еще пару рабочих рук для формирующегося семейного хозяйства.

Если сгруппировать данные о брачности по 4–5-летним периодам, чтобы «снять» влияние особенностей каждого года, то в целом по Западной Сибири раскроется такая динамика. Уровень брачности, равный в 1897–1901 гг. 8,6 ‰, в 1902–1905 гг. сократился до 7,9 (в селениях – до 8,4; в городах – до 6,8 ‰). В 1906–1909 гг. возобладала противоположная тенденция: брачность увеличилась до 9,8 ‰ (в деревне – до 9,3; в городах даже до 10,7). Однако затем возобновилось снижение, и в 1910–1914 гг. в Западной Сибири было заключено только 8,2 свадьбы на 1000 жителей (в деревне – 8,3; в городах – 7,2)¹. Выявленные нами уровни брачности в Западной Сибири оказываются близкими к таковым в Европейской России, где они последовательно снижались, начиная с последней трети XIX в., и упали к 1911–1913 гг. во всем населении до 8,2; в деревне – до 8,4; в городах – до 6,7 ‰ [2. С. 570]. Начальные и конечные (для изучаемого периода) показатели брачности населения в двух регионах почти совпадают. Возможно, и в Западной Сибири происходило бы такое же последовательное сокращение брачности, что и в Европейской России, если бы экстраординарные обстоятельства, сложившиеся в регионе, не исказили эволюционное течение демографических процессов. Во всяком случае, в Южном Зауралье (Курганский уезд Тобольской губернии и соседний с ним Шадринский уезд Пермской губернии), не испытывавшем массового притока переселенцев, брачность населения определенно снижалась: с 11,4 ‰ в 1897 г. она упала до 7,8 ‰ в 1914 г. [15. С. 200].

В годы Первой мировой войны в условиях сильного полового дисбаланса населения, неблагоприятных экономических, политических и психологических условий брачная активность населения повсеместно свертывалась. Скупые данные на сей счет относятся к ряду крупных городов. В Новониколаевске абсолютное количество браков сократилось по сравнению даже с неблагоприятным 1914 г. на 24 % в 1915 г., на 44 % в 1916 г.² В Барнауле, судя по данным двух здешних церквей, в 1915–1916 гг. повенчали на 45 % свадеб меньше, чем в 1914 г. [9. С. 70]. В Омске в 1916 г. общий коэффициент брачности населения составил 4,6 ‰, сократившись по сравнению с довоенным 1913 г. на 35 % (подсчитано по: [16. С. 41]). Только в 1917 г. наметились признаки нормализации брачного рынка, когда произошла частичная демобилизация армии, была введена система отпусков для солдат, смягчился режим содержания военнопленных.

Характеристики брачности в условиях, когда уровень внебрачной рождаемости не превышал 10 %, во многом определяли масштабы и общий уровень рождаемости населения. Для изучения вопросов рождаемости, а также, вслед за этим, смертности и естественного прироста населения региона привлечем статистику из ежегодных отчетов Медицинского департамента (с 1896 г. – Главного управления врачебного инспектора, с 1914 г. – Управления главного врачебного инспектора) Министерства внутренних дел Российской империи. Построим таблицу, дающую возможность раскрыть динамику воспроизводственных процессов, сравнивая показатели нескольких 3–5-летних этапов (табл. 1.12). При составлении этой таблицы скорректируем границы рассматриваемого хронологического периода. Во-первых, начнем анализ не с 1897 г., а десятью годами раньше, чтобы лучше увидеть предпосылки и особенности ситуации, сложившейся на рубеже веков. Во-вторых, исключим из рассмотрения этап 1915–1917 гг., поскольку он не обеспечен теми историческими источниками, которые привлечены для расчетов показателей таблицы.

¹ Подсчитано по данным таблицы 1.11.

² Подсчитано по: Весь Новониколаевск: адресно-справочная книга с краткой историей и планом города на 1924–1925 гг. Новониколаевск, 1925. С. 32.

Таблица 1.12

Естественное движение населения Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв., ‰*

Годы	Рождаемость				Смертность				Прирост			
	Том.	Тоб.	Акм.	ЗС**	Том.	Тоб.	Акм.	ЗС**	Том.	Тоб.	Акм.	ЗС**
<i>В целом по региону</i>												
1887–1891	47,7	52,4	30,9	47,1	26,6	43,3	22,6	33,2	21,1	9,1	8,3	13,9
1892–1896	59,7	49,2	27,6	50,1	37,5	42,4	19,7	36,7	22,2	6,8	7,9	13,4
1897–1901	52,2	57,7	36,7	51,5	28,6	40,4	23,4	31,8	23,6	17,3	13,3	19,7
1902–1905	51,8	54,1	34,1	49,4	29,1	39,0	21,4	31,1	22,7	15,1	12,7	18,3
1906–1909	58,0	57,7	40,9	54,8	35,1	41,1	24,4	35,0	22,9	16,6	16,5	19,8
1910–1914	55,1	55,3	43,2	52,8	32,5	38,0	25,6	32,7	22,6	17,3	17,6	20,1
<i>В селениях</i>												
1887–1889	48,6	54,3	...	51,6	25,5	45,2	...	35,7	23,1	9,1	...	15,9
1890–1892	48,6	51,8	...	50,2	30,0	50,9	...	40,4	18,6	0,9	...	9,8
1893–1895	63,6	50,5	25,2	52,1	37,1	37,7	16,2	34,2	26,5	12,8	9,0	17,9
1902–1905	52,3	55,2	32,6	49,9	28,9	39,3	19,7	30,9	23,4	15,9	12,9	19,0
1906–1909	58,0	58,9	38,7	55,0	34,7	41,4	21,5	34,6	23,3	17,5	17,2	20,4
1910–1914	55,7	56,6	44,1	53,8	32,1	38,4	25,5	32,6	23,6	18,2	18,6	21,2
<i>В городах</i>												
1887–1889	53,1	27,4	...	39,9	48,8	28,4	...	38,4	4,3	-1,0	...	1,5
1890–1892	54,0	23,3	...	38,8	55,8	34,8	...	45,4	-1,8	-11,5	...	-6,6
1893–1895	47,9	33,0	40,9	41,0	36,7	39,7	25,9	35,0	11,2	-6,7	15,0	6,0
1902–1905	43,5	35,3	45,6	42,0	33,1	32,3	33,5	33,0	10,4	3,0	12,1	9,0
1906–1909	58,0	40,3	54,8	52,2	40,6	36,1	43,3	40,3	17,4	4,2	11,5	11,9
1910–1914	45,5	37,6	37,7	41,0	38,3	32,5	26,8	33,1	7,2	5,1	10,9	7,9

* Подсчитано по: Отчет Медицинского департамента за 1886 г. СПб., 1888. С. 8–14; Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1887 г. 1889. С. 9, 19, 22; Отчет Медицинского департамента... за 1888 г. 1891. С. 18–19, 94, 102–110; Отчет Медицинского департамента... за 1889 г. 1891. С. 134, 146–158; Отчет Медицинского департамента... за 1890 г. 1893. С. 106–109, 118–133; Отчет Медицинского департамента... за 1891 г. 1894. С. 106–109, 118–133; Отчет Медицинского департамента... за 1892 г. 1896. С. 106–109, 118–133; Отчет Медицинского департамента... за 1893–1895 гг. 1898. Ч. 1. С. 192–211, 258–277; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896–1901 гг. СПб., 1905. С. 74, 80, 104; Отчет о состоянии... за 1902 г. 1904. С. 28–29, 54–55; Отчет о состоянии... за 1903 г. 1905. С. 28–29, 54–55; Отчет о состоянии... за 1904 г. 1906. С. 28–29, 54–55; Отчет о состоянии... за 1905 г. 1907. С. 28–29, 54–55; Отчет о состоянии... за 1908 г. 1908. С. 30–31, 58–59; Отчет о состоянии... за 1907 г.: таблицы. 1909. С. 35, 67; Отчет о состоянии... за 1908 г.: таблицы. 1910. С. 35, 67; Отчет о состоянии... за 1909 г. 1911. С. 34–35, 66–67; Отчет о состоянии... за 1910 г. 1912. С. 34–35, 66–67; Отчет о состоянии... за 1911 г. 1913. Ч. 2. С. 66–67, 98–99; Отчет о состоянии... за 1912 г. Пг., 1914. Ч. 2. С. 66–67, 98–99; Отчет о состоянии... за 1913 г. 1915. С. 66–67, 98–99; Отчет о состоянии... за 1914 г. 1916. С. 34–35, 66–67.

** В 1887–1892 гг. в городах и селениях, взятых по отдельности – без Акмолинской обл.

Сокращения: Том. – Томская губ.; Тоб. – Тобольская губ.; Акм. – Акмолинская обл.; ЗС – вся Западная Сибирь.

Таблица 1.12 содержит динамические ряды показателей, представляющих собой общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста населения в целом по Западной Сибири, в городах и селениях региона на рубеже XIX–XX вв.¹ Данные таблицы свидетельствуют о самом высоком в империи уровне рождаемости в целом по региону и особенно в сельской местности. Как известно, в традиционном обществе показатели и динамика рождаемости зависели не столько от воздействия социально-экономических,

¹ Коэффициенты за 3–5-летние этапы вычислены в данном случае как средние арифметические всех годовых показателей данного этапа. В свою очередь, исходные ежегодные показатели смертности и рождаемости измерены 1000-кратным отношением годового числа умерших и рожденных к средней численности населения в соответствующем году. Показатели естественного прироста населения исчислены как разность между уровнем рождаемости и смертности.

политических или экологических факторов, от сознательного регулирования деторождения, сколько от состояния половозрастной и брачной структуры населения. В селениях рождаемость была выше, чем в городах (примерно на 20 %), прежде всего потому, что в крестьянской среде не существовала или была минимальной количественная диспропорция полов, культивировались ранние браки, имел место наиболее высокий уровень брачности, относительно прочными являлись семьи. В населении городов, особенно крупных, была высока доля лиц продуктивного возраста, однако прочие структурные факторы не столь благоприятствовали деторождению. Первые, пока еще робкие попытки «планирования семьи» имели распространение тоже именно в городах.

Таблица 1.12 демонстрирует некоторое колебание показателей рождаемости по временным этапам. Например, заметен спад в целом по региону и в сельской местности, приходящийся на 1902–1905 гг. В Томской губернии он прослеживается и в городах. Главная причина этого спада имела структурный характер: как мы выяснили выше, на указанные годы приходилось сокращение брачности населения. Откладывание свадеб до лучших времен приводило и к задержке первых зачатий. Явное повышение рождаемости заметно в 1890-х гг., но наибольшая величина этого показателя в большинстве динамических рядов приходится на 1906–1909 гг. И в том, и в другом случае эти всплески, во-первых, имеют компенсаторный характер: природа как бы стремилась восполнить людские потери, понесенные в годы холерной эпидемии 1892 г.; люди после политических потрясений 1902–1905 гг. наверстывали упущенные прокреативные возможности. Во-вторых, оба всплеска тесно коррелируют с подъемами волн массового переселенческого движения в Западную Сибирь. Как уже говорилось, среда новоселов характеризовалась относительно молодым составом, здесь играли много свадеб, недавно возникшие семьи были мотивированы на быстрое пополнение состава домохозяйств будущими работниками и «земельными душами». Через несколько лет после водворения в регионе переселенческие семейные ячейки естественным образом «нормализовали» свою населенность и структуру, и это привело, в частности, к некоторому сокращению уровня рождаемости почти повсеместно в 1910–1914 гг. В городах это сокращение оказалось наибольшим (на 20–30 % по сравнению с уровнем 1906–1909 гг.), что можно считать индикатором начавшегося уже перехода значительных категорий населения крупных городов к внутрисемейному регулированию рождаемости.

Учитывая колебания, нужно видеть всё же генеральную тенденцию: в изучаемый период рождаемость во всей Западной Сибири и в ее субрегионах немного повышалась. В целом по региону в 1902–1914 гг. по сравнению с 1887–1901 гг. она увеличилась на 5 %, в городском населении – на 11 %, и т. д. Если бы не экстраординарные всплески и откаты, о которых говорилось выше, эта тенденция обнаруживалась бы с большей наглядностью. Такое умеренное повышение соответствует логике первой фазы демографического перехода. На этой фазе большинство сибиряков по традиции, в силу религиозных запретов или по экономическим соображениям еще отказывалось от регулирования рождаемости. С другой стороны, присущее этой фазе формирование сети профессиональной медицины, повышение уровня общей и санитарно-гигиенической культуры населения способствовали сохранению здоровья рожениц, оптимизации обстановки родов, сокращению количества мертворождений и т. д.

Сравнение ситуации в Западной Сибири с Европейской Россией показывает, что начало демографического перехода в области рождаемости там проходило по другому сценарию. Период конца XIX – начала XX в. там был ознаменован почти последовательным снижением рождаемости от одного этапа к другому и в городском, и в сельском населении, в итоге общий коэффициент рождаемости, составлявший в 1892–1896 гг. 46,4 ‰, упал до 40,8 ‰ в 1910–1914 гг. [11. С. 240]. Такое отличие динамики двух регионов вполне объяснимо. Во-первых, в Европейской России не действовал фактор массовой аграрной иммиграции, искусственно повышавший показатели рождаемости к востоку от Урала. Во-вторых, и это главное, демографический переход начался в Европейской России раньше, чем на восточных окраинах страны, и достиг к началу XX в. гораздо больших успехов [2. С. 592–594].

Интересные сведения о тех обстоятельствах брачности и рождаемости, о которых умалчивает массовая статистика естественного движения населения, собрал в свое время врач С. М. Арканов¹. Сведения эти сгенерированы путем обработки стандартных бланков Ишимской сельской лечебницы Томской губернии за 1909 г., они относятся к 99 окрестным жительницам, обращавшимся за помощью к медикам, и некоторым их знакомым. Доктор Арканов установил, что средний возраст физического совершеннолетия (половой зрелости) у ишимских женщин составлял 16 лет, а средний возраст замужества – 19 лет. «Осемьянившись», молодухи обычно стремились исполнять свои детородные обязанности «со рвением и неукоснительно», хотя у 7–8 % брачных пар обнаруживалось бесплодие. «Спустя год после замужества женщина большею частью благословляется приращением семейства», – констатировал врач. Период активного деторождения обычно простирался в диапазоне между возрастными от 20 до 40 лет; на каждую роженицу приходилось в среднем по 10,6 рождений, вместе с выкидышами и мертворождениями. Наши подсчеты по другим источникам, относящимся к смежным с Западной Сибирью зауральским регионам, дает величину в 6–11 рождений в среднем у женщины в период от менархе до менопаузы [11. С. 137]. Близкие к этому величины установил Б. Н. Миронов по материалам Европейской России. В последней трети XIX – начале XX в. замужние крестьянки, прожившие в браке весь продуктивный период своей жизни и обладавшие хорошим здоровьем, рожали в среднем 8–10 раз; на каждую же крестьянку, с учетом также безбрачных, вдов и солдаток, приходилось по 6–8 рождений [2. С. 576].

В годы Первой мировой войны в Западной Сибири ускорилось сокращение рождаемости, наметившееся в последние предвоенные годы. Причины этого – призыв в армию большого количества мужчин, ухудшение положения оставшихся дома женщин. Уже в 1915 г. в селениях средней части Сибири (Алтайская, Енисейская и Иркутская губернии) рождаемость составила лишь 82 % от уровня трех предыдущих мирных лет. В 1916 г. она упала уже до 67 %, а в 1917 г. достигла своего минимума за весь период войны – 65 % от довоенных показателей (подсчитано по: [17. С. 100–110]). В Новониколаевске общий коэффициент рождаемости, составлявший в 1914 г. 44 ‰, рухнул в 1915 г. до 36, а в 1916 г. – до 28 ‰ [9. С. 71]. Судя по данным демографической переписи 1920 г., введенным в научный оборот историком Л. Н. Славинной, после окончания Гражданской войны в Сибири количество деревенских детей, рожденных в 1915–1917 гг., было на 22 % меньше, чем детей, появившихся за три предыдущих года, и на 19 % меньше, чем детей 1918–1920 гг. рождения (подсчитано по: [18. С. 38]). Однако в 1917 г., когда частично и временно нормализовалась половая структура наличного населения и повысилась брачность, произошло наибольшее за годы войны количество зачатий, что привело в следующем году к временному повышению числа рождений в Сибири.

Уровень и динамика смертности населения Западной Сибири, как и рождаемости, отражена в таблице 1.12. Первое, что обращает на себя внимание при ее анализе – очень высокие показатели, что роднит смертность с рождаемостью в регионе. Общий коэффициент смертности в Западной Сибири в период 1897–1914 гг. был больше, чем в Европейской России, на 14 % (подсчитано по: [11. С. 237]). Наибольшей она была в Тобольской губернии, наименьшей – в Акмолинской области. В городах в 1887–1909 гг. смертность была выше, чем в сельской местности, на 9 %, и только на последнем отраженном в таблице этапе соотношение изменилось.

Смертность более тесно, чем рождаемость, связана с социальными факторами – уровнем благосостояния людей, развитием сети медико-санитарных учреждений, санитарно-гигиенической культурой населения и др. Закономерно, что в переселенческих поселках Томской губернии, по данным массового обследования 1911–1912 гг., в беднейших хозяйствах коэффициент смертности был более чем в два раза выше такового в зажиточных

¹ Арканов С. К антропологии сибирячки: (половая жизнь) // Сибирский врач. 1917. 20 ноября. С. 213–215.

дворах¹. У городского населения Западно-Сибирского региона смертность была выше, чем у сельского, пока в деревнях сохранялись относительно более благоприятные социальные и экологические условия, более здоровый образ жизни людей. Резкое сокращение смертности городского населения Западной Сибири в 1910–1914 гг., когда впервые коэффициент смертности горожан стал ниже, чем у сельчан, можно считать следствием опережающего развития в начале века системы медицинского обслуживания, образования и просвещения в городах.

Рассмотрим историческую динамику смертности в интересующий нас период. Как и в случае с рождаемостью, уровень смертности испытывал колебания, причем всплески обоих показателей происходили синхронно со всплесками рождаемости (см. табл. 1.12). Это понятно: в условиях огромной младенческой смертности появление на свет множества новорожденных неизбежно влекло за собой и увеличение количества смертей. В Западной Сибири рубежа XIX–XX вв. обычно около половины всех умиравших составляли младенцы до года, 60–70 % – дети в возрасте до 5 лет [15. С. 208; 19. С. 86; и др.]. В Тобольской губернии, согласно данным 1902–1903 гг., среди всех «почивших в бозе» 54 % составляли младенцы в возрасте до 1 года; вместе с умершими 1–5-летними детьми их было уже 68,8 %. Доля среди умерших представителей других возрастных групп была гораздо меньшей: 5–20 лет – 5,1 %; 20–55 лет – 10,7; 55 лет и старше – 15,1 %². Высокая младенческая и детская смертность была вызвана, главным образом, недостатками гинеколога-акушерской помощи женщинам, плохими санитарно-гигиеническими условиями жизни, приводившими к распространению губительных для детей эпидемий, особенно в летнее время. Экстраполируя ситуацию в Томске [20. С. 19], можно утверждать, что в крупных городах ситуация была более благоприятной. Доля ранних смертей была здесь ниже: у младенцев – 30–40 %, у детей до 5 лет – 45–55 %. Конечно, в определенной степени это было связано также со спецификой возрастной структуры городского населения, где лица младших (а также самых старших) возрастов имели пониженный удельный вес, а лица трудоспособного возраста – повышенный.

Особый интерес представляет генеральная тенденция динамики смертности населения в Западной Сибири. Она заключалась в постепенном снижении уровня не только младенческой и детской, но и общей смертности. Эта тенденция не была повсеместной, она слабо проявлялась, ее трудно уловить при анализе данных таблицы 1.12. В целом по региону, например, в 1902–1914 гг. летальность снизилась по сравнению с 1887–1901 гг. всего на 3 %. Мы видим, что тенденция к снижению, проявившись в 1892–1905 гг., затем сменилась скачкообразным приростом смертности. Но, во-первых, происшедший в 1906–1909 гг. всплеск смертности все же не позволил ей достичь уровня начала 1890-х гг. Во-вторых, после этого всплеска возобновилось снижение. И самое главное – рост общего коэффициента смертности в период Столыпинской аграрной реформы произошел не за счет процессов возвратного (по отношению к демографическому переходу) характера. Просто в Западную Сибирь, в основном в осваиваемую сельскую местность, но также и в растущие города в это время особенно интенсивно переселялись мигранты. По оценке врача М. Л. Айзина, на рубеже веков среднегодовая смертность переселенцев в первый год после отъезда с родины (в дороге и на новом месте жительства) составляла около 60–100 % [21. С. 65]. Неблагоприятная ситуация в среде новоселов негативно сказывалась на показателях смертности всего населения. По мере «укоренения» домохозяйств в Сибири уровень смертности у них нормализовался, но прибывали все новые и новые волны мигрантов.

¹ Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губ.: уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский: материалы по исследованию переселенческих хозяйств. Томск, 1913. Вып. 2. С. 173–174.

² Подсчитано по данным: Движение населения в Европейской России и в двух губерниях Сибири: Енисейской и Тобольской за 1902 г. С. 276–277; Движение населения в Европейской России, в двух губерниях Сибири: Енисейской и Тобольской, и Семипалатинской обл. за 1903 г. С. 276–277.

Симптомом наметившейся демографической модернизации можно считать уже отмечавшуюся специалистами тенденцию снижения смертности в городах, особенно ярко проявившуюся в предвоенный период. Так, в Томске общий коэффициент смертности, составлявший в середине XIX в. 45–55 ‰, упал до 41,9 ‰ к 1896 г., а к 1912 г. уменьшился до 31,7 ‰ [19. С. 85; 20. С. 19]. В условиях, когда начинали разворачиваться урбанизационные процессы, динамика смертности горожан отражала одну из перспективных тенденций развития демографической сферы общества в целом.

Основными факторами перестройки структуры и масштабов смертности населения Западной Сибири в изучаемый период являлись развитие здесь сети образовательных и медицинских учреждений и, как следствие, некоторые улучшения в медицинском обслуживании, в санитарной культуре и витальном поведении сибиряков, в первую очередь горожан. Судя по привлеченной нами статистике, в Западной Сибири проявления демографического перехода в области смертности наметились позже и проявились слабее, чем в европейском центре страны, особенно в прибалтийских, западных и столичных губерниях.

В годы Первой мировой войны смертность в регионе испытывала влияние двух противодействующих факторов. С одной стороны, происходившее резкое уменьшение рождаемости вело к сокращению смертности младенцев (не родившись, они не могли и умереть), а тем самым и к падению общего уровня смертности. С другой стороны, крайне неблагоприятные в годы войны социально-экономические и социокультурные условия негативно сказывались на здоровье наличных представителей всех поколений, вели к росту смертности. Плохое состояние исторических источников не позволило пока исследователям выяснить общие результаты противоборства этих двух тенденций. Имеются лишь локальные данные, собранные по разным методикам и мало сопоставимые между собой. Судя по материалам духовной консистории, в Томской губернии (без Алтая) смертность в годы войны существенно понизилась, в 1917 г. она равнялась 26 ‰ [17. С. 100–110]. Сельскохозяйственная перепись 1917 г. усиливает выводы о сокращении летальности. В селениях Томской губернии (опять же без Алтая), по ее данным, общий коэффициент смертности составил всего 16,7 ‰¹. В то же время в Омске, Томске, Новониколаевске, судя по имеющимся данным, смертность в 1914–1916 гг. умеренно возрастала [9. С. 71].

Баланс рождаемости и смертности в конкретном режиме естественного движения населения выражается в его естественном приросте. Осуществленные нами расчеты по данным статистики медицинского ведомства России показали, что в 1897–1914 гг. в Западной Сибири среднегодовой уровень естественного прироста населения, равный 19,5 ‰, был заметно выше, чем в любом другом регионе Азиатской России. В Степном крае он составлял всего 11,7; в Восточной Сибири – 14,7; на Дальнем Востоке – 15,3; на Кавказе и Закавказье – 16 ‰. В Западной Сибири он был даже больше, чем в Европейской России (16,1 ‰). Возможно, он был самым высоким в Российской империи, где среднегодовой прирост равнялся 16,8 ‰ (подсчитано по: [22. С. 148]).

В таблице 1.12 приведены сведения об уровне естественного прироста населения всей Западной Сибири, ее субрегионов и поселенческих комплексов в конце XIX – начале XX в. Первое, что обращает на себя внимание – очень высокий уровень показателей, относящихся ко всему региону и особенно к его сельской местности. Правда, специалисты в свое время установили, что масштабы естественного прироста населения в губерниях и областях Азиатской России в 1897–1905 гг. официальной статистикой завышались. Однако мы согласны с историком В. И. Прониным, который доказывал, что эту статистику при условии суммирования данных по нескольким губерниям, исчисления не абсолютных, а относительных показателей «вполне можно использовать при изучении демографических процессов в Сибири» [23. С. 61–62].

¹ Подсчитано по данным: Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губ. за 1917, 1920, 1923, 1924 и 1925 гг. Томск, 1928. С. 185–186.

Высокий уровень естественного прироста в целом по региону складывался во многом благодаря селам и деревням Томской губернии, где к началу 1914 г. было сосредоточено 48,8 % всего населения Западной Сибири¹. В сельском населении Тобольской губернии и Акмолинской области прирост не был таким большим. Особняком стоит динамика прироста в городах региона, где показатели в среднем были вдвое ниже, чем в деревнях. К концу XIX в. города в основном вышли на положительные показатели прироста: рождаемость в них хотя и ненамного, но превышала смертность. Однако в крупных городских центрах, возможно, положительный баланс рождаемости и летальности был меньшим, чем в небольших городках. Например, в Томске в период 1896–1915 гг. средний коэффициент естественного прироста равнялся всего 6,3 ‰ (при рождаемости в 43 и смертности в 36,7 ‰), а в военные 1905 и 1915 гг. имела место даже «естественная» убыль населения [19. С. 90]. В 1910–1914 гг. естественный прирост населения в городах пережил некоторый спад, связанный с тем, что рождаемость в них сокращалась быстрее, чем смертность.

Особенности естественного движения населения имели не только горожане. Своя специфика была присуща разным сословным, конфессиональным, классовым, этническим группам населения. Например, в Акмолинской области, по данным 1905 г., естественный прирост в крестьянской среде составлял 20,9 ‰; в казачьей среде – 17,1; у аборигенов-казахов – всего 6,8 ‰². Поскольку большую часть жителей области составляли казахи и казачество, показатели естественного движения здесь почти всегда были меньше, чем в соседних губерниях. Важнейшую роль играла специфика переселенцев, которые на «столыпинском» этапе колонизации уже численно доминировали в активно заселяемых местностях Западной Сибири. В сравнительно молодой и физически здоровой среде переселенцев была больше рождаемость, чем у крестьян-старожилов или казаков, а высокая в период миграции смертность сокращалась со второго – третьего года жизни на новом месте. В итоге, по данным 1906–1912 гг., в переселенческих поселках естественный прирост населения достигал 25–33 ‰³. Такие показатели были в 1,3–1,7 раза больше среднегодового естественного прироста в регионе, и, разумеется, подтягивали этот уровень вверх.

С другой стороны, негативно воздействовал на воспроизводство населения Западной Сибири низкий уровень естественного прироста аборигенного населения. По двухлетним данным за 1909–1910 гг., на 100 женщин среди оседлого (преимущественно русского) населения Сибири приходилось свыше 11 рождений, а среди многочисленных в юго-западной части Сибири кочевников-казахов – около 6 [3. С. 77]. На рубеже XIX–XX вв. естественный прирост у аборигенов региона был в три раза меньше, чем у русских, при малой рождаемости и большой смертности. Усредненному показателю в 6–7 ‰ соответствовали татары в Тобольской и Томской губерниях, казахи в Акмолинской области, но некоторые небольшие этносы имели прирост минимальный или сокращались в численности. Если сравнивать результаты Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и Первой Всесоюзной переписи населения 1926 г., к последним можно было бы отнести манси, селькупов, шорцев [24. С. 187]. Впрочем, данные этих двух переписей об этническом составе населения не вполне сопоставимы. Если сокращение и происходило, то важную роль здесь мог играть процесс смены этнической идентичности, сопряженный с распространением смешанных браков с русскими.

Показатели естественного прироста деревенского и всего регионального населения Западной Сибири, вследствие роста рождаемости и снижения смертности довольно интенсивно повышались, по крайней мере, с конца 1880-х гг. и до мировой войны. Впечатляющие показатели были достигнуты в Томской губернии, где в целом по субрегиону

¹ Подсчитано по данным таблицы 1.1.

² Обзор Акмолинской обл. за 1905 г. Омск, 1907. С. 52.

³ Подсчитано по: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб., 1912. Вып. 2. С. 122, 126–128, 132–133; Вып. 3. С. 152, 156–158, 162–164, 168–170, 174–175; Вып. 4. С. 108, 112–113; Вып. 5. С. 173, 194.

и в сельской местности естественный прирост почти постоянно превышал 20 ‰, что обеспечило в 1906–1910 гг. начало «демографического взрыва» для всей Западной Сибири. Векторы динамики естественного прироста населения в Европейской России и к востоку от Урала оказались противоположно направленными. В Европейской России с конца XIX в. происходило поэтапное сокращение: в 1897–1901 гг. – 16,7; в 1902–1909 гг. – 16,4; в 1910–1914 гг. – 15,1 ‰ [22. С. 148]. Западной же Сибири был присущ уверенный рост, характерный для начальной фазы демографического перехода.

Военные действия, в которых активно участвовали сибиряки в 1904–1905 гг., и особенно Первая мировая война нарушили прогрессивное течение воспроизводственных процессов. В 1915–1917 гг. сокращение рождаемости стало доминировать среди факторов, определявших уровень естественного прироста населения, который также значительно сократился, особенно в городах. По данным за 1917 г. по Томской губернии в целом (без Алтая), естественный прирост здесь составил 11 ‰, что примерно в два раза меньше, чем в довоенный период [17. С. 100–110]. В томских селениях коэффициент естественного прироста в 1917 г. был равен 12,4 ‰¹. В губернском Томске прирост уже на втором году войны сменился «естественной» убылью населения на 8,5 ‰. Омск и Новониколаевск балансировали на грани нулевого прироста. В первом из этих городов в 1915–1916 гг. общий коэффициент естественного прироста колебался от -2 до +2 ‰. Во втором в 1916 г. положительный баланс удалось свести только на уровне 1,2 ‰ (подсчитано по: [9. С. 71]).

Несмотря на большое значение естественного прироста, все же не он, а механическое движение являлось на рубеже XIX–XX вв. преобладающим фактором воспроизводства населения Западной Сибири. Данные таблицы 1.13 показывают: роль мигрантов в воспроизводстве населения выглядит доминирующей в регионе. Миграционное превышение складывалось на этапах 1891–1900 и 1906–1909 гг., когда в Сибирь устремлялись самые большие потоки переселенцев. На этапах 1901–1905 и 1910–1913 гг., а также, конечно, в 1914–1917 гг. воспроизводство населения в большей степени определялось масштабами его естественного прироста [1. С. 102–104].

Таблица 1.13

Соотношение источников прироста населения Западной Сибири в 1897–1913 гг.*

Категория населения	Увеличение численности населения		В том числе за счет				Доля иммиграции в приросте численности населения, %
			естественного прироста		механического прироста		
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	
Сельское	3112,9	82,9	1284,2	34,2	1828,7	48,7	58,7
Городское	420,9	145,2	51,3	17,7	369,6	127,5	87,8
Итого:	3533,8	87,4	1335,5	33,0	2198,3	54,4	62,2

* Подсчитано по данным таблицы 1.12. Естественный прирост в селениях и городах, взятых по отдельности, вычислен приближенно по экстраполированным данным 1902–1913 гг. Механический прирост найден как разность общего и естественного прироста.

Данные таблицы 1.13 показывают, что роль иммиграции в приросте населения Западной Сибири в конце XIX – начале XX столетия оказалась на треть менее значимой в сельской местности, чем в городах. Дело в том, что в городах оседали на временное или постоянное жительство не только промышленные мигранты, доля которых в переселенческом движении со временем возрастала, но и немалая часть переселенцев-крестьян, не сумевших закрепиться в сибирской деревне. Важное значение имела также внутрирегиональная миграция сибиряков-старожилов из селений в города.

¹ Подсчитано по данным: Сборник статистических материалов по уездам... С. 185–186.

Механический приток населения в регион стал быстро нарастать с середины 1880-х гг., когда Западная Сибирь превратилась в основной район земледельческой колонизации в стране. С середины 1890-х гг. масштабы передвижения увеличились в результате регулярного сообщения по Транссибирской железной дороге. В первые годы XX в. произошел спад переселенческого движения – в условиях неурожая 1901–1902 гг., Русско-японской войны и закрытия передвижения по Транссибу для мигрантов в 1904 г., обострения с 1902 г. социальной напряженности, переросшей в 1905 г. в революцию. В период Столыпинской аграрной реформы, когда миграции поощрялись правительством, поток переселенцев достиг максимальной интенсивности за весь имперский период истории. Однако накануне Первой мировой войны миграционный бум снова пошел на спад. В военное время масштабы переселенческого движения в Западную Сибирь из Европейской России минимизировались, несмотря даже на то, что наряду с аграрной и индустриальной миграцией появились в регионе беженцы из прифронтовой полосы и военнопленные.

Масштабы миграций в разные местности Западно-Сибирского региона на отдельных исторических этапах, кроме 1915–1917 гг., отражают данные текущего учета на переселенческих пунктах в Челябинске и Сызрани. За период 1896–1914 гг. здесь было зарегистрировано более 2,3 млн переселенцев, проехавших через Урал с намерением поселиться в Западной Сибири и не возвратившихся обратно (табл. 1.14).

Таблица 1.14

**Количество переселенцев из Европейской России, осевших в Западной Сибири
в конце XIX – начале XX в., тыс. чел.***

Субрегион, принявший мигрантов	1896–1900 гг.	1901–1905 гг.	1906–1909 гг.	1910–1914 гг.	Всего за 1896–1914 гг.
Томская губерния	324,2	60,3	813,1	268,9	1466,5
В т. ч. кабинетские земли	220,2	24,9	580,4	178,9	1000,4
Акмолинская область	114,3	30,9	325,4	106,3	576,9
Тобольская губерния	89,3	15,9	96,6	65,7	267,5
Итого:	527,8	107,1	1235,1	440,9	2310,9

* Подсчитано по данным: Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. (включительно). СПб., 1910. С. 48–49, 54–63; Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. (включительно). Пг., 1916. С. 48–49, 54–63. Суммированы собственно переселенцы и ходоки, переезжающие в Сибирь. Обратные мигранты и возвратившиеся на родину ходоки исключены.

Данные таблицы 1.14 показывают, что основным районом тяготения переселенцев в регионе являлась Томская губерния, которая в 1896–1914 гг. привлекла 63,5 % всех мигрантов. Переселенцев привлекали сюда в первую очередь плодородные земли и относительно благоприятный климат кабинетского Алтайского округа, где осело более 1 млн человек. Второе место по притягательности занимала Акмолинская область (в основном ее северные уезды): 25 % западносибирских переселенцев направлялось именно сюда. Тобольская губерния как район, лучше других заселенный и освоенный, принимал уже мало иммигрантов, с его территории практиковались переселения дальше на восток – например, на тот же Алтай или в Восточную Сибирь. Среднегодовое число мигрантов, поселившихся в Западной Сибири в 1897–1914 гг., составляло 120,4 тыс., из них на Алтае осело 53,7 тыс. человек.

Добровольное аграрное и промышленное движение переселенцев в Западную Сибирь дополнялось принудительной ссылкой, но ее роль в воспроизводстве населения региона на рубеже XIX–XX вв. была незначительной. По данным Главного тюремного управления, в начале 1898 г. в Тобольской и Томской губерниях числилось 144,4 тыс. ссыльных разных категорий, что составляло всего 4,2 % здешнего наличного населения.

Основная масса ссыльных – 73,5 % – размещалась в Тобольской губернии (подсчитано по: [25. Прил. С. 14–15])¹. В 1900 г. уголовная ссылка в Российской империи была существенно ограничена. Несмотря на увеличение в начале XX в. потока людей, сосланных за Урал по политическим мотивам, общее количество принудительно перемещенных в Сибирь к 1911 г. уменьшилось приблизительно на треть [23. С. 67]. Ссыльные в своем большинстве не имели семей, слабо закреплялись в местах своей приписки, при первой возможности стремились вернуться в Европейскую Россию.

Подводя итог рассмотрению демографической истории Западной Сибири конца XIX – начала XX в., констатируем следующее. В целом базовые характеристики социально-демографической сферы региона в этот период были едиными для всей Российской империи, и они в основном соответствовали стандартам традиционного общества. Имеются в виду достаточно многолюдные домохозяйства с высоким удельным весом семейных ячеек, сложных по структуре; небольшая доля горожан в поселенческой структуре населения; большой удельный вес детей и молодежи в структуре возрастной, а лиц, состоящих в браке – в структуре брачности; очень молодой средний возраст женихов и особенно невест; большое количество деторождений у большинства женщин, малое количество семейных разводов и пр. Обязательно назовем также высокий уровень брачности, рождаемости и смертности, особенно младенческой. Яркими проявлениями региональной специфики Западной Сибири можно считать одну из самых низких в стране плотность населения; минимальный уровень урбанизации; преобладание мужчин над женщинами в половой структуре населения; повышенную в нем долю лиц трудоспособного и детородного возраста; самые высокие в стране темпы общего и естественного прироста численности населения; беспрецедентно большие масштабы и важнейшую роль механического движения (переселений) в его воспроизводстве. Со временем, преимущественно в районах «старой» колонизации на юго-западе, происходило частичное нивелирование тех региональных черт, которые негативно сказывались на воспроизводстве населения.

К сожалению, состояние исторических источников конца имперского периода не позволило нам установить некоторые очень важные характеристики, необходимые для правильного понимания и оценки режима воспроизводства населения. Так, мы вынуждены часто пользоваться общими коэффициентами брачности, рождаемости, смертности и естественного прироста населения, а это грубые показатели, зависящие от особенностей демографической структуры, флуктуации которой могут исказить данные о динамике населения. Демографы рекомендуют пользоваться инструментами более тонкими и вычислять специальные, повозрастные, суммарные коэффициенты брачности и рождаемости, принимая в расчет, например, только женское бракоспособное население или женщин репродуктивного возраста. Естественное движение населения точнее описывают, используя коэффициенты смертности по причинам смерти, показатель ожидаемой продолжительности жизни для новорожденных, брутто-коэффициенты² и нетто-коэффициенты³ воспроизводства населения и т. д. Названные и некоторые другие полезные демографические показатели рассчитаны Б. Н. Мироновым для Европейской России, в том числе применительно к концу XIX – началу XX в. [2. С. 561–625], и напрашивается их сравнение с показателями по зауральскому региону. Но по Западной Сибири нет охватывающих весь изучаемый период многолетних статистических данных о возрастной структуре всего наличного и отдельно женского населения по годам, о возрасте родивших

¹ Доля ссыльных в населении подсчитана с учетом данных о численности населения Томской и Тобольской губерний в начале 1898 г., почерпнутых в следующем источнике: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896–1901 гг. 1905. С. 80, 85.

² Число девочек, которое в среднем родит каждая женщина за весь репродуктивный период.

³ Среднее число девочек, рожденных за всю жизнь женщиной и доживших до конца репродуктивного периода, при данных уровнях рождаемости и смертности.

женщин, демографической структуре умершего населения и т. д. Очень слабо представлена в источниках статистика населения за годы мировой войны и революций (1914–1917).

Как бы то ни было, проведенное нами исследование показало, что в конце XIX – начале XX в. в Западной Сибири, вслед за Европейской Россией, появились первые слабые признаки демографической модернизации: сокращение людности домохозяйств, упрощение семейной структуры, безбрачие значительной части взрослых людей, некоторое сокращение смертности населения, в том числе младенческой и детской, нарастание естественного прироста до показателей демографического «взрыва», относительно свободный режим миграции, повышенные темпы роста численности городского населения и др. Статистические показатели, соответствующие начальной фазе демографического перехода, складывались в результате наметившегося изменения традиционных ценностей и норм демографического поведения сибиряков, в первую очередь в городах [26].

Картина стартовых модернизационных процессов в регионе деформировалась притоком переселенцев из Европейской России, в среде которых держался высокий уровень брачности, рождаемости, смертности и естественного прироста населения. Этот поток стал массовым в 1897–1901 гг., достиг своего пика в 1906–1909 гг., что привело к неординарным всплескам показателей движения населения. «Нормальная» динамика демографического перехода «смазывалась» также бурными социально-экономическими и политическими событиями. Холерная эпидемия и голод 1892 г., неурожай 1901–1902, а затем 1911–1912 гг., военные и революционные эксцессы 1904–1905 гг. «искажали» динамику воспроизводства населения. Первая мировая война, политические и социальные катаклизмы в России этапа 1914–1917 гг. прервали относительно стабильный процесс роста численности населения Западной Сибири, оптимизации его демографической структуры, режима и типа воспроизводства.

Литература:

1. Пронин В. И. Население Сибири 1897–1917 гг.: основные этапы и источники роста // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв. Новосибирск: Ин-т ист. СО РАН [и др.], 1996. С. 102–104.
2. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.
3. Турчанинов Н. В. Население Азиатской России: статистический очерк // Азиатская Россия. СПб.: Гл. упр. землеустройства и земледелия. Переселен. упр., 1914. Т. 1. С. 64–92.
4. Горюшкин Л. М. К характеристике народонаселения Сибири периода империализма // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск: Ин-т ист., филол. и филос. СО АН СССР: Новосиб. отд. Геогр. о-ва СССР, 1975. С. 75–89.
5. Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. 344 с.
6. Пронин В. И. Население Новониколаевска // Новосибирск: энциклопедия. Новосибирск: Кн. изд-во, 2003. С. 555–556.
7. Татарникова А. И. Сеть сельских поселений Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: масштабы и социальное развитие. Тобольск: ТКНС УрО РАН, 2013. 236 с.
8. Горюшкин Л. М., Пронин В. И. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции // Историческая демография Сибири. Новосибирск: Наука, 1992. С. 84–101.
9. Шумилова Э. Е. Демографическая ситуация в крупных городах Западной Сибири в 1914–1917 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 1. С. 68–72.
10. Демографическое старение // Демографическая энциклопедия / гл. ред. А. А. Ткаченко. М.: Энцикл., 2013. С. 244–245.

11. Зверев В. А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. 278 с.
12. Зверев В. А. «Любо, так к венцу»: брачность русского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Православные традиции в народной культуре восточнославянского населения Западной Сибири в конце XIX – XX в. Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2005. С. 7–17.
13. Ласлетт П. Семья и семейное домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века. М.: Статистика, 1979. С. 132–157.
14. Миронов Б. Н. Сибиреведение сегодня // Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве. Новосибирск: НГПУ, 2009. С. 5–13.
15. Свищёв П. А. Народонаселение Зауралья конца XIX – начала XX в. // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Курган: КГУ: Обл. о-во краеведов, 1997. Вып. 20. С. 193–219.
16. Клячкин В. Е. Естественное движение населения г. Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–1926 гг. Омск: Сибкрайздрав. Омск. окр. здравотдел, 1928. 50 с.
17. Мерхалёв Д. И. Рождаемость за время войны и революции в Сибири // Сборник Сибирского статистического управления. Новониколаевск: Сиб. стат. упр., 1922. Т. 2. С. 94–111. (Тр. / Сиб. стат. упр.; вып. 7).
18. Славина Л. Н. Демографический состав сельского населения Сибири как фактор развития деревни (по переписи 1920 г.) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: Изд. дом «Наука», 2012. Ч. 2. С. 35–40.
19. Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул: Азбука, 2007. 292 с.
20. Гречищев К. М. Томск: данные для оценки санитарного состояния города // Памятная книжка Томской губернии на 1913 г. Томск: Губ. стат. ком., 1913. Прил. С. 9–26.
21. Айзин М. Л. Медико-санитарное обслуживание переселенческого движения // Сибирский медицинский журнал. 1925. № 2. С. 65–73.
22. Зверев В. А. Статистика медицинского ведомства vs. данные губернаторских отчетов: источники для изучения естественного движения населения в Азиатской России конца имперского периода // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего. Новосибирск: Ин-т ист. СО РАН: Параллель, 2014. Вып. 3. С. 138–150.
23. Пронин В. И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4. С. 50–69.
24. Русские старожилы Сибири: историко-антропологический очерк / отв. ред.: В. В. Бунак, И. М. Золотарёва. М.: Наука, 1973. 192 с.
25. [Саломон А. П.] Ссылка в Сибирь: очерк ее истории и современного положения. СПб.: [Гл. тюремн. упр.], 1900. 402 с.
26. Гончаров Ю. М. Начальный этап демографического перехода в городах Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Усть-Каменогорск: Либриус, 2009. С. 109–121.

Глава 2.

Эпоха революционных бурь (1918–1923 гг.).

С установлением осенью 1917 г. Советской власти в Западной Сибири, большевики с присущей им энергией, приступили к целенаправленному разрушению апробированной системы текущей регистрации естественного движения населения, доставшейся им в наследство от царской России. Текущий учет движения населения, основанный на использовании материалов религиозных обрядов, складывался в России в течение примерно двух столетий. Он возник в первой четверти XVIII столетия, когда православным священникам было вменено в обязанность, заносить в метрические книги сведения о крещениях, отпеваниях и венчаниях [1. С. 50]. Полученные данные священнослужители передавали в Центральный статистический комитет (ЦСК) Российской империи. Статистические органы являлись важной составной частью государственного механизма царской России. Поэтому практическое претворение в жизнь идеи диктатуры пролетариата, требующей решительного слома буржуазной государственной машины, привело к полному разрушению старого статистического аппарата. ЦСК и его органы на местах – губернские статистические комитеты были ликвидированы, а священнослужители лишались права регистрировать демографические события. Отныне юридически правомочной признавалась только государственная (светская) регистрация браков, рождений и смертей. С этой целью в стране создавалась сеть специальных органов, функции которых состояли в записи актов гражданского состояния – так называемых загсов. Обработка полученных загсами материалов была возложена на созданное 25 июля 1918 г. Центральное статистическое управление (ЦСУ). В Западной Сибири статистические органы были организованы в конце 1919 г. – начале 1920 г., сразу после изгнания колчаковцев.

Но создание государственной системы регистрации оказалось непростым делом. Оно требовало времени и средств, которых явно недоставало. Организация загсов затянулась. В течение 1918 – 1919 гг. загсы были организованы только в некоторых городах европейской части советской России. В Западной Сибири к их созданию даже не приступали. В результате, старая система фиксации демографических событий оказалась разрушенной, новая же не сложилась. Население, в течение столетий, сжившееся с религиозной обрядностью, по-прежнему обращалось к священнослужителям. Часть старых метрических книг была утеряна или уничтожена в ходе Гражданской войны. Это была катастрофа российской демографической статистики. Имея в виду период революции и Гражданской войны правильнее говорить не о погрешностях учета, а о полном его отсутствии. Д. Мерхалев, один из ведущих статистиков Сибири начала 1920-х гг., писал: «Русская демография утратила навсегда материалы по естественному движению населения за весь бурный период революции»[2. С. 95].

Практически почти полное отсутствие статистических источников, характеризующих естественное движение населения Западной Сибири в годы Гражданской войны, исключает возможность сколько-нибудь основательного отображения динамики рождаемости в 1918 – 1922 гг. Сегодня мы в состоянии ориентировочно определить только общее направление воспроизводственных процессов.

В период революции и Гражданской войны рождаемость, несомненно, сократилась. Причем в эти годы перелом в динамике рождаемости происходил дважды. В 1917 – 1919 гг. рождаемость в Сибири несколько увеличилась, но в 1920 – 1921 гг. вновь сократилась. Столь резкие колебания рождаемости были вполне логичным следствием развития демографической подсистемы в пертурбационных условиях военного времени. Данный вывод подтверждают цифровые материалы по Енисейской губернии. Это единственная территория Сибири, по которой удалось обнаружить относительно полные и в принципе приемлемые сведения о рождаемости за период Гражданской войны. Поскольку Енисейская губерния непосредственно примыкала к Западной Сибири, используем, за неимением других данных, материалы по Енисейской губернии для характеристики рождаемости в Западной

Сибири. В 1917 г. в Енисейской губернии показатель рождаемости составлял 36‰. Но в 1918 и 1919 гг. рождаемость в губернии повысилась до 46‰. Эти колебания рождаемости, вне всякого сомнения, были обусловлены демобилизацией солдат царской армии. Ранее нарушенное в ходе массовых воинских мобилизаций равновесие полов было частично восстановлено. Однако в 1920 г. рождаемость сократилась до 38‰ [3. С. 65].

По расчетам Д. Мерхалева, проведенным на основе материалов переписи 1920 г. по девяти возрастным когортам (1912 – 1920 гг. рождения), уровень рождаемости в сельской местности Енисейской губернии в 1920 г. по отношению к 1912 – 1914 гг. составил всего 38%. Дефицит рождений за 1915 – 1920 гг. только по трем губерниям Сибири (Алтайской, Енисейской и Иркутской) Д. Мерхалев определил в 274 тыс. человек [2. С. 102, 104]

Более точную, хотя и косвенную информацию о параметрах рождаемости в 1917 – 1921 гг. можно получить, опираясь на материалы переписи 1926 г. о половозрастном составе населения Сибири.

Таблица 2.1 *

Число детей 1918 – 1921 гг. рождения в Сибирском крае по данным переписи населения 1926 г.

Возраст на 17 декабря 1926 г. (лет)	Год рождения	Число детей (человек)	Темпы роста (убыли) в % к предыдущему году
9	1917	159,6	-
8	1918	227,1	142,3
7	1919	203,7	89,7
6	1920	199,8	98,1
5	1921	222,8	111,5

* Составлена по данным: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. VI. М. 1928. С. 104.

Сведения, сосредоточенные в табл. 2. 1 подтверждают тот факт, что уровень рождаемости после 1917 г. увеличился. Во всяком случае, в Сибирском крае, согласно переписи населения 1926 г., насчитывалось около 160 тыс. детей 1917 г. рождения, тогда как число детей 1918 г. рождения превысило 227 тыс. Но в 1919 г. численность детского населения заметно сократилась. Тенденция к понижению рождаемости продолжилась и 1920 г. В этом году поколение детей в Сибирском крае достигло своего количественного минимума – менее 200 тыс. человек. Только в 1921 г. рождаемость вступила в стадию роста.

В отношении смертности состояние источниковй базы периода революции и Гражданской войны несколько лучше, чем в отношении рождаемости. Но прямых сведений об изменении параметров смертности, как и в случае с рождаемостью, очень мало. Тем не менее, анализ многочисленных косвенных источников в частности, данных о распространенности инфекционных заболеваний, позволяет утверждать, что одновременно с хаотичными колебаниями рождаемости, в Западной Сибири резко увеличилась смертность.

Основную роль в повышении смертности играли эпидемии инфекционных заболеваний, прежде всего сыпного тифа. В советской России первая вспышка этого чрезвычайно опасного заболевания, принявшая масштабы эпидемии, была зафиксирована ещё в ноябре 1918 г. С этого момента и в течение года (по октябрь 1919 г.) на территории, контролируемой большевиками, было отмечено 1,8 млн. заболеваний сыпняком[4. С. 38]. Сыпной тиф очень быстро распространился на всю территорию страны и вскоре был зафиксирован в Западной Сибири. Однако на этапе с октября 1918 г. по январь 1919 г. заболеваемость и смертность от тифов, как свидетельствует томский врач П. П. Садовский, были еще сравнительно невелики. Летальность* от сыпного тифа в Томской губернии в

* Летальность – в медицинской статистике отношение числа умерших от какой-либо болезни к числу болевших этой болезнью. Выражается в процентах.

указанный период составляла 7,7% (заболело 3298 человек, умерли 254 человека). В теплое время года на регион обрушились возвратный и брюшной тифы. Летальность от возвратного тифа по Томской губернии в 1918 г. достигала 1,5% (заболели 954 человек, умерли 14 человек), от брюшного тифа – 8,8% (соответственно 917 и 81 человек) [5. С. 28]. Однако, начиная с августа 1919 г. заболеваемость брюшным и возвратным тифом, а вместе с тем и летальность, стали очень быстро увеличиваться. Таким образом, большевики, изгнавшие колчаковцев получили «в наследство» санитарно «грязную» территорию.

В конце 1919 – начале 1920 гг. в Сибири разразилась повторная эпидемия сыпного тифа, которая мгновенно охватила территории, прилегающие к Транссибирской железной дороге. А. Грацианов, заведующий Санитарно-эпидемическим Управлением Уполномоченного Наркомздрава РСФСР по Сибири, характеризуя масштабы эпидемии, писал: «Большие и узловые станции железных дорог были забиты трупами лиц, умерших от тифа, на некоторых станциях залежи трупов достигли огромных размеров, города не успевали открывать тифозных больниц и хоронить трупы» [6. С. 65].

Особенно велика была заболеваемость тифом среди военнослужащих и беженцев, многие из которых прибывали в Сибирь больными, способствуя тем самым дальнейшему росту заболеваемости. Примечательно свидетельство доктора Благоева, который служил в санитарном поезде колчаковской армии. Зимой 1920 г. в районе станции Боготол поезд был захвачен частями Красной армии. Обнаружилась ужасающая картина – вагоны были загружены в три яруса тифозными больными, заживо поедаемые насекомыми. Это был один из так называемых «поездов смерти» [7. С. 188 – 189]. 5 декабря 1919 г. постановлением Сибревкома была создана Омская чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом, которая 12 декабря была преобразована в Сибирскую чрезвычайную комиссию по борьбе с тифом (Сибчекатиф) [8. С. 484].

В 1920 г. Сибздравотдел зарегистрировал 289 тыс. заболеваний сыпняком [8. С. 494]. Эти данные, скорее всего, преуменьшают масштабы катастрофы. Многие заболевания а, возможно большая их часть, не фиксировались и, следовательно, не попадали в статистическую отчетность. Во всяком случае, по данным Л. И. Лубны-Герцика в Сибири в 1920 г. было зафиксировано почти 360 тыс. заболеваний сыпным тифом [13. С. 30]. Не исключено, что и эти цифры занижают размеры бедствия. П. П. Садовский писал, что в одной только Томской губернии было зафиксировано 236 тыс. заболеваний тифом, от которых умерло свыше 22 тыс. человек. Однако в силу неполной регистрации, указывает П. П. Садовский, реальное число заболеваний в одной только Томской губернии превысило 300 тыс. случаев, а смерть настигла примерно 50 тыс. человек [5. С. 29].

О крайней степени напряженности эпидемиологической ситуации в Западной Сибири зимой 1919 – 1920 гг. свидетельствует датированный 23 января 1920 г. доклад заведующего губздравотделом о положении в Томской губернии. В докладе сообщалось: «Общая картина – не эпидемия, а мор. Цель и старания губчекатифа – превратить мор в эпидемию...» [8. С. 486]. В одном только Новониколаевске и его окрестностях было обнаружено 30 тыс. трупов¹. Борьба с тифом затруднялась полным развалом здравоохранения и абсолютно антисанитарными условиями существования людей.

С наступлением теплого времени года эпидемия сыпного тифа пошла на убыль. И если в мае 1920 г. в Сибири было зарегистрировано 20 тыс. случаев сыпняка, то в июле – 8 тыс., в августе – 3,5 тыс. Спад не был результатом усилий властей, а был обусловлен типичными сезонными колебаниями болезни. С приходом холодов волна сыпняка поднялась вновь. В ноябре 1921 г. властям пришлось восстановить преждевременно распущенную Сибирскую чрезвычайную комиссию по борьбе с тифом. Усиление эпидемии в 1921 г. было связано главным образом с наплывом в Сибирь голодбеженцев. На крупных железнодорожных станциях, таких как Омск, Новониколаевск, Юрга, Тайга скопились огромные массы народа. «Пути забиты были всевозможными контингентами и особенно

¹ Город Новосибирск и район. Экономический справочник. Новосибирск, 1932. С. 3.

голодающими, – писал А. Грацианов. – Для голодающих не было отведено соответствующих помещений и последние толпами расселялись (так в источнике – В. И.) на станциях, на путях, в вагонах, под вагонами и в железнодорожных садах, а так же на территории полосы отчуждения дорог»[6. С. 65].

Эпидемию тифа не удалось остановить и в 1922 г. В Сибири в этом году всеми видами тифа переболело 292 тыс. человек, в том числе: сыпным – около 103 тыс., брюшным почти 39 тыс., возвратным – 36 тыс. человек. Тифозная летальность по-прежнему держалась на очень высоком уровне. Из числа заболевших этой опасной болезнью скончались 20% [14. С. 14]. Всего за 5 лет (1918 – 1922 гг.) по оценкам современников событий, в Сибири всеми видами тифов переболели 1,5 млн. человек, из них 720 тыс. возвратным, 600 тыс. сыпным, 240 тыс. человек брюшным тифом¹.

Параллельно с тифозной эпидемией в 1918 г. вспыхнула эпидемия холеры. В этом году было зарегистрировано свыше 40 тыс. случаев заболеваний, в 1919 г. – около 25 тыс. случаев [15. С. 53 - 54]. Весной 1920 г. угроза появления азиатской холеры возникла вновь. Эпидемия разразилась в начале июля, в связи с чем была образована Сибирская чрезвычайная комиссия по борьбе с холерой (Сибчекахол). Холера носит ярко выраженный сезонный характер, но в отличие от сыпного тифа, достигает максимального развития в весенне-летнее время. Поэтому зимние холода 1920-1921 гг. приостановили рост холеры, но с наступлением тепла эпидемия ударила вновь. 2 июля 1921 г. Омская губерния и железнодорожные пути до Омска были охвачены холерой. 8 июля, помимо Омска, холера была зарегистрирована в Тюмени, Новониколаевске, Рубцовске, Татарске и Юрге [8. С. 497].

Весной 1922 г. эпидемия холеры вспыхнула с новой силой. 5 апреля 1922 г. первое заболевание холерой было зарегистрировано на станции Куломзино, а 18 апреля болезнь уже распространилась до Омска. 26 апреля холера докатилась до Новониколаевска. В мае эпидемия перекинулась на Алтайскую губернию, в июне – на Тюменскую и Томскую. Болезнь, таким образом, с необычайной быстротой распространилась на всю Западную Сибирь. Ее основными переносчиками, как и в случае с тифом, были хлынувшие в Сибирь голодающие. «Находясь в отвратительных жилищных условиях, – писал А. Грацианов, – грязные, полуголодные, питаюсь зачастую отбросами и пользуясь нередко недоброкачественной и к тому же в большинстве случаев, сырой водой, голодающие послужили хорошей почвой для развития холерной эпидемии» [6. С. 27].

Уровень летальности от этой чрезвычайно опасной болезни превышал все мыслимые пределы. К сентябрю 1922 г. в Сибири было зарегистрировано 16874 заболевших холерой, из которых 8469 человек (свыше половины) скончались. Индекс летальности от холеры в Тюменской губернии составлял 68%, в Алтайской – 65, в Томской – 51, в Омской – 46, в Новониколаевской – 44% [8. С. 507]. В отдельных селах Бийского уезда (села Плешаково, Буланиха, Шубинка, Овсянниково, Воеводское, Сростки, Быстрый Исток) смертность от азиатской холеры достигла 100% [6. С. 47].

В основе катастрофически высокой летальности от холеры лежали не только антисанитарные условия существования людей, но (и это главное) – почти полное разрушение и без того слабо развитого сибирского здравоохранения. Составители отчета о деятельности Сибздравотдела за период с января по октябрь 1921 г. указывали: «Антисанитарные условия Сибири, крайняя недостаточность санитарных установок, дезинфекционных средств и медикаментов, ненормальная постановка лечебного дела, хроническое недоедание населения, недостаток топлива, белья, мыла и ряда других предметов первой необходимости все время поддерживали усиленную заболеваемость населения Сибири, вообще и в частности поддерживали существующие эпидемии в ней» [8. С. 505]. В 1919 – 1921 г. в больницах Сибири (в административных границах Сибирского края) функционировали всего 5,6 тыс. так называемых «заразных» коек, приспособленных для лечения инфекционных больных. [16. С. 38] Врачей катастрофически недоставало. В

¹ Там же.

1920 г. на весь огромный край насчитывалось 843 врача, в 1921 г. – 624 врача [8. С. 513]. К тому же деревня, где проживало подавляющее большинство населения, фактически была лишена медицинской помощи. И если в Омске на 1 января 1920 г. один врач приходился на 2115 жителей, то в Омском уезде – на 60637 человек, в Калачинском на – 72922, Тюкалинском – на 47428 человек [8. С. 493].

Эпидемии, собиравшие многочисленные жертвы, являлись неотъемлемым спутником голода, который внес свой вклад в наращивание смертности. В 1920 г. неурожай поразил Омскую и Алтайскую губернии, на которые приходилось более половины посевных площадей Сибири. В 1921 г. засуха обрушилась на волости и уезды Омской, Новониколаевской и Томской губерний. Несмотря на неурожай, размеры продналога и продразверстки в Сибири не были снижены. Кроме того, в восточные районы страны хлынул, как уже говорилось, поток голодбеженцев. Уровень летальности среди голодбеженцев, чей организм был ослаблен длительным недоеданием, достигал крайних пределов. Из числа заболевших инфекциями голодбеженцев, погибало от 60 до 90%¹. Движение голодбеженцев в Сибирь прекратилось только в октябре 1922 г. К осени 1923 г. в Сибири осталось 100 тыс. голодбеженцев, которые, как писал непосредственный свидетель доктор М. Л. Айзин «будучи предоставлены сами себе, вымирили и были горючим материалом эпидемических заболеваний» [17. С. 67].

В условиях эпидемий, хронического голодания, развала здравоохранения, уровень смертности не мог не возрасти, что отмечает в частности, такой авторитетный исследователь, как С. А. Новосельский [9. С. 117.]. По Западной Сибири приемлемые для научного анализа материалы имеются только по Томску. Сведения о параметрах смертности в Томске во время эпидемии сыпного тифа 1920 г. содержатся в статье А. Сергеева. Автор опирается главным образом на материалы Губстатбюро и губернского загса. Согласно этим данным, уровень смертности в Томске в 1920 г. повысился до катастрофической величины – 103% [18. С. 85]. Примечательно, что уровень смертности в Томске был, по-видимому, самым высоким в стране. Во всяком случае, в 1920 г. общий коэффициент смертности в Орле составлял 73,1%, Петрограде – 50,6, в городах Ярославской губернии – 60,8% [3. С. 69]. В Иркутске в 1920 г. общий коэффициент смертности превосходил 30% [7. С. 195]. Только в Самаре показатели смертности приближались к «томскому» уровню, составляя 93,8% [3. С. 69].

Смертность в пораженном эпидемией Томске отчетливо дифференцировалась по половозрастным группам. На долю мужчин в общей совокупности умерших приходилось свыше 81% [18. С. 85]. Уровень мужской смертности составлял 140,1%, женской – 36,9%. Таким образом, показатели смертности мужчин почти в 4 раза превышали показатели смертности среди женщин. При этом вымиранию были подвержены главным образом молодые мужчины. Эта возрастная группа оказалась самой «слабой» и наименее устойчивой к негативному влиянию факторов внешней среды. Смертность мужчин 18-летнего возраста достигала 345% (женщин – 19%), 19-летнего – 751% (женщин – 15%). Смертность мужчин возрастной группы 20-24 г. составляла 428 % (женщин – 17%) [18. С. 87]. Отметим также чрезвычайно высокие показатели смертности младенцев моложе 1 года и детей от 1 до 2-х лет.

Таким образом, смертность в Западной Сибири в 1920 г. достигла своих максимальных величин. В дальнейшем показатели смертности снижались, но очень медленно. Они оставались на высоком уровне вплоть до конца 1921 – середины 1922 гг. Замедленному снижению смертности способствовали: политическая нестабильность, крестьянские мятежи, революционный террор. Однако оценить вклад этих факторов в повышение смертности населения не представляется возможным.

Революция и Гражданская война сдвинули с насиженных мест миллионы людей. Соответственно миграции приняли чрезвычайный характер. И если в мирные годы в основе территориальных перемещений людей лежали главным образом экономические факторы, то

¹ Жизнь Сибири. 1922. № 4. С. 205.

в пертурбационные периоды истории это были беспорядочные перемещения населения, обусловленные быстрыми и частыми изменениями военно-политической ситуации и стремлением людей выжить в обстановке социального хаоса. Горожане, спасаясь от голода, переселялись в сельскую местность. В стране появился такой своеобразный вид миграций, как «белое беженство. По некоторым оценкам, в Сибирь из районов, контролируемых большевиками, только в 1919 г. переселилось около 800 тыс. беженцев [10. С. 39]. Часть «новых» сибиряков осталась в регионе на постоянное жительство, другая в конце 1919 – начале 1920 гг. ушла вместе с Белой армией на восток и, вероятно, покинула пределы России.

Количественно внушительный миграционный поток представляли голодбеженцы. Так, в Западную Сибирь с 1 июня 1921 г. по 1 января 1921 г. проследовало 211 тыс. человек [11. С. 56]. За три осенних месяца 1921 г. (сентябрь – ноябрь) через Челябинск в восточном направлении проследовало 200 тыс. человек «организованным путем», а сверх того еще столько же так называемого «неорганизованного» населения [6. С. 65].

Итак, миграции в годы Гражданской войны играли заметную роль в развитии населения Сибири. Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала в Сибирском крае свыше 912 тыс. неместных уроженцев, прибывших в регион в 1917 – 1923 гг. Это составляло свыше 10% от всего населения края¹.

Бурные миграции в совокупности с хаотичными колебаниями рождаемости и смертности, оказали очень сильное воздействие на численность населения Сибири. Но из-за крайней скудности источниковой базы, задача определения численности населения региона представляется крайне сложной. В нашем распоряжении имеется единственный источник, который содержит сведения о численности населения Сибири. Это демографическая перепись, организованная 28 августа 1920 г.

Таблица 2.2 *

Численность наличного населения Западной Сибири по территориям, охваченным демографической переписью 28 августа 1920 г.**

Губернии	Все население	В том числе:		Удельный вес городского населения в %
		сельское	городское	
Алтайская	1634055	1493074	140981	8,6
Омская	1556797	1377346	179451	11,5
Ново-Николаевская	1345646	1234965	110681	8,2
Томская	1086271	882255	204016	18,8
Тюменская	1177374	1085707	91667	7,8
Всего Западная Сибирь	6800143	6073347	726796	10,7

*Источник: Статистический ежегодник 1918 – 1920 гг. Вып. первый. М., 1920. С. 2, 4.

**В Западной Сибири перепись 1920 г. не охватила север Томской губернии (Нарымский край).

Перепись 1920 г. зафиксировала в Западной Сибири, на территориях, подвергнутых переписи свыше 6,8 млн. человек, из которых немногим более семисот тысяч – в городских поселениях. Основная масса сибиряков сосредотачивалась в сельской местности. Удельный вес горожан в Западной Сибири не превышал 11% и был значительно ниже общероссийских показателей, составлявших 14%². При этом нельзя не учитывать, что в Сибири имелось большое количество населенных пунктов, которые были городами только по названию. Западная Сибирь, таким образом, находилась в начальной стадии урбанизации.

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XL. М., 1930. С. 140 – 141.

² Статистический ежегодник 1918 – 1920 гг. Вып. первый. М., 1920. С. 2.

Перепись 1920 г. дает возможность определить состав населения Сибири по полу.

Таблица 2.3 *

Удельный вес мужчин в населении Западной Сибири по данным переписи 1920 г.

Губернии	Удельный вес мужчин
Алтайская	47,7
Омская	48,4
Ново-Николаевская	47,6
Томская	48,8
Тюменская	46,8
Всего Западная Сибирь	47,8

* Источник: Статистический ежегодник 1918 – 1920 гг. Вып. первый. М., 1920. С. 2, 4.

Состав населения Сибири по полу в начале 1920-х гг. отразил очень сильное пертурбационное влияние Первой мировой и Гражданской войн. По большинству территорий Сибири перепись зафиксировала преобладание женщин, сформировавшееся вследствие масштабных воинских мобилизаций и потерь мужских жизней в ходе боевых действий. Особенно заметные нарушения баланса полов были характерны для Тюменской, Ново-Николаевской и Алтайской губерний.

Перепись 1920 г., как впрочем, и любая перепись, дала застывшее, неподвижное изображение населения, оставляя невыясненным вопрос, о динамике численности населения Сибири между 1918 – 1922 гг. Чтобы понять, какие изменения в населении Сибири произошли в период революции и Гражданской войны, обратимся к работе Е. З. Волкова.

Таблица 2.4 *

Динамика численности населения Сибирского края в годы революции и Гражданской войны. Оценка Е. З. Волкова.**

Год	Все население	В том числе:		Удельный вес городского населения в %	
		Городское	Сельское	Городское	Сельское
1917	8064,1	808,5	7255,6	10,0	90,0
1918	8324,4	1007,9	7316,5	12,1	87,9
1919	8390,4	958,8	7431,6	11,4	88,6
1920	8811,2	935,6	7875,6	10,6	89,4
1921	9012,8	901,4	8111,4	10,0	90,0
1922	9265,2	967,1	8298,1	10,4	89,6

*Источник: Волков Е. З. Динамика народонаселения за восемьдесят лет. М.-Л., 1930. С. 98-99, 212 - 213.

**Е. З. Волков под Сибирским краем подразумевал Енисейскую, Иркутскую, Томскую и Тобольскую губернии по административно-территориальному устройству 1914 г.

Для периода Гражданской войны были характерны столь резкие колебания численности населения, что было бы правильно подвергнуть анализу их годовую динамику. В 1917 г. (с 1 января 1917 г. по 1 января 1918 г.) численность населения Сибири выросла на 3,2%. Но росло главным образом городское население (рост почти на 25%). Сельское население в этот период фактически стагнировало. Оно выросло всего на 0,8%. В этом отчетливо прослеживается влияние миграций.

В следующем году темпы роста населения региона значительно сократились. В течение 1918 г. (с 1 января 1918 г. по 1 января 1919 г.) численность населения региона увеличилась на крайне незначительную величину – всего на 0,8%, что в абсолютном выражении составило 66,2 тыс. человек. В сущности, в 1918 г. рост численности населения Сибири прервался. При этом в городах произошло резкое сокращение населения (на 4,9%),

тогда как сибирская деревня увеличила свое население всего на 1,6%, иными словами на величину естественного прироста. Это говорит о том, что массовое бегство городского населения в сельскую местность еще не началось. Скорее всего, горожане уезжали в другие регионы страны или в эмигрировали из страны.

В 1919 г. (с 1 января 1919 г. по 1 января 1920 г.) население Сибири выросло сразу на 5%. В абсолютном выражении прирост составил 420,8 тыс. человек. Кардинальное изменение вектора демографического роста было обеспечено притоком людей из европейской части страны за счет так называемого «белого беженства». При этом, для городов было характерно дальнейшее сокращение численности населения на 2,4%, тогда как село увеличило свою численность на 6% (на 444 тыс. человек). Источник роста сельского населения был не только естественный прирост, но приток людей из городов. В целом для периода властвования «белых» для Сибири был характерен общий рост населения при сокращении численности городского и увеличении сельского населения.

В 1920 г. (с по 1 января 1920 по 1 января 1921 гг.) темпы роста населения региона понизились до 2,3% (на 622,4 тыс. человек). При этом городское население уменьшилось на 3,7% (на 34,2 тыс. человек), сельское выросло на 3% (на 235,8 тыс. человек).

В 1921 г. (с по 1 января 1921 по 1 января 1922 гг.) темпы роста населения Сибири сократились до 2,8% (на 252,4 тыс. человек). При этом за счет возвратного движения горожан из сельской местности, городское население увеличилось сразу на 7,2% (на 65,7 тыс. человек), тогда как в деревне всего на 2,3% (на 186,7 тыс. человек). Таким образом, 1921 г. явился периодом перелома, когда начался выход демографического из кризиса.

В целом за четыре года (начало 1918 г. – начало 1922 г.) население Сибири замедлило темпы роста, увеличившись всего на 11,3% (среднегодовой прирост 2,8%). В абсолютном выражении прирост составил 940,8 тыс. человек. Численность городского населения сократилась на 4%, тогда как сельское выросло на 13,4%. Из этого следует, во-первых, что городское население Сибири в период Гражданской войны понесло самые значительные потери, а процесс урбанизации был прерван.

15 марта 1923 г. в СССР была организована Всесоюзная перепись городского населения. В результате появились относительно точные данные о динамике населения городов за 1920 – 1923 гг.

Таблица 2.5 *

Численность городского населения Сибири по данным демографической переписи 28 августа 1920 г. и городской переписи 15 марта 1923 г. (в населенных пунктах, подвергнутых переписи 1920 г.)

Губернии	Население по данным переписи 1920 г.	Население по данным переписи 1923 г.
Алтайская	134228	143238
Ново-Николаевская	120484	126165
Омская	183033	189005
Томская	183283	168290
Тюменская	97659	93827
Всего Западная Сибирь	718687	720525

* Источник: Бюллетень Центрального статистического управления. Всероссийская городская перепись 1923 года. № 77. 25 августа 1923 года. М., 1923. С. 6 - 7.

Перепись 1923 г., если сопоставить ее данные с материалами демографической переписи 1920 г. показала, что городское население Западной Сибири практически не увеличилось. Прирост городского населения региона составил мизерную величину – 1,8 тыс. человек (0,3%). Городское население Томской и Тюменской губерний вообще сократилось.

Особенно заметно понизилась численность самых крупных городов Западной Сибири, оказавшихся в эпицентре бурных событий Гражданской войны. В частности население Омска в 1920 г. составляло 144,5 тыс. человек, тогда как в 1923 г. – 109,2 тыс. человек, Томска – соответственно 91 тыс. и 75,7 тыс. человек [12. С. 145]. В сущности, городское население в годы революции и Гражданской войны понесло самые большие демографические потери.

Литература:

1. Гозулов А. И. Очерки истории отечественной статистики. М.: Статистика, 1972. 312 с.
2. Мерхалев Д. Рождаемость за время войны и революции в Сибири // Сборник Сибирского Статистического Управления. Т II. Вып. 7. Новониколаевск, 1922. С. 94 – 111.
3. Дробижев В. З. У истоков советской демографии. М.: Мысль, 1987. 221 с.
4. П. К. Некоторые данные о распространении сыпного тифа в Республике за сентябрь и октябрь 1919 года // Известия народного комиссариата здравоохранения. 1920. 15 марта. № 1 – 2. С. 38 – 39.
5. Садовский П. П. Текущая тифозная эпидемия в Томской губ // Сибирский медицинский журнал. 1922. № 1-2. С. 28 – 33.
6. Грацианов А. Движение всех видов тифа в Сибири в 1921 и 1922 года // Сибирский медицинский журнал. 1923. № 1. С. 65 – 68.
7. Труды I-го съезда врачей Восточной Сибири в гор. Иркутске 20 – 25 августа 1924 г. Иркутск: Гублит, 1925. 224 с.
8. Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925. Сб. документов и материалов. Новосибирск, Новосибирское книжное изд. – во, 1959. 658 с.
9. Новосельский С. А. Влияние войны на естественное движение населения // Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914 – 1920 гг. Вып. I. М.-Пг. Гос. изд – во. 1923. С. 47 – 120.
10. Рынков В. М. Будни гражданской войны: поведение горожан в экстремальной ситуации // Толерантность и взаимодействие в переходных обществах. Новосибирск. 2003. С. 35 – 42.
11. Славина Л. И. Миграция населения на территории Сибири в годы восстановления народного хозяйства (1920 – 1926 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск: Наука, 1977. С. 51 – 69.
12. Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири (1926 – 1939 гг.). Новосибирск: Наука, 1984. 168 с.
13. Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время войны и революции. М.: Плановое хозяйство, 1926. С. 30.
14. Маслов Л. М. Краткие данные о движении эпидемии в Сибири за первую половину 1923 года // Сибирский медицинский журнал. 1923. № 2. С. 14 – 15.
15. Бароян О. В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М., Медицина, 1968. 303 с.
16. Макаревич А. Л., Герцов Н. А. Очерк состояния лечебного дела в Сибирском крае и ближайшие задачи // Сибирский медицинский журнал. 1925. № 3. С. 23-43.
17. Айзин М. А. Деятельность общества Красного Креста в Сибири // Сибирский медицинский журнал. 1925. № 3. С. 23 – 43.
18. Сергеев А. Гор. Томск на экране санитарной статистики (по материалам Томского Губстатбюро, Губзакса и других источников) // Сибирский медицинский журнал. 1923. № 1. С. 85 – 90.

Глава 3.

«Золотой век» демографического роста (1923–1928 гг.).

Изгнание колчаковцев послужило импульсом к преодолению катастрофических явлений, потрясших демографическую сферу восточных районов страны в годы войн и революций. Структурные искажения, происшедшие в населении в период кризиса не затронули базисных основ демографического развития и, таким образом, не вызвали необратимых изменений. Восстановление довоенных тенденций развития населения протекало очень быстро.

Но состояние источников не позволяет достоверно определить динамику численности и воспроизводства населения в первой половине 1920-х гг. Сложившаяся ещё в царское время система регистрации рождений, смертей и браков, основанная на фиксации религиозных обрядов, после революции была разрушена. Регулярное статистическое наблюдение за движением населения в Сибири было воссоздано (в неполном объеме) только в 1925 г. Основным источником сведений о численности и составе населения Сибири в начале 1920-х гг. являются расчеты статистиков того времени, опирающиеся на материалы демографической переписи, организованной 28 августа 1920 г. Эта перепись, как уже говорилось ранее, не охватила полностью территорию Сибири. Соответственно, значительными были неточности, допущенные при определении численности и состава населения. Перепись, организованная 15 марта 1923 г. была городской. Она не коснулась сельского населения. Таким образом, сведения о численности населения восточных районов страны в первой половине 1920-х гг. носят оценочный характер.

Таблица 3.1 *

Численность населения Западной Сибири ** (1920 – 1925 гг.).

Дата	Все население (человек)	Сельское население (человек)	Городское население (человек)	Удельный вес городского населения в %
Демографическая перепись 28 августа 1920 г.**	6800143	6073347	726796	10,7
Оценка ЦСУ СССР на середину 1923 г.***	7125122	6404600	720522	10,1
Оценка ЦСУ СССР на 1 декабря 1925 г.****	7296400	6540600	755800	10,4

* Источник: Статистический ежегодник 1918 – 1920 гг. Вып. первый. М., 1920. С. 2, 4; Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918 – 1923. За пять лет работы Центрального статистического управления. М., 1924. С. 2 – 3, 4 – 5, 12, 24, 46; Вольф М. В., Мебус Г. А. Статистический справочник по экономической географии СССР и других государств. М., Л., 1926. С.27 – 28.

** В границах Алтайской, Новониколаевской, Омской, Томской, Тюменской губерний по административно-территориальному устройству 1921 г.

*** В границах Алтайской, Новониколаевской, Омской, Томской, Тюменской губерний по административно-территориальному устройству на 15 мая 1925 г.

**** В границах Алтайской, Новониколаевской, Омской, Томской губерний и части территорий бывшей Тюменской губернии по административно-территориальному устройству на 1 декабря 1925 г.

Оценки, приведенные в табл. 1, свидетельствуют, что в 1920 – 1923 гг. население Западной Сибири стабилизировалось в своей численности. Падение численности сельского

населения не только прекратилось, но и определилась тенденция к наращиванию количества жителей деревни.

В отличие от сельского населения, численность горожан мы можем определить относительно точно, опираясь не на приблизительные оценки, а на материалы демографической переписи 1920 г. и городской переписи 1923 г. В указанные годы численность городского населения продолжала сокращаться. В данном случае сказывались последствия Гражданской войны и политики военного коммунизма: остановка промышленного производства, распад транспортной системы, голод и эпидемии инфекционных заболеваний. Влияние нэпа в эти годы еще не стало решающим фактором демографического развития, к тому же нэп в Сибири вводился позднее, чем в европейской части страны. Сопоставление материалов переписей 1920 г. и 1923 г. показывает, что в городах Томской губернии численность населения уменьшилась почти на 9%. В Алтайской губернии в 1920 – 1923 гг. численность горожан уменьшилась, – на 6,7, в Тюменской – почти на 4%. В указанный межпереписной период в Сибири количество горожан выросло только в двух губерниях: Ново-Николаевской – на 4,7% и Омской – на 3,3%¹. Укажем для сравнения, что в городских поселениях европейской части СССР в 1920 – 1923 гг. население увеличилось на 15,4%. Москва и Петроград приумножили число своих жителей на 51,3% [1. С. 10].

Но после 1923 г. направленность демографического развития в Западной Сибири изменилась, чему в основном способствовало восстановление экономики на базе нэпа. Согласно подсчетам ЦСУ СССР в Западной Сибири численность населения стабильно росла, причем как в городе, так и в деревне.

Получить взамен приблизительных оценок достоверные данные о численности сельского и городского населения по всей территории Западной Сибири удалось только после проведения Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. Перепись показала, что за Уралом проживают 12,3 млн. человек, в том числе в Сибири – 10,7 млн., на Дальнем Востоке – 1,6 млн. человек (см. табл. 2).

Таблица 3.2 *

Численность населения Западной Сибири ** по данным переписи 1926 г.

	Тысяч человек	Удельный вес в %
Всего населения	7432,0	100,0
В том числе:		
Сельское	6555,0	88,2
Городское	877,0	11,8

* Источник: Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973. Стат. сборник. М., 1975. С. 16 – 19; Население России за 100 лет (1897 – 1987). Стат. сборник. М., 1998. С. 52.

** В границах Республики Алтай, Алтайского края, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областей, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов по административно-территориальному устройству середины 1990-х гг.

В середине 1920-х гг. большинство сибиряков проживали в сельской местности. Удельный вес горожан в населении Западной Сибири составлял всего 11,8%. Прослойка городского населения РСФСР в целом по результатам переписи 1926 г. достигала почти 18%². В данном случае сказывалось отставание Западной Сибири в области промышленного развития. При этом важно учитывать, что реальный уровень урбанизированности региона был ещё ниже, чем это формально показывает перепись 1926 г.: многие населенные пункты Сибири в 1920-е гг. городскими считались только условно. Их «городской» статус не был признан де-юре. В Сибирском крае к моменту проведения переписи ВЦИКом официально

¹ Бюллетень Центрального статистического управления. Всероссийская Городская перепись 1923 года. № 77. М., 1923. С. 7.

² Население СССР. 1987. Стат. сб. М., 1988. С. 8.

было утверждено 46 городских населенных пунктов. Но организаторы переписи 1926 г. к категории «городских» причислили дополнительно 27 населенных пунктов, доведя их общее число в крае до 73-х¹.

Особенно низким был уровень урбанизированности отдельных, преимущественно аграрных округов Западной Сибири. Достаточно сказать, что удельный вес городского населения Тарского округа не превышал 3,7%, Славгородского – 4,1, Каменского – 5,2, Ишимского – 5,6%². Показатели урбанизированности в Восточной Сибири были значительно выше. Они составляли почти 16%. А в отдельных округах Восточной Сибири показатели урбанизированности превышали средние по РСФСР. Так, в Иркутском округе, согласно переписи 1926 г. удельный вес городского населения составлял 33,4%, в Красноярском округе – 22,8%³.

Перепись 1926 г. содержит достоверные сведения не только о численности, но и о составе населения.

Таблица 3.3 *

**Половозрастной состав населения Сибирского края по данным переписи 1926 г.
В % к итогу.**

Возраст (лет)	Мужчины	Женщины	Оба пола
0 - 4	17,0	16,4	16,7
5 - 9	11,8	11,5	11,7
10 - 14	12,5	11,8	12,1
15 - 19	11,6	11,7	11,6
20 - 24	8,7	9,0	8,9
25 - 29	7,4	8,2	7,8
30 - 34	5,5	5,5	5,5
35 - 39	5,3	5,4	5,4
40 - 44	4,3	4,2	4,2
45 - 49	3,9	3,7	3,8
50 - 54	2,8	3,0	2,9
55 - 59	2,6	2,9	2,7
60 и старше	6,5	6,6	6,6
Возраст неизвестен	0,1	0,1	0,1
Итого	100,0	100,0	100,0

* Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. VI. М., 1928. С. 104 - 105.

Табл. 3 показывает, что население Сибири было очень молодым. На долю детских, подростковых и молодежных возрастных групп (до 29 лет) в 1926 г. приходилось около 69% жителей региона. Удельный вес лиц старше 60 лет не превышал 6,6%. Согласно распространенной в нашей стране возрастной шкале, население считается молодым, если удельный вес лиц старше 60 лет не превышает 8%.

Очень важной характеристикой демографического развития была четко обозначившаяся в середине 1920-х гг. тенденция к восстановлению нарушенного в годы Первой мировой и Гражданской войн соотношения полов. Согласно переписи 1920 г. удельный вес мужчин в составе населения Сибири не превышал 48%⁴. К 1926 г. доля мужчин

¹ Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск, 1929. Стлб. 703.

² Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXI. М., 1929. С. 186 – 187; Т. XXIII. М., 1929. С. 78.

³ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXI. С. 186 – 187; Т. XXIII. С. 78; Т. XXIV. С. 65.

⁴ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918 – 1923. За пять лет работы Центрального Статистического Управления // СССР. Труды ЦСУ. Т. XVIII. М., 1925. С. 12, 24.

в населении Сибирского края повысилась до 49,2%¹. Перепись 1926 г. дает представление о социальной структуре населения.

Таблица 3.4 *

**Социальный состав населения Сибирского края по данным переписи 1926 г.
(с членами семей).**

Социальная группа	Человек			В %		
	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего
1. Рабочие В том числе: - в фабрично- заводской промышленности - в строительстве - на транспорте	357114	356720	713834	31,5	4,7	8,2
	120646	27526	148172	10,7	3,6	1,7
	17667	3834	21501	1,6	0,1	0,2
	116998	49626	166624	10,3	0,7	1,9
2. Служащие	311425	136470	447895	27,5	1,8	5,1
3. Лица свободных профессий	4104	8293	12397	0,4	0,1	0,1
4. Хозяева с наемными рабочими В том числе: - в сельском хозяйстве - фабрично- заводской промышленности - в кустарно- ремесленной промышленности - в торговле	11422	205475	216897	1,0	3,7	2,5
	2523	197103	199626	0,2	2,6	2,3
	162	176	338	0,0**	0,0**	0,0**
	6155	7311	13466	0,5	0,1	0,2
	1977	282	2259	0,5	0,1	0,2
5. Хозяева, работающие с членами семьи и члены артели В том числе: - в сельском хозяйстве	90346	3614608	3704954	8,0	47,8	42,6
	54540	3574593	3629133	4,8	47,3	41,8
6. Хозяева-одиночки	121779	259866	381645	10,8	3,4	4,3
7. Члены семьи, помогающие в занятии В том числе: - в сельском хозяйстве	37681	2893154	2930835	3,3	38,2	33,7
	31912	2842100	2874012	2,8	37,6	33,1
8. Лица, не указавшие и не	102565	36183	138748	9,0	0,5	1,6

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. VI. С. 105.

имеющие занятий						
9. Безработные	63429	12925	76354	5,6	0,2	0,9
10. Военнослужащие	28515	1396	29911	2,5	0,0**	0,3
11. Всего	1131930	7556009	8687939	100,0	100,0	100,0

*Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXIII. М., 1929. С. 2 – 3.

**Показатель менее 0,1%.

Самой крупной социальной группой в Сибири в годы нэпа, как показывает табл. 4, являлись хозяева и члены артелей, трудившиеся в негосударственном секторе экономики, не применявшие наемный труд, работавшие исключительно с членами семьи. На их долю приходилась почти половина сибирского населения. Среди представителей этой социальной группы доминировали мелкие крестьянские хозяйства. В сибирской деревне совокупное количество членов крестьянских семейных хозяйств насчитывало 6,4 млн. человек, что в относительном выражении превышало 85%. Таким образом, самостоятельные производители-крестьяне, не использовавшие наемный труд, были становым хребтом социальной структуры общества. В городе мелких хозяев, работавших только с членами семьи и членов артели, в основном представляли самостоятельные кустари. Их удельный вес в социальной структуре населения Сибири составлял около 11%.

Второй по величине социальной группой в населении Сибири, согласно переписи 1926 г., были рабочие. Их прослойка в сибирских городах достигала 32%, в деревне – около 5%. Рабочие сосредотачивались главным образом в фабрично-заводской промышленности. Очень большое количество рабочих концентрировалось на транспорте. Это отражало специфику Сибири с ее огромными пространствами и соответственно высокой ролью в экономике транспорта, в первую очередь железнодорожного.

Крупной социальной группой являлись служащие. Их удельный вес в населении превышал 5%. При этом в городах численность и удельный вес служащих практически не уступал численности и удельному весу рабочих и значительно превосходил количество рабочих, занятых в фабрично-заводской промышленности.

Хозяева с наемными работниками, как свидетельствуют материалы, табл. 4, находились далеко на периферии социальной структуры. Удельный вес этой группы в городах составлял приблизительно 1%, в сельской местности немногим менее 4%. Относительно высокий удельный вес этой группы в деревне объясняется тем, что основная масса хозяев, использовавших наемный труд батраков, сосредотачивалась в аграрном секторе. В городах хозяева, применявшие наемный труд, концентрировались в кустарно-ремесленной промышленности. Самой немногочисленной социальной группой были заводчики и фабриканты. В социальной структуре Сибири их удельный вес составлял ничтожную величину – всего 0,03%. В абсолютном выражении это составляло 338 человек. Несколько большей, но тоже незначительной была группа торговцев, использовавших наемный труд. В городах Сибири на их долю приходилось 0,5%, в селе – 0,1%.

Своеобразной социальной группой были так называемые «лица свободных профессий». К этой категории организаторы переписи 1926 г. относили лиц по преимуществу интеллигентного труда, которых не затронул процесс огосударствления занятий: вольнопрактикующие врачи, инженеры, архитекторы, адвокаты, учителя, а также актеры, художники, литераторы и т. д. Всего в Сибири насчитывалось 12 тыс. человек, отнесенных к этой категории. Их прослойка в населении региона составляла всего 0,1%. Вместе с тем довольно значительной по численности и удельному весу оказалась группа лиц, не указавших или не имевших занятий (люмпены). В этой группе оказались как те, кто получал доход от сдачи помещений, процентных бумаг и вкладов, так и знахари, воры, проститутки и т. д. В результате, совокупная доля этой социальной группы в городах

оказалась очень большой – 9%. Безработные составляли в социальной структуре населения Сибири около 1% населения, военнослужащие – 0,3%.

Таблица 3.5*

Состав населения Сибирского края по народности по переписи 1926 г.

Народность**	Человек	Удельный вес в %
Русские	6767892	77,9
Украинцы	827536	9,5
Белорусы	320320	3,7
Поляки	45854	5,3
Латыши	26878	0,3
Литовцы	5619	0,1
Латгальцы	8191	0,1
Немцы	78798	0,9
Евреи	32750	0,4
Эсты	29890	0,3
Зыряне	12458	0,1
Пермяки	8545	0,1
Мордва	107794	1,2
Татары	96135	1,1
Цыгане	7200	0,1
Буряты	13693	0,2
Остяки	8188	0,1
Бухарцы	11674	0,1
Алтайцы	39037	0,4
Кумандинцы	6334	0,1
Шорцы	12586	0,1
Тунгусы	7948	0,1
Казак	48392	0,6
Хакасы	45591	0,5
Прочие	42096	
Итого	8687939	100,0

* Источник: Сибирский край. Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 32 – 39, 40 – 47.

** Номенклатура 1926 г.

Перепись 1926 г. показала, что в Сибири численно преобладала восточнославянская этническая группа (русские, украинцы и белорусы). Их удельный вес в населении Сибирского края, как это видно из табл. 5, в совокупности превышал 91%. Кроме того, крупными группами были представлены поляки, мордва и татары. Сравнительно многочисленными были группы немцев, казахов, хакасов, алтайцев и евреев. Прослойка представителей автохтонных народов – сибирских татар, шорцев, тунгусов, ненцев и других была сравнительно небольшой.

Значительно более крупными и компактно проживающими этническими группами были представлены автохтонные народы в национальных административно-территориальных образованиях: в частности в Ойротии. В Бийском округе проживало много кумандинцев, в Томском – тунгусы, юраки, остяко-самоеды, ненцы, долгане.

Перепись населения 1926 г. оказалась исторической вехой, после которой в лучшую сторону изменились многие тенденции динамики населения Западной Сибири. Не будет преувеличением утверждение, что вторая половина 1920-х гг. была одним из самых благополучных в демографической истории региона. Прежде всего, это касается

численности населения, которая после переписи 1926 г. увеличивалась очень быстрыми темпами.

Таблица 3.6 *

Динамика численности населения Сибирского края
1927 – 1930 гг. (тыс. человек).**

Дата	Всего населения	В том числе:		
		Сельское	Городское	Удельный вес городского населения
1. 01. 1927 г.	8702,5	7553,3	1149,2	13,2
1. 01. 1928 г.	9060,6	7818,6	1242,0	13,7
1. 01. 1929 г.	9468,6	8122,7	1345,9	14,2
1. 01. 1930 г.	9923,8	8450,9	1472,9	14,8
1930 г. в % к 1927 г.	114,0	111,9	128,2	-

*Источник: Сибирский край. Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 2 – 3, 12 – 13, 14 – 15.

**В границах Сибирского края.

Табл. 6 свидетельствует, что население Сибирского края за три года, с начала 1927 г. по январь 1930 г. выросла в абсолютном выражении на 1221,3 тыс. человек, или на 14%. При этом население городских поселений росло особенно быстро. Если количество сельских жителей, как это показывает табл. № 6, за период с 1. 01. 1927 г. по 1. 01. 1930 г. выросла на 12%, то горожан – почти на 30%. Таким образом, конец 1920-х гг. в Сибири характеризуется интенсификацией процессов урбанизации. Но в указанные годы этот важный социально-экономический процесс носил в целом еще умеренный характер, концентрируясь главным образом в Кузбассе.

Основным источником быстрого роста городского населения были миграции жителей села в города. Механический прирост городского населения Сибирского края в течение 1927 г. составил 71 тыс. человек, в 1928 г. – 74, а в 1929 г. – 106 тыс. человек¹. Вместе с тем, в конце 1920-х гг. деревня региона сама получала мигрантов извне. Механический прирост сельского населения Сибирского края в 1927 г. составлял 32 тыс. человек, в 1928 г. – 36 тыс., а в 1929 г. – 64 тыс. человек².

В годы нэпа большую роль в наращивании численности населения Сибири играл естественный прирост. В этом контексте конец 1920-х гг. можно обозначить как «золотой век» демографической истории региона. Завершение Гражданской войны и переход к нэпу способствовали политической и экономической стабилизации в стране. Вместе с военно-политическими бурями уходил в прошлое и демографический хаос революционных лет. Это отразилось позитивно на динамике показателей смертности населения.

Таблица 3.7 *

Общие коэффициенты смертности населения Западной Сибири. 1923 г.

Губернии	На 1000 жителей умерло
РСФСР (51 губерния)	22,9
Алтайская	35,4
Ново-Николаевская	32,2

¹ Сибирский край. Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 10 - 11.

² Там же. С. 14 – 15.

Омская	25,9
Томская	23,3

*Источник: Народное Хозяйство Союза ССР в цифрах с приложением данных по Мировому Хозяйству. Стат. справочник. Год 2-ой. М., 1925. С. 40.

Сведения о показателях смертности населения, приведенные табл. 3. 7, составленной на основе статистического справочника ЦСУ СССР, увидевшего свет в 1925 г. недостаточно надежны. Погрешность при регистрации смертей в СССР в начале 1920-х гг. была еще очень велика. Но можно считать установленным, что показатели смертности в 1923 г. заметно сократились по отношению к военно-революционному периоду. Только с 1925 г. мы имеем в своем распоряжении годовые данные о смертности населения. Материалы, сосредоточенные в табл. 8 свидетельствуют, что общие коэффициенты смертности населения Сибири во второй половине 1920-х гг. колебались в пределах от 27‰ до 21‰. В сельской местности уровень смертности был выше, чем в городах, что, без сомнения, обуславливалось состоянием социальной инфраструктуры, в особенности развитием здравоохранения. Недостаток медицинской помощи играл роль, явно способствующую повышению смертности в деревне.

Таблица 3.8 *

**Динамика смертности населения Сибирского края. 1925 – 1929 гг.
(Число умерших на 1000 человек населения)**

Год	В городских поселениях	В т. ч. в городах с населением более 50 тыс. жителей	В сельской местности
1925	24,7	23,9	27,3
1926	24,5	24,2	25,9
1927	23,3	22,2	25,4
1928	21,0	22,0	23,0
1929	22,0	21,0	22,0

*Источник: Естественное движение населения в Сибкрае за 1925 – 27 гг. Новосибирск, 1930 г. С. 4, 34 – 41. Слущкий А. Предварительные итоги естественного движения населения в Сибкрае за 1928 – 29 гг. // Статистика Сибири. Сб. статей и материалов. Вып. 2. Новосибирск, 1930. С. 137; ГАНО. Ф. 11 Оп. 2. Д. 22. Л. 4 – 5.

Отметим, что в Сибири уровень смертности был выше, чем по стране в целом. В 1926 г. общий коэффициент смертности населения РСФСР составлял 21,3‰. В европейской части России он был еще ниже – 20,9‰¹. При этом в Ленинградско-Карельском районе индекс смертности составлял 18,6‰, в Центрально-Промышленном – 19,0, в Московском – 19,2, в Нижне-Волжском – 19,2‰². Таким образом, Сибирь оказалась в одном ряду с такими неблагоприятными по показателям смертности регионами страны как Уральский (27,3‰) и Вятский (29,7‰)³. Повышенные показатели общей смертности населения Сибири определялись значительными величинами детской смертности. В 1925 г. на 1000 родившихся в городах Сибири умерло 221 младенец в возрасте до 1 года, в сельской местности – 239 младенцев, в 1929 г. соответственно 198 и 193 младенца⁴.

В Сибири основным вектором динамики смертности населения в годы нэпа было медленное, но устойчивое её сокращение. В 1928 г., как показывает табл. 8, общие

¹ Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. Т. 1. Вып. 2. М., 1929. С. 39.

² Там же. С. 39, 43.

³ Там же. С. 43.

⁴ Естественное движение населения в Сибкрае... С. 26. ГАНО. Ф. 11 Оп. 2. Д. 22. Л. 4 – 5. Слущкий А. Предварительные итоги естественного движения населения в Сибкрае за 1928 – 29 гг. // Статистика Сибири. Сб. статей и материалов. Вып. 2. Новосибирск, 1930. С. 137; ГАНО. Ф. 11 Оп. 2. Д. 22. Л. 4 – 5.

коэффициенты смертности были заметно ниже, чем в 1925 г. В данном случае сказывалась работа по развитию здравоохранения и санитарии, которую упорно проводили власти. Достаточно сказать, что за 1924 – 1928 гг. бюджет здравоохранения Сибирского края был увеличен более чем в 2,5 раза¹. Была расширена сеть лечебных и санитарных учреждений. Увеличилось число медицинских работников. К концу 1929 г. в Сибирском крае функционировало 443 сельских врачебных участка, в которых трудились 607 врачей, 1436 средних и 1666 младших медицинских работников. В городах края к этому времени были развернуты 134 больницы. Их обслуживали 697 врачей, 1281 средних и 2513 младших медицинских работника. Кроме того, в крае имелось 15 дезинфекционных учреждений, 38 санитарно-бактериологических институтов, лабораторий и малярийных станций, 167 аптек².

Но, несмотря на усилия властей по развитию здравоохранения, санитарии и внедрению санитарной культуры в народные массы, инфекционная заболеваемость, выраженная абсолютными цифрами, по большинству болезней упорно держалась на высоком уровне.

Таблица 3.9 *

**Движение инфекционных заболеваний по Сибирскому краю.
1925 – 1928 гг.**

Заболевание	Год			
	1925	1926	1927	1928
Брюшной тиф	7956	10879	12967	11719
Сыпной тиф	5382	2465	1303	804
Брюшной тиф	1508	1075	504	221
Оспа натуральная	1847	1394	684	643
Корь	33970	24446	24917	34995
Скарлатина	13407	18539	16268	14003
Коклюш	–	43618	32621	14003
Дифтерия	3399	3726	3529	4413
Дизентерия	26129	26032	27150	17984
Трахома	62922	80856	97673	116359
Туберкулез	62839	68215	70340	77612
Сифилис	37760	27390	32050	30215
Цинга	4107	5517	4674	4929

* Источник: Сибирский край. Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 786 – 787, 788 – 789.

Данные, сосредоточенные в табл. 10 показывают, что в 1925 – 1928 гг. в Сибири удалось понизить количество заболеваний сыпным тифом, натуральной оспой и коклюшем. Но одновременно с этим выросло число зарегистрированных случаев брюшного тифа, дифтерии, трахомы, туберкулеза. Осталась без изменений заболеваемость корью, сифилисом, цингой.

Причины столь значительной распространенности инфекций по территории Сибирского края коренились главным образом в условиях жизни населения, его культуре и в явной малоразвитости социальной инфраструктуры. Отсутствие водопровода и канализации в большинстве городов, неразвитость банно-прачечного хозяйства, очевидная слабость здравоохранения, отсутствие полноценной организации по борьбе с инфекциями на фоне крайне низкой санитарной культуры населения не могли не вызвать перманентно высокую заболеваемость заразными болезнями. Немаловажную роль играл низкий уровень жизни,

¹ Там же. Оп. 5. Д. 1. Л. 64.

² Сибирский край. Стат. справочник. С. 766–777, 772–773.

недостаточное питание, жилищная скученность. Условия для преодоления инфекционной заболеваемости еще только создавались. И работа эта находилась в самой начальной стадии. Очень большую роль в пораженности населения инфекциями играли остаточные явления бурного периода революции и Гражданской войны, на многие годы вперед предопределившие плохое состояние здоровья населения.

Вклад инфекций и других факторов экзогенной этиологии в увеличение смертности выявляется посредством анализа причин смертности населения.

Таблица 3.10 *

**Структура смертности городского населения Сибирского края по причинам смерти.
1926 г. В %.**

Причины смерти (сокращенная классификация 1926 г.)	Муж.	Жен.
Брюшной тиф и паратиф	1,1	1,1
Сыпной тиф	0,2	0,1
Возвратный тиф	0,0**	0,0
Перемежающая лихорадка и малярийная кахексия	0,6	0,5
Оспа натуральная	0,8	1,0
Корь	1,9	2,0
Скарлатина	3,4	4,0
Коклюш	1,5	2,1
Дифтерия	0,7	0,7
Грипп	0,7	0,5
Азиатская холера	-***	-
Дизентерия	2,9	2,9
Чума	-	-
Рожа	0,2	0,2
Прочие эпидемические и эндемические заболевания	0,3	0,3
Сибирская язва	0,1	0,0
Водобоязнь	0,1	0,1
Бугорчатка легких	8,4	7,9
Бугорчатка прочих органов	1,6	1,4
Сифилис	0,3	0,3
Септицемия и пиэмия	0,3	0,6
Прочие инфекционные (неэпидемические) болезни	0,1	0,1
Рак и прочие злокачественные новообразования	2,5	3,1
Новообразования не злокачественные и неопределенного характера	0,3	0,4
Прочие общие болезни	1,9	2,1
Воспаление мозговых оболочек, гемморагия, апоплексия	3,7	3,6
Прочие болезни нервной системы и органов чувств	1,9	1,7
Болезни сердца	5,5	5,4
Прочие болезни органов кровообращения	0,6	0,3
Острый бронхит (и бронхит без обозначения в возрасте до 5 лет)	0,8	0,9
Хронический бронхит и бронхит без обозначения в возрасте 5 лет и старше	0,1	0,1

Воспаление легких	13,8	13,4
Прочие болезни органов дыхания (кроме бугорчатки)	2,2	1,8
Болезни желудка (кроме рака)	2,6	2,5
Диарея и энтерит (детские поносы в возрасте до 2 лет)	10,7	11,2
Диарея и энтерит (в возрасте 2 года и старше)	0,6	0,7
Аппендицит и тифлит	0,2	0,2
Прочие болезни органов пищеварения	2,6	2,6
Болезни мочевых органов	1,0	1,3
Болезни половых органов	0,0	0,2
Септицемия родильниц (родовая горячка)	-	0,4
Прочие болезни родильниц и осложнения родового акта	-	0,8
Болезни кожи и подкожной клетчатки	0,3	0,3
Болезни костей и органов движения	0,2	0,1
Пороки развития	0,3	0,3
Врожденная слабость и преждевременное рождение	4,8	4,1
Прочие болезни новорожденных	0,2	0,2
Старческая дряхлость	2,9	3,6
Смерть от внешних причин	3,9	1,7
Самоубийства	0,1	0,9
Внезапная смерть, неопределенные и неуказанные болезни	12,1	10,3
Итого	100,0	100,0

* Естественное движение населения в Сибкрае... С. 62 – 63.

Табл. 3. 10 показывает, что в структуре смертности населения Сибирского края в середине 1920-х гг. преобладали инфекции, прежде всего туберкулез легких, скарлатина, корь, коклюш, дизентерия, брюшной тиф и паратиф. Очень большой удельный вес в структуре причин смерти занимали болезни органов дыхания (воспаление легких), желудочно-кишечные заболевания (диарея и энтерит), а также врожденная слабость. Обращает на себя внимание высокая прослойка женщин, умерших в результате осложнений беременности и родов. Таким образом, в середине 1920-х гг. большинство сибиряков погибали от экзогенных причин смерти.

Самым точным измерителем смертности, как известно, являются таблицы смертности и продолжительности жизни. Для 1926 – 1927 гг. они были рассчитаны выдающимися советскими демографами С. А. Новосельским и В. В. Паевским. Исходными данными для построения этих таблиц смертности послужили материалы переписи 1926 г., и сведения об умерших за примыкающие к переписи годы¹. Повышенные показатели смертности в младших возрастных группах определяли общую низкую продолжительность жизни всего населения. Сведения о вероятной продолжительности жизни населения СССР и Сибирского края при рождении в 1926 – 1927 гг. представлены в табл. 3. 11.

Таблица 3.11 *

Ожидаемая продолжительность жизни населения СССР и Сибирского края. 1926 – 1927 гг. (Число лет предстоящей жизни при рождении).

Территория	Европейская часть СССР	Сибирский край
------------	------------------------	----------------

¹ Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 462.

	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Городские поселения	42,7	49,4	34,9	40,6
Сельские местности	41,9	46,3	39,9	43,6
Всего	41,9	46,8	39,2	43,2

* Источник: Смъртность и продолжительность жизни населения СССР. 1926 – 1927. Таблицы смъртности. М. – Л. 1930. С. 2, 4, 6, 134, 136, 138.

Табл. 3. 11 показывает, что ожидаемая продолжительность жизни населения, как в селах, так и в городах Сибири была очень низкой даже по сравнению с европейской частью СССР. С учетом того, что случаи смерти в Сибири фиксировались хуже, чем в европейской части страны, можно утверждать, что реальный разрыв в продолжительности жизни был еще больше. В тех странах, где процесс модернизации смъртности был близок к завершению, ожидаемая продолжительность жизни характеризовалась принципиально иными величинами. В европейских странах и США в 1930 г. она составляла (для обоих полов) около 62 лет¹.

Основной причиной, сокращавшей величину продолжительности жизни в Советском Союзе, в том числе и в Сибири, выступала значительная распространенность инфекционных и желудочно-кишечных болезней, а также заболеваний органов дыхания. Экзогенные факторы, способствуя повышению смъртности, одновременно понижали её обратный показатель – вероятную продолжительность жизни. По расчетам Р. Н. Бирюковой, сделанных для населения европейской части РСФСР, смъртность от воспаления легких сокращала потенциальную продолжительность жизни на 6 лет, от туберкулеза – на 5 лет, от скарлатины – на 2 года [2. С. 260]. Таким образом, ликвидация или сокращение смъртности от этих причин могли бы значительно продлить жизнь советского человека. Для Сибири подобных расчетов не существует. Но если судить о ситуации по степени распространенности инфекционной, желудочно-кишечной заболеваемости и болезней органов дыхания, то здесь вклад негативных факторов экзогенного происхождения в сокращение продолжительности жизни был ещё внушительнее.

Вместе с тем нельзя не заметить ряд позитивных сдвигов, произошедших во второй половине 1920-х гг. в демографической подсистеме Сибири. В эти годы в регионе стартовал процесс модернизации смъртности. Он находился в самой начальной стадии своего развития. Но о том, что это позитивное демографическое движение развернулось, свидетельствует целый ряд фактов. В сущности, в годы нэпа в Сибири еще очень слабо, неявно, но начинал пробивать себе дорогу, имеющий принципиальное значение процесс снижения удельного веса экзогенных факторов смъртности. Это был ключевой признак возникавшего в недрах демографической подсистемы сибирского общества процесса модернизации смъртности. В течение 1926 – 1928 гг. как показывает, табл. 15, в структуре смъртности сократилась доля эпидемических и инфекционных болезней, болезней органов дыхания и пищеварения. Это сокращение, повторим, мало заметно. Оно измеряется, подчас, десятками долями процента. Но для короткого, трехлетнего периода достаточно и этого. Экзогенные факторы смъртности постепенно замещались эндогенными факторами, связанными с естественным старением. Этот тезис подтверждается увеличением доли умерших от болезней органов кровообращения, нервной системы и органов чувств, злокачественных новообразований. Разумеется, едва наметившаяся тенденция скорее была обозначена, чем получила полноценное развитие. Но то, что она дала о себе знать, несомненно, является очевидным свидетельством разворачивавшегося в Сибири процесса модернизации смъртности.

В самом конце 1920-х гг. демографическая ситуация обрела тенденцию к обострению. В СССР развернулся процесс форсированного развития промышленности,

¹ Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1978. С. 163.

который, в свою очередь привел к насильственной коллективизации. Демографическая подсистема, чутко улавливающая все трансформации общественно-политической и экономической жизни, реагировала целым рядом негативных изменений. Перелом демографического тренда пришелся на 1929 г. Возможно, это слишком смелый вывод для его подтверждения необходимо накопить больше эмпирического материала. Но, основными признаками надвигающегося кризиса были происходившие сдвиги в динамике смертности. В 1929 г. по отношению к 1928 г. в городских поселениях Сибирского края увеличился индекс смертности (числе умерших на 10000 человек) от кори, скарлатины, коклюша, дифтерии, воспаления легких, диареи и энтерита (в возрасте 2-х лет и старше)¹. В результате, как свидетельствуют статистические данные, сосредоточенные в табл. 9, в 1928 – 1929 гг. в структуре причин смертности увеличился удельный вес факторов экзогенной этиологии. Эндогенные факторы смерти уступали место экзогенным. «Отыгранные» у смерти в течение нескольких предшествующих лет «проценты», были потеряны. Между тем, за этими «процентами» стояли человеческие жизни. В городах Западно-Сибирского края общий коэффициент смертности увеличился с 21‰ в 1928 г. до 22‰ в 1929 г. и 24,4‰ в 1930 г.²

Таким образом, конец 1920-х гг. с полным основанием можно расценивать как самое начало втягивания региона в демографический кризис, который позднее перерос в демографическую катастрофу. Процесс модернизации смертности, робко пробивавший себе дорогу после введения нэпа, был прерван. В. Б. Жиромская в 2005 г. высказала, на наш взгляд очень перспективную идею, что демографический переход в нашей стране имел прерывную («интерактивную») форму [З. С. 269]. Развивая эту идею, укажем, что в Сибири демографический переход (прежде всего его неотъемлемая часть – модернизация смертности) принял «мерцающий» характер. Он то возникал, то под давлением многочисленных факторов негативного характера затухал. В сущности, в Сибири мы фиксируем несколько фальстартов, один из которых и пришелся на вторую половину 1920-х гг.

Повышенные показатели смертности населения Сибири полностью компенсировались ещё более высокой рождаемостью.

Таблица 3.12 *

Динамика рождаемости населения Сибирского края. 1925 – 1929 гг.
(Число родившихся на 1000 человек населения)

Год	В городских поселениях	В т. ч. в городах с населением свыше 50 тыс. жителей	В сельской местности
1925	41,3	36,6	53,6
1926	40,2	36,7	53,2
1927	42,0	36,0	55,4
1928	41,0	35,0	57,0
1929	37,0	30,0	54,0

* Источник: Естественное движение населения в Сибкрае... С. 4, 34 – 41; Слуцкий А. Предварительные итоги естественного движения населения в Сибкрае за 1928 – 29 гг. // Статистика Сибири. Сб. статей и материалов. Вып. 2. Новосибирск, 1930. С. 137; ГАНО. Ф. 11 Оп. 2. Д. 22. Л. 4 – 5.

Введение нэпа обеспечило быстрое преодоление последствий демографической катастрофы периода войн и революций. В 1923 г. уровень рождаемости в Сибири заметно превосходил общероссийские показатели, которые составляли 42,2‰. В Сибири общий

¹ Статистика Сибири. Сб. статей и материалов. Вып. третий. Новосибирск, 1930. С. 66 – 69.

² ГАНО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2655. Л. 23.

коэффициент рождаемости колебался от 55,9‰ в Алтайской губернии до 42,6‰ в Иркутской губернии¹.

Высокая рождаемость предопределялась доминированием традиционного типа воспроизводства населения, вполне соответствующего господству в Сибири аграрному обществу с его патриархальными устоями. Поэтому в течение всей второй половины 1920-х гг. рождаемость в Сибири оставалась на очень высоком уровне, особенно в сельской местности. Здесь общий коэффициент рождаемости значительно превышал отметку в 50‰, а в отдельных округах в 60‰. Это, по сути, означало биологический предел рождаемости. Так, в Рубцовском округе общий коэффициент рождаемости в 1927 г. достиг 61‰, а в 1928 г. – 64‰, Каменском округе в 1928 г. 62‰².

В городах Сибири, особенно крупных, рождаемость была ниже, чем в деревне. В данном случае сказывалось влияние урбанизации, постепенный отход от установок и ориентаций традиционного общества. Тем не менее, и в городах Сибири индекс рождаемости во второй половине 1920-х гг. был выше, чем по РСФСР в целом. Так в 1926 г. среднереспубликанские показатели рождаемости в городских поселениях составляли 38,8‰, в городах с населением более 50 тыс. человек 31,8‰³.

В основе повышенной рождаемости в Сибири лежала ранняя и всеобщая брачность при почти полном отсутствии средств контрацепции. Брачное и репродуктивное поведение были настолько слитны, что для женщины замужество означало почти неизбежную беременность. В этих условиях, чем раньше заключаются браки и чем больше замужних женщин, тем выше рождаемость. По имеющимся данным, в 1927 г., например, 59% женщин Сибири оформляли брак в возрасте моложе 19 лет, 28% в возрасте от 20 до 24 лет⁴. О том, что брачность в Сибири была не только ранней, но и всеобщей свидетельствует перепись 1926 г. Она зафиксировала в регионе 2663,2 тыс. женщин в возрасте старше 15 лет. Из них 1750,1 тыс., т. е. 66%, были замужем⁵.

В сущности, Сибирь во второй половине 1920-х гг. переживала мощный демографический взрыв. Сокращение смертности на фоне повышенной рождаемости обеспечивало расширенное воспроизводство населения, и, соответственно небывало высокие показатели естественного прироста. В городах он колебался в пределах 20‰, в сельской местности – 30‰. Таким образом, естественный прирост сносил существенный вклад в увеличение численности населения Сибири.

Литература:

1. Квиткин О. Население городов Европейской части РСФСР по переписям 1897, 1920 и 1923 годов // Бюллетень Центрального статистического управления. Всероссийская Городская перепись 1923 года. № 77. М., 1923. С.10 – 12.

2. Бирюкова Р. Н. Таблица смертности по причинам смерти // Советская демография за 70 лет. М.: Наука, 1987. С. 253 – 262.

3. Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 3. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2005. 399 с.

¹ Народное Хозяйство Союза ССР в цифрах с приложением данных по Мировому Хозяйству. Стат. справочник. Год 2-ой. М., 1925. С. 40.

² Сибирский край: Стат. сборник. Новосибирск, 1930. С.16 - 17.

³ Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929. С. 39.

⁴ Естественное движение населения в Сибкрае за 1925 – 27 г. Новосибирск, 1930. С. 27.

⁵ Всесоюзная перепись 1926 года. Т. XL. М., 1930. С. 3.

Глава 4.

В годы сталинской модернизации (1929–1938 гг.).

Принципиально значимые тенденции динамики населения Западной Сибири, определившие на многие годы вперед направленность демографического развития, сложились в конце 1920-х – в 1930-е гг. Они обуславливались действием факторов, внешних по отношению к демографической подсистеме советского общества. Среди этих социально-политических факторов доминировали процессы форсированной индустриализации и насильственной коллективизации. Это в свою очередь отражалось на численности, составе, естественном и механическом движении населения.

Темпы роста численности населения Западной Сибири в исследуемый период не отличаются стремительностью. Данные, сосредоточенные в табл. 4. 1., показывают, что в течение 12-летнего межпереписного периода (1926 – 1939 гг.) население региона выросло на 21,8%, что в среднегодовом исчислении составляло 1,8%. Роль своеобразного тормоза, замедлявшего темпы роста численности населения региона, играло сокращение численности сельского населения. Особенно значительное снижение численности сельского населения Западной Сибири пришлось на годы бурной насильственной коллективизации.

Таблица 4.1 *

Динамика численности населения Западной Сибири **. 1926 – 1939 гг.

Дата	Тысяч человек			Доля в %	
	Все население	Городское	Сельское	Городское	Сельское
Перепись 1926 г.	7332,0	877,0	6555,0	11,9	88,1
Оценка на начало 1929 г.	8039,5	1092,8	6946,7	13,5	86,5
Перепись 1937 г.	8764,0	2430,0	6334,0	28,0	72,0
Перепись 1939 г.	8927,0	2581,0	6346,0	29,0	71,0
1939 г. в % к 1926 г.	121,8	294,3	96,8	-	-

* Источник: Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973. Стат. сборник. М., 1975. С. 16, 18; Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири (1926 – 1939 гг.). Новосибирск, 1984. С. 33; Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 56 – 59.

** В границах Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областей по административно-территориальному устройству конца XX в.

Погрешность статистического учета движения населения в 1930-е годы была очень велика. В этой связи статистики не имели возможности получить точные данные в межпереписные периоды и делали приблизительные оценки. Согласно этим оценкам, численность сельского населения Западно-Сибирского края (в сопоставимых административно-территориальных границах 1930 г.) за период с начала 1930 г. до начала 1933 г. сократилось на 867 тыс. человек (более чем на 12,1%). В действительности оценка численности населения СССР и его отдельных регионов была завышена [1. С. 199]. В этой связи правомерным будет утверждение, что сокращение численности сельского населения Западной Сибири было значительно большим и, возможно, приближалось к 1 млн. человек. Особенно заметно уменьшилась численность сельского населения в основных хлебопроизводящих районах Западной Сибири, таких как Алтайский край (на 17,2%),

Новосибирская (на 9,7%), Тюменская (на 3,3%) области (по административно-территориальному устройству 1970-х гг.)¹.

Таблица 4.2 *

Оценки численности населения Западной Сибири **, проведенные статистиками краевых органов народно-хозяйственного учета и планирования (1927 – 1934 гг., на начало года) (Тыс. человек).

Дата	Городское население	Сельское население	Всего	Примечания
Начало 1930 г.	1080,2	7158,5	8238,7	
Начало 1931 г.	1205,2	7184,1	8389,3	Оценка опубликована***
1 июля 1931 г.	1184,9	7199,2	8384,1	Оценка опубликована****
1932 г. Версия 1.	1423,8	6644,4	8068,2	
1932 г. Версия 2.	1703,5	5293,4	6996,9	Население сельской местности без северных районов края
1932 г. Версия 3	1703,5	6102,6	7806,1	
1932 г. Версия 4	1800,8	5758,1	7558,9	
1932 г. Версия 5	1800,8	6200,0	8000,8	
Начало 1933 г.	1894,2	6291,5	8185,7	Оценка опубликована*****
1 июля 1934 г.	1983,4	6328,4	8311,8	Оценка с учетом данных налогового учета

* Источник: ГАНО. Ф.11. Оп. 2. Д. 34. Л. 9, 11; Д. 56. Л. 4; Ф. 12. Оп. 1. Д. 2655. Л. 24 об.; Оп. 2. Д. 24. Л. 48; Оп. 3. Д. 35. Л. 41; Д. 318. Л. 8; 17;

** В границах Западно-Сибирского края по административно-территориальному устройству 1930 г.

*** Западно-Сибирский край. Материалы по экономике края. Новосибирск, 1932. С.393.

**** Труд в СССР. Экономико-статистический справочник. М.-Л., 1932. С. 53.

***** Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Западной Сибири за первое пятилетие (1928 – 1932 гг.). Новосибирск, 1934. С. 93.

Противоречивость статистических источников и несогласованность оценок сильно затрудняет определение демографических результатов голодомора начала 1930-х гг. Поскольку голод в Западной Сибири носил очаговый характер, разобраться с его демографическими последствиями, в частности выяснить, как он повлиял на динамику численности сельского населения, можно только опускаясь на самый низкий, районный уровень. Пролить свет на демографическую ситуацию, сложившуюся в различных частях Западной Сибири помогают материалы налоговых учетов и переписей скота.

Таблица 4.3 *

¹ Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973. Стат. сборник. М., 1975. С. 16.

Районы Западно-Сибирского края **, численность сельского населения которых сократилась или не выросла. 1932 – 1934 гг. (на середину года)

Районы	Численность сельского населения (тыс. человек)		
	1932	1933 г.	1934 г.
Алейский	54,3	54,2	52,6
Барабинский	66,7	64,1	61,5
Быстро-Истокский	56,0	51,4	51,1
Волчихинский	53,8	45,1	44,3
Каменский	69,6	60,5	74,5
Краснотуранский	58,6	55,5	50,7
Ключевский	41,4	38,2	39,7
Мамонтовский	40,3	40,1	41,3
Минусинский	41,8	41,4	39,5
Омский	н/св	83,8	82,5
Павловский	н/св	56,5	48,5
Поспелихинский	40,0	48,9	42,1
Рубцовский	87,3	67,9	63,1
Солонешенский	27,7	27,0	27,3
Топчихинский	н/св	56,8	55,7
Убинский	55,1	55,0	54,5
Уч-Пристанский	52,8	48,6	52,1
Чановский	33,6	32,7	30,5
Шипуновский	58,0	58,7	55,1

*Источник: ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 34. Л. 10 – 10об.; Д. 56. Л. 25 – 27.

**По административно-территориальному устройству 1930 г.

В 1932 – 1933 гг. численность сельского населения сократилась в 27 районах Западно-Сибирского края. Особенно значительное сокращение произошло в Быстро-Истокском, Волчихинском, Каменском, Ключевском, Рубцовском и Уч-Пристанском районах. В 1933 – 1934 гг. численность сельского населения сократилась в 19 районах. Своеобразными «рекордсменами» были: Краснотуранский, Павловский, Поспелихинский, Рубцовский, Чановский и Шипуновский районы. В том, что основной причиной снижения численности населения был не столько отток крестьян в города, сколько вымирание крестьянства, нет сомнений. Факт депопуляции (смертность превышала рождаемость) в 1933 г. был зафиксирован в Алейском, Бийском, Волчихинском, Краснозерском, Кочковском, Павловском, Поспелихинском, Ребрихинском, Рубцовском, Уч-Пристанском, Шипуновском районах¹. На самом деле, из-за огромных погрешностей учета, демографическая ситуация была значительно хуже, чем это показывают статистические материалы тех лет.

Только в 1934 г., численность сельского населения обрела тенденцию к увеличению. В результате, в целом за период, прошедший между 1929 г. и переписью 1937 г. количество населения в деревне Западной Сибири уменьшилось на 8,8%, или в абсолютном выражении на 612,7 тыс. человек. Таким образом, повышение численности сельского населения в относительно благополучные периоды между 1926 – 1929 гг. и в 1937 – 1939 гг., не могло компенсировать снижение его численности в 1929 – 1937 гг. В конечном итоге это привело к общему снижению численности жителей села в целом за межпереписной период 1926 – 1939 гг. более чем на 3%, что в абсолютном выражении составило 209 тыс. человек.

Противоположные тенденции были характерны для городского населения. Они нашли выражение в особенно стремительных темпах урбанизации. Форсированное

¹ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 7– 7 об., 8–8 об., 9–9 об., 10.

промышленное развитие СССР обусловило ускоренные темпы роста численности горожан. В Сибири этот процесс принял взрывной характер. Данные табл. 4. 1. демонстрируют, что за годы, прошедшие между двумя Всесоюзными переписями 1926 г. и 1939 г., городское население Западной Сибири региона почти утроилось.

Коренные изменения в численности городского населения произошли в индустриальном Кузбассе, который в годы первых пятилеток превратился в крупнейший промышленный район Советского Союза. Создание здесь мощной угольно-металлургической базы, строительство и последующий ввод в эксплуатацию крупнейшего в СССР Кузнецкого металлургического комбината предопределили ускоренный рост городского населения. И если в 1926 г. в городских поселениях региона (в границах образовавшейся позднее Кемеровской области) проживало 120 тыс. человек, то в 1939 г. – 910 тыс. человек¹. Таким образом, за указанные годы городское население Кузбасса увеличилось более чем в 7 раз. Численность населения Сталинска (ныне Новокузнецк) выросла в 45 раз, Прокопьевска – в 10, Кемерово – в 6 раз [2. С. 145 – 146].

Очень быстро росло население крупных городов, превратившихся в промышленные, транспортные, культурные и административные центры. Так, население Новосибирска за 1926 – 1939 гг. утроилось, Барнаула – удвоилось, Омска и Бийска – почти удвоилось, Томска и Тюмени выросло в 1,6 раза [2. С. 145 – 146]. Таким образом, важной особенностью урбанизации Западной Сибири было отчетливо выраженное точечное расселение, концентрация людского потенциала в немногочисленных, но крупных городских центрах. В результате, в 1939 г. в 11 городах Западной Сибири с числом жителей свыше 50 тыс. человек, являвшихся индустриальными, административными и культурными центрами региона, сосредотачивалось 66% горожан. В то же время доля населения, проживавшего в мелких городах и рабочих поселках, сократилась. Так, в 1926 г. в городских поселениях с количеством жителей от 10 до 20 тыс. человек проживало 20% горожан Сибири, то в 1939 г. только 12%. Значительно уменьшился удельный вес населения в городах и поселках городского типа людностью до 10 тыс. человек. В 1939 г. он составлял 12% против 22% в 1926 г. [2. С. 145 – 146]. Таким образом, если в конце 1920-х гг. городское население Сибири было расплывлено по многочисленным, но мелким городским поселениям, то к концу 1930-х гг. оно было сосредоточено в немногих, но крупных промышленных, транспортных и административно-культурных центрах.

Таблица 4.4 *

**Динамика численности населения крупных городов Западной Сибири
(с числом жителей в 1939 г. свыше 50 тыс. человек)
по данным переписей 1920 – 1939 гг.**

Город	1926	1937	1939	1939 г. в % к 1926 г.
Новосибирск	120,6	360,1	404,4	335,3
Омск	161,7	270,5	288,9	178,7
Сталинск	3,9**	158,1	165,7	4248,7
Барнаул	73,9	118,2	148,2	200,5
Томск	92,3	134,5	145,1	157,2
Кемерово	21,7 ***	124,7	132,8	612,0
Прокопьевск	10,7 ****	96,7	107,3	1002,8
Ленинск-Кузнецкий	19,6*****	60,0	82,7	421,9
Бийск	45,6	72,9	80,3	176,1
Тюмень	50,3	76,5	79,2	157,5

¹ Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973. С. 16.

Анжеро-Судженск	30,2 *****	67,9	69,0	228,5
-----------------	------------	------	------	-------

* Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IV. М. 1928. С. 102; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. VI. М. 1928. С. 9, 10; Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М. 1991. С. 65; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 36 – 37.

** Численность населения города Кузнецка.

*** Совокупная численность населения города Щегловска, поселков Кемеровский рудник и Кемеровский химзавод.

**** Численность населения поселка Прокопьевский рудник.

***** Численность населения поселка Кольчугинский рудник.

***** Совокупная численность населения городов Анжерка и Судженка.

Форсированная урбанизация отчетливо выразилась в повышении удельного веса городского населения Западной Сибири. Если в 1926 г., как показывает табл. 4. 1., на долю горожан в населении региона приходилось 12% населения, то в 1937 г. – 28, а в 1939 г. – 29%. Но особенно высокий уровень урбанизированности статистически фиксируется в индустриальном Кузбассе. Здесь в 1939 г. более половины населения (55%) проживали в городах и поселках городского типа¹. Вместе с тем, по показателям урбанизированности Западная Сибирь отставала от Восточной Сибири, которая превращалась в мощный центр сырьедобывающих отраслей промышленности. Здесь в 1939 г. удельный вес городского населения превысил 36%, в том числе в Хакасии – 40% [2. С. 32, 147].

Промышленное освоение огромных природных богатств Сибири, создание новых рудников, шахт, заводов, фабрик и электростанций сопровождалось образованием новых городов и поселков городского типа. Часть городских поселений основывалась на базе уже существующих сельских населенных пунктов. Другие создавались на «пустом», необжитом месте и были «новыми» в полном смысле этого слова. В 1926 г. в Сибири в целом (включая Якутию) насчитывалось 111 поселений, которые относились к категории городских. В 1933 г. их количество выросло до 163-х. В 1939 г. – на территории Сибири было зафиксировано 200 городских поселений [2. С. 42]. Таким образом, в 1926 – 1939 гг. в регионе было создано 89 городских поселений, в том числе 73 рабочих поселка и 16 городов. Среди них были такие как Прокопьевск, Киселевск, Белово, Искитим и др.

Что же касается национальных районов Сибири, то здесь в 1926 – 1939 гг. численность сельского населения увеличивалась. В Ханты-Мансийском национальном округе количество сельского населения удвоилось. Значительно повысилась численность сельского населения в Ямало-Ненецком (в 1,8 раза) национальном округе, а также в Горно-Алтайской (в 1,4 раза) национальной области.

Таблица 4.5 *

Динамика численности населения национальных районов Западной Сибири.**

1926 – 1939 гг.

Регион	Перепись 1926 г.				Перепись 1939 г.			
	Все население	Городское	Сельское	Доля городского населения в %	Все население	Городское	Сельское	Доля городского населения в %
Горно-Алтайская автономная обл.	107,0	6,0	101,0	6,0	162,0	24,0	138,0	15,0
Ханты-	39,0	3,0	36,0	8,0	93,0	8,0	85,0	9,0

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 28 – 29.

Мансийский национальный округ	19,0	-	19,0	-	48,0	13,0	35,0	27,0
Ямало-Ненецкий национальный округ								

* Источник: Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973. Стат. сборник. М., 1975. С. 16, 18.

** По административно-территориальному устройству 1970-х гг.

Главным источником роста городского населения Западной Сибири была деревня самого же сибирского региона. Именно село поставляло основную массу новоселов городам. Важной характеристикой форсированной урбанизации СССР было то, что она проводилась за счет интенсивного использования ресурсов деревни. Тысячи крестьян, выталкиваемые из деревни коллективизацией бежали в города. Так, перепись городского населения Кузбасса, проведенная в январе 1931 г. показала, что среди новоселов, проживавших в городах Кузбасса менее 3-х лет, удельный вес сибиряков составлял 83%¹. Подавляющее большинство из них до момента миграции проживали в деревнях Сибирского края. Эти данные подтверждаются материалами паспортного учета. Так, в 1933 г. в городах Западно-Сибирского края получили прописку 111, 1 тыс. человек, из которых 82,5 тыс. (74,3%) ранее проживали в самом же Западно-Сибирском крае. Из них 65,8 тыс. человек прибыли в городские поселения из деревни Западной Сибири.² В 1933 – 1937 гг. на долю выходцев из сельской местности в общей совокупности мигрантов, прибывших в города Сибири, приходилось 61% [2. С. 66]. По нашим подсчетам, проведенным совместно с А. С. Московским, весь механический прирост городского населения Сибири в течение 12-летнего периода между переписями 1926 и 1939 гг. составил 2,2 млн. человек. Из них почти 79% до момента миграции проживали в сельской местности Сибири [2. С. 74].

Из этого следует, что основным территориально-географическим направлением миграций в Сибири были перемещения, не выходящие за пределы региона: из сибирской деревни в сибирский город.

Таблица 4.6 *

Районы выхода мигрантов, прибывших в городские поселения Сибири.**
1933 – 1937 гг.

Откуда прибыли	Из города	Из села	Неизвестно	Всего
Северо-запад	2,4	0,5	3,6	1,3
В том числе Ленинград	1,8	-	-	0,7
Центр	5,0	1,7	1,5	2,9
В том числе Москва	3,8	-	-	1,4
Центрально-черноземный регион	0,7	1,5	1,1	1,2
Волго-Вятский регион	1,2	1,8	1,9	1,6
Поволжье	2,1	2,1	1,7	2,1
Северный Кавказ	1,6	0,5	0,8	0,9
Закавказье	0,3	0,1	0,3	0,1
УССР	2,3	1,5	2,8	1,8
БССР	0,4	0,4	0,6	0,4
Урал	5,3	3,0	2,8	3,9

¹ Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. Новосибирск, 1931. С. XVIII.

² РГАЭ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 34. Л. 27.

Средняя Азия	2,0	0,3	1,0	0,9
Казахстан	4,2	1,4	2,9	2,5
Дальний Восток	6,7	2,5	10,5	4,2
Сибирь	65,5	81,6	12,0	74,4
В том числе:				
-Западная Сибирь	43,5	55,8	5,1	50,4
-Восточная Сибирь	22,0	25,8	6,9	24,1
Прочие	0,3	1,1	56,8	1,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

* Составлена по данным: Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири (1926 – 1939 гг.). Новосибирск, 1984. С. 66.

Как показывают данные табл. 4. 6. несибирские районы страны в годы второй пятилетки дали всего 23,4% новых жителей сибирских городов. Удельный вес выходцев из Средней Азии и Казахстана в составе мигрантов, прибывших в годы второй пятилетки в Сибирь, составлял незначительную величину – 3,4%. Поволжье дало 2% новых сибиряков, Украина – 1,8, Северный Кавказ – 0,9, Белоруссия – 0,4, Закавказье – 0,1%. Прослойка сибиряков среди вселившихся в городские поселения региона превышала 65%.

Определенную роль в заселении Западной Сибири сыграли организованные сельскохозяйственные переселения. Переселения крестьян из европейской части страны в Сибирь были прерваны в период коллективизации и были возобновлены в 1935 г. В 1935 – 1936 гг. первые переселенцы из Воронежской области, Горьковского края и Татарской АССР были размещены в Восточно-Сибирском крае. Вскоре сельскохозяйственные переселения были распространены на Западную Сибирь. В 1939 г. Омская область приняла 12776 человек [3. С. 608]. В этом году, после принятия постановления ЦК ВКП (б) «О порядке переселения из малоземельных районов в многоземельные районы СССР» и постановления СНК СССР «Об организации переселения в восточные районы СССР», организованные аграрные переселения были значительно активизированы. В 1940 г. Западная Сибирь приняла 222 тыс. человек [3. С. 608]. В основном это были выходцы из Украины, Белоруссии, Воронежской, Курской, Тамбовской и др. областей России.

Добровольно-вынужденные миграции, а также организованные промышленные и сельскохозяйственные переселения в 1930-е гг. представляли собой далеко не единственную форму территориального перераспределения населения. Большую роль играли депортации различных социальных групп. Их масштабы были заданы постановлением ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. [4. С. 62] По данным В. Н. Земскова в 1930-1931 гг. в Сибирь (включая Якутию) были депортированы 29522 кулацкие семьи из Украины, Северного Кавказа, Поволжья, Центрально-Черноземной области, Башкирии и других регионов СССР. Таким образом, Сибирь превратилась в крупнейший район, принимающий спецпоселенцев [5. С. 17 – 18]

По мере развертывания коллективизации, поток раскулаченных крестьян нарастал. На 1 января 1932 г. в Сибири на учете состояло 357,6 тыс. спецпереселенцев. В течение 1932 и 1933 гг. в регион на спецпоселение прибыло дополнительно 12,3 тыс. человек. Вместе с тем, часть спецпереселенцев по разным причинам (убыли, бежали, умерли) выбыли со спецпоселения. Таким образом, на начало 1934 г. в Сибири было сосредоточено 368,5 тыс. депортированных, из них 289,4 тыс. были расселены в Западной Сибири [5. С. 22 – 25]. К этому времени кулацкая ссылка в основном сформировалась и стабилизировалась. В дальнейшем численность трудпоселенцев не изменялась. По состоянию на 1 июля 1938 г. в Сибири (включая Якутскую АССР) проживало 362 тыс. трудпоселенцев [5. С. 33]. Это значит, что депортации кулаков как своеобразная форма миграций исчерпала себя.

Кардинальным образом изменился к 1939 г. состав населения. Укажем, прежде всего, на сокращение удельного веса мужчин в составе населения Сибири. По данным

переписи 1939 г. он не превышал 48,7% [6. С. 45]. В 1939 г. как и в 1926 г. в населении Сибири преобладали люди молодого возраста.

Таблица 4.7 *

Половозрастной состав населения Западной Сибири ** по переписи 1939 г., %.

Возраст (лет)	Год рождения	Мужчины	Женщины	Оба пола
До 7	1932 – 1938	21,6	19,2	20,3
8 – 11	1931 – 1928	11,9	10,9	11,3
12 – 14	1927 – 1925	9,2	8,3	8,7
15 – 19	1924 – 1920	9,8	9,4	9,7
20 – 29	1919 – 1910	16,2	17,3	16,8
30 - 39	1909 – 1900	13,4	13,3	13,4
40 - 49	1899 – 1890	7,5	8,0	7,7
50 - 59	1889 – 1880	4,8	6,2	5,5
60 и старше	1879 и ранее	5,5	7,4	6,5
Возраст неизвестен	-	0,1	0,0 ***	0,1
Всего	1938 и ранее	100,0	100,0	100,0

* Составлена по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 266. Л. 3; Д. 311. Л. 3. Д. 313. Л. 3.

** В границах Алтайского края, Новосибирской и Омской областей по административно-территориальному устройству 1939 г.

*** Показатель менее 0,1%

Табл. 4. 7 показывает, что удельный вес детских возрастов (до 14 лет) в населении Сибири почти достигал 40%. На долю молодежи (от 15 до 29 лет) приходилось около 27%. Таким образом, 67% сибиряков были в возрасте моложе 29 лет. На долю лиц зрелого возраста (от 30 до 59 лет) приходилось почти 27% населения региона. Прослойка старческих возрастов (старше 60 лет) не превышала в Сибири 6,5%. Согласно распространенной в нашей стране шкале старения, население считается молодым, если доля возрастной группы старше 60 лет не превышает 8% [7. С. 117].

Воспроизводство населения в исследуемые годы носило специфический характер. Конец 1920-х – начало 1930-х гг. знаменован вступлением демографической подсистемы советского общества в состояние демографического кризиса. Генеральной тенденцией воспроизводства населения Западной Сибири в конце 1920-х – начале 1930-х гг. было ухудшение демографической ситуации. Это нашло отражение в снижении рождаемости. Особенно заметными темпами рождаемость сокращалась в городах. Если в городских поселениях Западной Сибири рождаемость в 1928 г. составляла 42‰, то в 1930 г. – 35‰ (понижение на 17%)¹. Темпы сокращения рождаемости в сельской местности были значительно ниже. В деревне глубже укоренился и медленнее уступал свои позиции патриархальный образ жизни, предполагавший раннюю и всеобщую брачность, а, следовательно, повышенную рождаемость.

Кроме того, в Западной Сибири все чаще давала о себе знать тенденция к нарастанию смертности. В городах Западной Сибири смертность населения за 1928 – 1930 гг. увеличилась с 21,0‰ в 1928 г. до 24,0‰ в 1930 г.². Самые высокие темпы роста смертности были характерны для городов Кузбасса. В городах Кузнецкого округа в 1929 г. уровень смертности составил 26,5‰ против 23,1‰ в 1928 г. [8. С. 60]. Рост смертности населения Западной Сибири вызывался стремительным распространением инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний, а также болезней органов дыхания. В свою очередь они обуславливались интенсивными миграциями, падением материальной обеспеченности

¹ ГАНО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2655. Л. 23; Оп. 3. Д. 35. Л. 35.

² Там же.

населения, очевидной слабостью здравоохранения, дефицитом лекарственных средств, низким уровнем санитарной культуры как сельского, так и городского населения.

В начале 1930-х гг. на страну обрушился страшный голод. В Западной Сибири он охватил главным образом сельские территории в рамках современного Алтайского края, а так же южные районы Новосибирской, Омской и Тюменской областей. В остальных регионах Западной Сибири, а так же в городах голод носил латентный характер – в районе населения остро недоставало белков и витаминов. Голод стал главной причиной перерастания демографического кризиса в демографическую катастрофу. Неизбежными спутниками голода были эпидемии инфекционных болезней, охватившие как городке, так и сельское население Западной Сибири.

Эпидемии, как известно, представляют собой не только физиологический, но и социальный феномен. На развитие инфекций огромное воздействие оказывают такие факторы, как характер действий властных структур по их преодолению, уровень материальной обеспеченности и степень санитарной культуры населения, доступность медицинской помощи. Очевидно, что ослабленный хроническим недоеданием человеческий организм, не получающий необходимого количества белков и витаминов, становился легкой добычей болезней. Голод порождает эпидемии, а эпидемии увеличивают смертность.

Среди многочисленных вспышек острозаразных болезней, обрушившихся на страну в 1930-е гг., особую опасность, представлял сыпной тиф. Это смертельно опасное инфекционное заболевание. Его переносчиком выступает вошь. Поскольку распространению педикулеза способствуют главным образом условия существования людей, сыпной тиф носит отчетливо выраженный социальный характер. Сыпной тиф всегда появлялся в условиях социальных катаклизмов.

В первой половине XX в. сыпняк был общераспространенным заболеванием. Но до тех пор, пока степень распространенности сыпного тифа не превышала уровня обычной (спорадической) заболеваемости, эта болезнь считалась вполне заурядным явлением повседневности. По данным советской санитарной статистики в 1926 г. индекс заболеваемости населения РСФСР сыпным тифом составлял 4,2 заболевших на 10 тыс. человек (без железнодорожного транспорта), в 1927 г. – 2,2 заболевших¹. В Западной Сибири индекс заболеваемости сыпным тифом был ниже, чем по РСФСР в целом. В 1926 г. он составлял – 2,5, а в 1927 г. – 1,3 заболевших на 10 тыс. человек². Это был обычный для того времени уровень, который к тому же, устойчиво сокращался. Но с вступлением России в полосу социальных катаклизмов, заболеваемость сыпным тифом обрела тенденцию к резкому повышению. И если в 1930 г. в СССР было зарегистрировано 39 тыс. случаев сыпняка [9. С. 52.], то в 1933 г. – почти 900 тыс. [10. С. 56]. Быстрое распространение сыпного тифа затронуло и Западную Сибирь. Первоначально рост заболевания был вызван перемещением в относительно благополучный по сыпному тифу регион больших масс заключенных и спецпереселенцев. Именно эти, наименее защищённые в санитарном отношении социальные группы стали первыми жертвами вшей. «Очень большое значение в деле появления и распространения заболеваний паразитарными (вшивыми) тифами имеют дома заключения с их специфическим контингентом населения, переполнением и крайне неудовлетворительным санитарным состоянием» – писал в 20 августа 1930 г. заведующий Западно-Сибирским крайздравом М. Г. Тракман³.

В марте 1931 г. эпидемия сыпного тифа охватила почти все места заключения и спецкомендатуры Западной Сибири. В «Конъюнктурном обзоре по здравоохранению на март месяц 1931 г.», составленном в аппарате Западно-Сибирского краевого отдела здравоохранения и направленном в Отдел учета и статистики НКЗ РСФСР указывалось, что «основными очагами по сыпному тифу за март месяц являются г. Томск (спецлагерь) и Яя

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 81. Л. 30.

² Сибирский медицинский журнал. 1931. № 6 – 7. С. 74.

³ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 113. Л. 110.

Анжеро-Судженского района (спецлагерь). В этих пунктах заболевание держится уже в течение продолжительного времени... и сколько-нибудь значительного снижения, особенно на Яе, не замечается... В связи с движением спецпереселенцев образовались довольно значительные очаги заболеваний сыпным тифом по путям следования в местах прибытия (Мариинск, Тутало-Чулымская комендатура). Партии спецпереселенцев и им подобные контингенты... являлись в прошлом, и сейчас являются главными контингентами, среди которых наблюдаются заболевания, и главным источником вспышек и появлений очагов в тех или других пунктах»¹. Тракман и краевой эпидемиолог Банин в «Конъюнктурном обзоре эпидемического состояния Запсибкрая за январь 1932 г.» указывали, что «продолжается прибытие завшивленных партий заключенных, не подвергавшихся обработке при посадке и даже больных главным образом из Свердловска и Павлодара... По северным районам повышение заболеваемости в основном за счет спецпереселенцев в комендатурах»². Остановить распространение эпидемии не удалось. В «Обзоре о состоянии смертности л/свободы (лишенные свободы – авт.) по Исправительно-Трудовым Учреждениям Западно-Сибирского Края» за январь-февраль 1932 г., составленном работниками административного сектора КУИТУ (Краевое управление ИТУ – авт.), подчеркивалось, что в большинстве ИТУ в осенне-зимний период 1931 – 1932 гг. вспыхнули эпидемии тифа. Удельный вес заключенных, скончавшихся от тифа, в общей совокупности умерших в местах лишения свободы достиг 5,3%³.

В апреле 1933 г. председатель Запсибкрайисполкома Ф. П. Грядинский телеграфировал председателю СНК РСФСР Д. Е. Сулимову «Продолжается прибытие завшивленных эшелонов заключенных. Санобработка пути следования не налажена. Поезд из Кисловодска прибыл Омск 21 апреля 100 процентной вшивости. Одиннадцать суток санобработки не было. Туапсе вшивость 75 процентов. Батайска 70 процентов вшивости»⁴. Санитарный инспектор 7-го санрайона Омской железной дороги 5 апреля 1933 г. с тревогой сообщал начальнику Трансанупра и начальнику Дорсанотдела Омской железной дороги о необходимости принять срочные меры по предотвращению «рассеивания заболевания ф. № 2 (так в документах 1930-х гг. шифровался сыпной тиф – В. И.). Из только что проследовавших эшалонов (так в источнике – В. И.) особенно неблагополучным оказался эшалон № 500. С указанного эшалона снято с явными признаками ф. № 2 – 10 человек, с тифозным состоянием – 10 человек и лихорадящих – 17 человек. Кроме того с него же снято 9 трупов. Не благополучным прибыл на ст. НСибирск (так в источнике – В. И.) и эшалон № 502. С эшалона было изъято с явными признаками ф. № 2 – 4 человека, с тифозным состоянием – 5 человек и лихорадящих ф. № 2 – 17 человек... При формировании эшалонов не проводится тщательного медосмотра и отбора и возможно соответствующей санобработки. Многие больные снятые на станции Новосибирск несомненно были погружены в стадии инкубации»⁵.

Аналогичного содержания записку по прямому проводу 6 апреля 1933 г. получил руководитель ОГПУ Г. Г. Ягода от помощника начальника Сиблага ОГПУ Костанжогло. «За время первого пятого апреля магистрали Запсибкрая проследовало девять эшалонов лишенных свободы. Среди следуемых ввиду плохой санобработки с мест отправки органами КУИТУ также пути следования обнаружены: вшивость, заболеваемость сыпным тифом и смертность в результате: поезде НР 602 отправки Харьков 1326 человек назначением Чесноковскую снято Новосибирске больных 12 человек. Поезде НР 502 отправки Одесса 1339 человек назначением БАМЛАГ снято до Самары 37 больных и трупов 5, до Новосибирска 35 больных и трупов 8, Новосибирске снято больных 12 человек. Поезде НР

¹ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 10. Д. 2045. Л. 3.

² Там же. Д. 2194. Л. 6 об.

³ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 163. Л. 4 об.

⁴ Там же. Д. 205. Л. 7.

⁵ Там же. Д. 169. Л. 109.

504 отправки Батайска 1641 человек назначением Владивосток снято Новосибирске трупов 2 и больных 28 человек. Поезде НР 613 отправки Житомир 1775 человек назначением БАМЛАГ снято Новосибирске трупов один и больных 5 человек. Поезде НР 616 отправки Батайск 1200 человек назначением Иркутск снят Новосибирске трупов 9 человек больных 37 человек из них 10 сыпнотифозных...»¹.

Катастрофическое положение этапов трудпоселенцев нашло отражение в служебной записке начальника Сиблага ОГПУ Горшкова и начальника Санотдела Сиблага ОГПУ Шейна. 30 апреля 1933 г. они писали: «В этапах зарегистрировано большое количество истощенных, больных остро-желудочными заболеваниями и заболеваниями сыпным тифом. Широкое развитие эпидемии сыпного тифа в Томской пересыльной комендатуре целиком связано с заболеваниями в этапах, прибывших в означенную комендатуру из Батайска»². Шейн приложил к записке «Данные о состоянии этапов с трудпоселенцами, проследовавшими в Томск в апреле 1933 г.». Согласно этому документу, в апреле 1933 г. в Томск проследовало 12 этапов с трудпоселенцами, которые находились в пути от 9 до 16 суток. Во время следования с этапов было снято 97 трупов и 213 заболевших. Из числа снятых оказались с сыпным тифом или с подозрением на сыпной тиф 89 человек. На месте прибытия с этапов дополнительно было снято 6 трупов и 152 человека с высокой температурой, из них сыпнотифозных и подозрительных на сыпной тиф – 44 человека. Доля завшивленных колебалась от 75 до 100%³. Положение обострилось настолько, что Грядинский 21 декабря 1933 г. вынужден был довести до сведения председателя СНК СССР В. М. Молотова, что в основе возникновения и распространения очагов сыпного тифа лежит движение контингентов Сиблага, неудовлетворительность их санитарного обслуживания в пути и в ходе приемки на местах⁴.

Вследствие катастрофически быстро понижавшегося уровня жизни сибиряков, голода, развала жилищно-коммунального хозяйства и антисанитарных условий жизни, сыпной тиф не мог не выйти за пределы мест заключения и спецкомендатур. Главным проводником сыпного тифа в толщу гражданского населения были железные дороги. Пересечение потоков депортированных и заключенных с «гражданскими» пассажирами превратило железнодорожные магистрали в источник быстрого распространения инфекции по территории огромной страны. В 1933 г. индекс заболеваемости сыпным тифом (без учета железнодорожного транспорта) составлял по РСФСР 47 заболевших на 10 тыс. человек. Если же включить в расчет железнодорожный транспорт, то индекс заболеваемости сыпным тифом более чем удвоится и вырастет до 106 заболевших на 10 тыс. человек⁵. Таким образом, каждый второй случай заражения сыпным тифом был зафиксирован на железной дороге. Согласно сводке Запсибкрайздрава о состоянии острозаразной заболеваемости за II декаду апреля 1933 г., в Новосибирске из всех случаев заболевания сыпным тифом 47% приходилась на заразившихся в дороге, 8 – на заразившихся от приезжих, 10% – на железнодорожников и рабочих Сибстройпути. В Барнауле свыше 37% заражений сыпным тифом приходилось на приезжих⁶. Контактируя с местным населением, они разносили инфекцию по всему городу.

Тракман и Банин в своих «Конъюнктурных замечаниях на движение заболеваемости за март 1932 г.», отмечали: «Наиболее крупным фактором, влияющим на распространение сыпного тифа, является железная дорога...»⁷. С. А. Арбнев, сменивший Банина на посту эпидемиолога Западно-Сибирского края, объяснял рост заболеваемости сыпным тифом

¹ Там же. Л. 108.

² Там же. Д. 181. Л. 16.

³ Там же. Л. 17.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 2333. Л. 3 об.

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 81. Л. 30, 39.

⁶ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 181. Л. 4.

⁷ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 10. Д. 2194. Л. 3.

«массовым завозом инфекции по железнодорожным путям»¹. Поскольку самые большие пассажиропотоки пересекались в промышленных районах и крупных городах, то они и стали очагами заболеваемости сыпным тифом. «Распределение заболеваемости, – писали в марте 1932 г. Тракман и Банин, – дает прежнюю картину: наибольшая поражённость промрайонов, новостроек, крупных городов»². Прокопьевск, Новокузнецк, Щегловск, подчеркивали Тракман и Банин, «дают высшие цифры заболеваемости в основном за счет вновь прибывающих контингентов из сельских районов Края и Зауралья»³. Уполномоченный Запсибкрайкома ВКП (б) Паршин 31 декабря 1932 г. в докладной записке «О развитии эпидемии по г. Барнаулу», подчеркивал: «В результате прямого ослабления борьбы с эпидемией, по г. Барнаулу наблюдается резкое распространение сыпного тифа». Здесь в 1932 г. по отношению к 1931 г. заболевания сыпным тифом выросли в 3,5 раза⁴.

Таблица 4.8 *

Динамика зарегистрированной заболеваемости сыпным тифом по Западно-Сибирскому краю. 1931 – 1932 гг. Число заболеваний.

Регион	1931	1932**	1932 в % к 1931
Всего по краю	4810	33996	706,8
По промгородам и промрайонам	2990	17289	578,2
Новосибирск	334	3058	915,6
Омск	318	2315	728,0

* Составлена по данным: ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 168. Л. 144 - 145.

**Сведения за 1932 г. неполные – отсутствуют данные за вторую и третью декады декабря.

Табл. 4 8 показывает, что в 1931 – 1932 гг. число заболеваний сыпным тифом в Западно-Сибирском крае выросло в 7 раз, в том числе в промышленных районах почти в 6 раз. В крупных городах рост заболеваемости был еще более значителен. Из городов тиф двинулся в голодающую деревню. В Рубцовском районе число зарегистрированных случаев сыпняка в 1932 г. по отношению к 1931 г. увеличилось сразу в 57 раз, в Алейском районе в 36 раз⁵.

Во второй половине 1932 г., в 1933 г. заболеваемость сыпным тифом продолжала нарастать. В докладной записке, направленной в конце января 1933 г. секретарю Запсибкрайкома ВКП (б) Р. И. Эйхе, Тракман и краевой государственный инспектор санитарного надзора З. Г. Толстунова писали: «Эпидемическое состояние края продолжает оставаться чрезвычайно тяжелым. Основными пораженными участками являются Сталинск, Новосибирск, Барнаул, Омск, Прокопьевск, Анжерка, Кемерово, Ново-Омский район, Рубцовский район, Исилькульский, Троицкий, Лушниковский, Черепановский»⁶. 27 января 1933 г. Толстунова и Арбенов сигнализировали в Запсибкрайисполком о дальнейшем значительном подъеме заболеваемости сыпным тифом⁷. Всего в начале 1933 г. сыпняк поразил 80 районов Западно-Сибирского края⁸.

К весне 1933 г. ситуация еще более обострилась. Противоэпидемическая комиссия при СТО в своем постановлении № 4 от 7 марта 1933 г. констатировала «...заболевания сыпным тифом в Западной Сибири до сих пор не только не снижена, но продолжает расти»⁹.

¹ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 181. Л. 21.

² ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 10. Д. 2194 Л. 2.

³ Там же.

⁴ ГААК. Ф. 10. Оп. 8. Д. 4. Л. 123, 130.

⁵ Там же. Л. 144, 145.

⁶ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 169. Л. 37.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 1867. Л. 7.

⁸ Там же. Оп. 5. Д. 169. Л. 37.

⁹ Там же. Д. 182. Л. 69.

Остановить распространение сыпняка власти были не в силах. В «Объяснительной записке к сводке за II декаду апреля 1933 г.», составленной в Запсибкрайздраве указывалось: «Сыпной тиф. Рост заболеваемости по всем городам и промрайонам, особенно выраженный в Омске, Новосибирске и Сталинске. Чрезвычайно тяжелое положение создано в Исилькульском, Называевском, Любинском, Пospelихинском, Шипуновском, Тальменском, Топчихинском, Алейском и Троицком районах, где заболеваемость сыпным тифом дает резкий рост»¹. Не улучшилась ситуация и к концу апреля. В «Объяснительной записке к сводке за III декаду апреля 1933 г.» Арбенин вынужден был констатировать «Сыпной тиф. Рост заболеваемости по большинству городов и районов, стоящий в связи с массовым завозом инфекции по железнодорожным путям и сокращением санитарной обработки населения вследствие длительных перебоев в работе бань из-за недостатка топлива и воды»².

Сыпной тиф носит сезонный характер. Он особенно широко распространяется осенью, зимой и ранней весной, когда люди используют теплую одежду, в складках которой и коренится вошь. Но в 1933 г., в нарушение всех привычных санитарных закономерностей, сыпной тиф продолжал развиваться и летом. Как следует из материалов, приведенных в докладной записке Грядинского, в августе 1933 г. число заболеваний сыпным тифом по сравнению с августом 1932 г. почти удвоилось. Осенью 1933 г., последовал еще более мощный подъем сыпняка. В ноябре 1933 г. по сравнению с сентябрем этого года количество зарегистрированных случаев сыпного тифа утроилось³. Грядинский 21 декабря 1933 г. докладывал Молотову и Сулимову, что «эпидемическое состояние Западносибирского края в отношении заболеваемости сыпным тифом продолжает оставаться весьма напряженным»⁴. Особенностью эпидемии сыпного тифа 1933 г. в Западной Сибири, как отмечал Грядинский, была стабилизация заболеваемости в городах, но «значительный рост заболеваний в сельских местностях края с наличием очагов во всех районах включительно до самых глубинных пунктов»⁵.

Очень напряженной оказалась эпидемическая ситуация в многочисленных, но нищих совхозах Западной Сибири. Заместитель председателя Западносибирского крайисполкома И. И. Рещиков в секретном циркулярном письме, направленном председателям горсоветов и райисполкомов 20 мая 1933 г. писал: «Население совхозов продолжает жить в исключительно тяжелых жилищных условиях, банями не обеспечено и почти поголовно завшивлено, строительство вошебоек не производится, прибывающие в совхоз рабочие санитарной обработке не подвергаются. В результате этого ряд совхозов уже превратился в очаги сыпного тифа»⁶.

Таблица 4.9 *

**Воспроизводство населения Западной Сибири **. 1933 г.
(На 1000 человек населения)**

Регион	Родилось	Умерло	Естественный прирост (убыль)
Обь-Иртышская область	36,2	33,7	2,5
В том числе:			
-городские поселения	25,7	47,6	-21,9
-сельская местность	40,1	28,6	11,5
Западно-Сибирский	37,2	29,2	8,0

¹ Там же. Д. 181. Л. 4.

² Там же. Л. 21.

³ Там же.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 2333. Л. 3.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

край			
В том числе:			
-городские поселения	25,8	30,6	-4,8
-сельская местность	41,3	28,7	12,6

* Составлена по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 5, 10, 11.

** По административно-территориальному устройству 1933 г.

Уровень смертности в 1933 г. резко увеличился, но имеющиеся в нашем распоряжении статистические данные очень приблизительны. Как указывалось в циркулярном письме ВЦИК Союза ССР, разосланном в июле 1933 г. краевым и областным исполкомам, «работа органов ЗАГС протекает ненормально и с большими перебоями»¹. Значительная часть смертных случаев не фиксировались. По современным оценкам в 1930 – 1933 гг. погрешность статистического учета смертей в СССР достигала 93,5% [11. С. 44]. В Западной Сибири недоучет был еще значительнее. Таким образом, реальный уровень смертности был значительно выше, чем это показывают используемые нами оценки ЦУНХУ СССР, приведенные в табл. 4. 9. Это касается в первую очередь сельской местности. Если иметь в виду поправку на недоучет, то в деревне в 1933 г. смертность, скорее всего, была выше, чем в городах. Кроме того, умершие в городе жители голодающей деревни, хлынувшие в города, регистрировались как горожане.

Если принять во внимание предположение, что в городах смертность была выше, чем в сельской местности, это несколько меняет демографическую картину. В крупных городах Западной Сибири, где текущий учет велся точнее, чем в небольших городских поселениях и сельской местности, смертность достигала очень высокого уровня, фактически на грани вымирания. Так в 1933 г. в Новосибирске, Бийске и Ленинске-Кузнецком на 1000 человек населения скончались 34 человека, в Омске – 35, в Томске – 46, Прокопьевске – 48 человека². Следовательно, в деревне Западной Сибири уровень смертности колебался в пределах 45 – 50‰. В сущности, в 1933 г. в сельской местности Сибири, как и в городах, естественный прирост характеризовался отрицательными величинами – смертность превышала рождаемость.

Очень высокими показателями отличалась детская смертность. В 1933 г. в Обь-Иртышской области на 1000 родившихся скончались 230 детей в возрасте до 1 года, в том числе в городах – 312 детей. В Западно-Сибирском крае индекс детской смертности составлял 200‰, а в городах – 231‰. В крупных городах, где текущий учет был организован лучше, уровень детской смертности был еще выше. Новосибирске он составлял 255‰, Барнауле – 286, Кемерове – 363, Омске – 251, Анжеро-Судженске – 373‰³.

Таблица 4.10 *

Причины смерти городского населения Западной Сибири **. 1933 г.

Оба пола.

Причины смерти	В ‰ к итогу
Инфекционные и паразитарные болезни	29,9
В том числе:	
• брюшной тиф	1,8
• сыпной тиф	5,6
• корь	3,9
• дизентерия	3,1
• туберкулез	10,1
Болезни органов пищеварения	20,4

¹ ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1007. Л. 123.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 10.

³ Там же.

• Энтерит, колит	6,5
• Энтерит, диарея в возрасте до 2-х лет	10,4
Болезни органов дыхания	13,3
• Крупозная пневмония, бронхит, бронхопневмония	12,3
Болезни неполноценного питания	0,4
Рак	1,5
Сердечнососудистые заболевания и болезни нервной системы	9,8
Прочие и неопределенные болезни	24,9
Всего	100,0

* Составлена по данным: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 222. Л. 1 – 2.

** В границах Западно-Сибирского края по административно-территориальному устройству 1933 г.

Табл. 4. 11 свидетельствует, что основное место в структуре причин смертности городского населения Сибири (в сельской местности причины смерти не фиксировались) в 1933 г. занимали инфекционные заболевания, среди которых выделялись: туберкулез, тиф и дизентерия. Очень широким было распространение смертей от болезней органов пищеварения (главным образом энтериты и колиты), а так же от болезней органов дыхания, в первую очередь от бронхита и воспаления легких. Все эти болезни отчетливо социального происхождения обуславливались крайне низким уровнем жизни большинства населения, недоеданием, а то и голоданием, проживанием в тесных и сырых помещениях – бараках, подвалах, коммуналках. Болезни, так называемой эндогенной и квазиэндогенной этиологии (сердечнососудистые заболевания, болезни нервной системы и рак) связанные с естественным старением человеческого организма, были отодвинуты на далекую периферию причин смерти.

Инфекционные, желудочно-кишечные болезни и заболевания органов дыхания были особенно опасны для детей, лиц старших возрастов и части мужского населения. Следовательно, структура причин смертности, сложившаяся в ходе голода начала 1930-х гг. определяла возрастной состав умерших.

Таблица 4.11 *

**Состав умерших в городах Западной Сибири ** по возрасту.
Оба пола. 1933 г.**

Возраст (лет)	В %% к итогу
0 – 4	39,3
В т. ч. до 1 года	19,3
5 - 9	4,9
10 – 14	1,9
15 - 19	3,5
20 - 24	4,8
25 - 29	4,5
30 - 34	3,8
35 - 39	3,7
40 - 44	4,0
45 - 49	4,3
50 - 54	4,0
55 - 59	4,1
60 и старше	15,7
Возраст неизвестен	1,5
Всего	100,0

* Составлена по данным: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 222. Л. 1 – 2 об.; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 1 – 1 об.

** В границах Западно-Сибирского края по административно-территориальному устройству 1933 г.

Табл. 4. 12 показывает, что смертность концентрировалась на двух противоположных полюсах человеческой жизни – в детстве и старости. В общей совокупности умерших удельный вес детей и подростков до 14 лет составлял в Западной Сибири свыше 46%. На долю лиц старше 60 лет в составе скончавшихся приходилось приблизительно 16%. Смертность мужчин значительно превышала смертность женщин. Удельный вес мужчин в составе умерших в 1933 г. в Западно-Сибирском крае составлял: в городских поселениях – 59,6%, в сельской местности – 54%¹. Таким образом, дети, старики и мужчины приняли на себя основной удар голода.

Разрядка предельно напряженной демографической ситуации в Сибири наступила только осенью 1933 г., с получением нового урожая.

Таблица 4.12 *

**Число рождений и смертей, зарегистрированных загсами
Западной Сибири в 1935 - 1938 гг. (человек)**

Год	Зарегистрировано рождений	Зарегистрировано смертей	Естественный прирост
1934**	359127	206666	152461
1935 **	316313	184911	131392
1936 **	334724	196010	138714
1937 ***	373597	199534	174063
1938 ***	364040	184311	179729
1938 г. в % к 1935 г.	115,1	99,7	140,3

* Составлена по данным: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 332. Л. 9 об., 17, 19, 27, 29, 74 об., 105; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 124. Л. 1, 25, 41, 64, 72, 138, 140; Оп. 329. Д. 790. Л. 271, 260 -263; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 55. Л. 6 об. – 8.

** В границах Западно-Сибирского края и Омской области по административно-территориальному устройству соответствующих лет.

*** В границах Алтайского края, Новосибирской и Омской областей по административно-территориальному устройству соответствующих лет.

Основной вклад в процесс восстановления демографического равновесия, нарушенного в годы кризиса, внес феномен повышенной рождаемости. Рождаемость представляет собой не только источник увеличения численности населения, но является важным фактором изменения структуры населения. В связи с тем, что число мальчиков при рождении превышает число девочек, рождаемость способствует преодолению дисбаланса полов. И чем выше рождаемость (особенно в условиях снижения детской смертности), тем быстрее выравнивается соотношение мужчин и женщин.

Индустриализация и тесно связанная с ней коллективизация, вне всякого сомнения, способствовали разрушению основ сибирской патриархальности, порождавшей повышенные показатели рождаемости. В 1930-е гг. активно формировался новый образ жизни, присущий урбанизированному, индустриальному обществу. Он получил некоторое распространение, но не стал еще всеохватывающим. Деревня сохранила в основном доиндустриальную модель демографического поведения. Да и в городах, даже крупных, патриархальность медленно сдавала позиции. Поэтому преодоление голода, как ситуационного фактора, немедленно вызвало рост числа родившихся детей. По неточным данным советской статистики, в 1933 г. в Западной Сибири (в границах Западно-Сибирского края и Обь-Иртышской области)

¹ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 1 – 1 об.

родилось 284 тыс. детей. Общий коэффициент рождаемости составлял примерно 37‰. В деревне общий коэффициент рождаемости колебался в пределах 41‰¹. В 1934 г. в Западной Сибири (в этих же административных границах) было зафиксировано 325 тыс. родившихся, а в границах Западно-Сибирского края и Омской области (см. табл. 1. 13) – 359,1 тыс. Уровень рождаемости повысился приблизительно до 41‰, а в сельской местности до 46‰². Некоторую роль, в данном случае, играло явление, которое можно определить как компенсаторную волну рождаемости. Вынужденно отложенные во время голода беременности сконцентрировались на узком отрезке времени и вызвали эффект повышенной рождаемости. Но компенсаторная волна оказалась очень слабой и кратковременной. В конце 1934 г. она была близка к завершению.

В связи с затуханием компенсаторной волны, число родившихся в 1935 г. сократилось. Но в 1936 – 1937 гг. тенденция к наращиванию рождаемости закрепилась. Это говорит о том, что перестройка репродуктивного и брачного поведения населения глубокой российской провинции была еще очень далека от завершения. Воспроизводство населения, постепенно разворачивалось в сторону рационального типа, но оставалось все, же глубоко патриархальным. Насильственная коллективизация, ускоренная индустриализация, форсированная урбанизация способствовали ломке всех патриархальных традиций по отношению к рождению детей, но не могли ликвидировать их в одночасье.

О глубоко укоренившейся патриархальности в области семейно-брачных отношений свидетельствует в частности ранняя брачность сибирских женщин. В 1935 г. в городах Западной Сибири почти 78% женщин вышли замуж в возрасте 25 лет и моложе. Удельный вес невест, которым не исполнилось 19 лет, составлял 22%³. В сельской местности доля женских браков в возрасте 25 лет и моложе достигала 81%, в том числе в возрасте до 19 лет – 35%⁴. Соответственно, прослойка молодых матерей (19 лет и моложе) составляла в Западно-Сибирском крае в 1935 г. – 6%⁵. Таким образом, женщины рано выходили замуж и, в условиях отсутствия средств контрацепции, рано приступали к рождению детей. Такая демографическая картина почти не отличалась от дореволюционной.

На увеличение чисел родившихся большое влияние оказывало совершенствование статистического учета. В городах становление разрушенной ранее системы текущего учета естественного движения населения проходило быстрее, чем в деревне. Соответственно, регистрация родившихся в городских поселениях была полнее, чем в сельской местности, что и влияло на показатели темпов роста числа родившихся. Но сам факт подъема рождаемости после катастрофы 1932 – 1933 гг. очевиден. Особенно высоким был уровень рождаемости в сельской местности и малых городских поселениях. Так в Ярково-Омской области в 1935 г. индекс рождаемости составлял почти 53‰, в Велижанском – 49, Черлакском – 48, Азовском, Верхне-Тавдинском и Исиль-Кульском – 46, Армизонском и Кормиловском – 45‰⁶. В населенном пункте Черлак в 1935 г. общий коэффициент рождаемости составлял 57‰, в Называевске – 50, Тюкалинске – 44‰⁷.

К сожалению, качество статистического учета во второй половине 1930-х гг. не дает возможности рассчитать общие коэффициенты рождаемости в целом по Западной Сибири (отсутствуют приемлемые данные о численности населения). Но очевидно, что рождаемость была высокой. Однако в демографической подсистеме советской страны в 1930-е гг. все явственнее давали о себе знать все отчетливее проявлявшиеся новые социально-демографические тенденции. Индустриализация и сопровождавшая ее урбанизация, втягивание женщин в производство, рост уровня грамотности и образования женщин,

¹ Там же. Д. 19. Л. 5, 10.

² Там же. Д. 53. Л. 3, 8.

³ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 73. Л. 35 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 25 об., 32 об.

⁶ ИсАОО. Ф. 437. Оп. 9. Д. 399. Л. 46 об.

⁷ Там же. Л. 136.

крупномасштабные миграции, разрывавшие семейно-родственные связи, неизбежно трансформировали весь образ жизни советских людей. В этих условиях сокращение потребности в детях становилось неизбежностью, что особенно сильно проявлялось в городах. Здесь медленно, но неуклонно пробивало себе дорогу новое направление в репродуктивном поведении населения, а именно ограничение рождаемости путем установления контроля над числом детей в семье. Таким образом, в городах Западной Сибири (деревня значительно отставала) сталкивались и активно противоборствовали две тенденции – консервативная, означающая раннюю брачность, активное неприятие контрацепции, ничем не ограниченную рождаемость, и новая, индустриально-урбанистическая, ведущая к ограничению числа детей в семье.

В условиях отсутствия средств контрацепции женщины были вынуждены для ограничения рождаемости использовать такой грубый способ, как аборт. Он получил некоторое распространение в крупных городах Сибири еще в 1920-е гг. В 1931 г. в Западно-Сибирском крае свыше 11 тыс. женщин, из которых большинство (около 80%) были горожанками, отказались от рождения ребенка¹. Тенденцию к искусственному ограничению рождаемости было невозможно не только остановить, но даже задержать – это была объективная плата за вступление СССР «в клуб индустриальных стран».

Между тем, одной из главных установок псевдосоциалистической теории народонаселения, доминировавшей в СССР, было утверждение, что при социализме рождаемость может быть только высокой. Повышенная рождаемость рассматривалась как яркое подтверждение правильности линии партии, свидетельство материального благополучия советских людей. Газета «Правда» в 1934 г. писала: «Одним из наиболее обобщающих показателей уровня жизни являются рождаемость и смертность»². В 1939 г., доводя этот тезис до абсурда «Правда» писала, как «под благодатными лучами Сталинской конституции из года в год увеличивается рождаемость в нашей стране...»³. Снижение рождаемости приписывалось только «загнивающему» капитализму. В какой-то степени эта позиция отражала военно-стратегические опасения властей, которые расценивали повышенную рождаемость как прочную гарантию повышения численности призывного контингента и, следовательно, роста обороноспособности страны.

Власти настойчиво стремились выработать демографическую политику, не только пересиливавшую тенденцию к сокращению рождаемости, но и направленную на достижение еще большего числа детей. Советское руководство исходило из крайне упрощенного понимания демографической проблематики. В итоге, 27 июня 1936 г. увидело свет постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»⁴. Запрет на производство абортов оказал противоречивое воздействие на динамику рождаемости. Вето на искусственное прерывание беременности означало реанимацию давно отживших, крайне закостенелых социальных регуляторов репродуктивного поведения, сужение сферы демографической свободы, возврат к ситуации, когда женщины были лишены какого-либо права выбора. Именно такие императивные регуляторы репродуктивного поведения были характерны для царской России с ее крайне консервативным брачно-семейным законодательством, в котором право женщины на свободное решение вопроса «рожать – не рожать» не признавалось. В ноябре 1920 г. совместным постановлением Наркомата здравоохранения и наркомата юстиции советской России запрет на производство абортов

¹ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 10. Д. 2076. Л. 28.

² Правда, 1934, 27 января.

³ Там же, 1939, 4 сентября.

⁴ Постановления КПСС и советского правительства об охране здоровья народа. М., 1958. С. 264 – 272.

был снят¹. В 1936 г. в Советском Союзе возобладали консервативные тенденции. Но жизнь оказалась сложнее схемы. То, что было приемлемо для дореволюционной аграрной России с ее патриархальностью и крайне низким уровнем урбанизированности, оказалось невозможным для страны, в которой широкое развитие получили процесс индустриализации.

Первое время после выхода в свет постановления о запрете абортс число родившихся младенцев (главным образом в городах) действительно выросло – сказывался шоковый эффект запрета. В Кемерово в первом полугодии 1937 г. по отношению к первому полугодию 1936 г. рождаемость увеличилась сразу на 64%, в Новосибирске – на 60, в Анжеро-Судженске на 51, в Томске на 49, в Омске на 46%². Но в сельской местности рождаемость практически не изменилась. Причина очевидна – аборты в 1930-е гг. (до их юридического запрета) производились большей частью в городах. Соответственно резерв роста рождаемости оказался здесь большим, чем в сельской местности. Такое положение не было результатом естественного развития демографической подсистемы, а являлось прямым следствием волюнтаристского решения, нарушившего нормальное течение демографических процессов. Этот феномен в принципе не мог превратиться в долговременную тенденцию. В 1938 г. отчетливо наметилась тенденция к сокращению числа рожденных детей. И если в 1937 г., как показывают данные табл. 4. 13 в Западной Сибири родилось 374 тыс. младенцев, то в 1938 г. свыше 364,0 тыс. Искусственное прерывание беременности перетекло в латентную, нелегальную сферу. Страну охватила эпидемия подпольных абортов.

Для восстановления численности и структуры населения в посткризисные годы большое значение имеет интенсивность смертности. Для 1932 – 1933 гг. характерно резкое повышение показателей смертности. После выхода из голодного кризиса, началось снижение смертности. Смертность, однако, снижалась очень медленно. По нашей оценке, сделанной на основе материалов Западно-Сибирского УНХУ, в 1934 г. общий коэффициент смертности в регионе сократился до 26‰³, а в 1937 г. до 23‰⁴.

Главная причина замедленного снижения смертности в Западной Сибири – широкое распространение инфекционных заболеваний. По имеющимся в нашем распоряжении отрывочным данным официальной статистики, между 1930 и 1935 гг. в СССР сократилась заболеваемость брюшным тифом и паратифом, натуральной оспой, скарлатиной, корью. Вместе с тем выросла заболеваемость малярией (в 3 раза) и сыпным тифом (в 3,3 раза). Однако заболеваемость населения даже теми инфекциями, которые проявляли тенденцию к сокращению, оставалась высокой. Так, в 1935 г. на 100 тыс. человек в Советском Союзе было зафиксировано 85 заболеваний брюшным тифом и паратифом, 167 заболеваний скарлатиной, 359 – корью⁵. Как показал О. В. Бароян, во второй половине 1930-х гг. стабильно высокой оставалась заболеваемость такими опасными болезнями, как сыпной и возвратный тиф, малярия, дифтерия, скарлатина [10. С. 56, 58, 63 – 64, 77 – 78, 97 – 98, 109 – 110]. =

Государство вкладывало значительные средства в развитие здравоохранения и санитарные мероприятия. При этом основная роль в борьбе с инфекциями отводилась усилению санитарного надзора. Учитывая уроки, которые преподнесла эпидемическая вспышка голодных лет, 23 декабря 1933 г., в составе народных комиссариатов здравоохранения союзных республик была создана специальная организация Государственная санитарная инспекция⁶. Ее главной задачей было установление строжайшего санитарного контроля. Особое внимание уделялось контролю над предприятиями пищевой промышленности и общественного питания. 26 июля 1935 г. статус

¹ Там же. С. 63 – 64.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 111. Л. 81.

³ Там же. Д. 49. Л. 19.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 138. Л. 8, 9.

⁵ Инфекционные болезни человека в СССР. Стат. справочник. М., 1968. С. 39, 42, 45, 46, 51, 52.

⁶ Постановления КПСС и советского правительства... С. 221 – 223

этой организации в государственной иерархии был поднят до уровня всесоюзного: при СНК СССР в СССР была создана Всесоюзная государственная санитарная инспекция (ВГСИ)¹.

Сотрудники санитарной инспекции внесли огромный вклад в борьбу с инфекциями. На ВГСИ возлагалось руководство работой всех органов государственной санитарной инспекции, непосредственное осуществление санитарного надзора, разработка проектов по вопросам санитарного законодательства, анализ данных о санитарном состоянии Советского Союза. Служащие ВГСИ имели право беспрепятственного посещения с целью осмотра производственных, торговых, складских, жилых, служебных помещений, транспортных средств. Только в Омской области в 1935 г. под наблюдением сотрудников ВГСИ находились 1082 объекта пищевой промышленности и общепита, а также школы, вузы и техникумы. В этом году в области было осуществлено 24960 осмотров, 1060 выемок для анализа, приостановлено к эксплуатации и закрыто полностью 67 учреждений пищевой промышленности и общепита, наложено 644 штрафа. За 9 месяцев 1936 г. в области было организовано 22646 осмотров. По представлениям госсанинспекторов было закрыто 76 учреждений, взыскано 489 штрафов².

Голод и сопутствующие ему эпидемии вскрыли многие недостатки в деятельности санитарных служб и органов здравоохранения. В силу своей маломощности они не сумели предотвратить нарастание инфекционных заболеваний. В этой связи сеть учреждений здравоохранения в годы второй пятилетки была значительно расширена. Так, в Новосибирской области в течение 1932 – 1937 гг. число поликлиник было удвоено. Количество туберкулезных диспансеров в городах области было увеличено 15, а в деревне в 13 раз. Число коек в городских стационарных больницах выросло в 1,7 раза, в сельских – в 2,3 раза³. В Омской области число специализированных амбулаторий и поликлиник за 1933 – 1936 гг. выросло в 1,7 раза. Количество неспециализированных амбулаторий в области за указанные годы выросло в 1,6 раза, стационарных больничных учреждений – в 1,9 раза, а количество коек в них – в 1,5 раза⁴.

Тем не менее, преодоление инфекционной заболеваемости требовало времени и ресурсов. Низкий уровень материального благосостояния людей, жилищная скученность, неразвитость коммунального хозяйства городов ежедневно порождали эпидемические угрозы. Инфекционная заболеваемость оставалась очень высокой. Крупные эпидемии удалось ликвидировать, но локальные эпидемии оставались на протяжении всех 1930-х гг. нередким явлением. Так в конце 1935 г. – в начале 1936 г. в Тюмени произошла вспышка скарлатины. Число заболеваний этой опасной болезнью в 1-м квартале 1936 г. по отношению к 1-му кварталу 1935 г. выросло сразу более чем в 40 раз⁵. Эпидемию удалось локализовать. Но в 1937 г. резкое повышение заболеваемости скарлатиной было зафиксировано в Омске. Заболевших было так много, что в детской инфекционной больнице и без того работавшей с перегрузкой, не хватило мест. Дети лежали по 2 человека на одной койке. В городе пришлось развернуть 250 временных детских инфекционных коек⁶.

Значительным фактором, тормозящим снижение смертности, оставался сыпной тиф. Распространение этой отчетливо выраженной социальной болезни определялось дефицитом жилья, низким уровнем санитарной культуры большинства населения и, как следствие этого, широким распространением педикулеза. Глава эпидемиологической службы Западно-Сибирского края С. А. Арбенин в конъюнктурном обзоре состояния эпидемиологической заболеваемости по Западно-Сибирскому краю указывал, что обследование, проведенное в октябре 1935 г. в Новосибирске показало, что из 31 тыс. осмотренных, 11% оказались

¹ Там же. С. 256 – 260.

² ИсАОО. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 24. Л. 210.

³ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 266. Л. 147.

⁴ ИсАОО. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 21. Л. 1 – 3.

⁵ Там же. Д. 16. Л. 145.

⁶ Там же. Ф. 437. Оп. 9. Д. 419. Л. 6, 11

завшивленными. В Сталинске из 21 тыс. обследованных больных педикулезом было почти 7%. В Кемерово из 10 тыс. обследованных было обнаружено почти 9% вшивых¹. В декабре 1935 г., завшивленность населения Западно-Сибирского края достигала 10 – 15%. В январе 1936 г. педикулез поразил 12% населения Кемерово и 11% населения Новосибирска².

Завшивленность приводила к частым вспышкам сыпного тифа. Самой крупной локальной эпидемией сыпного тифа во второй половине 1930-х гг. стала Усть-Ишимская эпидемия (по названию Усть-Ишимского района Омской области). Она вспыхнула в октябре 1935 г. в деревне Паново. Здесь было выявлено 25 больных. Болезнь быстро перекинулась на соседние населенные пункты. Всего было поражено 17 деревень. В одной только деревне Паново с октября по декабрь было зафиксировано 75 случаев сыпного тифа, в Березянке – 28, в Комарово – 26, в Новой деревне 16 случаев сыпного тифа. Всего было зафиксировано 205 заболеваний. Болели целыми семьями. Так в деревне Казановка все 7 случаев произошли в одной семье, которая скрывала больного. Для борьбы с эпидемией в Усть-Ишимский район был командирован эпидотряд, а в Паново пришлось открыть так называемый «заразный» барак³.

Все изученные нами документы свидетельствуют, что главным источником сыпного тифа было отсутствие у людей простейших санитарно-гигиенических навыков, жилищная скученность и удручающая бедность. В постановлении президиума Омского облисполкома от 27 декабря 1937 г. отмечалась высокая «заболеваемость сыпным тифом, что является результатом слабой борьбы органов здравоохранения, райисполкомов, сельсоветов и недостаточным внедрением санитарно-гигиенических навыков среди населения, особенно среди школьников»⁴. Секретарь Запсибкрайкома ВКП (б) Р. И. Эйхе и председатель Запсибкрайисполкома Ф. П. Грядинский в 1935 г. докладывали в ЦК ВКП (б) и СНК СССР: «Жилищное и коммунальное хозяйство, сеть здравоохранения и культурных учреждений в Западно-Сибирском крае резко отстало от промышленного развития края и роста его городов»⁵. В Новосибирске в 1935 г. на одного горожанина приходилось всего 2,9 кв. м. жилой площади, в Сталинске – 2,0, в Кемерово – 2,4, Ленинске-Кузнецком – 2,7 кв. м. В среднем по всем городам края обеспеченность жильем в 1935 г. составляла 3,1 кв. м. на человека против 4 кв. м. в 1929 г.⁶ Качественно жилье не отвечало даже самым заниженным санитарным нормам. «Эти дома, – писали Эйхе и Грядинский, – не удовлетворяют элементарным требованиям нормального жилища»⁷. В конъюнктурном обзоре эпидемиологического состояния Омска за ноябрь 1937 г. приводится в качестве примера путь заражения тифом городской семьи. «Источником послужил купленный с рук на толкучке костюм, а так как семья жила очень бедно и скученно, спали вповалку, то контакт оказался очень сильным»⁸.

Фактором, не только замедлявшим снижение инфекционной заболеваемости но, напротив поддерживающим повышенный уровень смертности и, соответственно, тормозившим процесс демографической регенерации, был хронический дефицит продовольствия. Ситуация усугубилась после недорода, случившегося в Западной Сибири в 1935 г. Краевой эпидемиолог С. А. Арбенин охарактеризовал ситуацию достаточно точно и недвусмысленно. «Эпидемия будет продолжаться, – говорил он, – т. к. народ поставлен властью в плохие условия, сидит без хлеба»⁹. Собственно в 1930-е гг. не было ни одного дня, когда бы удалось избежать перебоев в обеспечении населения продовольствием. Заместитель

¹ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 212. Л. 120.

² Там же. Д. 223. Л. 6, 24.

³ ИсАОО. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 9. Л. 1 – 2.

⁴ Там же, ф. 437, оп. 9, д. 419, л. 12.

⁵ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 208. Л. 73.

⁶ Там же. Л. 74.

⁷ Там же.

⁸ ИсАОО. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 24. Л. 5 об.

⁹ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 223. Л. 56.

начальника СПО УГБ НКВД Западно-Сибирского края Ягодкин 17 марта 1936 г. в справке о политсостоянии Мамонтовского района докладывал: «Почти все колхозы района поражены недородом и переживают острые продовольственные затруднения. Вследствие отсутствия хлеба в ряде колхозов колхозники питаются разного рода суррогатом. Зарегистрированы факты употребления в пищу павших животных»¹. Недородом были поражены и другие районы края. Тот же Ягодкин 17 марта 1936 г. сообщал заместителю председателя Крайисполкома Д. И. Воронину: «Барнаульский район является недородным. В колхозах усиливается внеплановое отходничество»². Председатель Кышмановского РИК Д. А. Алексеев характеризуя политические настроения колхозников района, писал: «Хлеба нет, коров нет, лошади еле ходят, обуви нет, лопатины нет»³. Председатель Мариинского райисполкома Шевченко и секретарь РК ВКП (б) Эйгин 22 февраля 1936 г. докладывали председателю Западно-Сибирского крайисполкома Ф. П. Грядинскому: «Состояние колхозов Мариинского района с вопросом продовольствия и фуражом чрезвычайно тяжелое»⁴. Аналогичный доклад Ф. П. Грядинскому 11 мая отправил председатель Алейского райисполкома И. Климэк. «Подавляющее большинство колхозов нашего района – писал он, – ощущают сейчас затруднения в продовольственном хлебе... Многие колхозники уходят на поиски хлеба»⁵.

Непосредственным следствием продовольственных затруднений было распространение заболеваний недостаточного питания. Так, летом 1937 г. два района Тобольского округа были поражены пеллагрой. До этого пеллагра фиксировалась в округе только в 1931 – 1932 гг. Омский эпидемиолог А. А. Мелентьев в записке о результатах обследования писал: «Питание колхозников до заболевания состояло в весьма редком употреблении хлеба (1 раз в 3-4 дня) в виде «болтушки» и в основном в употреблении картофеля, перезимовавшего зиму 1936 – 1937 г. и не выкопанного своевременно, а так же, по словам многих детей в употреблении сердцевин стблей лопуха»⁶. Ликвидировать пеллагру удалось только после «заброски» в пораженные очаги хлеба, а колхозники «были освобождены от мясо - и молоко - поставок»⁷. Нередкими были и случаи цинги. Так в Омске по состоянию на 22 апреля 1937 г. было зарегистрировано 50 случаев цинготных заболеваний⁸. Вообще недостаточное питание было одной из важных факторов, повышающих смертность. В 1935 г. в городах Западно-Сибирского края от болезней неполноценного питания (включая рахит) скончались 163 человека, в 1936 г. – 156 человек⁹.

Во второй половине 1930-х гг., как и в период голода 1932 – 1933 гг. главными причинами смерти населения Западной Сибири оставались заболевания экзогенного происхождения, тесно связанные с условиями жизни. В 1936 г. в городах Западно-Сибирского края (в сельской местности статистика причин смертности как и прежде не проводилась) почти 40% смертей приходилось на инфекционные заболевания. Очень высокой была смертность от туберкулеза. Удельный вес этого заболевания в структуре причин смертности населения Западно-Сибирского края в 1936 г. составлял почти 15%. Кроме того, около 15% человеческих жизней унесли болезни органов дыхания – воспаление легких и бронхит. Удельный вес желудочно-кишечных заболеваний (энтерит, колит, диспепсия, диарея) в общей совокупности смертей составлял 13%¹⁰. Преобладание экзогенных факторов смертности, искажали структурные показатели смертности и тем

¹ Там же. Д. 200. Л. 37.

² Там же. Л. 39

³ Там же. Л. 93.

⁴ Там же. Л. 94.

⁵ Там же. Л. 103.

⁶ ИсАОО. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 24. Л. 91.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 145.

⁹ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 73. Л. 28 об.; Д. 101. Л. 34 об.

¹⁰ Там же. Д. 101. Л. 34 – 34 об.

самым сдерживали демографическую регенерацию. Инфекционные и желудочно-кишечные болезни, а также болезни органов дыхания уносили жизни большого числа детей. Соответственно детская смертность во второй половине 1930-х гг. была очень высокой.

Структура причин смерти 1930-х гг., в которой доминировали факторы экзогенного происхождения, обуславливала преобладание мужчин и женщин в составе умерших. Мужчины интенсивнее, чем женщины погибали от большинства инфекционных, желудочно-кишечных заболеваний и болезней органов дыхания. В 1936 г. в городских поселениях Западно-Сибирского края удельный вес мужчин в совокупности умерших от сыпного тифа составлял 64%, от дизентерии 54, от крупозной пневмонии (так в источнике) – 57, от туберкулеза органов дыхания – 58, от бронхита – 55. Преобладали мужчины и среди погибших в результате насильственных смертей (75%), самоубийств (72%), промышленных травм (89%)¹. В итоге формировался феномен мужской сверхсмертности. Удельный вес мужчин в общей совокупности людей, скончавшихся в Западно-Сибирском крае, составлял в 1933 г. 55%, в 1935 г. – 54,2, в 1937 г. – 53,6%². И это притом условия, что численность женщин в населении Западной Сибири, как это показала перепись 1926 г. и подтвердила перепись 1937 г. значительно превышала численность мужчин.

В сущности, даже после преодоления очевидных демографических последствий катастрофы начала 1930-х гг. смертность оставалась стихийным процессом, зависимым от внешних по отношению к демографической подсистеме факторов, таких как условия жизни, состояние здравоохранения, распространенность инфекционных заболеваний. Этот тезис подтверждается сведениями о сезонных колебаниях детской смертности. График (см. рис. 1), показывает, что наивысшие показатели детской смертности были характерны для летне-осенних месяцев. В июле, августе и сентябре 1937 г. коэффициент детской смертности в Западной Сибири повышался почти до 300‰. Зимой и глубокой осенью показатели детской смертности снижались. Причиной такого повышения детской смертности летом и ранней осенью было значительное распространение в это время года желудочно-кишечных инфекций. С одной стороны это свидетельствует о низкой санитарной культуре большинства населения, а с другой подтверждает факт, что здравоохранение того времени было бессильно предотвратить периодически повторяющиеся подъемы детской смертности. Смертность, таким образом, была стихийным, неконтролируемым процессом, зависимым от природной среды.

¹ Там же.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19. Л. 5, 10; Д. 138. Л. 8, 9; Д. 790. Л. 271.

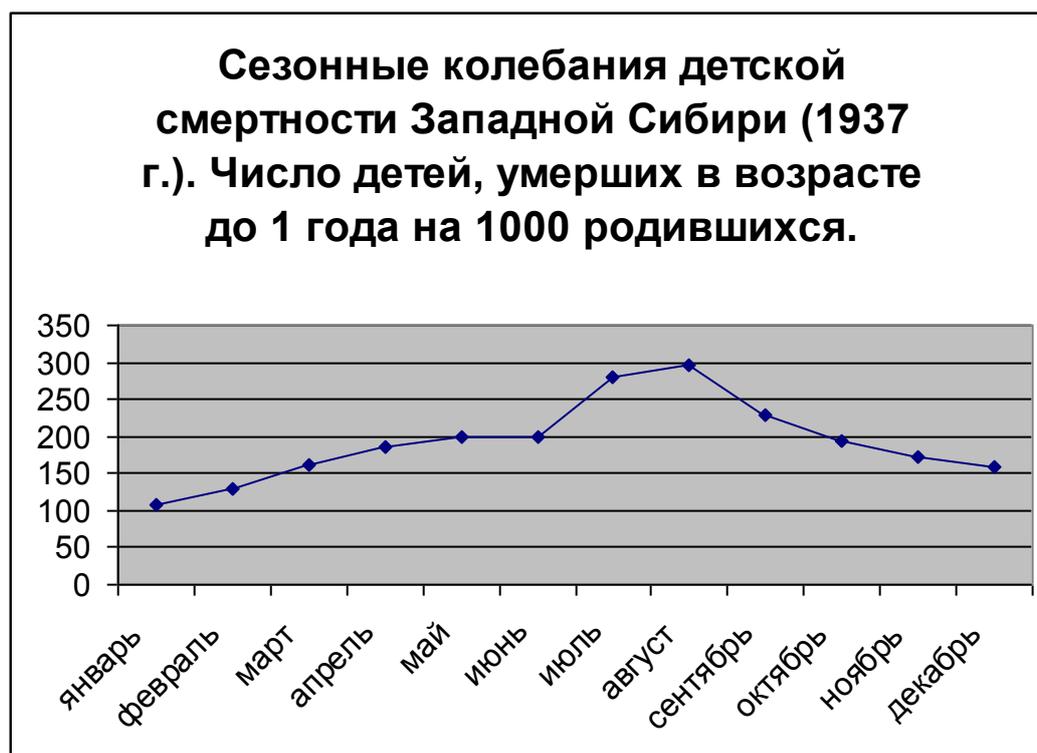

Рис. 1*

* Построен по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 135. Л. 7, 114, 120.

Итак, после голода, обрушившегося на Западную Сибирь в начале 1930-х гг., в регионе развернулся процесс демографической регенерации. Он означал восстановление численности и структуры населения, но протекал крайне медленно.

Литература:

1. Исупов В. А. Численность населения Западно-Сибирского края в расчетах сибирских статистиков 1930-х годов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, выпуск 1. С. 188 – 200.
2. Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири (1926 – 1939 гг.). Новосибирск: Наука, Сиб. Отд-ние, 1984. 168 с.
3. Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. Новосибирск: Издательский Дом «Историческое наследие Сибири». 2009. 808 с.
4. Полян. П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ – Мемориал, 2001. 328 с.
5. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930 – 1960. М.; Наука, 2005. 306 с.
6. Исупов В. А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука, Сиб. Отд-ние, 1991. 291 с.
7. Демографический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985. 608 с.
8. Слущкий А. Причины смертности по городам Сибкрая // Статистика Сибири. Сб. статей и материалов. Вып. третий. Новосибирск: Статсектор Сибкрайплана, 1930. С. 60 – 69.
9. Инфекционные болезни человека в СССР. Стат. справочник. М.: Медицина, 1968. 63 с.
10. Бароян О. В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М.: Медицина, 1968. 303 с.
11. Население Советского Союза. 1922 – 1991. М.: Наука, 1993. 143 с.

Глава 5.

От великой катастрофы к «советскому демографическому чуду», 1941–1945 гг.

В новое десятилетие Западная Сибирь вступала с долгожданным положительным ростом населения. Данные, представленные в таблице 5.1. показывают, что за период с 17 января 1939 г. по 1 января 1941 г. численность населения региона выросла в абсолютном выражении почти на 340 тыс. человек, превысив в конце 1939 – начале 1940 гг. девятимиллионный рубеж. Темпы роста численности населения региона в 1939 – 1941 гг. по сравнению с предшествующим периодом несколько увеличились. Если в 1926 – 1937 гг. среднегодовые темпы роста населения Западной Сибири составляли 1,8%, а в 1937 – 1939 гг. около 1%, то в 1939 – 1941 гг. – 1,9%.

Таблица 5. 1

Динамика численности населения Западной Сибири * в 1939 – 1941 гг.**

Дата	Тыс. человек			Удельный вес, %	
	Все население	Городское население	Сельское население	Городское население	Сельское население
17. 01. 1939 г. ***	8927,3	2581,8	6345,5	28,9	71,1
1. 01. 1940 г. ****	9097,3	2730,3	6367,0	30,0	70,0
01. 01. 1941 г. ****	9266,6	2792,6	6474,0	30,1	69,9
1941 г. в % к 1939 г.	103,8	108,2	102,0	-	-

* В границах Алтайского края, Новосибирской и Омской областей по административно-территориальному устройству 1941 г.

** Составлено по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 30, 53; Оп. 336. Д. 226. Л. 3; Д. 311. Л. 3; Д. 313. Л. 3.

*** Перепись 1939 г.

**** Оценка ЦСУ Госплана СССР.

Важной позитивной характеристикой динамики людского потенциала Западной Сибири в 1939 – 1941 гг. стал перелом тренда численности сельского населения. После демографической «бури» начала – середины 1930-х гг., вызванной индустриализацией, коллективизацией и голодом, сельское население вновь стало увеличивать свою численность. Напомним, что в 1926 – 1937 гг. численность сельского населения Западной Сибири (в границах послевоенных лет) сократилась более чем на 230 тыс. человек, а в 1937 – 1939 гг. выросло на 12 тыс. человек¹. Между тем, в 1939 – 1941, как свидетельствуют данные таблицы 5.1, сельское население региона увеличилось на 2%, что в абсолютном выражении составило почти 129 тыс. человек. Потери сельского населения региона так и не удалось компенсировать полностью, но процесс восполнения протекал очень активно.

В основе быстрого роста численности сельского населения региона лежала, главным образом, повышенная рождаемость, обеспеченная значительной инерционностью демографических процессов. Это, в свою очередь, обуславливало очень высокие показатели естественного прироста населения. Механический прирост сельского населения Западной Сибири, как и прежде, характеризовался отрицательными величинами. Из деревни уезжало больше людей, чем приезжало. Но масштабы бегства жителей деревни в города сократились.

¹ Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973. Стат. сборник. М., 1975. С. 16; Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 44 – 45.

Определенную роль в преодолении миграционного хаоса играла общая стабилизация социально-экономической ситуации. Большое значение имели мероприятия административного характера, сдерживающие отток жителей деревни в города. Ещё в декабре 1932 г. в СССР был введен паспортный режим и система прописки, которые были значительно ужесточены в 1940 г. Промышленные предприятия пытались внедрить систему организованного набора рабочей силы. Эти меры фактически означали прикрепление колхозников к колхозам, но, объективно, способствовали и некоторому упорядочению миграционных потоков. Соответственно, повышенный естественный прирост покрывал отрицательное сальдо миграции сельского населения. И если в годы первой и второй пятилеток отток жителей села в города полностью поглощал весь естественный прирост сельского населения, то теперь кое-что оставалось для обеспечения численного роста жителей деревни.

Некоторую компенсирующую роль играло и плановое сельскохозяйственное переселение в Западную Сибирь из европейской части СССР. Плановое сельскохозяйственное переселение в Сибирь было возобновлено в мае 1939 г. По данным Н. И. Платунова в 1940 г. в Западную Сибирь прибыло 222 тыс. переселенцев. Из них 89 тыс. человек были расселены в Алтайском крае, 74 тыс. в Новосибирской и 59 тыс. человек в Омской областях [1. С. 238]. Кроме того, в регион продолжали прибывать десятки тысяч депортированных граждан. К 1 января 1940 г. число состоящих на учете западносибирских комендатур спецпоселенцев (в основном бывших кулаков) превысило 240 тыс. человек [2. С. 40 – 41]. Основная их масса размещалась в Новосибирской области, главным образом в Нарымском округе. В 1940 г. в СССР была проведена «зачистка» погранзоны, вследствие которой в Алтайский край было решено переселить 1743 немца, поляка, грека, китайца и корейца [2. С. 83]. В 1940 – 1941 гг. в Советском Союзе было осуществлено несколько крупных депортаций поляков. Из 210 тыс. спецпоселенцев-поляков в Западную Сибирь к 1 апреля 1941 г. было депортировано почти 40 тыс. человек [2. С. 85]. В мае – июне 1941 г. власти организовали выселение «антисоветского элемента» из Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, Западной Украины и Западной Белоруссии. К осени 1941 г. в ссылку на поселение было отправлено почти 86 тыс. человек, из них более половины – 48 тыс. человек оказались в Западной Сибири. В Новосибирской области было расселено свыше 19 тыс. депортированных, в Алтайском крае – более 17 тыс. и около 12 тыс. человек в Омской области [2. С. 90 – 91]. Таким образом, спецпоселенцы играли значительную роль в наращивании людского потенциала западносибирского региона. По крайней мере, они частично нейтрализовали отток местных сельских жителей в города. Вместе с тем, подобную ситуацию можно уподобить «тришкиному кафтану». Западная Сибирь действительно приобретала население, но районы первоначального проживания депортированных его теряли.

На фоне повышения темпов роста численности сельского населения, темпы роста горожан Западной Сибири в 1939 – 1941 гг. несколько замедлились. Исходная масса горожан была уже достаточно велика. Это само по себе отражалось на скорости роста их численности. Но главная причина состояла в том, что теперь сельское население выделяло для города меньше мигрантов, чем раньше. Сталинская технология «индустриальной бури и натиска», характерная для первой и второй пятилеток если и не исчерпала себя полностью, то, во всяком случае, применялась ограниченно. Освоение уже построенных фабрик и заводов требовало меньшего количества рабочих рук, чем их строительство.

Отметим, однако, незавершенность процессов урбанизации в Западной Сибири, что отражало незаконченность самого процесса индустриализации. Хотя уровень урбанизированности региона к началу 1941 г. по отношению к 1939 г. несколько повысился, но оставался по-прежнему низким. Почти 70% сибиряков проживали в деревне и так или иначе были связаны с аграрным производством. Особенно низким уровень урбанизированности оставался в преимущественно аграрном Алтайском крае. Здесь в январе 1941 г. доля горожан составляла всего 18%. Несколько выше был уровень

урбанизированности Омской области. Здесь он достигал 21%. В Новосибирской области (главным образом за счет Кузбасса) перед началом Великой Отечественной войны доля городского населения повысилась до 43%¹. В самом Кузбассе удельный вес городского населения на начало 1941 г. приближался, по-видимому, к 60%. Самыми крупными городами Западной Сибири в январе 1941 г. как и прежде, оставались: Новосибирск (451 тыс. жителей), Омск (301 тыс.), Сталинск (178 тыс.), Барнаул (165 тыс.), Томск (149 тыс.), Кемерово (143 тыс.), Прокопьевск (115 тыс.)².

Но понесенные в ходе голода начала 1939-х гг. потери так и не были компенсированы. В 1940 г., как это демонстрирует таблица 5.2, произошло резкое падение показателя рождаемости. В этом году общий коэффициент рождаемости упал по отношению к 1939 г. сразу почти на 10%. Таким образом, демографическая подсистема Западной Сибири в 1940 г. вступила в качественно новую стадию развития. К этому времени полностью исчерпал себя такой резерв повышения рождаемости, как запрет абортов. Женщины приспособились к запретительным мерам. Страну охватила эпидемия подпольных абортов.

Таблица 5.2

Воспроизводство населения Западной Сибири в 1938 – 1940 гг. *

Год	Рождаемость		Смертность	
	Число родившихся (тыс. человек)	Число родившихся на 1000 человек	Число умерших (тыс. человек)	Число умерших на 1000 человек населения
1938 **	364,0	40,8	179,7	20,1
1939 **	374,7	42,0	179,1	20,1
1940 ***	343,6	36,9	191,9	20,3
1940 г. в % к 1938 г.	94,4	90,4	106,8	101,0

* Составлено по данным: Вестник статистики. 1965. № 1. С. 88 – 89; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 332. Л. 9 об., 19, 74 об.; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 124. Л. 1 – 160.

** По административно – территориальному устройству соответствующих лет.

*** По административно – территориальному устройству послевоенных лет.

Но самым главным фактором, отрицательно воздействовавшим на динамику рождаемости стали причины скорее военно-политического, чем демографического характера. Главную роль играла форсированная подготовка страны к войне. Численность Красной армии после принятия 1 сентября 1939 г. «Закона о всеобщей воинской обязанности» стремительно нарастала. Отток мужчин бракоспособного возраста в армию означал временный, а в случае их гибели (боевые действия на озере Хасан, реке Халхин-Гол, в Западных Украине и Белоруссии, в советско-финляндской войне) – окончательный разрыв брачно-семейных отношений, а также резкое снижение числа потенциальных женихов. Число зарегистрированных браков уменьшалось. И если в 1938 г. на 1000 человек населения Западной Сибири было зарегистрировано 10,8 браков, то в 1940 г. – 4,4 брака³. Таким образом, количество заключенных браков в Сибири за 1938 – 1940 гг. понизилось более чем в 2 раза.

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 53.

² Там же. Л. 50.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 124. Л. 1, 25, 41, 64, 72, 138, 158.

Таблица 5.3

Помесячная динамика брачности населения в городах Западной Сибири в 1939-1940 гг. *

Год	Область	Число зарегистрированных браков по календарным месяцам на 1000 человек населения												за год
		янв	фев	мар	апр	май	июн	июл	авг	сен	окт	ноя	дек	
1939 г.	В целом по Западной Сибири	6,91	5,22	5,89	6,19	6,28	7,67	12,31	8,85	6,65	5,59	5,59	6,14	6,94
	Новосиб. обл.	7,02	5,27	5,97	6,16	6,23	7,51	11,81	8,70	6,69	5,63	5,66	6,20	6,90
	Алтайский край	8,10	5,82	6,75	5,88	5,70	5,91	6,96	7,19	7,08	6,11	6,35	6,78	6,55
	Омская обл.	5,94	4,73	5,18	6,44	6,75	9,10	16,66	10,20	6,30	5,16	4,97	5,61	7,25
1940 г.	В целом по Западной Сибири	11,14	7,98	6,68	5,68	5,77	5,94	6,97	7,51	6,20	6,12	7,08	8,06	7,09
	Новосиб. обл.	10,98	7,98	6,62	5,60	5,67	5,89	6,90	7,48	6,21	6,14	7,02	7,93	7,04
	Алтайский край	9,54	7,99	6,07	4,90	4,73	5,48	6,27	7,20	6,36	6,30	6,42	6,80	6,50
	Омская обл.	12,42	7,97	7,17	6,30	6,61	6,30	7,52	7,76	6,07	5,98	7,62	9,07	7,57

* Составлено по данным: ГАРФ. Ф А-374. Оп. 23. Д. 455. Л. 1, 24. Оп. 11. Д. 39. Л. 3, 5. Д. 40. Л. 3. Д. 77. Л. 3, 69, 73. Д. 176. Л. 2, 62. Д. 225. Л. 3, 36, 82. Д. 293. Л. 3, 81. Д. 294. Л. 11, 69, 76. Д. 380. Л. 2, 75, 127, 178, 182. ГАНО Ф. 11. Оп. 2. Д. 607. Л. 18, 51. Д. 736. Л. 2, 4, 21. Д. 871. Л. 26, 27. Д. 992. Л. 19, 20.

Снижение уровня брачности наблюдалось на всей территории региона, но в городских поселениях оно происходило не столь резко. В таблице 5.3 представлены данные об изменениях брачности в городах Западной Сибири в течение 1939-1940 гг. по месяцам. Эти два года можно, с большой натяжкой, в сравнении с предыдущими и последующими годами, охарактеризовать как период относительной социальной стабильности. Годовой показатель находился на уровне 6,94 по региону. В летние месяцы произошел быстрый рост показателя, в основном за счет Новосибирской и Омской областей. Некоторое сокращение, относительно летних месяцев, началось с сентября-октября 1939 г. Однако спад сменился ростом уже в декабре. В январе 1940 г. уровень брачности вновь достиг высоких значений, который выровнялся уже к весне. С лета 1940 г. вновь произошел небольшой рост. В июне и июле 1941 г. вновь, как и в предшествовавшем году, произошел всплеск брачности. Наиболее высокий уровень брачности сохранялся в Омской области. Если в начале 1939 г. он почти не отличался от соседних регионов, то уже с 1940 г. стабильно удерживался на уровне наивысших показателей в среднем по региону.

В условиях слитности брачного и репродуктивного поведения населения снижение брачности вызывало уменьшение рождаемости. Исполняющий обязанности начальника Красноярского статистического управления Донской и начальник сектора населения и здравоохранения Каплун в докладной записке в Отдел демографии ЦСУ СССР 3 июня 1941 г. подчеркивали: «На снижение рождаемости оказало влияние и то обстоятельство, что во второй половине 1939 г. и в первой половине 1940 г. имели место события на МНР, в западных областях Украины и Белоруссии и в Финляндии. Вследствие чего значительная часть мужского населения нашего края длительное время отсутствовала, что, конечно, оказало некоторое действие на рождаемость в сторону её снижения»¹.

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1871. Л. 173

Таблица 5.4

Динамика абсолютного числа рождений и общих коэффициентов рождаемости в городах Западной Сибири 1939–1945 гг. *

Год	Абсолютное число	Изменения относительно 1939 г., %	Отрицательные трансформации рождаемости, %	Общий коэффициент рождаемости, ‰
1939	89519	100,00%	0,00%	34,67
1940	76748	85,73%	14,27%	27,48
1941	73177	81,74%	3,99%	22,65

* Составлено по данным: ГАРФ. Ф. А-374. Оп.23. Д.446. Л. 3, 4, 90, 92. Оп.11. Д.20. Л. 1. 37. Д.78. Л. 1, 2, 3, 4, 49, 50. Д.159. Л. 2, 19, 38, 47.

Табл. 5.4 показывает значительные изменения показателя в 1940 г., когда произошел значительный спад показателя относительно 1939 г., что подтверждает тезис о существенном влиянии фактора снижения брачности на воспроизводство населения.

Одновременно в 1940 г. в Сибири дала о себе знать тенденция к повышению смертности. Она была обусловлена заметным ухудшением условий материального обеспечения как жителей городов, так и сельской местности. В результате естественный прирост в 1940 г. по отношению к 1939 г. сократился. Это значит, что в так называемый «предвоенный» период Сибирь втянулась в демографический кризис, который перерос в демографическую катастрофу периода Второй мировой войны.

Великая Отечественная война, кардинально изменившая условия развития населения Сибири, резко усилила воздействие факторов пертурбационного характера на демографическую подсистему общества. И если в предшествующий войне период влияние этих факторов было очень сильным, то в 1941 – 1945 гг. они доминировали. Эти годы также характеризовались рассогласованием социальных механизмов, регулирующих развитие народонаселения СССР. В итоге, война исказила все, без исключения демографические показатели. Прежде всего, это отразилось на динамике численности населения страны и её отдельных регионов.

Цифровые данные, сконцентрированные в таблице 5.5 показывают, что за период с 1 января 1941 г. по 1 сентября 1945 г. численность горожан Западной Сибири выросла более чем на 26%. В абсолютном выражении это составило почти 728 тыс. человек. Однако темпы роста горожан резко замедлились. Самые высокие темпы роста городского населения региона были характерны для 1941 – 1942 гг. На этом этапе численность горожан увеличилась почти на 16%. В 1942 – 1943 гг. скорость роста городского населения Западной Сибири замедлилась до 6%, в 1943 – 1944 гг. - до 3%. В течение полутора лет, с 1 января 1944 г. по 1 мая 1945 г. численность горожан в западносибирском регионе вообще не увеличилась, а между 1 мая и 1 сентября 1945 их количество выросло всего на 2,5 тыс. человек (на 0,1%).

Таблица 5.5.

**Динамика численности населения Западной Сибири * в 1941 – 1945 гг. **
(Оценка ЦСУ СССР, без армии, спецконтингента и госпиталей).**

Дата	Тыс. человек.			Удельный вес, %	
	Все население	Городское население	Сельское население	Городское население	Сельское население
1 января 1941 г.	9266,6	2792,6	6474,0	30,1	69,9
1 января 1942 г.	9921,4	3231,0	6690,4	32,6	67,4
1 января 1943 г.	9632,5	3423,4	6209,1	35,5	64,5
1 января 1944 г.	9069,3	3517,1	5552,2	38,8	61,2

1 мая 1945 г.	8541,9	3517,8	5024,1	41,2	58,8
1 сентября 1945 г.	8536,7	3520,3	5016,4	41,2	58,8
1 сентября 1945 г. в % к 1 января 1941 г.	92,1	126,1	77,5	-	-

* По административно-территориальному устройству текущих лет.

** Составлено по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. д. 241. Л. 53 – 54; Д. 403. Л. 40 об.; Д. 404. Л. 3; Д. 405. Л. 2; Д. 564. Л. 2 об., 60 об.

Столь неровные и затухающие темпы роста городского населения обуславливались различными (на разных этапах войны) социально-экономическими факторами. Для начального периода Великой Отечественной войны был характерен значительный прилив эвакуированного населения из западных регионов СССР и частично с Дальнего Востока. Эвакуированные граждане размещались в основном в городах западных районов Сибири. Численность эвакуированного населения была столь велика, что они своей массой до известной степени компенсировали действие факторов, способствующих снижению количества горожан, таких как мобилизация в Красную армию и сокращение естественного прироста.

Вторая волна эвакуации, поднимавшаяся после летнего наступления вермахта в 1942 г. также способствовала росту численности городского населения Западной Сибири. Однако количественно вторая волна эвакуации уступала первой. Соответственно темпы роста горожан региона заметно снизились. Начиная с 1943 г. численность жителей городов росла в основном за счет относительно немногочисленных (по сравнению с 1930-ми гг.) перемещений жителей сибирской деревни в города для работы на промышленных предприятиях, стройках и транспорте. В 1944 г., когда постепенно стали разворачиваться процессы реэвакуации, рост городского населения Западной Сибири фактически прекратился. Очевидно, что разгром Японии не требовал таких титанических усилий, как борьба с нацистской Германией. Поэтому численность городского населения Западной Сибири на завершающем этапе Второй мировой войны вновь обрела тенденцию к увеличению.

Таблица 5. 6

Динамика численности городского населения отдельных регионов Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Тысяч человек. *

Регион **	17 января 1939 ***г.	1 мая 1945 г. ****	1 сентября 1945 г. ****	1945 г. в % к 1939 г.
Алтайский край	411,4	580,7	581,9	141,4
Кемеровская область	910,3	1196,0	1199,0	131,7
Новосибирская область	582,4	836,1	836,9	143,7
Омская область	329,7	469,0	470,0	142,6
Томская область	171,7	234,0	230,5	134,2
Тюменская область	176,3	202,0	202,0	114,6

* Составлено по данным: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. С. 26 – 29; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 564. Л. 3 об., 60 об.

** По административно - территориальному устройству 1945 г.

*** По данным переписи 1939 г.

**** Оценка ЦСУ СССР, без армии, спецконтингента и госпиталей.

Обратимся к анализу динамики численности городского населения Западной Сибири по отдельным административно-территориальным единицам. До войны самые высокие темпы роста горожан были характерны для Кузбасса как района особенно интенсивного индустриального развития. В военные годы этот фактор роста городского населения по-прежнему играл значительную роль, но все же уступил первенство обстоятельствам военно-политического характера. Теперь быстро росла численность городского населения в

регионах, принявших большое количество эвакуированных, к которым относились Новосибирская и Омская области, а также Алтайский край (по административно-территориальному устройству 1945 г.).

Среди отдельных городов в годы Великой Отечественной войны быстрее всего росла численность населения Новосибирска, Омска, Барнаула, Рубцовска, Киселевска, Осинников. Вместе с тем, заметно уменьшились (по сравнению с предшествующим периодом) темпы роста населения Кемерово. Между 1944 и 1946 гг. численность населения этого города даже сократилась. Замедлилась скорость роста населения Сталинска, Анжеро-Судженска, Прокопьевска, Белово. Здесь еще до начала Великой Отечественной войны был накоплен значительный людской потенциал и теперь стоял вопрос не о его наращивании, а о более полном и эффективном использовании имевшихся трудовых ресурсов. Кроме того, затухание темпов роста городского населения Кузбасса объясняется тем, что промышленные предприятия, размещенные в Кемеровской области, в годы войны широко использовала труд заключенных и бойцов рабочих колонн. Статистики не включали их в численность городского населения. О количественной динамике роста населения отдельных городов в военные годы дает представление таблица 5.7.

Таблица 5.7

**Динамика численности населения городов Западной Сибири
с числом жителей в 1946 г. свыше 50 тыс. человек. Тысяч человек. ***

Города	Тыс. человек			1946 г. в % к 1939 г.
	17 января 1939 г. **	1 января 1944 г. ***	1 января 1946 г. ***	
Тюмень	79,2	94,0	95,0	119,9
Барнаул	148,2	216,0	217,3	146,6
Бийск	80,3	97,0	101,6	126,5
Рубцовск	37,7	66,3	72,3	191,8
Кемерово	132,8	188,3	172,8	130,1
Сталинск	165,7	206,6	221,6	133,7
Прокопьевск	107,3	133,5	145,8	135,9
Ленинск- Кузнецкий	82,7	95,3	96,5	116,7
Киселевск	43,9	61,7	68,2	155,4
Анжеро-Судженск	69,0	81,3	87,1	126,2
Белово	43,3	57,2	56,8	131,2
Новосибирск	404,4	609,6	613,6	151,7
Омск	288,9	412,0	410,5	142,1
Томск	145,1	177,7	178,0	122,7

* Составлено по данным: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. С. 36 – 38; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 629. Л. 63, 64, 71 – 74, 92, 94; Оп. 329. Д. 1452. Л. 31-32.

** По данным переписи 1939 г.

*** Оценка ЦСУ СССР, без армии, спецконтингента и госпиталей.

Рост численности городского населения Западной Сибири сопровождался некоторым расширением сети городов и поселков городского типа. В течение 1941 – 1945 гг. на географической карте западносибирского региона появилось несколько новых населенных пунктов, среди которых было 6 городов. В военный период в Западной Сибири возникли такие города, как Салаир (1941 г.), Чесноковка (*ныне Новоалтайск – В. И.*), Бердск (1942 г.), Болотное (1943 г.), Купино (1944 г.), Исилькуль (1945 г.). Все они образовались на базе существовавших ранее, быстро растущих рабочих поселков. Некоторые крупные сельские населенные пункты получили статус рабочих поселков: Батурино (1941 г.), Михайловский и Юрга (1942 г.), Заводо-Петровский, Змеиногорск и Макарацкий (1943 г.),

Кургановка, Кулунда, Маслянино, Калачинск, Чугунаш (1944 г.) и другие. В сущности, ни одного собственно «нового» городского поселения в полном смысле этого слова (т. е. на незаселенном, «пустом» месте), за годы войны не появилось. В этом смысле процесс формирования городской сети, особенно бурный в 1930-е гг., в период Великой Отечественной войны носил вяло текущий характер.

Влияние пертурбационных факторов внешней среды в сельской местности ощущалось значительно сильнее, чем в городах. Данные таблицы 5.5 показывают, что за период с 1 января 1941 г. по 1 сентября 1945 г. численность сельского населения Западной Сибири сократилась в 1,3 раза, что в абсолютном выражении составило почти 1,5 млн. человек. Причем в 1941 – 1942 гг. численность жителей западносибирской деревни за счет притока эвакуированных выросло на 3% (на 216 тыс. человек), а в 1942 – 1945 гг. сократилась сразу на 25% (на 1674 тыс. человек).

Основным фактором, предопределившим сокращение численности сельского населения, были масштабные призывы и мобилизации мужского контингента в армию (в сельской местности в отличие от городов почти отсутствовала система брони для специалистов). Заметную негативную роль играл отток населения мобилизованного на работу в промышленность, на транспорте и стройках, а также молодежи, привлеченной к учебе в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах. Существенное значение имело стихийное перемещение части жителей деревни в городские поселения. Отрицательно отражались на численности сельского населения региона административные преобразования сельских населенных пунктов в городские. Нельзя не учитывать и сокращение показателей естественного прироста (смертность в 1942 – 1944 гг. превышала рождаемость).

Итак, если в городах и поселках городского типа Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны соотношение причин и факторов, воздействующих на изменение численности населения, несмотря на негативное влияние условий военного времени, обеспечивало некоторый (хотя и замедленный) рост населения, то в сельской местности, напротив, обусловило снижение числа жителей.

Отметим попутно, что в Восточной Сибири сокращение численности сельского населения в 1941 – 1945 гг. было выражено еще резче. Здесь в указанный период численность жителей деревни уменьшилась на 24,2%, а в Якутии – даже на 28,9%. Это объясняется тем, что в Западной Сибири отток населения из села частично компенсировался притоком эвакуированных граждан. Но эвакуация, как компенсаторный фактор, в какой-то степени сдерживающий темпы падения численности сельского населения, значительную роль играла только на начальном этапе войны. Напомним, что в 1941 – 1942 гг., главным образом за счет эвакуантов, численность жителей западносибирской деревни возросла на 3%. Между тем, в Восточной Сибири, куда потоки эвакуированных почти не достигали, численность сельских жителей в указанные годы сократилась на 8%. Но после 1942 г., когда влияние негативных факторов войны стало доминирующим, а эвакуация практически прекратилась, численность сельского населения Западной Сибири заметно сократилась. Особенно резко количество жителей западносибирской деревни уменьшилось в 1943 г. – почти на 11%, после чего темпы падения их численности несколько замедлились.

Очевидно, что столь заметные аномальные колебания численности населения западносибирского села обуславливались конкретной социально-экономической обстановкой, складывающейся по-разному в различных административных образованиях. В этой связи значительной была и территориальная дифференциация этого процесса.

Таблица 5. 8

**Динамика численности сельского населения отдельных регионов
Западной Сибири *. 1941 – 1945 гг. ****

Регион	Тыс. человек			1945 г. в % к 1941 г.
	17 января	1 мая	1 сентября	

	1939 г. ***	1945 г. ****	1945 г. ****	
Алтайский край	1976,4	1515,2	1511,2	76,5
Кемеровская область	744,2	616,0	615,0	82,6
Новосибирская область	1279,2	998,2	1000,2	78,2
Омская область	1060,3	824,0	826,0	77,9
Томская область	471,4	379,8	376,0	79,8
Тюменская область	815,1	690,9	688,0	84,4

* По административно-территориальному устройству 1945 г.

** Составлено по данным: то же, что и таблица 5. 6.

*** По переписи 1939 г.

**** Оценка ЦСУ СССР, без армии, спецконтингента и госпиталей.

Согласно данным таблицы 5.8, численность сельского населения сократилась во всех без исключения регионах Западной Сибири, но в наибольшей степени в развитых в аграрном отношении территориях, таких как Алтайский край (на 23,5%), Омская (на 22,1%) и Новосибирская (на 21,8%) области. Отметим, что сельское население в большинстве административно-территориальных единиц сокращалось и на завершающем этапе Второй мировой войны, в мае – сентябре 1945 г.

Сокращение численности сельского населения раскрывает «секрет» на первый взгляд бурного роста уровня урбанизированности Западной Сибири в 1941 – 1945 гг. Удельный вес горожан в регионе повысился с 30,1% на начало 1941 г. до 41,2% на середину 1945 г. (см. табл. 5.5). Такое положение, однако, было обусловлено не столько увеличением численности горожан, сколько сокращением количества сельских жителей. Подобного рода «квазиурбанизация» несомненно, предопределялась аномальным влиянием факторов военного времени.

Соотношение темпов роста и сокращения численности городского и сельского населения в конечном итоге обусловила и эволюцию численности всего населения Западной Сибири. Для мирных лет сокращение сельского населения явление достаточно широко распространенное, поскольку промышленный рост всегда стимулирует миграции из деревни в город. Но в период «нормального», мирного развития количественное уменьшение сельского населения возмещается с одной стороны, повышенными темпами роста численности горожан, с другой – естественным приростом. В результате, общая численность населения, как правило, возрастает. В годы войны ситуация была принципиально иной. Темпы роста городского населения были низкими, а число жителей деревни напротив, сокращалось очень резко. Естественный прирост характеризовался в основном отрицательными величинами. В результате факторы, в мирные годы, способствующие возмещению падения численности сельского населения, не действовали. К тому же большинство жителей деревни перемещались не в города, а в армию, т. е. за пределы региона.

В итоге, общая численность населения Западной Сибири с 1 января 1941 г. и до завершения Второй мировой войны (до 1 сентября 1945 г.) сократилась на 7,9%. В абсолютном выражении это составило 729,9 тыс. человек (см. табл. 5.5). Основной причиной сокращения населения региона, а стало быть, падения мощности его людского потенциала, были не столько отрицательные величины естественного прироста, сколько отток мужчин и частично женщин за пределы региона, главным образом в Красную армию. Перемещение в Сибирь эвакуантов и спецконтингента не компенсировал этот отток.

Чтобы до конца уяснить причины, так или иначе воздействовавшие на динамику численности населения Западной Сибири, обратимся к анализу источников его убыли. Имеющиеся в нашем распоряжении статистические материалы не дают возможности вычлнить собственно период Великой Отечественной войны в «чистом» виде. Они содержат своего рода «примесь» в виде двух этапов, находившихся собственно за хронологическими рамками Великой Отечественной войны и длившихся с 1 января по 22

июня 1941 г. и с 9 мая по 1 декабря 1945 г. Но это не может принципиально изменить выводы.

Негативное влияние войны отразилось не только на численности, но и на составе населения. Ещё в довоенные годы в СССР, в том числе и в Сибири сформировался дисбаланс полов, который в годы Великой Отечественной войны достиг наибольшего напряжения. Численность и удельный вес женщин значительно превышали численность и удельный вес мужчин. Так, в сельской местности Западной Сибири на 1 января 1943 г., согласно данным сельсоветского учета, доля мужчин в возрастной группе 18 – 24 года составляла менее 19%, на 1 января 1945 г. – 21%, в возрастной группе 25 – 49 лет соответственно 20,4 и 20,2% [3. С. 102].

Чтобы определить половозрастной состав городского населения, обратимся к итогам статистической разработки списков избирателей, составлявшихся к выборам депутатов Верховного Совета СССР (февраль 1946 г.). В эти списки вносились все взрослые граждане страны старше 18 лет, обладавшие избирательным правом. Недостатком этого источника было то, что в них не включались лишённые избирательных прав заключённые. Из соображений секретности была запрещена разработка списков избирателей по воинским частям.

Таблица 5.9

Соотношение мужчин и женщин в возрасте 18 лет и старше в городских поселениях Западной Сибири по данным статистической разработки списков избирателей по выборам в Верховный Совет СССР 10 февраля 1946 г. *

Регион	Удельный вес в %	
	Мужчины	Женщины
Западная Сибирь	38,3	61,5
Всего Сибирь	38,5	61,5

* Составлено по данным: Исупов В. А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939 – 1945 гг.). Новосибирск, 2008. С. 104; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2224. Л. 5, 21, 23, 38, 41, 57 – 59, 74, 80, 84, 94.

В структуре городского населения Сибири, как демонстрирует табл. 5.9, преобладали женщины. В данном случае важно учитывать, что списки избирателей составлялись после окончания войны, когда развернулись процессы демобилизации. Из этого следует, что собственно в годы войны ситуация была значительно хуже. Самый высокий удельный вес женщин в составе горожан был характерен для Тюменской, Томской областей и Алтайского края. Здесь удельный вес женщин колебался в пределах от 67% в Алтайском крае и в Тюменской области до 66% в Томской области [3. С. 104]. В лучшем положении оказались города, расположенные в регионах с преобладанием добывающих, тяжелых и машиностроительных отраслей промышленности, таких как Кемеровская (56,1% женщин) область. Здесь в военные годы была распространена система бронирования специалистов на производстве. Но и в городах этих регионов соотношение полов было грубо нарушено.

Основным источником формирования глубоких диспропорций в составе населения Сибири по полу, как и по всей стране, была массовая мобилизация мужчин в армию, флот, пограничные и внутренние войска, а также гибель военнослужащих в ходе боевых действий. Как известно, призыв военнообязанных в Сибирском военном округе был развернут по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. [4. С. 452] Фронтовые соединения Красной армии из-за огромных боевых потерь убитыми, ранеными и пленными требовали все новых пополнений. В этой связи Государственный комитет обороны 10 августа 1941 г. принял постановление о проведении дополнительной массовой мобилизации военнообязанных [4. С. 452]. К 1 декабря 1941 г. в Сибири было призвано в армию свыше 1843 тыс. человек, что составило 66% от численности мужчин призывного возраста 18 – 45 лет. Западная Сибирь до конца 1941 г. отдала вооруженным силам страны 1057 тыс.

человек ¹. Поскольку в сельской местности система бронирования практически отсутствовала, удельный вес мобилизованных в деревне был значительно выше, чем в городе. Если в городе удельный вес призванных в армию к декабрю 1941 г. составлял 52% к численности мужчин призывного возраста, то в деревне – свыше 75%².

Отметим еще одну характерную для Сибири особенность мобилизации призывного контингента в армию. Поскольку в регионе уровень урбанизированности (за исключением Кузбасса) был ниже, чем по России в целом, Сибирь отдала в Вооруженные силы страны (в относительном выражении) особенно много людей. Всего за 4 года войны (1941 – 1945 гг.) в Сибирском военном округе было мобилизовано свыше 2621 тыс. человек [5. С. 33].

Глубокие негативные изменения, происшедшие в структуре и численности населения Сибири явились серьезными факторами мощных демографических девиаций, отчетливо фиксируемых статистикой в 1941 – 1945 гг. Обратимся, прежде всего, к анализу воспроизводственных процессов.

Таблица 5. 10

**Воспроизводство населения Сибири в годы Великой Отечественной войны
(на 1000 человек населения)***

Год	Родилось	Умерло	Естественный прирост (убыль)
1941	33,2	21,2	+12,0
1942	22,0	26,0	-4,0
1943	12,5	18,4	-5,9
1944	12,1	12,9	-0,8
1945	15,6	9,0	+6,6

* Составлено по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 251. Л. 75- 76, 87 – 88, 126 – 127, 153 – 154, 156 – 157, 192 – 193, 204 – 205; Д. 418. Л. 28 – 29, 35 – 36, 63 – 64, 96 – 97, 99 – 100, 135 – 136, 149 – 150, 187 – 188; Д. 501. Л. 49 – 50, 55 – 56, 98 -99, 107 – 108, 144 – 148, 183 – 184, 189 – 190, 199 – 200, 211 – 212, 244 – 245; Д. 577. Л. 52 – 53, 58 -59, 104 – 105, 119 – 120, 156 – 158, 160 – 161, 195 – 196, 201 – 202, 211 – 212, 223 – 224; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 21. Л. 7 об. – 8; ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1136. Л. 92 об.; ГАКО. Ф. 304. Оп. 4. Д. 157. Л. 7, 53, 77; Д. 197. Л. 24.

Как видно из таблицы 5.10, в динамике смертности населения Сибири четко выделяются два периода: подъема смертности в 1941 – 1942 гг. и ее резкого спада ниже показателей довоенных лет в 1943 – 1945 гг.

Если повышение смертности в условиях резкого ухудшения условий жизни населения, активизации миграционных процессов выглядит вполне логичным, то такое парадоксальное явление, как сокращение смертности населения тыловых районов страны ведущей самую тяжелую в своей истории войну, заставляет уделить проблеме изменения смертности самое пристальное внимание.

Прежде всего, рассмотрим различия в динамике смертности у городского и сельского населения (см. табл. 5.11).

Таблица 5. 11

Смертность городского и сельского населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (в промилле) *

Год	Число умерших на 1000 населения	
	городское население	сельское население
1941	21,5	19,9

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1871. Л. 173

² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 997. Л. 55.

1942	26,2	23,9
1943	18,4	13,4
1944	12,5	10,1
1945	9,2	7,0

* Составлено по данным: Исупов В. А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939 – 1945 гг.). Новосибирск, 2008. С. 114.

Из данных таблицы 5.11 видно, что уровень смертности в городах заметно превосходил уровень смертности в сельской местности, в мирное время фиксируется прямо противоположная ситуация. Это свидетельствует о явной социальной патологии, большей подверженности городского населения негативным факторам вызванным войной. В тоже время, динамика смертности в городах и селах в целом совпадает, что позволяет говорить об идентичности факторов лежащих в основе изменения смертности и городского, и сельского населения. Данный вывод чрезвычайно значим, так как позволяет распространять принципиальные выводы, полученные на основе гораздо более информативных и достоверных материалов касающихся горожан, на все население Сибири в целом.

Исходя из данной установки, рассмотрим структуру смертности городского населения и ее изменения в годы войны.

Таблица 5. 12

Структура смертности по причинам смерти городского населения отдельных регионов Сибири* 1942 г., в % к итогу**

Причины смерти	Алтайский край	Бурято-Монгольская АССР	Иркутская область
Сыпной, брюшной тиф и паратиф	2,2	0,3	0,6
Корь	3,0	13,1	6,5
Скарлатина	1,2	2,6	1,2
Коклюш	1,2	1,1	0,8
Дифтерия	1,8	2,8	2,2
Дизентерия	3,5	2,2	2,4
Гемоколит	0,7	1,3	1,4
Туберкулез	14,1	7,2	10,6
Воспаление легких	13,9	17,4	16,1
Токсическая диспепсия	5,4	14,8	7,9
Острый гастроэнтероколит	3,4	2,6	н. св.
Прочие и неопределенные	33,9	34,6	50,3
Всего	100,0	100,0	100,0

* По административно - территориальному устройству 1942 г.

** Составлено по данным: Исупов В. А. Главный ресурс Победы. С. 139; НАРБ. Ф. 196. Оп. 14. Д. 38. Л. 62 – 62 об.; ГАИО. Ф. 2678. Оп. 7. Д. 20. Л. 122 – 122об.

Таблица 5.12, свидетельствует, что в основе повышенной смертности населения Сибири в 1942 г. лежали причины экзогенного происхождения, обусловленные ухудшением условий жизни, питания, санитарного обеспечения и медицинского обслуживания. Ведущее место среди них занимали туберкулез, воспаление легких и совокупность желудочно-кишечных заболеваний (гемоколит, гастроэнтероколит, токсическая диспепсия, дизентерия). Огромный вклад в повышение смертности вносили детские инфекционные заболевания –

скарлатина, корь, дифтерия. Большую опасность для населения Сибири представлял сыпной и брюшной тиф, а также паратиф.

В период 1943 – 1945 гг. наблюдается принципиально иная структура смертности населения. Так по Алтайскому краю к 1945 г. доля смертности от желудочно-кишечных заболеваний сократилась в сравнении с 1942 г. с 13%, до 3,6%; тогда как доля туберкулеза выросла с 14,1% до 20%¹; доля болезней сердца возросла соответственно с 12,3% до 16,7% [3. С. 139].

Схожие изменения произошли и в структуре детской смертности. В Новосибирской области в 1941 году от желудочно-кишечных заболеваний умирало 33% младенцев, от воспаления легких - 28,2%; от острых детских инфекций – 10,8%: от врожденной слабости и пороков развития – 4,6%. В 1945 году умирало от желудочно-кишечных болезней – 20,6 %; от болезней органов дыхания (в т.ч. туберкулеза) – 33,1%; от острых детских инфекций – 5,9%; от врожденной слабости и пороков развития – 10%².

Таким образом, в 1943 – 1945 гг. структура смертности населения качественно изменилась. Значение желудочно-кишечных и других инфекционных заболеваний в формировании смертности сокращается в несколько раз. Из основных причин смертности населения они превращаются во второстепенные.

Опираясь на вышеизложенные замечания, попытаемся реконструировать процессы обуславливавшие динамику смертности в военные годы. Показатели смертности обрели тенденцию к повышению с первых же недель войны. Если в июне 1941 г. в городах Сибири уровень смертности составлял 20,4‰, то в июле 24,6‰, в сельской местности соответственно 17,0 и 21,3‰. В значительной степени рост уровня смертности летом 1941 г. можно отнести на счет её сезонных колебаний, которые были типичны для СССР в первой половине XX в. вследствие неизбежных в то время летних подъемов желудочно-кишечной заболеваемости. С приходом холодов желудочно-кишечные болезни отступали и смертность, как правило, снижалась. Об этом свидетельствует в частности общее снижение смертности в регионах Западной Сибири в сентябре 1941 года. Так, в Алтайском крае смертность в сентябре снизилась по сравнению с августом на 4,2 ‰; в Новосибирской области – на 2,2‰; в Омской области – на 2,4‰ [3. С. 112]. Однако этот едва наметившейся тренд был вскоре перекрыт воздействием негативных факторов военной поры (резким ухудшением условий жизни, увеличением социально незащищенных групп населения, неблагоприятным для эпидемической обстановки воздействием эвакуации и др.) и обычного снижения смертности в осенне-зимний период не произошло.

Определяющей причиной подъема смертности в этот период был взрывной рост заболеваемости населения, причиной которой послужили усилившиеся миграционные процессы и прежде всего – эвакуация. Повышенная контактность в пути, антисанитария, слабая организация медицинского обслуживания в дороге создали благоприятные возможности для распространения различного рода инфекций. Мощность протекания эпидемического процесса во время транспортировки граждан была колоссальной. В короткие сроки резервуары различных возбудителей инфекций существовавшие в предвоенное время возросли в несколько раз и, вместе с эвакуируемым населением, переместились в тыловые районы СССР.

Государство пыталось нейтрализовать действие этой угрозы. В ведение специально созданных для обслуживания эвакуации учреждений – эвакуационных пунктов, входило и медико-санитарное обслуживание: выявление и изолирование всех больных и подозрительных с острозаразными заболеваниями; осуществление санитарно-профилактических мероприятий (дезинфекция); прививки против желудочно-кишечных и инфекционных заболеваний [6. С. 288]. К сожалению, в силу ряда причин, прежде всего новизны поставленных задач, недостаточного материально-технического обеспечения, а также нехватки приспособленных

¹ ГААК. Ф. Р-762. Оп. 2 д. 336 л.9.

² ГАНО Ф. Р-29 Оп. 1 Д. 244 Л. 8; Ф. Р-1682 Оп. 1 Д. 40 Л.13.

помещений, они не смогли организовать в достаточной мере их санитарное обслуживание, прежде всего санитарную обработку. Так, даже в январе 1942 г., такой крупный эвакуационный пункт, как новосибирский, из поступивших 21 353 эвакуированных, смог провести санитарную обработку лишь 6 026, то есть 28% [6. С. 210–211].

О ситуации с заболеваемостью можно судить по данным таблицы 5. 13.

Таблица 5.13

Заболеваемость населения Западной Сибири в 1940 – 1945 гг.*

Вид инфекции	Год						Итого
	1940	1941	1942	1943	1944	1945	
Сыпной тиф	2 442	4 637	16 598	14 657	24 019	14 147	74 058
Брюшной тиф	4 788	4 783	15 215	13 510	7 048	8 299	48 855
Дизентерия	20 760	20 025	27 157	17 886	6 845	4 937	76 830
Дифтерия	5 737	6 105	11 469	9 433	5 778	4 469	37 254
Скарлатина	7 839	11 879	18 464	5 642	4 323	13 130	53 438
Корь	59 547	62 791	42 501	8 077	17 584	44 654	175 607

* Составлено по данным: Семенов М.А. Развитие острозаразных инфекций в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Проблемы исторической демографии Сибири. Вып. 4. Новосибирск, 2015. С. 235.

Как видим, в 1941 – 1942 гг. происходит увеличение распространения большинства инфекций в несколько раз, следствием чего и явилось увеличение смертности населения Сибири в 1941 – 1942 гг. на 21,5%.

На фоне увеличения общих коэффициентов смертности обращает на себя внимание особенно резкий рост показателей детской смертности. Неокрепший детский организм был не в состоянии сопротивляться ухудшению условий существования. Достаточно сказать, что только в Западной Сибири в июне 1941 г. на 1000 родившихся умерло 209 детей в возрасте до 1 года, в июле – 326, в августе – 379 детей [3. С. 115].

Особенно внушительных величин показатели детской смертности достигли летом 1942 г., когда трагически совпало влияние двух негативных факторов - климатического (константного) и военно-политического (ситуационного). С одной стороны, очевидна полная зависимость детской смертности от обычных для того времени сезонных колебаний желудочно-кишечной заболеваемости (типичное летнее повышение). С другой, на динамику детской смертности мощное повышающее воздействие оказали пертурбационные факторы войны. В итоге детская смертность достигла катастрофических величин. В июне 1942 г. она повысилась до 522‰, в июле – до 612‰ [3. С. 115]. Это значит, что погибало свыше 60 младенцев из каждых 100 родившихся. Никогда ранее Сибирь не знала столь высоких показателей детской смертности.

В конце 1942 – начале 1943 г. демографическая подсистема Сибири вступила в качественно новую стадию развития. С этого времени уровень смертности населения тыловых районов СССР стал быстро сокращаться. В 1945 г., как показывает табл. 5.10, общий коэффициент смертности гражданского населения Сибири понизился по отношению к 1942 г. почти в 3 раза. Уже в 1943 г. показатели смертности были заметно ниже, чем в 1940 г. Если в 1940 г. общий коэффициент смертности в Сибири составлял 20,1‰ [7. С. 188], то в 1943 г. – 18,4‰ (см. табл.5.10). Столь бурный процесс сокращения показателей смертности был во многом обусловлен снижением детской смертности. Так, в Западной Сибири в течение 1942 – 1945 гг. коэффициент детской смертности сократился более чем в 4 раза, в том числе в городах почти в 4 раза, в сельской местности – почти в 5 раз [8. С. 76].

Причины такого явления многообразны. Позитивную роль сыграл целый комплекс факторов социокультурного, политического и демографического характера. Сложившаяся в 1941 – 1942 гг. эпидемическая ситуация в тылу вызывала серьезную обеспокоенность властей. Рост инфекций, перераставших по некоторым видам заболеваний в эпидемии,

являли собой угрозу как укомплектованию армии личным составом, так и военному производству. Число людей, не подлежавших воинским и трудовым мобилизациям из-за состояния здоровья, а также потери рабочего времени в связи с утратой трудоспособности стремительно нарастали. Так, по заводу № 166 (Омск) в 1942 г. временная нетрудоспособность на 100 работающих составляла по гриппу – 180 дней, по гнойничковым заболеваниям кожи – 67, по туберкулезу легких – 34, острым желудочно-кишечным болезням – 117 дней¹.

Выстраивая социально-демографическую политику, властные органы исходили из того неоспоримого факта, что кардинально изменить в лучшую сторону условия труда и быта людей в военные годы невозможно. Война, таким образом, вынудила власти реализовать целый комплекс мероприятий направленных на предотвращение распространения инфекций и излечение уже заболевших граждан.

В 1943 – 1945 гг. произошел резкий рост финансирования здравоохранения. Так, в Алтайском крае за годы войны финансирование здравоохранения выросло с 49,8 млн. рублей в 1941 г., до 77,6 млн. рублей в 1945 г.². Расширилась сеть медицинских учреждений, в частности противозидемических. Если в 1941 году на территории современных Новосибирской, Кемеровской, Томской областей насчитывалось 14 санэпидстанций, то в 1945 г. – 71 санэпидстанция³. Большое значение имело внедрение прогрессивных методов лечения, использование новых лекарственных средств, в том числе таких мощных, как сульфаниламид.

Несмотря на неблагоприятную эпидемическую обстановку, в годы войны резко снизилась заболеваемость по болезням желудочно-кишечного тракта (брюшной тиф, дизентерия, острые гастро-энтеро колиты, токсическая диспепсия и др.). Для того чтобы понять их динамику в целом, рассмотрим их движение в двух регионах значительно отличающихся друг от друга по социально-экономическим условиям: Кемеровской области и Алтайском крае (см. табл. 5.14).

Таблица 5. 14

Динамика заболеваемости болезнями желудочно-кишечного тракта населения в Алтайском крае и Кемеровской области (1940–1945 гг.)*

Вид болезни	Край, область	Год					
		1940	1941	1942	1943	1944	1945
Дизентерия	Алтайский	5 059	3 063	3 660	2 350	982	712
	Кемеровская	5 187	3 591	6 117	4 894	2 611	1 966
Токсическая диспепсия	Алтайский	3 700	2 737	1 761	706	316	287
	Кемеровская	–	–	1 595	603	473	636
Острый гастро-энтероколит у детей до 2-х лет	Алтайский	45 737	26 821	24 630	12 834	7 499	7 467
	Кемеровская	–	–	16 286	7 694	4 711	4 568

* Составлено по данным: Семенов М.А. Развитие острозаразных инфекций в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Проблемы исторической демографии Сибири. Вып. 4. Новосибирск, 2015. С. 251.

Из таблицы видно, что общим направлением является их ежегодное снижение. Следует отметить, что процесс этот начался еще до войны, и во многом нивелировал возникшие в связи с войной негативные факторы. Рост числа заболеваний наблюдался лишь по дизентерии в 1942 г. За 1942–1944 гг. заболеваемость болезнями желудочно-кишечного

¹ ИАОО. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 182. Л. 55.

² ГААК. Ф. Р-726 Оп. 3 Д. 35 Л. 10.

³ ГАНО Ф. Р-11 Оп 2 Д. 611 Л. 4; Там же Ф. Р-11 Оп. 2 Д. 1179 Л. 9-13 об.; ГАКО Ф. Р-304 Оп. 1 Д. 162 Л. 30-34об.; ГАТО Ф. Р-1005 Оп. 1 Д. 176 Л. 5-9об.

тракта снизилась в 3–4 раза. Отмечаемое исследователями снижение числа детей (наиболее восприимчивых к болезням желудочно-кишечного тракта), а как следствие – снижение их контактности¹, по всей видимости, может рассматриваться как второстепенный фактор, так как снижение числа болезней желудочно-кишечного тракта началось еще до войны и, следовательно, до уменьшения количества детей.

Учитывая общий перелом, наступивший в эпидемических процессах болезней этой группы, можно предположить наличие единой действующей силы на тот или иной элемент эпидемического процесса. Следует отвергнуть возможность уменьшения слоя восприимчивого населения в результате вакцинации, так как дизентерия, давшая наиболее показательное снижение, имела крайне неэффективную вакцину, не способную его обеспечить. Не произошло в годы войны и кардинального улучшения санитарного благоустройства и санитарного контроля, способного нарушить механизм передачи возбудителей инфекций в масштабах соответствующих подобному спаду.

По всей видимости, хорошо распознаваемые симптомы (понос, температура), которые служили достаточным основанием для госпитализации, привели к серьезному удару по резервуару этой группы инфекций. Косвенные признаки этого мы находим в изменении эпидемиологии этих болезней. Основной возбудитель дизентерии в 30-е годы, бактерия Григорьева-Шига, в годы войны фактически исчезает, уступая место бактерии Флесперса. Бактерия Флесперса вызывала дизентерию с более мягким течением и имела большие шансы быть перенесенной человеком без обращения к медикам, что позволило ей сохранить свою популяцию. Таким образом, меры предпринимаемые советским здравоохранением привели к значительному сокращению мощности эпидемического процесса в. Сокращение заболеваемости естественно привело к снижению смертности населения от желудочно-кишечных болезней, что составляло одну из главных основ советского демографического чуда – снижения смертности тылового населения в годы войны в несколько раз.

Увеличение сети лечебных учреждений, приближение ее к населению, улучшение качества медицинского обслуживания, медикаментозного снабжения, внедрения передовых методов лечения привели также и к снижению летальности больных (см. табл. 5.15).

Таблица 5. 15

Летальность в больницах Новосибирской области, в границах 1945 г. (в процентах к общему количеству больных)*

	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Больницы в городах и рабочих поселках	5,5	3,3	2,2
Сельские больницы	3,0	2,4	1,6

* Составлено по данным: ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 183. Л. 6-об.

При этом снижение происходило за счет инфекционных, терапевтических и общих отделений больниц, то есть имело в основе снижение летальности также у больных острыми инфекционными и желудочно-кишечными заболеваниями².

Благодаря сочетанию этих факторов, в течение 1943 – 1945 гг. показатели смертности от брюшного тифа, дифтерии, гемоколита, кори и коклюша снизились в 2 раза, от туберкулеза легких – в 1,9, от воспаления легких – в 3,3, от токсической диспепсии – в 3,7, а от дизентерии – в 6 раз [9. С. 138].

В тоже время, восприимчивость сибиряков к инфекциям, обусловленная низким уровнем жизни, оставалась крайне высокой. Поэтому, несмотря на огромные усилия

¹ Прямая зависимость между снижением числа детей и числа болезней не находит подтверждения, так как изменяются (снижаются) и относительные показатели заболеваемости на 10 тыс. чел., в том числе на 10 тыс. чел. у детей до 2-х лет. Что простым снижением числа детей объяснено быть не может.

² ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 183. Л. 6 об.

медиков, заболеваемость рядом болезней продолжала оставаться высокой в течении всей войны. Бедствием военных лет оставался туберкулез – заболевание ярко выраженной социальной окраски. Смертность от туберкулеза, сосредоточившись в молодых и средних возрастных группах, в основном от 20 до 49 лет, уносила жизни самых работоспособных людей.

В сельской местности Сибири в военные годы разразилась эпидемия такой опасной болезни как септическая ангина. Это типичное заболевание голодных лет вызывалось употреблением в пищу перезимовавшего под снегом зерна, толченого камыша, озерных и речных водорослей, трав и других суррогатов. Летальность при заболевании септической ангиной часто достигала в иных случаях 100%. Основным условием, при котором наступала смерть от септической ангины, было истощение организма вследствие длительного недоедания. Рост заболеваемости септической ангиной в СССР в 1941 – 1944 гг. выражен астрономической цифрой – 34600%. И если в 1941 г. септическая ангина была зафиксирована в 5-ти республиках, краях и областях Советского Союза, то в 1944 г. сразу в 33-х¹. В Сибири главные очаги септической ангины располагались в Алтайском крае и южных районах Новосибирской, Омской, Тюменской областей и Красноярского края.

Таким образом, социально-демографическая политика государства принесла свои результаты. Путем повышения эффективности здравоохранения и максимального ужесточения санитарного контроля, она позволила на фоне нищенского уровня материального обеспечения тыловиков, истощенности защитных сил человеческих организмов, неблагоприятной эпидемической обстановки снизить заболеваемость по ряду важнейших болезней, что наряду с понижением летальности привело к уменьшению показателей общей смертности более чем в два раза по сравнению с мирными, довоенными годами.

Узловым элементом воспроизводства населения является рождаемость, которая в военные годы сократилась до предельно низких величин. Общий коэффициент рождаемости в Сибири (как свидетельствует табл. 5.10) в целом за годы войны (1941 – 1945 гг.) уменьшился более чем в 2 раза, в том числе в 1941 – 1942 гг. индекс рождаемости в регионе понизился в 1,5 раза, в 1942 – 1943 гг. в 1,7 раза. В 1943 – 1944 гг., достигнув низшей точки, уровень рождаемости стабилизировался. Перелом тренда произошел только в 1945 г. С этого времени показатели рождаемости стали медленно увеличиваться. Но в целом за все годы Великой Отечественной войны, по прикидочным расчетам с использованием методики, предложенной известным советским демографом Б. Ц. Урланисом [10], в Сибири родилось примерно на 1 млн. детей меньше, чем это можно было ожидать гипотетически [9. С. 95].

Таблица 5. 16

Рождаемость городского и сельского населения Сибири *
(число родившихся на 1000 человек населения) **

Год	Городские поселения	Сельские местности
1941	34,6	32,5
1942	23,8	19,8
1943	14,9	11,2
1944	16,2	10,1
1945	20,1	12,8
1945 в % к 1941	58,1	39,4

* По административно-территориальному устройству соответствующих лет.

** Составлено по данным: Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С. 88.

¹ ГАРФ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 636. Л. 115.

В мирные годы, как правило, уровень рождаемости в сельской местности выше, чем в городах. Сельская семья в большей степени, чем городская ориентирована на многодетность. Но война, как это демонстрирует таблица 5.16, значительно деформировала процесс воспроизводства населения и, являясь мощным пертурбационным фактором, исказила естественный ход событий. Обычное для мирного периода соотношение рождаемости в городах и селах было грубо нарушено. В городах уровень рождаемости был выше, чем в деревне.

В сельской местности особенно резкими были и темпы падения рождаемости. В городах этот процесс протекал относительно плавно. Таблица 5.16 показывает, что в 1941 - 1945 гг. общий коэффициент рождаемости сократился в городских поселениях Сибири на 42%, тогда как в деревне почти – на 61%. Рождаемость в сельской местности снижалась так быстро, что уже в 1942 г. уровень рождаемости в городских поселениях заметно превышал аналогичные показатели по сельской местности. К тому же, в городах перелом тренда рождаемости в сторону повышения произошел уже в 1944 г., тогда как в сельской местности на год позднее. Помимо этого, в крупных городах рождаемость была выше, чем в целом по городским поселениям Сибири. И если в городах Сибири в целом в 1943 г. общий коэффициент рождаемости составлял 14,9‰, то в Сталинске – 17,2, в Прокопьевске – 18,0‰¹. В Новосибирске в годы войны уровень рождаемости вообще не опускался ниже 19‰².

Особенности динамики рождаемости в 1941 – 1945 гг., различия в рождаемости в городах и сельской местности, в крупных и небольших по численности населения городских поселениях определялись главным образом мощным воздействием внешних по отношению к демографической подсистеме факторов, обусловивших кардинальные девиации половозрастного состава населения. Уход женатых мужчин в армию означал временный, а в случае гибели бойца окончательный разрыв уже установившихся брачно-семейных отношений. Кроме того, война вызвала масштабный процесс овдовения женщин. Призыв в Красную армию молодых людей стал причиной снижения числа потенциальных женихов, что в свою очередь привело к резкому сокращению количества заключаемых браков.

Таблица 5.17

Помесячная динамика брачности населения в городах Западной Сибири в 1941-1943 гг. *

Год	Область	Число зарегистрированных браков по календарным месяцам на 1000 человек населения												за год
		янв	фев	мар	апр	май	июн	июл	авг	сен	окт	ноя	дек	
1941	В целом по Западной Сибири	8,38	7,57	7,76	6,92	7,52	13,58	11,35	7,05	6,59	6,00	5,15	5,65	7,79
	Новосиб. обл.	7,57	7,20	7,71	6,62	7,51	13,32	11,73	7,02	6,65	5,75	4,81	5,47	7,61
	Алтайский край	10,91	8,14	6,85	6,48	6,30	13,04	10,33	5,10	3,85	5,28	4,32	5,28	7,16
	Омская обл.	9,01	8,33	8,66	8,29	8,52	14,86	10,91	8,71	8,57	7,42	6,95	6,55	8,90
1942	В целом по Западной Сибири	5,78	4,75	5,53	3,90	3,81	3,33	4,25	3,33	3,08	3,76	3,95	4,04	4,12
	Новосиб. обл.	5,61	4,90	5,61	3,93	3,37	3,01	4,18	2,81	2,59	3,40	3,64	3,87	3,91
	Алтайский край	5,37	3,62	4,38	3,18	3,30	2,92	3,82	4,08	3,62	3,50	3,85	4,03	3,80
	Омская обл.	6,67	5,17	6,18	4,35	5,66	4,68	4,82	4,47	4,24	5,15	5,03	4,63	5,09

¹ ГАКО. Ф. 304. Оп. 4. Д. 157. Л. 7.

² ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 871. Л. 3.

1943	В целом по Западной Сибири	3,85	3,27	4,31	3,61	3,84	3,64	3,61	3,68	3,76	3,57	4,47	4,77	3,86
	Новосиб. обл.	3,63	3,44	4,80	4,96	4,47	4,22	3,34	3,63	3,70	3,83	4,99	4,41	4,12
	Алтайский край	4,02	3,52	4,24	3,86	4,38	4,36	3,25	4,49	3,94	3,19	3,94	4,80	4,00
	Омская обл.	4,92	3,62	5,20	3,34	5,18	4,44	4,67	4,88	4,79	4,56	5,13	5,89	4,72
	Кемеровск. обл.	3,25	2,89	3,64	3,09	2,55	2,61	3,27	2,62	3,10	3,08	4,14	4,27	3,21

* Составлено по данным: ГАРФ. Ф А-374. Д. 176. Л. 2, 62. Д. 225. Л. 3, 36, 82. Д. 293. Л. 3, 81. Д. 294. Л. 11, 69, 76. ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 607. Л. 18, 51. Д. 736. Л. 2, 4, 21. Д. 871. Л. 26, 27.

В таблице 5.17 приведены помесечные расчеты изменения уровня брачности в городах Западной Сибири в 1941-1943 гг. Первое, что обращает на себя внимание, это значительный спад, который пришелся на 1942 и 1943 гг. Если в первые месяцы 1942 г. брачность еще сохранялась на уровне конца 1941 г., то уже с начала 1943 г. начинается интенсивное сокращение показателя. Самый низкий уровень брачности сохранялся в течение почти всего 1943 г., только с декабря начала устанавливаться тенденция его роста.

Стремительный рост брачности в июне и июле 1941 г. был связан с военными мобилизациями: проживающие совместно в незарегистрированном фактическом браке партнеры спешили оформить официально брачный союз до мобилизации жениха. Поскольку внебрачное сожитие получило большое распространение к 1941 г., количество свадеб в июне и июле 1941 г. существенно возросло. Однако, уже в сентябре сокращение брачности приняло устойчивый характер.

Значительный спад брачности, который произошел осенью 1941 г., также был обусловлен мобилизациями для участия в начавшейся Великой Отечественной войне. Несмотря на интенсивное сокращение брачности, которое произошло с мая 1941 г. по декабрь 1941 г., сокращение числа регистраций браков продолжалось. К июню 1942 г. произошло значительное падение в Новосибирской области, Алтайском крае. Даже в брачно активной Омской области произошло снижение относительно конца 1941 г. Однако, на этом минимум был достигнут. Он продержался почти до конца 1943 г. Таким образом, война и сопутствующие ей мобилизации выступили решающим фактором сокращения брачности. Особенно заметно было сокращение брачности с сентября по ноябрь в Новосибирской и Омской областях.

Наиболее интенсивные количественные колебания уровня брачности происходили в городах Новосибирской области и Алтайского края. Так, в Новосибирской области в сентябре 1942 г. был зарегистрирован самый низкий уровень брачности в течение всех лет войны, в Алтайском крае минимального значения брачность достигла ровно через год после начала войны, в июне 1942 г. Здесь же было наиболее экстремальное сокращение брачности осенью 1941 г. В течение всех лет войны брачность в Омской области сохранялась стабильно на более высоком уровне, чем в других областях Западной Сибири, лишь в апреле 1943 г. достигнув самого низкого за всю войну значения. Выделенная из состава Новосибирской области в 1943 г. Кемеровская область, сохраняла относительно невысокий уровень брачности вплоть до конца 1943 г.

Таким образом, для периода 1941-1943 гг., когда наиболее интенсивное влияние оказывали отрицательные демографические факторы, были характерны значительные сокращения показателя. Однако, уже в 1944 г. ситуация меняется.

Таблица 5.18

Помесечная динамика брачности населения в городах Западной Сибири в 1944-1945 гг.*

Год	Область	Число зарегистрированных браков по календарным месяцам на 1000 человек населени												за год
		янв	фев	мар	апр	май	июн	июл	авг	сен	окт	ноя	дек	

1944	В целом по Западной Сибири	5,06	5,41	5,72	5,30	5,33	5,13	7,01	7,51	6,08	7,45	7,81	8,00	6,32
	Новосиб. обл.	5,73	6,32	7,23	5,60	5,34	5,08	9,83	9,18	6,12	6,32	7,49	8,27	6,88
	Алтайский край	5,14	5,14	5,17	5,31	6,03	4,41	7,40	6,14	5,95	6,14	6,56	5,84	5,77
	Омская обл.	5,84	6,73	7,50	7,12	6,30	5,63	6,76	7,75	5,98	6,94	7,33	7,72	6,80
	Кемеровск. обл.	4,71	5,34	4,83	4,45	4,03	5,20	6,53	8,39	6,23	9,16	8,85	9,54	6,44
	Томская обл.	4,91	3,67	6,22	5,97	6,90	4,72	6,34	5,35	5,28	5,35	6,34	6,15	5,60
	Тюменская обл.	4,33	4,45	6,55	5,07	7,91	6,92	6,67	5,44	7,04	5,07	8,77	7,17	6,28
1945	В целом по Западной Сибири	10,18	8,87	9,26	9,79	7,85	10,06	11,14	12,92	12,41	16,32	17,32	20,38	12,21
	Новосиб. обл.	9,42	8,12	8,67	8,89	7,53	9,38	10,30	12,29	12,15	15,94	17,27	19,32	11,61
	Алтайский край	8,43	7,12	7,88	7,65	7,15	9,77	10,39	10,75	11,95	16,42	17,90	19,33	11,23
	Омская обл.	9,95	8,99	9,38	9,56	7,33	10,27	11,79	15,33	14,41	20,53	20,39	26,12	13,67
	Кемеровск. обл.	11,77	10,33	10,42	11,69	8,57	10,97	12,27	13,94	12,48	15,88	16,57	20,88	12,98
	Томская обл.	8,58	8,39	9,08	8,15	8,33	7,77	10,32	11,01	10,76	13,06	14,67	14,74	10,40
	Тюменская обл.	8,37	5,79	6,60	7,42	6,26	8,10	6,74	10,41	11,16	13,82	16,81	15,52	9,75

* Составлено по данным: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 294. Л. 11, 69, 76. Д. 380. Л. 2, 75, 127, 178, 182.

ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 607. Л. 18, 51. Д. 736. Л. 2, 4, 21. Д. 871. Л. 26, 27. Д. 992. Л. 19, 20.

Согласно представленным в табл. 5.18 данным, период, когда установился стабильный рост брачности, начинался с 1944 г. Однако, вплоть до середины 1945 г., это увеличение оставалось слабым. В лучшем случае, брачность достигла довоенного уровня. Эти показатели относятся лишь к периоду осени 1945 г., что позволяет говорить о том, что сибиряки начали период реализации отложенных по той или иной причине на время войны браков в это время. Однако, значительных провалов, подобных 1942 и 1943 гг. в 1944 г. уже не было. Необходимо также отметить, небольшое увеличение брачности во второй половине 1944 г. относительно первого указ 1944 г. Успевшие образоваться за годы войны фактические семейные пары поспешили оформить отношения официально.

Однако количественные изменения происходили в разных областях с разной интенсивностью. Первыми были Новосибирская, Кемеровская и Омская области. В Кемеровской к концу 1944 г. уровень брачности начал обгонять аналогичный показатель по Омской области. Кемеровская область самая первая в регионе в 1945 г., в июле, смогла перешагнуть порог довоенной брачности. Вслед за Кемеровской, Омская область быстрее, чем в среднем по Западной Сибири, в послевоенное время вышла на довоенный уровень. Еще две новообразованные во время войны области, Томская и Тюменская области, наоборот, в течение 1944 и 1945 гг. сохраняли невысокую брачную интенсивность. Рост брачности в 1944 г. приходился здесь на последние месяцы года. Та же ситуация наблюдается и в Алтайском крае. Алтайский край один из последних, в послевоенный период, преодолел порог брачности в 1,00 ‰, достигнув его, как и Томская и Тюменская области, лишь в августе, в то время как брачность в других областях достигла этого уровня в июле-августе.

Такая территориальная дифференциация объясняется разными доминирующими типами экономического уклада. В относительно благополучных, с точки зрения брачности, Новосибирской, Кемеровской и Омской областях преобладали промышленные предприятия, на которых практиковалось бронирование специалистов. Алтайский же край, например,

такого преимущества не имел. Сельскохозяйственный тип экономики края обусловил интенсивные мобилизации.

Таким образом, анализ помесечной динамики брачности показывает ее зависимость в военные годы от таких факторов, как воинские мобилизации, получившие в военный период массовый характер. Причем, брачность очень чувствительна к численным колебаниям населения. Это привело к тому, что количественные трансформации брачности реализовывались в короткий временной интервал с определившимися их событиями. Это дает возможность говорить о брачности, как о важном демографическом показателе, который позволяет делать выводы о трансформациях семьи, как брачного партнерства. Изложенные в табл. 5.18 данные демонстрируют, что города Западной Сибири, с точки зрения изменений числа заключенных браков, в значительной степени испытали на себе влияние войны. Снижение уровня брачности было, с одной стороны, значительным. С другой стороны, оно имело затяжной характер. Это не могло не оказать влияния на специфику брачных процессов в регионе.

Таблица 5. 19

**Динамика брачности населения Сибири * (1941–1945 гг.)
(на 1000 человек населения) ****

Год	Браки			Разводы		
	Городские поселения	Сельская местность	Всего	Городские поселения	Сельская местность	Всего
1941	7,6	3,3	4,7	0,6	0,2	0,3
1942	3,4	1,8	2,7	0,6	0,2	0,3
1943	3,2	1,8	2,3	0,5	0,2	0,3
1944	4,9	2,6	3,6	0,4	0,2	0,3
1945	9,6	5,7	6,4	0,0***	0,0***	0,0***

* По административно-территориальному устройству соответствующих лет.

** Составлено по данным: Алексеев В. В. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С.101; Исупов В. А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 165.

*** Величина менее 0,1%.

В Сибири в 1942 г. по отношению к 1941 г. индекс брачности, как это демонстрирует табл. 5.19 сократился в 2,2 раза. В 1943 г. уровень брачности понизился до минимальных за всю войну величин, что совпало с самой низкой точкой падения рождаемости. Это говорит о том, что структурные факторы, в частности дисбаланс полов был одной из основных причин формирования демографической ямы военных лет. Медленное нарастание брачности началось только в 1944 г., когда в тыловых районах страны скопилось некоторое количество фронтовиков-инвалидов, комиссованных по состоянию здоровья из армии. Довоенный уровень брачности в Сибири был превышен только в конце 1945 г., когда развернулись процессы демобилизации.

Отметим еще одну явно нетипичную для мирных лет характеристику брачности населения в военные годы. Уровень брачности в городах был выше, чем в сельской местности, поскольку города обладали некоторым «запасом» женихов. Здесь сосредотачивались тяжелые и добывающие отрасли экономики с трудившимися здесь забронированными мужчинами. В городах также располагались эвакуогоспитали. Выздоровливавшие бойцы и офицеры Красной армии считались «завидными» женихами.

Изменения количественных параметров брачности сопровождалась заметными ее структурными сдвигами. В условиях острого дефицита женихов процесс формирования семей существенно изменился, причем в сторону развития аномальных тенденций, нехарактерных для периода мирных лет.

Таблица 5. 20

Возраст женихов и невест в Западной Сибири. (1941 – 1943 гг.). В процентах*

Возраст женихов и невест (лет)	1941 г.		1943 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Моложе 18	0,1	0,7	0,4	0,9
18 – 19	11,6	20,2	5,6	20,2
20 – 24	28,0	38,7	38,1	46,7
25 – 29	34,8	21,1	27,1	16,7
30 – 34	14,8	9,3	13,6	8,1
35 – 39	6,5	4,5	6,2	3,4
40 лет и старше	4,1	5,3	8,8	3,6
Возраст неизвестен	0,1	0,2	0,2	0,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

* Составлено по данным: ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 607. Л. 63 – 63 об.; Д. 871. Л. 22 – 22 об., 33 – 33 об.; ГАКО. Ф. 304. Оп. 4. Д. 157. Л. 27 – 27 об.; ГАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1134. Л. 95 – 95 об.; Д. 1137. Л. 70 – 70 об.; ТАГКС АК.

Рассмотрим этот процесс на материалах Западной Сибири (см. табл. 5.20). Прежде всего укажем на сокращение доли женщин, вышедших замуж в возрасте старше 24 лет. Женская брачность переместилась в младшие возрастные группы до 24 лет. Девушки спешили оформить брак, пока «капризный» из-за своей дефицитности жених, был согласен идти в загс. Вместе с тем, женщины чаще, чем в мирное время выходили замуж за ровесников. Увеличилось количество браков девушек с мужчинами значительно старше и младше себя.

Изменилось и брачное поведение мужчин. Переизбыток невест привел к заметному увеличению доли сверхбрачных браков мужчин. Брачность юношей в возрасте моложе 18 лет повысилась сразу в 4 раза. Вместе с тем, более чем удвоился удельный вес «женихов» в возрасте старше 40 лет. Тыловики старших возрастов получили возможность брать в жены молодых девушек. Девиации в брачном поведении мужчин и женщин свидетельствуют, что институт семьи в военные годы переживал кризис.

Индекс разводов в военные годы, вплоть до конца 1944 г. сохранялся без каких-либо изменений. Но это не значит, что семьи были крепкими. Подавляющее большинство мужчин находились в армии. Это делало оформление развода невозможным. Все разводы приходились на немногочисленную когорту мужчин, оставшихся в тылу. Исходя из этого, вполне реально предположение, что количество распавшихся семей в 1941 – 1944 г. увеличилось. Но фактический развод не регистрировался и, следовательно, не попадал в статистическую отчетность.

Таблица 5. 21

Динамика уровня разводимости в городах Западной Сибири в годы Второй мировой войны, %*

Год	Алтайский край	Омская область	Новосибирская область	Кемеровская область	Томская область	Тюменская область	Итого
1939	0,64	0,86	0,55	-	-	-	0,68
1940	0,71	1,25	0,83	-	-	-	0,93
1941	0,53	0,92	0,51	-	-	-	0,65
1942	0,51	0,89	0,49	-	-	-	0,63
1943	0,72	0,87	0,76	0,46	-	-	0,70

1944	0,52	0,86	0,55	0,35	0,65	0,79	0,62
1945	0,03	0,05	0,06	0,03	0,15	0,10	0,07

*Составлено по данным: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 455. Л. 1, 24. Оп. 11. Д. 39. Л. 3, 5. Д. 40. Л. 3. Д. 77. Л. 3, 69, 73. Д. 176. Л. 2, 62. Д. 225. Л. 3, 36, 82. Д. 293. Л. 3, 81. Д. 294. Л. 11, 69, 76. Д. 380. Л. 2, 75, 127, 178, 182. ГАНО Ф. 11. Оп. 2. Д. 607. Л. 18, 51. Д. 736. Л. 2, 4, 21. Д. 871. Л. 26, 27. Д. 992. Л. 19, 20.

Аномально крутое падение индекса разводимости статистически фиксируется только в 1945 гг. Как свидетельствует таблица 5.21, он понизился сразу до величины менее 0,1%. Снижение показателя разводимости было очевидным результатом административных решений советского правительства, не учитывавших сложную ситуацию на брачном рынке. Президиум Верховного Совета СССР 8 июля 1944 г. принял указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»¹. Процедура развода была усложнена. Отныне развод производился только через суд, публично, с привлечением свидетелей. Эти требования были обязательными даже при обоюдном согласии супругов, отсутствии у них детей и имущественных споров. Сама процедура развода стала двухступенчатой. Решение суда низшей инстанции носило рекомендательный характер, а окончательное решение принимала высшая судебная инстанция. В газетах в обязательном порядке публиковались объявления о бракоразводных процессах.

«Забюрокративание» процедуры развода отражало стремление властей укрепить расшатавшиеся за годы войны семейные устои. Но реализовывалось это благое намерение привычным путем ужесточения административного контроля в области семейных отношений. Практическое воплощение топорных положений указа привело скорее к негативным, чем позитивным последствиям. Число официально оформленных разводов в 1944 – 1945 гг. действительно сократилось. Но количество распавшихся семей от этого не уменьшилось. Как правило, муж и жена де-факто жили раздельно, но не оформляли развод де-юре.

Президиум Верховного Совета СССР, издав указ от 8 июля 1944 г. в сущности, поощрял внебрачное сожитие. Указ отменил право женщины на обращение в суд с иском об установлении отцовства и взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке. Отныне советское брачно-семейное законодательство признавало только официально зарегистрированный брак. Установление отцовства в отношении ребенка, родившегося вне зарегистрированного брака, не допускалось даже в случае, если мужчина добровольно признавал себя отцом. Детям, родившимся вне брака, в свидетельстве о рождении в графе «отец» ставился прочерк. Мужчины, освобожденные от алиментных обязательств, могли вступать во внебрачные отношения без каких-либо последствий. В условиях острого «дефицита женихов» внебрачное сожитие не могло не получить широкого распространения. За публичными рассуждениями официальных идеологов об укреплении семьи скрывалась латентная, но прагматичная цель – всеми способами повысить рождаемость и, тем самым, хотя бы частично компенсировать огромные людские потери.

Число внебрачных рождений после во втором полугодии 1944 г. резко увеличилось. Так, в Кемеровской области во втором полугодии 1944 г. по отношению к первому полугодью этого года количество внебрачных детей выросло более чем в 8 раз². В Томской области в 1945 г. число детей, в метрических свидетельствах которых отсутствовала запись об отце, достигло 2,3 тыс.³, а в Новосибирской области (без Новосибирска) – 7,6 тыс.⁴. В

¹ Сборник законов и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 – 1967. М., 1968. Т. 2. С. 409 – 417.

² ГАКО. Ф. 304. Оп. 4. Д. 157. Л. 33 об. – 34 об.

³ ГАТО. Ф. 1085. Оп. 3. Д. 5. Л. 9 об.

⁴ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 992. Л. 13, 41.

Алтайском крае в 1945 г. прочерк в графе «отец» поставлен в свидетельствах о рождении 8,4 тыс. младенцев¹. Однако компенсировать огромные военные потери, прибегая к административным и фактически аморальным технологиям, было невозможно.

Итак, в годы Великой Отечественной войны на передний план в детерминации демографических процессов выступили структурные факторы. Однако было бы ошибочно связывать падение рождаемости в военные годы исключительно с деформациями половозрастного состава населения. Анализ архивных документов подтверждает, что в тех семьях, где брачные связи не прерывались, количество родившихся детей сократилось. Репродуктивные установки, направленные на многодетность, блокировались ухудшением условий жизни. Сохранившиеся брачные пары откладывали рождение детей до завершения войны. В период войны уровень брачной плодовитости в сибирском регионе уменьшился почти в 3 раза [9. С. 104].

Главным способом контроля над рождаемостью, в условиях почти полного отсутствия средств контрацепции, не могло не стать искусственное прерывание беременности. В годы войны была продолжена линия репродуктивного поведения, зародившаяся еще в конце 1920-х – в 1930-е гг. Распространение абортов в Западной Сибири, особенно в крупных городах, несмотря на категорический запрет и уголовное преследование, было достаточно широким. В январе 1942 г. начальник УНКВД по Алтайскому краю Волошенко и заместитель начальника Управления НКВД по Алтайскому краю Осипов в докладной записке «О работе органов милиции», направленной в Алтайский крайком ВКП (б) писали: «С начала войны и до 30. XI. 41 г. по краю было зарегистрировано и раскрыто 50 случаев криминальных абортов, за которые привлечен 51 человек»². Уполномоченный Госплана СССР по Новосибирской области, руководитель областного статистического управления И. В. Жатов в конце 1944 г. докладывал в Новосибирский обком ВКП (б): «Снижение рождаемости в 1943 и 1944 военных годах есть результат резкого сокращения численности трудоспособного мужского населения. Кроме того, на снижение рождаемости повлияло значительное количество произведенных в городах области абортов»³. В 1944 г. в городских поселениях Новосибирской области (без областного центра) на каждые 100 родов было произведено 30 абортов, а в самом Новосибирске – 50 абортов. При этом, как подчеркивал И. В. Жатов, «указанное количество абортов совершенно не охватывает всего числа имевших место искусственных прерываний беременности, т. к. большое количество произведенных абортов оставались неучтенными»⁴.

Из-за недостатка и дефектности статистических материалов военных лет, невозможно определить собственно коэффициенты воспроизводства населения. Поэтому мы вынуждены использовать показатель, имеющий ограниченные аналитические возможности, а именно материалы по естественному приросту населения. Данные таблицы 5.10 демонстрируют главную тенденцию динамики демографической сферы региона: естественный прирост в 1942 – 1944 гг. характеризовался отрицательными величинами. В эти годы смертность превышала рождаемость, что является основным свидетельством обрушившейся на страну и её отдельные территории депопуляции. Поскольку рождаемость в годы Великой Отечественной войны снижалась быстрее, чем нарастала смертность (в 1943 – 1945 гг. смертность понижалась), то собственно падение рождаемости и явилось фундаментальной основой формирования отрицательных величин естественного прироста.

Миграции в годы Великой Отечественной войны приняли весьма специфический характер. В мирные годы преобладали миграции, вызванные главным образом экономическими причинами. В военный период основными детерминантами пространственных перемещений людей являлись военно-политические факторы. Они не

¹ Текущий архив Государственного комитета по статистике Алтайского края.

² ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 155. Л. 261.

³ ГАНО. Ф. 11. Оп. 4а. Д. 69. Л. 3.

⁴ Там же.

только придавали миграциям аномальный характер, но изменили саму суть территориальных перемещений населения, их внутреннее содержание. Эти миграции было бы правильно обозначить как экстраординарные. Государственный контроль над территориальными перемещениями людей был резко усилен.

Специфической формой территориальных перемещений населения в военные годы стала эвакуация населения из прифронтовых районов, оказавшихся под угрозой оккупации, а также с Дальнего Востока. К 1 декабря 1941 г., в Сибири было сосредоточено свыше 500 тыс. эвакуированных¹. Перемещение в Сибирь эвакуированного населения способствовало резкой интенсификации миграций. Таблица 5.22 показывает, что количество населения, вселившегося в города Сибири во II полугодии 1941 г. по отношению к довоенной половине 1941 г. резко выросло. В Омской области число вселившихся в города мигрантов увеличилось в 5 раз, в Алтайском и Красноярском краях выросло в 2,6 раза, в Новосибирской области более чем удвоилось². Без сомнения, столь резкий рост вселившихся в города Сибири обусловлен не экономическими факторами, а главным образом связан с эвакуационными процессами. Косвенно этот тезис подтверждается тем, что согласно данным паспортных столов милиции о выписке, только из Ленинграда во II полугодии 1941 г. выбыло почти 640 тыс. человек, из Москвы – около 908 тыс., из городов Московской области – свыше 248 тыс. человек³.

Таблица 5. 22

Численность мигрантов, прибывших в города Сибири* в начале Великой Отечественной войны. Тысяч человек **

Дата	Прибыло	Выбыло	Сальдо миграций
Первое полугодие 1941 г.	374,5	277,1	97,4
Второе полугодие 1941 г.	928,2	416,2	511,9
Второе полугодие в % к первому полугодию	247,8	150,2	525,6

* По административно-территориальному устройству 1941 г.

** Составлено по данным: Исунов В. А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 199.

В 1942 г. эвакуация населения в восточные районы СССР была продолжена. К декабрю этого года численность эвакуированных, сосредоточенных в Сибири увеличилось до 908 тыс. человек⁴. Учитывая смертность и погрешности регистрации, можно утверждать, что в 1941 – 1942 гг. в Сибирь в порядке эвакуации прибыло свыше 1 млн. человек. Из них примерно 600 тыс. человек прибыли в Сибирь во втором полугодии 1941 г. и около 400 тыс. человек летом и осенью 1942 г.

В конце 1943 – начале 1944 гг. в стране развернулись процессы реэвакуации, означавшие отток населения в западном направлении. До 1 июля 1944 г. численность эвакуированного населения в Сибири уменьшилась до 591,1 тыс. человек [9. С. 150]. К концу 1945 г. значительная часть проживавших в регионе эвакуированных вернулась на постоянное место жительства.

Основная масса эвакуированного населения осела в Западной Сибири. Здесь на 1 января 1943 г., когда эвакуация была в основном завершена, было сосредоточено 88% эвакуированных, что в абсолютном выражении составляло более 789 тыс. человек. Восточная Сибирь приняла почти 110 тыс. эвакуированных [9. С. 148]. Большинство

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 306.Л. 39 об; 45 об; 47 об.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 306. Л. 1 – 1 об.; 5 – 5 об.; 51 – 51 об.; 53 – 53 об.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 306..Л. 39 об; 45 об; 47 об.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 192; Д. 405.Л. 2.

эвакуированных в Сибирь были размещены в городских поселениях. Из 908 тыс. эвакуированных, зафиксированных статистическими органами в Сибири на 1 января 1943 г., почти 514 тыс. человек (около 57%) расселились в городских поселениях¹. В городских поселениях Омской области к 1 января 1943 г. разместилось 101 тыс. эвакуированных, Алтайского края – 76 тыс., в Новосибирской области – свыше 263 тыс. человек². В одном только Новосибирске на 1 декабря 1943 г. насчитывалось 141 тыс. эвакуированных³. Эвакуированные, таким образом, способствовали резкой интенсификации территориальных перемещений населения с началом боевых действий.

Характерной исключительно для периода войны формой организованного территориального перемещения населения был призыв людских ресурсов в рабочие колонны. Сюда направлялись лица по тем или иным причинам (по состоянию здоровья или по политическим мотивам – бывшие кулаки, белогвардейцы, торговцы, священнослужители, репрессированные и их близкие родственники, лица с уголовным прошлым) непригодные к службе в Красной армии. Учитывалась также и этническая составляющая. В рабочие колонны направлялись немцы, болгары, финны, корейцы и представители других национальностей. Бойцы рабочих колонн использовались для выполнения самых тяжелых и неквалифицированных работ оборонного строительства. К марту 1942 г. в СССР было сформировано 1116 рабочих колонн. Дополнительно к этому в начале весны 1942 г. в стадии формирования пребывали 166 колонн, а бойцы 120 рабочих колонн находились в эшелонах, в пути к месту постоянной дислокации. Совокупная численность личного состава рабочих колонн к 15 марта 1942 г. достигла 1264,5 тыс. бойцов [3. С. 304]. В Сибири первые рабочие колонны были сформированы в октябре 1941 г. за счет переброски трудовых ресурсов из Казахстана, а также из Новосибирской и Омской областей. К концу декабря 1941 г. в Сибирском военном округе имелось 72 рабочих колонны, в каждой из которых насчитывалось до 1000 бойцов⁴.

Своеобразной формой миграции была также депортация в восточные районы СССР, в том числе и в Сибирь некоторых этнических групп. Первый крупный поток спецпереселенцев на восток страны в годы Великой Отечественной войны был организован по указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. По данным А. А. Германа в сентябре-октябре 1941 г. в Сибирь (в границах Красноярского и Алтайского краев, Омской и Новосибирской областей) было депортировано почти 294 тыс. немцев [11. С. 358]. В 1943 – 1944 гг. депортации подверглись чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, крымские татары, калмыки, болгары, греки и некоторые другие народы. Особенно большой поток спецпереселенцев, прибывших в Сибирь составили калмыки. В январе 1944 г. в Омской области было расселено 21,2 тыс. калмыков, в Алтайском крае – 20,8 тыс., в Новосибирской области – 18,3 тыс. калмыков [12. С. 121]. Больше половины калмыцкого контингента, прибывшего в Омскую область были направлены в Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский национальные округа, а также в Тобольский округ [12. С. 121].

В военные годы продолжались высылки так называемого «антисоветского элемента». Так, к 1 апреля 1943 г. в Новосибирской области было расселено 13,2 тыс. ссыльнопоселенцев, высланных ещё в 1941 г. из Молдавии, Прибалтики, западных областей УССР и БССР [2. С. 105]. При этом необходимо учитывать, что в Сибири уже было расселено очень большое количество трудпоселенцев, депортированных на восток в ходе «кулацкой ссылки». По данным В. Н. Земскова, по состоянию на 1 января 1943 г. в Сибири насчитывалось 267,4 тыс. трудпоселенцев. Из них большинство были расселены в Новосибирской области (150,7 тыс. человек) и Красноярском крае (41,1 тыс. человек) [2. С. 106]. С весны 1944 г. из Западной Украины на спецпоселение стали поступать так

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 405. Л. 2.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 621. Л. 537.

называемые «оуновцы» – бандеровцы, мельниковцы и др. Они направлялись в отдаленные районы Красноярского края, Иркутской и Омской областей [2. С. 115]. Всего к 1 апреля 1945 г. на учете Отдела спецпоселений НКВД СССР числилось 2212, 1 тыс. спецпереселенцев и ссыльнопоселенцев, из которых в Сибири было сосредоточено 629,2 тыс. человек [2. С. 115–116].

Но главным по численности и воздействию на экономические, социокультурные и демографические процессы миграционным потоком в военные годы было перемещение сельских жителей в города. Этот поток являл собой продолжение тенденций мирных лет, когда сотни тысяч жителей деревни перемещались в города для работы в промышленности, на стройках и транспорте. Но в 1941 – 1945 гг. этот миграционный поток имел некоторые особенности.

Таблица 5. 23

**Миграционное движение гражданского населения Сибири, 1942 – 1945 гг.
Тысяч человек (без воинских контингентов и депортированных). ***

Дата	Прибыло в города	Выбыло из городов	Сальдо миграции
1942	847,6	596,5	251,1
1943	455,1	321,4	133,7
1944	366,5	377,9	-11,4
1945	391,0	282,4	108,6

*Составлено по данным: Исупов В. А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 200.

Перемещения населения между сельскими населенными пунктами не фиксировались статистикой. Сведения о миграциях имеются только по городам, в которых информация собиралась паспортными столами милиции на основе системы прописки-выписки. Таблица 5.23 показывает, что после завершения эвакуации, миграционная активность населения заметно понизилась. Индивидуальные переселения крестьян в города были сведены к минимальным размерам. Между тем, промышленные предприятия Сибири, превратившиеся в мощный арсенал Красной армии, а также транспорт и стройки требовали очень большого количества рабочей силы. В этой связи появилась острая потребность упорядочить миграции, и тем самым обеспечить индустрию рабочей силой. Стояла задача организовать массовый приток трудовых ресурсов на предприятия тяжелой и оборонной промышленности. 13 февраля 1942 г. было принято радикальное решение о переходе к фактически принудительному принципу набора рабочей силы. В этот день увидел свет указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве»¹ Отныне на производство стали призывать так же, как в армию. В СССР, помимо военной, проводилась и трудовая мобилизация, причем не только городского, но и сельского населения. В ходе этих мобилизационных перемещений людей (включая сюда призыв мужчин в армию и рабочие колонны) сибирская деревня отдала все, без остатка, людские ресурсы на нужды обороны страны.

Плановые сельскохозяйственные переселения в годы войны были прекращены, а созданное до войны Переселенческое управление было слито с Управлением по эвакуации при Совете по эвакуации. Единственным исключением явилась попытка переселения населения в восточные районы в связи с реализацией постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока». Согласно этому постановлению, в Бурятию, Иркутскую и Новосибирскую области было переселено 19,1 тыс. человек [13. С. 141].

¹ Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня по 22 марта 1942 г. М., 1942. С. 57 – 58.

Литература:

1. Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976.
2. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930 – 1960. М., 2005.
3. Исупов В.А. Главный ресурс победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008.
4. Великая Отечественная война 1941 – 1945: энциклопедия. М., 1985.
5. Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. 1940 – 1959. М., 2001.
6. Во имя Победы : эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах : в 3 т. Т. 1 : «Исход». Томск, 2005.
7. Исупов В. А. На изломе: смертность населения Сибири в начале Великой Отечественной войны // Историческая демография Сибири. Сб. научн. трудов. Новосибирск, 1992.
8. Исупов В. А. Население Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: численность, состав, воспроизводство // Российская история. 2010. №4.
9. Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986.
10. Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII – XX вв. (Историко-статистическое исследование). М., 1960.
11. Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918 – 1941 Часть II. Саратов, 1994.
12. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.
13. Колесник А. Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. М., 1982.

Глава 6.

"После тревог...": новая страница демографической истории.

На населении Западной Сибири во второй половине 1940–х гг. отразились как последствия Великой Отечественной войны, так и послевоенные социально–демографические процессы. Таблицы 6.1 и 6.2 отображают динамику численности населения Западной Сибири по данным ЦСУ СССР. Количество горожан к 1953 г. увеличилось на 36% по сравнению с 1946 г. В первую очередь за счет промышленных центров. Число жителей городов Кузбасса выросло на 47%, в том числе по причине присвоения статуса городских поселений сельским населенным пунктам. Если в 1946 г. здесь насчитывалось 31 городское поселение, то к 1950 г. их стало 40¹. Менее урбанизированные территории развивались не столь быстро: прирост городского населения в Омской области равнялся 31%, в Новосибирской – 28%. В сельской местности в первое послевоенное пятилетие также происходил определенный рост числа жителей, однако по причине их миграции в начале 1950–х гг. возобладала противоположная тенденция. Поэтому к 1953 г. численность сельского населения практически не изменилась и оставалось на уровне 1946 г., что объясняется его перераспределением между городом и селом в ходе продолжавшейся урбанизации.

Таблица 6.1*

Динамика численности городского населения Западной Сибири в 1946–1953 гг. на начало года (расчетные данные ЦСУ)

	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
Алтайский край	594,0	645,7	700,0	708,8	719,7	729,3	741,6	766,9
Кемеровская обл.	1209,0	1248,0	1310,0	1426,0	1527,7	1626,4	1695,1	1784,7
Новосибирская обл.	849,2	897,4	917,5	938,8	971,8	1010,6	1043,1	1086,0
Омская обл.	476,0	517,0	541,0	542,3	555,2	583,4	600,7	625,1
Томская обл.	226,4	247,6	260,0	272,0	283,8	297,3	313,3	328,7
Всего	3354,6	3555,7	3728,5	3887,9	4058,2	4247,0	4393,8	4591,4

*Составлено по данным: ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1751. Л. 1, 4, 7, 10, 13, 16, 19, 22, 25, 28, 31, 34, 43. Д. 2127. Л. 67, 73. Д. 2481. Л. 60-61. Д. 7412 А. Л. 15-15 об. Д. 7429. Л. 99-99 об. Д. 7430 Л. 3-3 об.; 70-70 об. Д. 7448 Л. 39-39 об.; 81-81 об.; Д. 7485. Л. 9, 81, 108; Д. 7500. Л. 3, 137, 150; Д. 7530. Л. 8, 66, 71; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 633. Л. 184-185; Оп. 30. Д. 3360. Л. 4, 8, 11, 13; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 626. Л. 2. Д. 684. Л. 2-3; 103-104. Д. 758. Л. 18; 40; 58-59; 75. Д. 841. Л. 18, 40, 58-59, 77; Д. 962. Л. 18, 41, 60, 61, 77; Д. 1011. Л. 3, 26, 44, 45, 61; Оп. 27. Д. 508. Л. 17, 19, 21, 23, 25, 27.

Таблица 6.2*

Динамика численности сельского населения Западной Сибири в 1946–1953 гг. на начало года (расчетные данные ЦСУ)

	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
Алтайский край	1517,2	1546,7	1637,3	1666,7	1670,9	1624,6	1554	1530,0
Кемеровская обл.	617,0	613,0	621,0	672,6	675,4	677,0	642,3	647,6
Новосибирская обл.	1002,7	1016,4	1039,6	1038,1	1035,7	1016,7	980,0	955,2
Омская обл.	829,0	873,0	875,0	882,3	898,3	872,6	879,2	872,2
Томская обл.	368,1	370,2	361,9	368,6	370,6	377,8	378,0	380,5
Всего	4334,0	4419,3	4564,8	4628,3	4650,9	4568,7	4433,5	4385,5

¹ ГАКО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 52. Л. 96-96 об.; Д. 117. Л. 180-180 об.

*Составлено по данным: Бадалян Т. М. Изменение численности и состава сельского населения Западной Сибири. 1946–1959 гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 1995. С. 33; ГАРФ. Ф. А–374. Оп. 11. Д. 756. Л. 5, 42-43, 46-47, 123; Д. 952. Л. 3; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 626. Л. 2; Д. 684. Л. 2-3, 103-104; Д. 758. Л. 40; Д. 841. Л. 40.

Общая численность жителей Западной Сибири в 1946–1953 гг. выросла на 1 млн. 300 тыс. человек (с 7 млн. 600 тыс. чел. до 8 млн. 900 тыс. чел.). В начале 1950–х гг. население региона перестало быть сельским и стало преимущественно городским. Наиболее урбанизированной являлась промышленно развитая Кемеровская область, где к 1953 г. горожане составляли порядка 73% всех жителей. В городах преимущественно сельскохозяйственного Алтайского края проживало 33% населения. Таким образом, в послевоенные годы урбанизация в Западной Сибири получила значительное развитие. Но вместе с тем была географически неравномерной, что определялось экономической специализацией отдельных территорий региона.

Источниками роста городов являлись естественный прирост и миграция. Данные таблицы 6.3 показывают соотношение этих двух факторов. В 1946–1947 гг. приток демобилизованных солдат в Западную Сибирь привёл к резкому увеличению численности городских жителей. В последующие годы значение механического прироста несколько снизилось, но всё равно сохранялось, особенно в Кемеровской и Томской областях. В других областях городские поселения также испытывали прилив мигрантов. Необходимо учитывать, что регистрация прибывших и выбывших осуществлялась со значительными погрешностями, их было больше, чем учтено ЦСУ. Поэтому соотношение между миграцией и естественным приростом в послевоенные годы было в пользу первой. Города Западной Сибири развивались экстенсивным путём, за счёт приезжих, а не повышения рождаемости.

Таблица 6.3*

Источники роста городского населения Западной Сибири в 1946–1950 гг. (%)

Название края, области	Источники роста	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
Алтайский край	Естественный прирост	19	18	108	99	42	115	85	43
	Сальдо миграции	81	82	-8	1	58	-15	15	57
Кемеровская область	Естественный прирост	20	24	18	34	47	39	44	43
	Сальдо миграции	80	76	82	66	53	61	56	57
Новосибирская область	Естественный прирост	29	55	53	53	44	49	55	44
	Сальдо миграции	71	45	47	47	56	51	45	56
Омская область	Естественный прирост	21	168	372	63	45	34	39	57
	Сальдо миграции	79	-68	-272	37	55	66	61	43
Томская область	Естественный прирост	22	31	24	34	31	30	26	28
	Сальдо миграции	78	69	76	66	69	70	74	72

*Составлено по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 49, 50, 106, 107, 150-152, 195, 194. Д. 696. Л. 52, 53, 110, 111, 157-159, 198, 199; Д. 758. Л. 18, 40, 58-59, 75; Д. 841. Л. 18, 40, 58-59, 77; Д. 909. Л. 18, 41, 60-61, 77; Д. 962. Л. 18, 41, 60, 61, 77; Д. 1011. Л. 3, 26, 44, 45, 61; Оп. 27. Д. 508. Л. 13, 15, 17, 19, 21, 23, 25, 27; ГАРФ. Ф. 374. Оп. 30. Д. 3360. Л. 4, 8, 11, 13; ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401 А. Л. 10-10 об., 30-30 об.; Д. 7406 А. Л. 8-8 об.; Д. 7412 А. Л. 15а - 15а об.; Д. 7429 Л. 91-91 об., 99-99 об.; Д. 7430 Л. 3-3 об., 28-28 об., 70-70 об.; Д. 7448 Л. 39-39 об., 52-52 об., 81-81 об.; Д. 7464. Л. 45-45 об., 89-89 об., 115-115 об.; Д. 7485. Л. 9, 81, 108; Д. 7500. Л. 3, 137, 150; Д. 7530. Л. 8, 66, 71 об.

В сельской местности, напротив, наблюдался миграционный отток. Увеличение численности жителей сибирской деревни определял естественный прирост, однако он был незначительным, а его положительный эффект уменьшался из-за оттока сельчан в города.

Первая послевоенная перепись проходила только в 1959 г., поэтому надежных источников для характеристики демографического состава населения в послевоенные годы нет. Широкое распространение среди исследователей получило использование единовременных обследований, к которым относятся отчеты о половозрастном составе сельского населения по состоянию на 1 января, ежегодно направлявшиеся сельсоветами органам ЦСУ с 1943 г. Кроме того, сведения о демографической структуре содержат сводные списки избирателей в Верховный Совет СССР по данным на 10 февраля 1946 г. и в местные Советы 21 декабря 1947 г., а также документы о подсчете детей и молодежи до 18 лет, проведенном в городских поселениях в конце 1947 г. Единовременные обследования обладают рядом недостатков. Они не охватывают полностью все население. Дело не только в обычной статистической погрешности. При подсчетах не учитывались военные и «спецконтингент». Тем не менее, данные источники дают общее представление о половозрастном составе населения и их можно использовать в исследовании.

Ниже в таблице 6.4 отображена возрастная структура населения Западной Сибири в конце 1947 г. До 1953 г. она оставалась практически неизменной, за исключением того что в брачные возраста вошла молодежь, рожденная на рубеже 1920–1930-х гг. Представленные данные можно использовать для характеристики населения в послевоенный период. Из таблицы видно, что демографическая структура имела пирамидальное строение. Чем старше была возрастная группа, тем меньшую долю она занимала в составе населения. Это характерно для традиционных обществ или обществ, находящихся в процессе демографического перехода, как в случае с СССР середины XX в. Подобное строение объясняется резким уменьшением вероятности дожития до следующего возраста. На возрастной структуре отразились демографические кризисы и катастрофы первой половины XX в. В «основании» пирамиды находилось поколение, рожденное во время Великой Отечественной войны, заметно уступавшее по численности довоенному. В конце нэпа рождаемость была выше, чем в период социально-экономических экспериментов 1930-х гг. Однако наиболее заметный «провал» наблюдался именно в этих возрастах, так как они понесли основные потери во время войны. Поэтому возрастная структура оказалась заметно деформирована. Великая Отечественная война привела к старению населения. Это стало следствием высокой смертности среди детей, низкой рождаемости и военных потерь в трудоспособных возрастах. Так, в 1939 г. 37% городских жителей Новосибирской области ещё не достигло 16 лет. В деревне дети и подростки составляли 45,5% населения¹. К 1947 г. их доля в возрастной структуре населения области уменьшилась соответственно до 28 и 37%. Аналогичные изменения наблюдались как в других областях Западной Сибири, так и в целом по всей стране.

Таблица 6.4*

Доля отдельных возрастных групп в структуре населения Западной Сибири в 1947 г.

Городские поселения				Сельская местность			
Год рождения	Мужчины	Женщины	Всего	Год рождения	Мужчины	Женщины	Всего
1943-1947	10,6	7,9	9,1	1943-1947	9,7	6,7	7,9
1938-1942	11,4	8,9	10,1	1938-1942	15,4	11	12,8
1933-1937	10,5	8,2	9,2	1933-1937	15,9	11,4	13,2
1928-1932	12,8	10,2	11,4	1928-1932	16,4	12,2	13,9
1923-1927	10,4	13,3	12,1	1923-1927	6,2	10,3	8,6
1918-1922	7,2	8,8	8,1	1918-1922	5,1	6,7	6,1
1913-1917	7,5	8,4	8,0	1913-1917	4,6	6,6	5,8
1908-1912	8,1	8,7	8,4	1908-1912	5,4	7,5	6,7

¹ Подсчитано по: Демоскоп weekly [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_39.php?reg=44&gor=1&Submit=OK

1903–1907	6,3	6,7	6,5	1903–1907	4,7	6,2	5,6
1898–1902	4,2	5,1	4,7	1898–1902	3,3	4,8	4,1
1893–1897	3,6	3,7	3,6	1893–1897	3,2	3,5	3,4
1888–1892	2,7	3,1	2,9	1888–1892	2,7	3,6	3,2
1883–1887	1,9	2,6	2,4	1883–1887	2,3	3,2	2,8
1878–1882	1,3	1,9	1,6	1878–1882	1,9	2,5	2,4
Старше 1877	1,5	2,5	1,9	Старше 1877	3,2	3,8	3,5
Всего	100,0	100,0	100,0	всего	100,0	100,0	100,0

Составлено по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 3177. Л. 21, 45, 61-64, 80; ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 634. Л. 6, 89, 197, 198, 220, 221; Д. 635. Л. 90.

Таблица 6.5 показывает изменение доли мужской части населения в первое послевоенное пятилетие. Данные за 1946 г. составлены на основе итогов статистической разработки списков избирателей в Верховный Совет СССР по полу и году рождения, полученных на выборах, прошедших 10 февраля 1946 г., а данные за 1947 г. на выборах в местные Советы, состоявшихся 21 декабря 1947 г. Между этими событиями прошло практически два года, за которые половой состав населения претерпел значительные изменения. В первую очередь обращает на себя внимание увеличение мужской доли населения в наиболее активных брачных возрастах. Если в начале 1946 г. демобилизация армии еще продолжалась, то к концу 1947 г. этот процесс в основном завершился. Структура населения Западной Сибири в 1947 г. стала иной, чем была в 1946 г., что отразилось на уровне воспроизводства населения.

Итоги подсчёта избирателей выявили «демографическую яму» в трудоспособных возрастах. Военные потери в первую очередь пришлись на наиболее активные брачные возраста. По данным Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковской в 1947 г. в России на 100 женщин в возрасте 20–24 лет проживал 71 мужчина; 25–29 лет – 64; 30–34 лет – 63; 40–44 лет – 58; 45–49 лет – 53 мужчины [1. С. 158, 160]. В возрастах от 20 до 49 лет в СССР мужчины составляли 39,8%, в РСФСР – 38,7% [1. С. 158, 160; 2. С. 126]. В городах Западной Сибири – 39,5%; в сельской местности – 32,3%. Исключением являлась Кемеровская область, где подсчёт избирателей в 1947 г. выявил большую долю мужчин в брачных возрастах, чем в целом по стране (в городах Кузбасса мужчин в возрасте 20–49 лет было 44%, в сельской местности – 36%)¹. Нормальное функционирование предприятий угольной и металлургической промышленности требовало значительного числа рабочих, в первую очередь мужчин, поэтому здесь можно было получить отсрочку от службы в армии. Кроме того, в послевоенные годы в городах Кузбасса наблюдался большой приток мигрантов, среди которых доминировали мужчины.

Таблица 6.5*

Доля мужчин в составе населения Западной Сибири (%)

Годы рождения	1946 г.		1947 г.	
	Городские поселения	Сельская местность	Городские поселения	Сельская местность
1923–1927	32,3	24,2	37,6	29,5
1918–1922	31,2	21,8	38,7	34,6
1913–1917	38,6	25,7	40,8	32,8
1908–1912	42,7	29,3	41,9	33,5
1903–1907	44,7	31,5	41,7	34,5
1898–1902	43,1	30,6	38,4	32,6

¹ Подсчитано по данным: ГАКО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 114. Л. 3.

1893–1897	48,7	36,7	42,3	39,4
1888–1892	44,6	35,4	39,6	34,5
1883–1887	37,5	32,6	36,3	34,0
1878–1882	33,4	35,5	34,0	35,1
старше 1877	30,1	36,3	29,7	36,2

*Составлено по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2224. Л. 21, 41, 57-59, 74; Д. 3177. Л. 21, 45, 61-64, 80.

В сельской местности половозрастной дисбаланс в трудоспособных возрастах был выше по ряду причин. В армию призывались чаще деревенские жители, так как в городах рабочие и служащие промышленных объектов могли получить бронь. По этой причине военные потери пришлось в первую очередь на сельское население.

Если в возрастах до 50 лет половой дисбаланс в основном объяснялся военными потерями, то в старшей возрастной группе он имел иное происхождение. Продолжительность жизни мужчин, как правило, меньше продолжительности жизни женщин, что связано с их большей социальной активностью и негативным воздействием окружающей среды. Особенно заметно эта закономерность проявляется в обществах с традиционным типом воспроизводства населения, многие черты которого были характерны для СССР в 1940–х гг.

Но дисбаланс в старших возрастах нельзя объяснить только естественными демографическими процессами. Он связан с социальными потрясениями первой половины XX в. Мужчины, достигшие к 1947 г. возраста старше 50 лет, являлись активными участниками Первой мировой и Гражданской войн, коллективизации, индустриализации и репрессий. Наравне с другими жителями страны они пережили голод 1921–1922 гг. и 1932–1933 гг. Тяготы военных лет отразились на их жизнях, хотя они не подлежали призыву в армию. Основные потери в результате кризисов и катастроф первой половины XX в. приходились на мужскую часть населения.

Половозрастной дисбаланс населения, наблюдавшийся в первой половине XX в., в наибольшей степени проявился после Великой Отечественной войны и имел значительное воздействие на демографическую подсистему общества. Изменился уровень естественного движения населения. Дисбаланс наблюдался в наиболее активных брачных возрастах, что стало причиной снижения рождаемости и вело к социальным последствиям, выразившимся в дестабилизации брачного рынка и ослаблении супружеских связей. Изменение демографической структуры общества способно объяснить особенности естественного движения населения во второй половине 1940–х гг. Со временем младшие возраста, не понесшие ощутимых потерь в годы войны, замещали старшие. Демографическая структура населения выравнивалась. Вместе с этим наблюдалась стабилизация брачных отношений. Половозрастной дисбаланс, вызванный чередой социальных потрясений, являлся одной из характерных черт процесса демографического перехода в России, на который оказывали влияние не только естественные причины, но и факторы пертурбационного характера.

После окончания Великой Отечественной войны в миграционном движении населения Западной Сибири в основном возобладали довоенные тенденции. Вместе с тем появились новые черты, обусловленные последствиями войны. На объёмы и направления миграционных потоков в это время влиял ряд факторов, имевших как естественноисторический, так и пертурбационный характер. К первым относилась урбанизация, вызванная переходом от традиционного (аграрного) типа общества к индустриальному. Возраставшие потребности промышленности требовали новой рабочей силы. В этой связи два основных индустриальных центра Западной Сибири, расположенных в Кемеровской и Новосибирской областях, стали главными местами притяжения мигрантов. Данные таблицы 6.6 показывают, что они составляли 2/3 всего механического роста региона. Механический прирост городских поселений Западной Сибири в изучаемый период времени происходил крайне неравномерно и во многом зависел от уровня развития в них промышленных объектов. Как видно из таблицы, города Омской и Томской областей сильно

отставали от своих соседей. В Алтайском крае наблюдался значительный миграционный прирост только в 1946–1947 гг., после чего последовал спад.

Таблица 6.6*

Механический прирост населения городов Западной Сибири в 1946–1953 гг., тыс. чел., оценка ЦСУ на основе прописки–выписки паспортов.

Год	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область
1946	34,8	94,5	33,4	25,4	7,7
1947	44,9	67,7	9,1	-2,8	5,4
1948	-0,7	95,3	10,0	-3,6	8,8
1949	0,1	67,4	15,6	4,7	7,8
1950	14,9	41,4	20,4	9,4	7,9
1951	-1,7	60,9	20,0	18,7	9,5
1952	1,9	38,9	14,5	6,7	11,9
1953	14,5	51,6	24,1	15,1	11,1
Всего	110,4	517,7	147,1	73,6	70,1

*Составлено по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 508. Л. 13, 15, 17, 19, 21, 23, 25, 27.

Как показывают данные таблицы 6.7, города Западной Сибири в основном росли за счет других регионов РСФСР. Большой процент прибывших без указания места отправления в 1946 г. объясняется тем, что в эту графу в документах ЦСУ попадали в первую очередь возвращавшиеся домой солдаты и офицеры. Кроме того, сюда же попадал «спецконтингент» и просто граждане, не ставшие отмечать при прописке место своего прежнего проживания. К 1947 г. демобилизация Красной армии в основном была завершена, кроме того качество учета мигрантов повысилось, что позволяет проследить из каких регионов они прибыли.

Союзные республики, за исключением среднеазиатских, слабо участвовали в механическом росте. Количество выбывших в эти республики не превышало 10%, а прибывших – 7%. Средняя Азия благодаря теплomu климату могла привлекать мигрантов, однако материально–бытовой уровень жизни здесь был не высок, поэтому сибиряки предпочитали переезжать в европейскую часть страны. Вместе с тем выходцы из Средней Азии не стремились в Сибирь, предпочитая другие регионы. Ещё одной союзной республикой, с которой установились крепкие миграционные связи, была Украина. Количество прибывших и выбывших из УССР было примерно одинаковым, поэтому сальдо миграции имело не высокие показатели, а в отдельные годы отрицательные, что объясняется различием жизни в двух регионах. В целом же в результате миграционного обмена с союзными республиками механический прирост городов региона был близок к нулевой отметке из–за небольших объемов миграции.

Рассматривая миграционные связи с областями РСФСР, необходимо отметить, что мигранты предпочитали передвигаться на незначительные расстояния. Поэтому больше всего населения приезжало из соседней Восточной Сибири и Урала, а также Поволжья и Дальнего Востока. Выбывшие в основном направлялись туда же, однако в первые послевоенные годы многие уезжали в Центральный и Северо–Западный регионы. Это объясняется продолжавшимся процессом реэвакуации и более высоким уровнем жизни в городах европейской части РСФСР. Поток выбывших превосходил прибывших, поэтому города Западной Сибири имели отрицательное сальдо миграции с этими регионами. Потери компенсировались механическим обменом с другими областями страны.

Таблица 6.7*

Механический прирост городов Западной Сибири за счет регионов СССР в 1946–1951 гг. (%)

Регион:	1946	1947	1948	1951
1. Северо-Западный	-4,2	-1,4	-3,3	0,2
2. Центральный	-2,9	0,8	-2,2	0,1

3. Волго-Вятский	1,0	3,1	5,1	3,1
4. Центрально-Черноземный	2,2	3,7	9,0	0,1
5. Поволжский	2,7	12,4	16,3	0,9
6. Северо-Кавказский	0,3	3,7	0,9	-1,9
7. Уральский	2,7	12,7	11,5	-0,9
8. Западно-Сибирский	50,5	42,7	72,1	97,2
9. Восточно-Сибирский	4,1	8,5	3,9	3,6
10. Дальневосточный	1,2	9,7	-2,5	-0,6
I. РСФСР	58,4	98,5	110,9	101,8
II. Украинская и Молдавская ССР	-0,9	5,7	-2,8	-3,8
III. Белорусская ССР.	0,7	0,2	0,3	0,8
IV. Прибалтийские ССР	-0,9	-0,4	0,9	0,3
V. Средняя Азия и Казахская ССР.	-2,7	-5,6	8,4	4,5
VI. Кавказские ССР.	0,2	0,2	0,8	0,1
СССР без указания областей и республик	45,2	1,4	-18,5	-3,7
СССР всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Составлено по данным: ГАРФ Ф. А-374. Оп. 11. Д. 478. Л. 99-100 об., 106-107 об., 109-110 об.; Д. 479. Л. 58-59 об.; Д. 591. Л. 45-46 об., 51-52 об., 53-54 об.; Д. 592. Л. 27-28 об.; Д. 701. Л. 11-12 об., 49-50 об., 51-52 об.; Д. 703. Л. 29-30 об.; ГААК. Ф. 718. Оп. 43. Д. 15. Л. 20-21 об.; Д. 16. Л. 8-9 об.; ГАКО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 52. Л. 94-95 об.; Д. 114. Л. 123-124; Д. 115. Л. 205-206.

Основным источником механического роста городов Западной Сибири были не другие края и области, а местная деревня. Городское население увеличивалось в первую очередь за счет притока сибиряков, ранее проживавших в сельской местности. Это подтверждают данные таблицы 6.8. Вместе с тем города Западной Сибири в отдельные годы теряли население в результате миграционного обмена с регионами страны, в первую очередь Северо-Западным, Центральным и Украинской ССР. Однако оно компенсировалось за счет выходцев из деревни. Можно заключить, что уезжая из региона мигранты предпочитали переселяться в города европейской части Советского Союза, в то время как прибывшие в основном являлись крестьяне, проживавшие в Сибири.

Таблица 6.8*

Источники механического роста городов Западной Сибири в 1946–1951 гг. (%)

Годы:	Городские поселения	Сельская местность	Неизвестно	Всего
1946	-10,0	61,9	48,1	100,0
1947	18,1	75,8	6,1	100,0
1948	1,6	113,3	-14,9	100,0
1951	-18,0	122,0	-4,0	100,0

Составлено по: см. источники к таблице 6.7

Миграция из села в город – естественный процесс, свойственный для миграционного перехода. Он основан на механизации сельскохозяйственного труда и перемещении излишков рабочей силы из деревни в город, где она востребована. Однако в послевоенные годы основной причиной миграции являлось тяжёлое материальное положение сельских жителей. В первую очередь деревню покидали колхозники, которые не имели целого ряда социальных льгот, доступных рабочим городов (более высокая и стабильная зарплата, оплачиваемые отпуска, паспорта, перспектива получения бесплатного жилья и т. д.). Став горожанами, обретя рабочий опыт и образование, бывшие жители деревень не стремились менять свой новый образ жизни. Их миграция преследовала целью не возвращение на места прежнего проживания, а поиск лучших условий для новой городской жизни. Городской образ жизни становился доминирующим.

Мигранты зачастую нарушали закон о паспортах, фактически запрещавший колхозникам покидать места их проживания. Однако это их не останавливало. Уменьшение

численности колхозников фиксировалось органами статистики. В 1948–1950 гг. ежегодное сокращение рабочих колхозов в РСФСР составляло порядка 1,5 млн. чел. [З. С. 121]. В 1948 г. колхозное население Новосибирской области сократилось на 26 тыс. чел.¹, в 1949 г. – на 14 тыс. чел.² Отъезд не останавливало даже отсутствие документов и разрешений. Колхозники либо получали документы путём подкупа или договорённости с колхозным начальством, либо выезжали вовсе без предупреждения.

Закон о паспортах не соблюдали как колхозные руководители, так и районные власти. В 1948 г. Омский облисполком отмечал, что многие райисполкомы при отправлении молодежи в ФЗО и ремесленные училища нарушают правила выдачи паспортов: не предоставляют органам МВД свидетельства о рождении и фотокарточки. Отмечались случаи, когда райисполкомы требовали выдачи паспортов задним числом, уже после отъезда мобилизованных³.

Руководство предприятий и организаций сквозь пальцы смотрело на отсутствие у новых рабочих каких-либо колхозных справок и документов. Местные органы власти пытались пресечь самовольные выезды и запрещали принимать на работу людей, не имевших специальные документы. Обкомы и облисполкомы требовали от районных властей, чтобы они разъяснили всем руководителям государственных и кооперативных организаций, что те могут принимать на работу колхозников только при наличии у них справок⁴. Данные меры были не эффективны, так как городские предприятия испытывали постоянную нехватку рабочих рук.

Голод 1946–1947 гг. вызвал всплеск неконтролируемой миграции. Определить численность выбывших из сельской местности в это время невозможно, так как статистические данные об этом отсутствуют. Люди переселялись в те места, где, как им казалось, они могли получить помощь: в города, другие области и регионы страны. Миграции начались еще до наступления голода. Директор Омского союзмолтреста докладывал председателю облисполкома о том, что «в связи со снятием со снабжения началась чрезвычайно большая текучесть основных самых работоспособных и квалифицированных кадров»⁵. Аналогичное положение сложилось в Новосибирской области. Здесь, уже во время голода весной 1947 г. директор Красносельского совхоза Чановского района писал секретарю обкома ВКП(б) М. В. Кулагину: «люди не верят, что будет хлеб в совхозе, и большинство бежит в Алтайский край, Казахскую ССР, где якобы хлеб имеется»⁶. Тогда же, в марте 1947 г., исполняющий обязанности председателя исполкома Легостаевского района сообщал в облисполком: «Уже свыше ста семейств выехали из пределов района в Семипалатинскую и другие области и районы. Многие готовятся выехать. Уезжают безо всяких справок и документов»⁷. Работники правления колхоза «Второй съезд советов» писали в исполком Легостаевского района: «Из-за [отсутствия] продуктов питания люди начинают пухнуть и, несмотря на то, что не выдаются никакие справки и документы на право выезда, все же уезжают куда попало, в неизвестные места для спасения жизни»⁸.

Неконтролируемые государством миграционные потоки направлялись не только из сельской местности в индустриальные центры или между ними, но и происходили в обратном направлении. Хотя они и уступали по своим объемам. В 1947 г. Омский облисполком отмечал, что мобилизованные на предприятия и в школы ФЗО, а также советские граждане, побывавшие в немецком плену и переданные после репатриации

¹ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7430. Л. 92.

² Там же. Д. 7448. Л. 97.

³ ГИАОО. Ф. 437. Оп. 24. Д. 39. Л. 32.

⁴ ГАНО. Ф. 1020. Оп. 5. Д. 9. Л. 5.

⁵ ГИАОО. Ф. 437. Оп. 24. Д. 20. Л. 23.

⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 252. Л. 41.

⁷ ГАНО. Ф. 1020. Оп. 6. Д. 34. Л. 91.

⁸ Там же.

промышленным организациям, выбывают в сельскую местность на места своего прежнего проживания. Они «часто находят себе покровителей в лице руководителей колхозов, МТС, совхозов и других организаций и учреждений, в силу чего имеют возможность длительное время укрываться от ответственности за дезертирство с предприятий»¹. Логика действий руководителей сельских предприятий и организации была аналогичной той, что существовала у директоров промышленных предприятий: необходимость рабочих рук вызывала нарушение «неудобных» для них положений трудового и миграционного законодательства.

Охарактеризовать объемы и направления миграции в советской деревне в послевоенные годы затруднительно, так как статистические органы собирали необходимую для этого информацию только в городах. Можно дать приблизительную оценку сальдо миграции на основе ежегодных отчетов сельсоветов о численности и составе населения, а также данных об его естественном движении. Полученные результаты, представленные в таблице 6.9, не точны. Тем не менее, на их основе можно судить об общих тенденциях в западносибирской деревне.

Рождаемость не покрывала потери в результате миграции. Только в отдельные годы в некоторых областях был зарегистрирован механический рост населения. Если в 1946 г. его можно объяснить демобилизацией армии, то в последующие годы его причина, возможно, кроется в принудительных переселениях на территорию региона. Так, во время проведенной в марте 1949 г. операции по выселению из стран Прибалтики «буржуазных националистов», было депортировано 94779 чел. Из них в Омскую область направлялось 22542 чел., в Томскую область – 16065, в Новосибирскую область – 10064 [4. С. 139]. Как правило, спецпоселенцы жили в сельской местности. Вероятно, этим объясняет механический прирост в 1949 г. в Омской и Томской областях, а также меньшие размеры убыли в сравнении с предыдущими годами в Новосибирской области. В начале 1950–х гг. отток населения усилился. Отчасти это можно объяснить тем, что объемы принудительных переселений сократились. Вместе с тем государство своей аграрной политикой вынуждало сельских жителей переезжать в город. В послевоенные годы был усилен нажим на личные подсобные хозяйства (ЛПХ) колхозников. Как следствие, в начале 1950–х гг. ЛПХ по ряду параметров развития оказались отброшены до уровня середины или даже начала 1930–х гг. [5. С. 450].

Таблица 6.9

**Механический прирост населения сельской местности Западной Сибири в 1946–1953 гг.
(в тыс. чел)**

Годы	Алтайский край	Кемеровская обл.	Новосибирская обл.	Омская обл.	Томская обл.
1946	-8,6	-11,8	9,1	23,2	-2,4
1947	89,1	22,1	-23,7	-5,9	-12,9
1948	-55,9	10,7	-35,3	12,3	-11,4
1949	-40,8	-15,3	-12,9	19,4	11,2
1950	-45,0	-16,3	-25,4	-28,8	-8,2
1951	-107,5	-51,3	-58,5	-12,4	-7,8
1952	-53,5	-10,4	-45,0	-28,8	-5,0
1953	-21,3	-3,2	-34,7	-33,4	-6,6

Составлено по данным: см. источники к таблице 6.2; 6.21.

В отличие от довоенного периода, во второй половине 1940–х – начале 1950–х гг. плановые переселения в сельскую местность Сибири не приобрели масштабного характера. В это время Сибирь не являлась приоритетным для заселения регионом. Мигранты направлялись в присоединённые по итогам войны к Советскому Союзу территории

¹ ГИАОО. Ф. 437. Оп. 24. Д. 20. Л. 12.

(Калининградская область, район Печенги, южная часть Сахалина и Курильские острова), а также в Крым, откуда во время войны произошло выселение крымских татар, и в области, наиболее пострадавшие во время немецкой оккупации (Великолукская, Калининская, Новгородская и др.). В РСФСР из 186,5 тыс. семей, переселённых в 1946–1953 гг., 40% приходилось на Калининградскую и Ленинградскую области, 30% – на Дальний Восток, 10–13% на Крымскую, Саратовскую и другие южные области, на Урал и Сибирь – менее 10% [6. С. 18].

Плановое заселение сельской местности Западной Сибири активизировалось в 1949 г. [7. С. 181]. В Алтайский край и Новосибирскую область прибыли переселенцы из Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской и др. областей [6. С. 17]. Однако, их число было незначительным. Вместе с тем, Западная Сибирь не рассматривалась властями в качестве региона, откуда черпались людские ресурсы. Переселения на приоритетные территории происходили в основном из Поволжья и Центральные области РСФСР, в то время как Сибирь принимала лишь незначительное участие в заселении других регионов.

Представителей местной власти такая ситуация не устраивала. Первый секретарь Новосибирского обкома партии М.В. Кулагин в 1946 г. в своей справке заместителю председателя Совета министров СССР Н.А. Вознесенскому отстаивал необходимость активизации аграрных переселений. Основная причина, побудившая его обратиться в центральные органы – дефицит рабочей силы в области, особенно сильно проявившийся в сельской местности. По данным М.В. Кулагина (по всей видимости, это расчеты местных органов ЦСУ, использовавшиеся при составлении справки), только в 1946 г. требовалось привлечь 84,6 тыс. рабочих, из которых 55,3 тыс. требовалось направить в сельские районы¹. В первую очередь это связано с высокими людскими потерями во время войны. В Красную армию призывались преимущественно жители деревень, в то время как горожане, трудившиеся на промышленных предприятиях, могли получить бронь. Поэтому военные потери привели в первую очередь к снижению численности сельского населения. Городское население наоборот росло (за военные годы примерно на четверть) [8. С. 92–93] за счет размещения в Западной Сибири эвакуированных из европейской части страны. Здесь хоть и ощущался недостаток рабочих рук, но он был не столь острым, как в деревне. Кроме того, если выпуск продукции промышленных предприятий увеличился, то сельскохозяйственной – наоборот сократился за счет снижения посевных площадей, урожайности и уменьшения поголовья крупного рогатого скота. При этом аграрный сектор экономики обладал определенным потенциалом развития. Так, земельная обеспеченность колхозов и совхозов была выше, чем во многих регионах страны, особенно в сравнении с малоземельной Центрально-Черноземной областью.

Констатируя тяжелое положение с обеспечением трудовыми ресурсами, М.В. Кулагин предлагал ряд мер, которые должны были стимулировать их развитие. Во-первых, он считал необходимым закрепить все трудовые ресурсы в границах области и прекратить их вывоз за её пределы: запретить министерствам переброску рабочих и инженерно-технического персонала из Новосибирска и обязать их завести на подведомственные предприятия недостающую рабочую силу из-за границ области. Данные меры шли вразрез с интересами не только руководства других областей и краев, но и промышленных министерств, поэтому были невыполнимы. Во-вторых, М.В. Кулагин хотел запретить оргнаборы и переброску рабочей силы из сельской местности. Тут необходимо отметить, что данная мера была не характерна для советского руководства, рассматривавшего деревню как источник практически неисчерпаемых ресурсов (в том числе и людских). Тяжелая послевоенная ситуация наглядно продемонстрировала, что это не так. И если центральные власти кардинально не изменили свою политику в отношении деревни, то на местах ощущалась необходимость перемен. В-третьих М.В. Кулагин предлагал возобновить довоенную практику сельскохозяйственных переселений и в период четвертой пятилетки

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 208. Л. 24.

направить из европейской части СССР в колхозы Новосибирской области до 60 тысяч хозяйств.

Кроме того, М.В. Кулагин просил у заместителя председателя Совета министров СССР Н.А. Вознесенского увеличить численность спецконтингента на территории области, а для этого завести в 1946 г. 20 тысяч спецпоселенцев (в первую очередь репатриированных граждан и военнопленных японцев). По данным В.Н. Земскова на 1 января 1949 г. в Западной–Сибири находилось около 480 тыс. спецпоселенцев, из них 266 тыс. немцев и 46 тыс. калмыков [9. С. 164–165]. И все же во второй половине 1940–х – начале 1950–х гг. миграционное движение населения определялось не столько репрессивной политикой государства, сколько потребностями экономики и желаниями самих мигрантов. Принудительные переселения имели место, в ходе отдельных акций места прежней жизни покидали десятки тысяч людей, но всё же уступали по своим масштабам индивидуальным и плановым трудовым переселениям.

Таким образом, в послевоенные годы на территории Западной Сибири происходили значительные миграционные изменения. Основной тенденцией являлось движение из села в город и рост численности жителей городских поселений за счет сельской местности.

В период Великой Отечественной войны смертность в тыловых районах страны значительно увеличилась по сравнению с довоенным временем (в 1942 г. в западносибирских городах – 26,2 смертных случая на 1000 человек населения, в деревне – 23,9), но с 1943 г. её уровень стал сокращаться, достигнув к 1945 г. 9,2‰ и 7,0‰ соответственно [8. С. 114]. Такие относительно низкие показатели смертности не могли сохраняться во второй половине 1940–х гг. по ряду причин и должны были увеличиться даже в условиях отсутствия голода, который начался в СССР в конце 1946 г. Западная Сибирь в отличие от европейских регионов страны в меньшей степени пострадала от послевоенного социально–экономического кризиса. И все же здесь смертность начала расти еще в 1946 г., что подтверждается данными ЦСУ, отображенными в таблице 6.10. Это не может объясняться только лишь последствиями голода. Смертность в 1945 г. была сравнительно невысокой в силу особенностей половозрастной структуры населения региона и низкой рождаемости. Призыв в армию мужчин привел к половому дисбалансу, особенно заметному в сельской местности, что отразилось на уровне рождаемости. Демобилизация армии и возвращение мужчин увеличили их долю в составе жителей региона, и привело к росту численности появившихся на свет детей. Вслед за этим увеличилась и смертность, так как новорожденные дети, вследствие низкой выживаемости, составляли значительный процент умерших. Кроме того, не стоит забывать, что смертность мужчин меньше женской. Изменение половозрастного состава стало основанием для роста смертности.

*Таблица 6.10**

**Динамика смертности населения СССР, РСФСР и Западной Сибири по данным ЦСУ
(число умерших на 1000 человек населения)**

Годы	СССР	РСФСР	Западная Сибирь	
			Городские поселения	Сельская местность
1946	15,8	12,3	11,3	9,6
1947	20,3	17,0	15,6	12,9
1948	13,6	13,1	13,2	12,2
1949	12,6	11,7	11,2	11,7
1950	11,7	11,5	11,1	12,6
1951	11,6	11,6	10,6	13,3
1952	11,4	10,7	9,5	12,4
1953	11,0	10,4	8,3	11,1

*Составлено по данным: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1991. С. 71; Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1926–1959 гг. М., 1998. С. 165; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 49–50, 106–107, 150–152, 194–195; Д. 696. Л. 52–53,

110-111, 157-159, 198-199; Д. 758. Л. 18, 40, 58-59, 75; Д. 841. Л. 18, 40, 58-59, 77; Д. 909. Л. 18, 41, 60-61, 77; Д. 962. Л. 18, 41, 60, 61, 77; Д. 1011. Л. 3, 26, 44, 45, 61; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 30. Д. 3360. Л. 4, 8, 11, 13; ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401 А. Л. 10 об., 30 об.; Д. 7406 А. Л. 8 об.; Д. 7412 А. Л. 15а об.; Д. 7429 Л. 91 об., 99 об.; Д. 7430 Л. 28 об., 3 об., 70 об.; Д. 7448. Л. 39 об., 52 об., 81 об.; Д. 7464. Л. 45 об., 89 об., 115 об.; Д. 7485. Л. 9, 81, 108; Д. 7500. Л. 3, 137, 150; Д. 7530. Л. 8, 66, 71.

Еще одной причиной был послевоенный голод. Он начался в конце 1946 г., и заметно не отразился на показателях смертности в этот год. В Западной Сибири он носил очаговый характер и поразил в основном отдельные сельские районы и наименее социально защищенные группы населения: не имевших личные подсобные хозяйства колхозников, многодетные семьи или семьи, оставшиеся без кормильцев вследствие их гибели на фронте, недавно прибывших в регион и не успевших устроиться на новом месте спецпоселенцев, и т. д. Однако даже в тех районах, где не регистрировались случаи прямого голода, ситуация со снабжением продовольствием жителей оставалась напряженной. Применительно к большинству сельских районов можно говорить о латентной форме голода, выразившейся в недостаточном потреблении необходимых питательных элементов (белков, жиров, витаминов). Это отразилось на увеличении заболеваемости и смертности. В городах региона, остававшихся на пайковом снабжении, голод поражал материально неблагополучные слои населения: низкооплачиваемых работников, многодетные семьи и т. д. И все же пайковое обеспечение спасло горожан, хотя наблюдалась латентная его форма. Как показывают данные таблицы 6.10, это повлияло на увеличение смертности. Голод в открытой форме в сельских районах западной Сибири был преодолен к лету 1947 г. вместе с получением нового урожая, хотя латентно сохранялся еще некоторое время. Таким образом, применительно к Западной Сибири с конца 1946 по конец 1948 г. можно говорить о демографическом кризисе, вызванном как голодом 1946–1947 гг., так и объективными причинами – изменением половозрастного состава, приведшим к увеличению рождаемости и повышению доли детей в структуре смертности населения.

Как показывают данные таблицы 6.10, в городских поселениях Западной Сибири общие показатели смертности стабилизировались к 1949 г. и опустились к докризисному уровню 1946 г. Снижение уровня смертности продолжалось в начале 1950–х гг. В сельской местности согласно данным ЦСУ прослеживается иная динамика: заметны два пика смертности – в 1947 г. и 1951 г. Однако смертность в стабильной ситуации 1951 г. не могла превышать «голодный» 1947 г. По всей видимости, это объясняется погрешностью регистрации умерших. В городах статистические организации успешно справлялись с возложенной на них обязанностью учетом, в то время как в сельской местности они действовали не столь эффективно. По мнению Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковской в 1946 г. в РСФСР оказалось неучтено порядка 12% умерших, в 1947 г. – 13,1%, в 1948 г. – 12,9% [1. С. 163]. К сожалению, выявить уровень недоучета в Западной Сибири не представляется возможным. Используемая Е.М. Андреевым, Л.Е. Дарским и Т.Л. Харьковской методика не применима к отдельным регионам СССР в силу миграционного движения.

Погрешность учета признавалась советскими статистиками. Поэтому начиная с 1949 г. органы ЦСУ стали проводить проверку полноты регистрации родившихся и умерших путем сравнения данных сельсоветов и лечебных учреждений. Такая методика имела свои недостатки, но она позволила выявить недоучет и улучшить качество регистрации актов гражданского состояния. Вероятно, именно этим объясняется движение показателей смертности по данным ЦСУ, отображенных в таблице 6.10. Смертность в сельской местности в начале 1950–х гг. не увеличилась в сравнении со второй половиной 1940–х гг., но улучшилось качество учета. По всей видимости, динамика движения смертности в сельской местности соответствовала тенденциям в городских поселениях: рост в 1947–1948 гг. сменился постепенным снижением в 1949–1953 гг.

Показатели младенческой смертности во время Великой Отечественной войны начали сокращаться в 1943 г. и достигли минимума в 1945 г. (82,7 умерших ребёнка на 1000

родившихся в городах Западной Сибири и 65,3 в сельской местности) [8. С. 142]. Однако смертность новорожденных увеличилась в послевоенные годы. В 1946 г. она оставалась на уровне конца войны, а в 1947 г. повысилась, что было обусловлено начавшимся демографическим кризисом. По сведениям ЦСУ (таблица 6.11) в сельской местности младенческая смертность была ниже, чем в городах и наибольших показателей достигла в 1951 г. Как и в случае с общим коэффициентом смертности, это объясняется недоучетом регистрации умерших детей. Недоучет среди новорожденных был значительно выше, чем у взрослых (это подтверждается данными проверок ЦСУ). Если ребенок умирал в первые дни жизни, то его рождение и смерть могли не регистрировать. Так как в городах регистрация умерших происходила более качественно, то при рассмотрении динамики смертности, необходимо опираться на сведения, собранные городскими отделами загс. Вероятней всего, детская смертность в сельской местности была на уровне городских поселений, а в целом по Западной Сибири примерно соответствовала показателям РСФСР. Увеличившись в 1947 г., она постепенно начала снижаться как в городе, так и в деревне. Динамика движения младенческой смертности не просто повторяла изменение его общего коэффициента, а определяла его. Младенцы и дети до 4-х лет занимали значительную долю в возрастной структуре умерших.

Таблица 6.11*

**Младенческая в СССР, РСФСР и Западной Сибири в 1946–1953 гг. по данным ЦСУ
(число умерших детей до 1 года на 1000 родившихся)**

Годы	СССР	РСФСР	Западная Сибирь	
			Городские поселения	Сельская местность
1946	167	124	88	56
1947	190	170	152	104
1948	115	118	124	101
1949	113	119	111	89
1950	104	109	121	104
1951	107	115	111	115
1952	104	97	90	97
1953	92	88	77	85

*Составлено по данным: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза: 1922-1991. М., 1991. С. 71; Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1926-1959 гг. М., 1998. С. 165; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 49-50, 106-107, 150-152, 194-195; Д. 696. Л. 52-53, 110-111, 157-159, 198-199; Д. 758. Л. 18, 40, 58-59, 75; Д. 841. Л. 18, 40, 58-59, 77; Д. 909. Л. 18, 41, 60-61, 77; Д. 962. Л. 18, 41, 60, 61, 77; Д. 1011. Л. 3, 26, 44, 45, 61; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 30. Д. 3360. Л. 4, 8, 11, 13; ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401 А. Л. 10-10 об., 30-30 об.; Д. 7406 А. Л. 8-8 об.; Д. 7412 А. Л. 15 а – 15 а об.; Д. 7429 Л. 91-91 об., 99-99 об.; Д. 7430 Л. 3-3 об., 28-28 об., 70-70 об.; Д. 7448 Л. 39-39 об., 52-52 об., 81-81 об.; Д. 7464 Л. 115-115 об.; Д. 7485. Л. 9, 81, 108; Д. 7500. Л. 3, 137, 150; Д. 7530. Л. 8, 66, 71.

Основной фактор увеличения коэффициента младенческой смертности в 1947 г. – последствия голода. Однако были и другие причины сохранявшихся во второй половине 1940-х гг. высоких показателей смертности среди новорожденных. Детские и медицинские учреждения, относительно успешно справлявшиеся в конце Великой Отечественной войны с проблемой сохранения жизни новорожденных, не смогли столь же эффективно выполнять свои задачи в послевоенных условиях увеличения рождаемости. Возросшая нагрузка на работников здравоохранения, нехватка медикаментов, недостаточное финансирование, стали причинами высоких показателей смертности младенцев. Кроме того, действовал ряд иных социальных причин. Как показали исследования, проводившиеся медицинскими работниками, часто матери обращались за помощью, когда болезнь уже приобретала необратимый характер. Высокая детская смертность наблюдалась у наименее обеспеченных социальных групп, в частности матерей-одиночек. Демографы полагают, что смертность среди внебрачных детей выше. В 1947 г. в Новосибирске смертность детей у одиноких

матерей доходила до 29%¹. Следует отметить, что примерной каждый пятый новорожденный в послевоенные годы на территории Западной Сибири появлялся на свет вне зарегистрированного брака. Оказываемая государством помощь матерям была ограниченной, зачастую оставалась на бумаге и не могла исправить положение. Закон 1947 г. «О размере государственного пособия многодетным и одиноким матерям», уменьшал и без того незначительные размеры государственной помощи таким социально уязвимым группам населения, как многодетные семьи и матери–одиночки. Новосибирский облздрав констатировал: «Воспитание детей для матерей–одиночек представляет значительные трудности. Торгующие организации не обеспечивают своевременное снабжение беременных и кормящих матерей дополнительными продуктами питания. Получаемые матерями дополнительные продукты часто распределяются ими другим членам семьи, а сама мать таким образом не получает необходимого ей питания. В результате, в первые же месяцы грудное молоко мать теряет, а ребёнок переводится на искусственное вскармливание»². Высокую детскую смертность во второй половине 1940–х гг. определяло не только несовершенство медицины, но и тяжёлые бытовые условия существования детей, что особенно остро отражалось на их заболеваемости и смертности в первые годы жизни. Ситуация осложнялась отсутствием необходимых продуктов в детских учреждениях. Заведующий Омским областным отделом здравоохранения отмечал летом 1947 г. возросшую детскую смертность, одна из причин которой заключалась в нехватке диетических продуктов, необходимых для лечения желудочно–кишечных заболеваний. Это послужило причиной закрытия молочных кухонь в отдельных районах области³. Эпидемическая обстановка в послевоенные годы осложнялась тем, что в результате войны и голода произошло ухудшение здоровья населения. Больные матери не могли произвести на свет здоровое потомство. Дети рождались ослабленными, недоношенными, с врождёнными болезнями. Неокрепший организм неспособен эффективно справляться с негативным воздействием внешней среды, поэтому новорожденному ребёнку требуется особенный уход, а в случае заболевания своевременная медицинская помощь. В послевоенные годы возможности медицины в борьбе с детской смертностью были ограниченными, хотя появление новейших препаратов позволило снизить к 1946 г. её уровень в 1,75 раза, по сравнению с 1940 г. [1].

Борьба с высокими показателями смертности в послевоенные годы должна была идти в первую очередь по пути её снижения в детских возрастах, особенно среди новорожденных. И хотя смертность требовалось снижать во всех возрастных группах, основное внимание должно было уделяться детям. В тяжелой послевоенной социально–экономической обстановке невозможно было добиться эффективного снижения младенческой смертности. Тем не менее, как показывают данные ЦСУ, в начале 1950–х гг. уровень смертности постепенно снижался и достиг докризисного уровня в городских поселениях Западной Сибири

Ещё одной группой риска, подверженной высокой смертности, являются мужчины. Это объясняется их большей социальной активностью и, соответственно, негативному воздействию окружающей среды (природной и социальной). В периоды неблагоприятных жизненных условий мужская смертность возрастает по сравнению с женской. Если в 1946 г. в городах Западной Сибири мужчины составляли 55,7% всех умерших, а в сельской местности – 52,5%, то в 1947 г. уже соответственно 56,1% и 53,3%⁴. В деревне доля умерших

¹ Там же. Оп. 11. Д. 375. Л. 232–233.

² Там же.

³ ГИАОО. Ф. 437. Оп. 24. Д. 20. Л. 110.

⁴ Подсчитано по данным: ГА РФ. Ф. А–374. Оп. 11. Д. 461. Л. 1–1 об., 26–26 об., 47–47 об., 67–68 об.; Д. 567. Л. 1–1 об., 22–22 об., 45–45 об., 66–66 об.; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401. Л. 24–24 об.; Д. 7406 А. Л. 15–15 об.; Д. 7412 А. Л. 23–23 об., 83–83 об.; Д. 7429. Л. 83–83 об.

мужчин по сравнению с городом была меньше. Это вызвано половозрастным дисбалансом сельского населения, повлиявшим на структуру смертности.

На примере данных, представленных в таблице 6.12, показано увеличение мужской смертности в 1947 г. и последовавший затем спад, происходивший по мере преодоления демографического кризиса. Мужская смертность доминировала над женской в течение всего изучаемого периода. Годовая величина не полностью отражает увеличение мужской смертности, превышавшей среднестатистические показатели во время летнего пика. В июне 1947 г. в Новосибирске доля умерших мужчин составляла 57,4%, в июле – 55,3%, в августе – 55,4%. В сельской местности области доля умерших мужчин в июне составляла 54,3%, в августе – 54,8%¹. В Кузбассе сложилась аналогичная ситуация. Доля мужчин среди умерших горожан в июне 1947 г. составляла 59,4%, в июле – 59,3%, в августе – 57,8%. В сельской местности в июне мужская смертность находилась на уровне 55,4%, в июле – 57,8%, в августе – 55,5%².

Таблица 6.12*

Доля мужчин и женщин в структуре смертности населения Западной Сибири в 1946–1953 гг. (%)

Годы	Городские поселения		Сельская местность	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1946	55,7	44,3	52,5	47,5
1947	56,1	43,9	53,3	46,7
1948	55,6	44,4	52,9	47,1
1949	54,3	45,7	51,3	48,7
1951	53,4	46,6	51,4	48,6
1953	52,8	47,2	50,6	49,4

Составлено по данным: ГА РФ. Ф. А–374. Оп. 11. Д. 461. Л. 1–1 об., 26–26 об., 47–47 об., 67–68 об.; Д. 567. Л. 1–1 об.; 22–22 об.; 45–45 об.; 66–66 об.; Д. 665. Л. 5–5 об. 21–21 об.; Д. 784. Л. 2–2 об. 10–10 об.; Оп. 14. Д. 1807. Л. 1–1 об.; Д. 1822. Л. 67–67 об.; Д. 1837. Л. 12–12 об., 37–37 об.; Д. 1852. Л. 14–14 об.; Оп. 30. Д. 3360. Л. 207–207 об.; Д. 3365. Л. 161–161 об.; Д. 3368. Л. 47–47 об., 71–71 об.; Д. 3371. Л. 52–52 об.; ГААК. Ф. 718. Оп. 43. Д. 18. Л. 11–11 об.; Д. 20. Л. 21–21 об.; ГАКО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 115. Л. 94–94 об.; Д. 116. Л. 96–96 об.; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401. Л. 24–24 об.; Д. 7406 А. Л. 15–15 об.; Д. 7412 А. Л. 23–23 об.; 83–83 об.; Д. 7429. Л. 3–3 об.; Д. 7430. Л. 42–42 об.; Д. 7448 Л. 10–10 об., 75–75 об.; Д. 7485 Л. 13–13 об., 76–76 об.; Д. 7530. Л. 4–4 об., 63–63 об.; ГАТО. Ф. 1085. Оп. 3. Д. 10. Л. 170–170 об.; Д. 22. Л. 44–44 об.

В послевоенные годы основная часть населения РСФСР умирала от причин экзогенного характера. Данные таблицы 6.13 отображают структуру смертности городских жителей Западной Сибири от отдельных болезней в 1947 г. Как видно из таблицы, больше всего жизней уносил туберкулёз органов дыхания и воспаление легких. Высокий процент смертности наблюдался от желудочно–кишечных заболеваний (дизентерии, токсической диспепсии и гастроэнтероколита). Болезни эндогенного характера (артериосклероз мозга, болезни сердца, органов кровообращения, рак и т. д.) занимали меньшую долю в структуре смертности.

В 1947 г. структура смертности изменилась по сравнению с предыдущим годом. Заметно выросла доля желудочно–кишечных заболеваний и воспаления легких вследствие недоедания и голода. Недостаточное питание или употребление в пищу суррогатов приводят в первую очередь к увеличению респираторных заболеваний, перерастающих в пневмонию, и способствует развитию желудочно–кишечных инфекций. Однако полностью объяснить изменившуюся картину смертности исключительно голодом нельзя. Так как уже после его преодоления доля умерших от данных болезней оставалась на высоком уровне. Основная причина этого – выросшая в компенсаторный период рождаемость и как следствие детская смертность. В 1947 г. в городах Западно–Сибирского края 99% скончавшихся от токсической

¹ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7412 А. Л. 15а об.; Д. 7429. Л. 91 об.

² ГАКО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 114. Л. 16 об., 17 об.

диспепсии были детьми до 4 лет, от дизентерии – 97%, гастроэнтероколита – 82%, воспаления легких – 86%¹. Дети в основном умирали от воспаления лёгких (31,5%) и желудочно–кишечных болезней (29,8%). Только эти две группы заболеваний дали порядка 60% смертей. В послевоенные годы большое количество детей умерло от причин, связанных с ослаблением организма матери (врождённая слабость, преждевременное рождение и т. д.). Физический труд, недоедание, подверженность инфекционным заболеваниям и тяжёлые материально–бытовые условия существования женщин в период Великой Отечественной войны и послевоенных лет, привели к ослаблению их здоровья. Такие матери не могли произвести на свет здоровое потомство, что стало одной из причин повышения детской смертности. Можно сделать вывод о том, что структура смертности в 1947 г. должна была измениться независимо от влияния голода. Это произошло по причине возросшей детской смертности, объяснить которую, как показано выше, исключительно последствиями голода нельзя.

Таблица 6.13*

Структура смертности городского населения Западной Сибири по причинам смерти в 1946–1953 гг. (%)

Причины смерти:	1946	1947	1948	1949	1951	1953
Корь	1,2	1,8	1,2	1,2	1,9	1,4
Токсическая диспепсия	3,3	6,2	3,2	3,6	5,1	3,4
Острый гастроэнтероколит	1,6	2,0	1,4	1,2	1,5	1,1
Дизентерия	1,5	3,9	4,5	5,5	6,4	3,1
Дифтерия	0,9	0,8	0,8	0,8	0,8	0,9
Все виды туберкулеза	19,9	18,2	20,5	17,8	13,2	10,1
Воспаление легких (в т.ч. крупозное)	10,9	15,5	14,8	14,7	15,1	12,7
Все виды рака	5,5	4,0	4,8	6,4	7,7	10,6
Грудная жаба, болезни венечных артерий и прочие болезни сердца	12,3	11,4	11,0	9,1	13,9	18,8
Атерioskлероз мозга, кровоизлияние в мозг	1,8	1,3	1,7	2,4	2,3	3,3
Врожденные пороки развития, преждевременное рождение, врожденная слабость и болезни новорожденных	4,1	2,9	2,9	4,1	4,3	4,7
Итого от перечисленных причин	63,0	68,0	66,8	66,8	72,2	70,1
Другие причины и без классификации	37,0	32,0	33,2	33,2	27,8	29,9
Всего умерших	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Составлено по данным: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 665. Л. 7-8 об., 23-24 об.; Ф. 374. Оп. 11. Д. 784. Л. 3-4 об., 11-12 об.; Оп. 30. Д. 6856. Л. 1, 3, 5, 11, 17, 19, 31, 37, 51, 55; ГААК. Ф. 718. Оп. 43. Д. 18. Л. 40-41 об.; Д. 20. Л. 48-49 об.; ГАКО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 115. Л. 119-120 об.; Д. 116. Л. 115-116 об.; ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7429. Л. 21-22 об.; Д. 7430. Л. 22-22 об.; Д. 7448. Л. 20-21 об., 58-59 об.; ГАТО. Ф. 1085. Оп. 3. Д. 10. Л. 143-144 об.; Д. 22. Л. 34-35 об.

Эпидемическая картина и структура смертности в различных областях страны имела свои особенности. По сравнению с городами других регионов, в Западной Сибири удельный вес умерших от таких болезней, свидетельствующих о голоде, как туберкулёз, воспаление лёгких, дизентерия, был ниже. В Москве и Ленинграде в 1947 г. смертность от туберкулёза лёгких была выше, чем в Западной Сибири (19,5 и 17,2%) [10. С. 242–243]. В Калининне в 1947 г. от этой болезни скончалось 27,1% всех умерших, в Новгороде – 29,0%. В Сибири в отношении туберкулёза неблагоприятным являлся Омск, где от данной болезни в 1947 г. погибло 24,8% умерших. Похожая ситуация была и с другими болезнями. Если в городах

¹ Подсчитано по данным: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 569. Л. 3-4 об.; Д. 570. Л. 7-8 об.; Д. 571. Л. 9-10 об., 11-12 об.; Д. 572. Л. 5-5 об., 8-8 об.; 6-7 об.; ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7412. Л. 40-41 об.; Д. 7429. Л. 116-117 об.

Западной Сибири воспаление лёгких составляло 15,4% смертей, то в Ленинграде – 24,5%, в Казани – 27,0%, в Горьком – 28,5%, в Вологде – 31,6%. В этот же год в Магнитогорске от дизентерии скончалось 12,2% всех умерших, в Калининне – 14,0%, в Вологде – 30,4% [10. С. 242–243].

В городах Западной Сибири сохранялась более благоприятная обстановка, чем во многих регионах страны. Тем не менее, в 1947 г. произошел рост смертности от всех видов болезней. Её пик, пришедшийся на лето 1947 г., объясняется увеличением числа умерших от желудочно–кишечных заболеваний. Если зимой при заболевании дизентерией, гастроэнтероколитом, токсической диспепсией летальных исходов было не так уж и много, то летом они становились основной причиной увеличения смертности. Рост смертности от дизентерии (в абсолютных данных) в городах Западной Сибири в 1947 г. по сравнению с 1946 г. составлял 289%, от токсической диспепсии – 175%, от острого гастроэнтероколита – 78%. Особенно большой рост смертности от дизентерии наблюдался в городах Кузбасса – 591% (в том числе в Кемерово – 747%) и Алтайского края – 551%. Для зимнего периода было характерно увеличение числа умерших от воспаления лёгких. В 1947 г. по отношению к 1946 г. смертность от этой болезни увеличилась на 109%. Если пневмония в основном проявляла себя зимой, а желудочно–кишечные заболевания летом, то туберкулёз поражал в любое время года. Число умерших от него выросло на 35%. Вместе с преодолением последствий голода к 1949 г. абсолютная численность умерших от практически всех вышеперечисленных болезней заметно снизилась, а от туберкулеза, и гастроэнтероколита достигла докризисного уровня.

К 1953 г. структура смертности несколько изменилась. Это связано не только с преодолением последствий голода, но и с улучшением социально–экономической обстановки, развитием сети медицинских учреждений и т.д. Наиболее заметные сдвиги произошли в борьбе с туберкулезом, доля умерших от которого уменьшилась с 19,9% в 1946 г. до 10,1% в 1953 г. Положительной можно считать тенденцию роста смертности от причин эндогенного характера, в первую очередь сердечно–сосудистых заболеваний и рака, так как от них умирают, как правило, представители старших возрастов. Таким образом, к 1953 г. выживаемость детей и людей средних возрастов по сравнению с периодом послевоенного кризиса увеличилась, что отразилось на изменении причин смертности населения Западной Сибири.

Говоря о структурных характеристиках смертности необходимо отметить, что больше всего изменился её возрастной состав, отображенный в таблицах 6.14 и 6.15. Увеличение численности мужчин в Западной Сибири в результате демобилизации армии и рост рождаемости в компенсаторный период, привели к изменению возрастного состава умерших. В 1947 г. заметно увеличилась доля детей до 4–х лет в структуре смертности как городского, так и сельского населения. Она оставалась высокой даже после преодоления голода 1946–1947 гг. И только к 1953 г. в городах региона детская возрастная группа в структуре смертности достигла уровня 1946 г., что объясняется уменьшившейся рождаемостью и увеличением выживаемости детей.

Таблица 7.14*

Возрастной состав умерших в городских поселениях Западной Сибири в 1946–1953 гг. по данным ЦСУ СССР (%)

Возраст (лет)	1946	1947	1948	1949	1951	1953
моложе 1 года	22,0	29,6	25,0	30,4	31,9	24,2
0–4	31,2	42,5	40,1	41,7	44,2	33,5
5–9	3,8	2,8	2,1	1,6	1,1	1,5
10–14	1,8	1,4	1,7	1,7	1,5	1,1
15–19	3,8	2,9	3,2	2,6	2,2	2,3
20–24	4,9	4,2	5,3	5,0	4,6	4,1
25–29	3,7	3,1	3,5	3,3	3,3	4,2
30–34	5,2	3,9	3,4	3,1	2,6	2,7

35–39	5,3	4,1	4,1	4,1	3,1	2,9
40–44	5,1	4,2	4,2	4,0	3,5	4,1
45–49	4,9	3,8	3,7	3,8	3,6	4,2
50–54	4,6	4,1	3,8	3,9	3,8	4,3
55–59	4,8	3,9	3,9	3,9	3,9	4,8
60–64	4,8	4,4	4,7	4,3	4,5	5,5
65–69	4,6	3,7	4,3	4,2	4,5	5,9
70–74	4,3	3,8	4,1	4,5	4,6	6,1
75–79	3,1	2,9	3,4	3,9	3,7	5,4
>80	4,1	4,3	4,5	4,4	5,3	7,4
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Составлено по данным: см. источники к таблице 6.12

В сельской местности по данным ЦСУ изменений практически не произошло. Однако сведения статистических органов следует подвергнуть критике. Недоучет умерших в первые послевоенные годы наиболее сильным был в детских возрастах, особенно среди новорожденных. К 1953 г. качество учета улучшилось. Поэтому данные ЦСУ показывают высокую долю детей в структуре смертности сельского населения. Тенденция изменения состава умерших в западносибирской деревне, по всей видимости, соответствовала происходившим в городах процессам. Кроме уменьшения процента умерших детей к 1953 г. в возрастной структуре смертности региона увеличилась доля старших групп за счет уменьшения средних возрастов. Это связано с ростом сердечно-сосудистых заболеваний и рака в структуре смертности населения.

Таблица 6.15*

Возрастной состав умерших в сельской местности Западной Сибири в 1946–1953 гг. по данным ЦСУ СССР (%)

Возраст (лет)	1946	1947	1948	1949	1951	1953
моложе 1	16,8	27,2	26,5	26,9	30,6	25,0
0-4	25,6	39,1	39,7	39,0	46,3	36,7
5-9	5,9	4,9	3,1	2,5	1,8	2,1
10-14	2,8	2,5	2,5	2,5	2,2	1,6
15-19	4,0	3,1	3,2	2,9	2,3	2,5
20-24	3,7	3,2	4,0	4,1	3,3	2,9
25-29	2,6	2,1	2,6	2,7	2,6	3,2
30-34	3,3	2,5	2,6	2,3	1,9	2,0
35-39	3,9	3,1	3,2	3,3	2,4	2,2
40-44	4,1	3,5	3,5	3,4	2,8	2,9
45-49	3,9	3,3	3,4	3,5	2,9	3,3
50-54	4,1	3,2	3,3	3,1	2,9	3,3
55-59	4,7	3,8	3,5	3,7	3,4	3,9
60-64	5,2	4,3	4,6	4,5	4,0	4,7
65-69	6,0	4,7	4,7	5,1	4,5	5,9
70-74	6,0	5,0	4,9	5,2	4,8	6,2
75-79	5,2	4,5	4,5	5,1	4,6	5,8
>80	9,0	7,2	6,7	7,1	7,3	10,8
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Составлено по данным: см. источники к таблице 6.12

В послевоенные годы происходившие в сфере рождаемости процессы носили компенсаторный характер. Это выразилось в заметном увеличении численности появившихся на свет детей, в сравнении с первой половиной 1940-х гг. Послевоенная

компенсация стала возможной благодаря реализации отложенных в годы войны рождений: семьи старались не заводить новых детей по причине резкого снижения материально-бытового уровня жизни. Установление мира послужило толчком для снятия ограничения рождаемости, хотя заметного улучшения условий существования не произошло. Кроме того, многие семьи оказались «разорваны» по причине ухода мужчин в армию. Их возвращение являлось одной из основных причин роста рождаемости. Демобилизации подлежала молодежь, зачастую еще не успевшая обзавестись семьей. Поэтому в компенсаторный период происходило увеличение брачности. Кроме того имели место факторы, напрямую не относящиеся к демографическим процессам. Эйфория от Победы, общий эмоциональный подъем, происходивший в обществе, и стремление к новой лучшей жизни, были еще одной причиной роста рождаемости.

Данные таблицы 6.16 отображают динамику движения коэффициента рождаемости в Западной Сибири. В целом она не отличается от общесоюзной. Более высокий уровень показателей объясняется меньшими демографическими потерями тыловых районов страны. Так, в 1946 г. в Курской области коэффициент рождаемости составлял 20,2‰, в Орловской – 15,2‰, в Сталинградской – 15,8‰ [11. С. 48]. Уровень рождаемости в сельской местности Западной Сибири был выше, чем в городах. Однако, как показывают современные исследования, в городских поселениях РСФСР компенсаторный рост был выражен сильнее, чем в деревне, по причине меньших демографических потерь и миграции молодёжи в промышленные центры [12. С. 540]. В целом по СССР рождаемость в сельской местности превышала городские показатели за счёт республик Кавказа и Средней Азии. В Западной Сибири наблюдалась аналогичная ситуация. Западносибирская деревня не так сильно пострадала от войны, как европейская часть страны.

Таблица 6.16*

Динамика рождаемости населения СССР, РСФСР и Западной Сибири (число родившихся на 1000 человек населения)

Годы	СССР	РСФСР	Западная Сибирь	
			Городские поселения	Сельская местность
1946	28,5	26,0	27,7	25,7
1947	29,6	27,5	30,2	32,0
1948	26,4	25,2	26,5	31,6
1949	31,0	30,5	30,7	35,4
1950	28,8	27,8	29,6	35,3
1951	29,1	28,1	29,8	35,8
1952	28,3	27,6	28,4	33,8
1953	26,4	26,2	26,1	32,6

*Составлено по данным: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза: 1922-1991. М., 1991. С. 71; Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Демографическая история России: 1926-1959 гг. М., 1998. С. 165; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 49-50, 106-107, 150-152, 194-195; Д. 696. Л. 52-53, 110-111, 157-159, 198-199; Д. 758. Л. 18, 40, 58-59, 75; Д. 841. Л. 18, 40, 58-59, 77; Д. 909. Л. 18, 41, 60-61, 77; Д. 962. Л. 18, 41, 60, 61, 77; Д. 1011. Л. 3, 26, 44, 45, 61; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 30. Д. 3360. Л. 4, 8, 11, 13; ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401 А. Л. 10, 30; Д. 7406 А. Л. 8; Д. 7412 А. Л. 15 а; Д. 7429 Л. 91, 99; Д. 7430 Л. 28, 3, 70 об; Д. 7448 Л. 39 об, 52 об, 81; Д. 7464 Л. 45, 89, 115; Д. 7485. Л. 9, 81, 108; Д. 7500. Л. 3, 137, 150; Д. 7530. Л. 8, 66, 71.

Значительное влияние на динамику рождаемости оказал голод 1946–1947 гг. Уже в 1947 г. он привёл к сокращению её уровня в ряде регионов страны. В большинстве областей РСФСР рождаемость уменьшилась на 3–6‰ (в Горьковской области – 5,7‰, в Кировской – 6,1‰, в Ивановской – 5,2‰, в Брянской – 5,1‰) [11. С. 48]. Тем не менее, как показывают данные таблицы 6.16, в Западной Сибири рождаемость была выше уровня 1946 г. по причине того что здесь голод не проявил себя столь сильно, как в других регионах. В 1948 г. снижение рождаемости наблюдалось уже повсеместно. В Западной Сибири, хотя общие показатели были выше 1946 г., в городских поселениях региона они оказались ниже.

Ситуация изменилась в 1949 г., когда повышение рождаемости охватило все районы страны, достигнув максимального значения за послевоенные годы. К этому времени завершилась демобилизация армии. Кроме того, в 1949 г. были реализованы рождения, отложенные во время голода. В начале 1950-х гг. численность новорожденных сократилась, что связано с угасанием компенсаторной волны. Её снижение происходило плавно, особенно в сельской местности, что связано с вступлением в брачные возраста поколения молодежи, рожденной после 1927 г., напрямую не затронутого войной.

Компенсаторный рост рождаемости характерен для стран участвовавших во Второй мировой войне. Особенностью СССР было то что, несмотря на увеличение рождаемости во второй половине 1940-х гг., она не достигла довоенных показателей. В 1939 г. в СССР на 1000 человек населения на свет появилось 40 младенцев [2. С. 120], в РСФСР – 39,8 [1. С. 164]. В Сибири (в том числе и Восточной) рождаемость в городах составляла 41,8‰, в сельской местности 42,7‰ [13. С. 152]. Сравнивая эти данные с представленными в таблице 6.16 становится ясно насколько сильно демографические потери периода войны и половозрастной дисбаланс населения отразились на рождаемости в послевоенные годы.

Западносибирский регион занимает обширную площадь. Отдельные его области имеют социально-экономическую специфику, оказывающую влияние на развитие демографической сферы. Данные таблицы 6.17 отображают динамику рождаемости в областях Западной Сибири.

Таблица 6.17*

Рождаемость населения территорий Западной Сибири в 1946-1953 гг. (число родившихся на 1000 человек населения).

Городские поселения					
Годы	Алтайский край	Кемеровская обл.	Новосибирская обл.	Омская обл.	Томская обл.
1946	23,6	30,0	28,4	26,8	23,5
1947	29,4	33,3	28,5	28,6	26,2
1948	25,7	30,3	25,3	21,7	23,4
1949	25,4	37,1	29,8	24,9	25,9
1950	25,0	36,5	27,5	23,5	24,1
1951	25,5	34,9	28,8	25,9	23,8
1952	22,7	35,2	26,9	26,1	22,5
1953	21,8	30,4	25,9	21,8	21,1
Сельская местность					
Годы	Алтайский край	Кемеровская обл.	Новосибирская обл.	Омская обл.	Томская обл.
1946	24,6	26,6	27,6	26,8	21,1
1947	32,0	31,0	32,0	34,5	27,7
1948	34,0	32,0	30,2	29,3	32,2
1949	34,0	39,3	35,5	35,0	35,0
1950	35,6	39,2	35,8	32,2	33,9
1951	36,1	37,3	34,9	36,3	33,3
1952	31,8	36,5	33,4	36,7	31,8
1953	32,9	33,8	32,8	31,2	32,1

*Составлено по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 49-50, 106-107, 150-152, 194-195; Д. 696. Л. 52-53, 110-111, 157-159, 198-199; Д. 758. Л. 18, 40, 58-59, 75; Д. 841. Л. 18, 40, 58-59, 77; Д. 909. Л. 18, 41, 60-61, 77; Д. 962. Л. 18, 41, 60, 61, 77; Д. 1011. Л. 3, 26, 44, 45, 61; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 30. Д. 3360. Л. 4, 8, 11, 13; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401 А. Л. 10, 30; Д. 7406 А. Л. 8; Д. 7412 А. Л. 15 а; Д. 7429 Л. 91, 99; Д. 7430 Л. 28, 3, 70 об; Д. 7448 Л. 39 об, 52 об, 81; Д. 7464 Л. 45, 89, 115; Д. 7485. Л. 9, 81, 108; Д. 7500. Л. 3, 137, 150; Д. 7530. Л. 8, 66, 71.

Показатели рождаемости в Новосибирской и Кемеровской областях превышали её уровень в других частях региона. С течением времени разрыв в рождаемости увеличивался, особенно в Кемеровской области. В 1949–1953 гг. в городах Кузбасса её коэффициент был на

10% больше, чем в Омской и Томской областях или же в Алтайском крае. В Кузбассе преобладали малые города, для которых характерен высокий уровень рождаемости, чем в крупных, что связано с сохранением репродуктивных установок сельских жителей. Но основная причина заключалась в высокой доли мужской части в составе населения данной области и в значительном притоке мигрантов, преимущественно молодых мужчин. Сравнение уровня рождаемости в Кемеровской и других областях Западной Сибири наглядно демонстрирует, насколько сильно повлияла мужская сверхсмертность периода Великой Отечественной войны на демографические процессы второй половины 1940–х гг. В Кузбассе показатели рождаемости были близки к тем, что существовали в довоенные годы, за счёт более высокой доли мужского населения.

Повышению показателей рождаемости предшествовало увеличение брачности. Возвращение из армии солдат и офицеров привело не только к воссоединению семей, но и созданию новых – многие призванные в годы войны были молодыми людьми, не успевшими вступить в брак. Как показывают данные таблицы 6.18, в городских поселениях Западной Сибири после роста в 1946 г. брачность начала постепенно снижаться, однако в начале 1950–х гг. несколько увеличилась, что связано с вхождением в брачный возраст поколения молодых людей, появившегося на свет после 1927 г., напрямую не затронутого войной. В сельской местности рост брачности происходил более плавно и его пик пришелся на 1947 г., после чего последовал спад, вновь сменившийся ростом в начале 1950–х гг. В городах коэффициент брачности был заметно выше, чем в деревне. Это связано с меньшим половозрастным дисбалансом городского населения. Этим же объясняются большие показатели брачности в крупных индустриальных центрах региона – в Кемеровской и Новосибирской областях. Обращает на себя внимание высокий уровень брачности жителей Кузбасса вследствие большей доли мужчин в составе жителей в сравнении с другими регионами. При рассмотрении таблицы 6.18 необходимо учитывать, что в ней отображены только юридически оформленные браки. В послевоенные годы широкое распространение получил фактический брак. Тем не менее, данные таблицы в целом правильно воссоздают динамику движения уровня брачности – её подъем в 1946–1947 гг., последовавший затем спад, сменившийся незначительным ростом в начале 1950–х гг.

Таблица 6.18*

Брачность населения Западной Сибири в 1946-1953 гг. (число заключённых браков на 1000 человек населения)

Городские поселения						
Годы	Алтайский край	Кемеровская обл.	Новосибирская обл.	Омская обл.	Томская обл.	Всего в городских поселениях
1946	15,4	16,2	19,4	19,4	14,6	17,2
1947	13,4	16,2	14,2	14,4	12,5	14,7
1948	11,8	13,2	13,5	12,2	11,5	12,7
1949	11,2	16,0	14,0	12,4	10,3	13,7
1950	11,5	16,6	14,3	12,3	10,2	14,1
1951	12,6	16,5	15,3	13,3	11,1	14,7
1952	11,5	13,8	13,2	12,3	10,3	12,8
1953	12,7	13,5	14,6	12,7	13,2	13,5
Сельская местность						
Годы	Алтайский край	Кемеровская обл.	Новосибирская обл.	Омская обл.	Томская обл.	Всего в сельской местности
1946	9,9	11,3	10,4	10,3	7,3	10,1
1947	11,9	11,6	11,3	10,9	9,3	11,3
1948	11,6	11,8	10,3	9,0	8,4	10,5
1949	10,7	14,0	11,2	8,1	7,3	10,4

1950	10,9	15,3	10,9	8,6	7,4	10,7
1951	11,0	15,7	11,8	10,6	7,6	11,5
1952	10,3	13,7	10,7	11,2	8,3	10,9
1953	11,3	13,1	11,0	9,8	9,1	11,0

*Составлено по данным: см. источники к таблице 6.17

Динамика движения показателей рождаемости и брачности в послевоенные годы объясняется не только деформацией структуры населения, но и изменением его репродуктивного поведения. Значительное влияние на него оказало советское законодательство, пытавшееся регулировать брачно–семейные отношения. Во время Великой Отечественной войны произошла дестабилизация брачного рынка, сохранявшаяся в послевоенные годы. Массовая гибель мужчин на фронте привела к овдовению женщин и переизбытку потенциальных невест на брачном рынке. Это стало причиной перераспределения брачных партнеров и ослабления семейных уз. Власти пытались укрепить брак. С этой целью 8 июля 1944 г. был принят указ Президиума Верховного совета СССР, усложнявший бракоразводный процесс, превращавшийся из внутрисемейного дела в общественное: объявление о нем печаталось в местной газете, само расторжение происходило в суде, длительное время изучавшем дело и не всегда удовлетворявшем стороны. Кроме того, отныне государство признавало только юридически оформленные браки. До этого момента, если мужчина и женщина вели общее домовое хозяйство, они официально считались мужем и женой, даже без регистрации их отношений в органах загса. Если же такая семья распалась, то при наличии детей, мужчина обязывался выплачивать алименты в судебном порядке. Его бывшей жене требовалось только доказать факт ведения совместного домохозяйства. После вступления в силу указа от 8 июля 1944 г. мужчины не отвечали за детей, появившихся вне юридически оформленного брака. Женщины теперь не могли рассчитывать на поддержку государства или бывших супругов. По всей видимости, по мнению законодателя, новый указ должен был повлиять на моральный облик советских граждан, уменьшить количество разводов, укрепить брачно–семейные узы. Это достигалось путем усиления контроля над брачным поведением советских граждан и огосударствления семьи при помощи реставрации отживших, архаичных методов регулирования. На деле же принятие указа от 8 июля 1944 г. привело к противоположному эффекту – ослаблению семейных уз. Во второй половине 1940–х гг. произошло увеличение фактически расторгнутых браков, без юридического оформления разводов, рост внебрачного сожительства (ранее приравнивавшегося государством к официально зарегистрированному) и повышение уровня внебрачной рождаемости.

В РСФСР после войны внебрачная рождаемость составляла около 25% всех рождений [14. С. 45]. В СССР в 1946 г. она достигла 18,7%; в 1947 г. – 16,8%; в 1948 г. – 15,9% и опустилась к 1953 г. до 16,3% [15. С. 698]. В целом по СССР внебрачная рождаемость была ниже, чем в Западной Сибири и в РСФСР, за счёт сохранения устойчивости семьи на территориях, не понёвших значительные демографические потери (в первую очередь Средняя Азия). Доля внебрачной рождаемости в различные годы достигала от 20% до 30% в городах и от 17% до 30% в сельской местности Алтайского края, Кемеровской и Новосибирской областей (таблица 6.19). К 1953 г. её уровень несколько сократился. Это произошло по причине достижения брачного возраста молодежи, рожденной в начале 1930–х гг., среди которой не наблюдалось ярко выраженного половозрастного дисбаланса. Девушки этих годов рождения могли найти брачных партнеров среди своих сверстников.

Таблица 6.19*

Удельный вес внебрачной рождаемости в Алтайском крае, Кемеровской и Новосибирской областях (%)

Название края или области	1946	1948	1949	1950	1953
Городские поселения Алтайского края	30	25	25	26	19

Сельская местность Алтайского края	23	27	30	29	26
Городские поселения Кемеровской обл.	23	22	25	23	18
Сельская местность Кемеровской обл.	22	21	21	24	19
Городские поселения Новосибирской обл.	29	20	22	23	17
Сельская местность Новосибирской обл.	17	21	24	26	23

* Составлено по данным: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 30. Д. 3361. Л. 2 об., 3 об., 68 об., 69 об. ГААК. Ф. 718. Оп. 43. Д. 14. Л. 38 об, 39 об.; Д. 18. Л. 10. об., 53 об.; Д. 20. Л. 31 об., 54 об.; Д. 24. Л. 40 об., 62 об. ГАКО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 52. Л. 204 об., 208 об.; Д. 114. Л. 34 об., 38 об.; Д. 115. Л. 89 об., 90 об.; Д. 116. Л. 91 об., 92 об.; Д. 117. Л. 72 об., 73 об. ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401 А. Л. 14 об., 35 об.; Д. 7406 А. Л. 13 об.; Д. 7412 А. Л. 19 об.; Д. 7429. Л. 93 об., 100 об.; Д. 7429. Л. 1 об.; Д. 7430. Л. 6 об., 31 об.; Д. 7448. Л. 37 об., 49 об., 77 об.; Д. 7464. Л. 52 об., 92 об., 118 об.; Д. 7530. Л. 68 об., 77 об., 106 об.

Традиционные семейные установки, согласно которым только зарегистрированный брак носил нравственный характер, сохранялись в обществе. Однако сложная ситуация на брачном рынке повлияла на их ослабление. В послевоенных условиях дестабилизации брачного рынка и половозрастного дисбаланса населения, связь между брачностью и рождаемостью, характерная для традиционных обществ, утратила былую силу. Теперь рождение ребёнка не обязательно происходило после юридического оформления брака его родителей. Рост внебрачной рождаемости стал результатом распространения распавшихся брачных союзов и кратковременных связей. Кроме того, часть рождений, отнесённых к внебрачным советскими статистиками, происходила в фактически сложившихся семьях, не зарегистрированных в загсах. Это было характерно как для городского, так и сельского населения, где при низких показателях брачности наблюдалась высокая рождаемость, что нельзя объяснить только репродуктивной установкой сельских жителей на многодетные семьи. Данные изменения носили не эволюционный характер, а были вызваны демографической катастрофой первой половины 1940–х гг. и высокими военными потерями.

Еще одним следствием принятия указа от 8 июля 1944 г. стал рост числа фактически расторгнутых браков. К сожалению, статистика ЦСУ СССР не позволяет проследить динамику разводов, так как регистрировалась лишь незначительная их часть, юридически оформленная. Несмотря на препятствия со стороны государства, число юридически оформленных разводов росло. Люди не хотели мириться с неофициальным статусом сожительства, что неминуемо вело к противодействию государственной политике. Это подтверждают данные таблицы 6.20. В 1946–1953 гг. наблюдалось семикратное увеличение числа зарегистрированных разводов на территории Западной Сибири (с 364 случаев в 1946 г. до 2783 в 1953 г.). В больших городах разводы регистрировались чаще. В Новосибирской области в 1946 г. из 167 юридически заверенных в городских загсах разводов 159 приходилось на Новосибирск. В 1953 г. из 695 разводов 517 также оформлено в Новосибирске¹. В последующие годы, несмотря на ограничительные меры со стороны властей, численность юридически заверенных разводов только увеличивалась. Государственные меры по укреплению семьи в условиях послевоенной дестабилизации брачного рынка не могли сдержать роста числа разводов. Как показывают данные таблицы 6.20, динамика увеличения разводов прослеживалась на территории всего СССР, где в 1946 г. было зарегистрировано 8,2 развода на 1000 браков, а в 1953 г. – 47,4. В Западной Сибири уровень разводимости был значительно ниже (он увеличился с 3,5‰ в 1946 г. до 25,1‰ в 1953 г.). Несмотря на последующий рост уровня разводимости в Сибири, в 1950–е гг. её показатели всё равно оставались ниже, чем в СССР. Это можно объяснить различными причинами, как более крепкими брачно–семейными отношениям, так и ростом числа незарегистрированных браков. Второй вариант более вероятен, так как в Сибири не было видимых предпосылок для повышения устойчивости брака.

*Таблица 6.20**

¹ Подсчитано по данным: ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401 А. Л. 31 об.; Д. 7406 А. Л. 8 об.; Д. 7464. Л. 45 об., 89 об.

Динамика разводов населения СССР и Западной Сибири в 1946–1953 гг. (число разводов на 1000 браков)

Год	СССР	Западная Сибирь
1946	8,2	3,5
1947	15,4	4,3
1948	21,3	6,1
1949	27,7	9,4
1950	32,4	13,8
1951	36,1	15,4
1952	44,5	20,6
1953	47,4	25,1

* Составлено по данным: Советская жизнь. 1945-1953.: Сборник документов. М.: РОССПЭН, 2003. С. 695–697; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 49, 50, 106, 107, 150-152, 194, 195; Д. 696. Л. 52, 53, 110, 111, 157-159, 198, 199; Д. 758. Л. 18, 40, 58-59, 75; Д. 841. Л. 18, 40, 58-59, 77; Д. 909. Л. 18, 41, 60-61, 77; Д. 962. Л. 18, 41, 60, 61, 77; Д. 1011. Л. 3, 26, 44, 45, 61; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 30. Д. 3360. Л. 4, 8, 11, 13; ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401 А. Л. 10 об., 30 об.; Д. 7406 А. Л. 8 об.; Д. 7412 А. Л. 15 а об.; Д. 7429 Л. 91 об., 99 об.; Д. 7430 Л. 3 об., 28 об., 70 об. Д. 7448 Л. 39 об., 52 об., 81 об. Д. 7464 Л. 45 об., 89 об., 115 об.; Д. 7485. Л. 9, 81, 108; Д. 7500. Л. 3, 137, 150; Д. 7530. Л. 8, 66, 71.

Как правило, рождение ребёнка происходит в семье, даже если брак родителей юридически не оформлен. Поэтому разводы приводят к потерям в рождаемости. Это характерно для «стабильных» обществ, не испытывающих кризисных явлений. В послевоенные годы разводы, наоборот, стимулировали рождаемость за счёт вступления мужчин в повторные браки и появления в них новых детей. Это позволяло женщинам, которые по причине половозрастного дисбаланса могли остаться без женихов, создать семью и родить детей. С другой стороны, такая ситуация приводила к тому, что разведённая женщина оставалась без мужа и её репродуктивный потенциал полностью не использовался. Но в условиях перехода к современному типу воспроизводства населения, использование этого потенциала всё равно ограничивалось. Демографы отмечают, что в условиях перехода к малой семье, состоящей из 1–2 детей, влияние показателей разводимости на рождаемость снижается. Поэтому, если у разведённой женщины уже был ребёнок, то дефицит рождаемости в результате распада семьи не был столь ощутимым, как в обществе с традиционными репродуктивными установками.

Динамика естественного прироста населения отражает эффективность его воспроизводства и зависит от тех же факторов, что рождаемость и смертность. Большой уровень естественного прироста в Западной Сибири в сравнении с показателями по стране (таблица 6.21), можно объясняется тем, что здесь голод 1946–1947 гг. значительно не проявился. Кроме того, на освобождённых от оккупации территориях СССР рождаемость была ниже, чем в тыловых районах. В то же время это может быть следствием различных методик подсчета коэффициента естественного роста населения. Хотя в целом эти методы верно отражают его динамику и позволяют сделать ряд теоретических выводов.

В СССР и РСФСР после увеличения показателей естественного прироста населения в 1946 г., последовал спад в 1947 г., явившийся следствием повышения смертности и снижения рождаемости. Тем не менее, в Западной Сибири рождаемость в 1947 г. оказалась выше уровня предыдущего года, а смертность, хотя и увеличилась, не привела к демографической катастрофе. Поэтому в Западной Сибири в период голода показатели естественного прироста населения не уменьшались. Между тем в отдельных регионах СССР ситуация была критической.

Таблица 6.21

Динамика естественного прироста населения СССР, РСФСР и Западной Сибири (на 1000 человек населения)

Годы	СССР	РСФСР	Западная Сибирь
------	------	-------	-----------------

			Городские поселения	Сельская местность
1946	12,7	13,6	16,4	16,1
1947	9,3	10,5	14,6	19,1
1948	12,9	12,1	13,3	19,4
1949	18,4	18,8	19,5	24,0
1950	17,2	16,3	18,5	23,0
1951	17,5	16,5	19,2	22,5
1952	16,9	16,9	18,9	21,4
1953	15,4	15,8	17,8	21,5

*Составлено по данным: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза: 1922-1991. М., 1991. С. 71. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1926-1959 гг. М., 1998. С. 165; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 49, 50, 106, 107, 150-152, 195; 194. Д. 696. Л. 52, 53, 110, 111, 157-159, 198, 199; Д. 758. Л. 18, 40, 58-59, 75; Д. 841. Л. 18, 40, 58-59, 77; Д. 909. Л. 18, 41, 60-61, 77; Д. 962. Л. 18, 41, 60, 61, 77; Д. 1011. Л. 3, 26, 44, 45, 61; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 30. Д. 3360. Л. 4, 8, 11, 13; ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401 А. Л. 10-10 об., 30-30 об.; Д. 7406 А. Л. 8-8 об.; Д. 7412 А. Л. 15а-15 а об.; Д. 7429 Л. 91-91 об., 99-99 об.; Д. 7430 Л. 3-3 об., 28-28 об., 70-70 об.; Д. 7448 Л. 39-39 об., 52-52 об., 81-81 об.; Д. 7464 Л. 45-45 об., 89-89 об., 115-115 об.; Д. 7485. Л. 9, 81, 108; Д. 7500. Л. 3, 137, 150; Д. 7530. Л. 8, 66, 71 об.

Снижение коэффициента естественного прироста в Западной Сибири наступило в 1948 г. в результате падения рождаемости в городских поселениях, в то время как в целом по стране наблюдалось его увеличение. В Томске летом 1948 г. естественный прирост был близок к нулевой отметке, а в июле этого года по данным ЦСУ число умерших превысило число родившихся¹. В сельской же местности по не точным данным ЦСУ колебания показателей рождаемости находилось в естественных пределах, поэтому здесь наблюдалось увеличение уровня естественного прироста в сравнении с 1947 г. С другой стороны, это могло быть следствием улучшения качества регистрации родившихся.

В СССР уменьшение эффективности воспроизводства населения в первую очередь воздействовал рост смертности в 1947 г., в то время как в Западной Сибири причиной этого оказалась низкая рождаемость в городских поселениях в 1948 г. После преодоления кризиса в 1949 г. показатели естественного прироста достигли максимума, после чего последовал их спад. Тем не менее, уровень естественного прироста в начале 1950-х гг. был выше, чем во время демографического кризиса 1946–1948 гг. В это время происходило снижение показателей рождаемости и смертности, однако по причине того что смертность снижалась быстрее рождаемости, уровень естественного прироста был выше, чем в первые послевоенные годы. Данная тенденция была характерна как для Западной Сибири, так и всего СССР в целом в 1950-е гг.

Таким образом, в послевоенный период в развитии населения можно выделить три основных этапа. Первый этап, характеризующийся низкими показателями рождаемости и смертности, продолжался до конца 1946 г. Он определялся демографическими процессами периода Великой Отечественной войны. Демобилизация армии еще не завершилась и доля мужчин в структуре населения была меньшей, чем в последующие годы. Поэтому рождаемость оставалась на невысоком уровне. Смертность также была низкой, что было характерно для тыловых районов страны в последние годы войны. Второй этап начался в конце 1946 г. и завершился к 1949 г. Это стало временем демографического кризиса, вызванного рядом социальных факторов. В первую очередь – голодом 1946–1947 гг. В Западной Сибири он проявился в меньшей степени, чем в европейских областях Советского Союза, и был в основном преодолен летом 1947 г. Однако в силу инертности демографических процессов его последствия сохранялись некоторое время. Так, произошедшее в 1948 г. снижение рождаемости, оказалось вызвано уменьшением числа зачатий в период голода. Смертность увеличилась не только по причине голода.

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 907. Л. 110.

Медицинские организации, сдерживавшие рост смертности в годы войны, оказались не подготовлены к компенсаторному росту рождаемости, вызванному притоком мужчин в регион вследствие демобилизации. Низкую смертность в детских возрастах не удалось сдержать на прежнем уровне в условиях роста рождаемости. Для третьего этапа (1949–1953 гг.) развития населения было характерно увеличение показателей естественного прироста населения. В это время компенсаторный рост рождаемости завершился и произошло уменьшение её показателей. Однако уровень смертности снижался быстрее вследствие преодоления последствий кризиса. Демографическая сфера общества стабилизировалась. Наступил этап демографического развития, характеризующийся устойчивыми восстановительными процессами, что позволило в основном преодолеть последствия Великой Отечественной войны.

Литература:

1. Андреев Е.М., Демографическая история России: 1926-1959 гг. / Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова. М.: Информатика, 1998. 187 с.
2. Андреев Е.М. Население Советского Союза: 1922 – 1991 гг. / Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова. М.: Наука, 1993. 142 с.
3. Волков И.М. Деревня СССР в 1945–1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980–х – 1990–е годы) / И.М. Волков // Отечественная история 2000. № 6. С. 115–124.
4. Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР / П.М. Полян. М.: ОГИ–Мемориал, 2001. 327 с.
5. Ильиных В.А. Личное приусадебное хозяйство сельского населения Сибири в 1945–1953 гг.: политика государственного регулирования, динамика / В.А. Ильиных // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2015. С. 443–450.
6. Вербицкая О.М. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР в 1946–1958 годах / О.М. Вербицкая // Вопросы истории. 1986. № 12. С. 13–26.
7. Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв.: Коллективная монография / Отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск: Параллель, 2011. 392 с.
8. Исупов В.А. Главный ресурс Победы: Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939-1945 гг.) / В.А. Исупов. Новосибирск: Сова, 2008. 377 с.
9. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960 / В.Н. Земсков. М.: Наука, 2003. 306 с.
10. Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России. Историко–демографический аспект. 1946–1960 / В.Б. Жиромская. М.: Изд–во РГГУ, 2009. 310 с.
11. Жиромская В.Б. Война и старение российского населения / В.Б. Жиромская // Российская история. 2010. № 4. С. 46–55.
12. Жиромская В.Б. Демографические последствия Великой Отечественной войны / В.Б. Жиромская, Н.А. Араловец // Россия в XX веке: Война 1941–1945 гг.: Современные подходы / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2005. С. 533–549.
13. Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.) / В.А. Исупов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд–ние, 1991. 291 с.
14. Народонаселение. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Г.Г. Меликьян. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 640 с.
15. Советская жизнь. 1945-1953.: Сборник документов. / Сост. Зубкова Е. Ю. и др. М.: РОССПЭН, 2003. 720 с.

Глава 7.

От успехов к стагнации (1953 – конец 1970-х гг.).

Население страны самый ценный ее капитал, – так интерпретировали И. В. Сталина в СССР. После смерти вождя данное утверждение постоянно фигурировало в советской печати. Несмотря на такое утверждение, именно данные по населению оставались самыми недоступными вплоть до 1956 г. В статистике оценка численности населения впервые после войны появились по состоянию на 1 апреля 1956 г. ЦСУ СССР произвело расчеты численности населения по всем республикам и областям страны, в том числе и по регионам Западной Сибири. В оценке ЦСУ, которая застыла в справочниках до публикации данных переписи населения 1959 г., приводилась численность городского и сельского населения, а так же ряда крупнейших городов. Сама публикация в 200200 тыс. человек¹ вызывала сомнение в ее почти круглом числе и была несколько завышена. Вместе с ней были опубликованы показатели естественного движения и продолжительности жизни. Скудность данных, опубликованных в середине 1950-х годов, была вызвана трудностями учета населения после войны, большими погрешностями текущего учета населения, попыткой скрыть истинные масштабы потерь в годы Великой Отечественной войны, которые первоначально были оценены в 7 миллионов и вызывали недоумение не только за рубежом, но и в самой стране.

Работ по населению Западной Сибири немного. Наиболее интересными представляются: Население, трудовые ресурсы и уровень жизни в Западной Сибири (1970), которая была издана мизерным тиражом для служебного пользования, поэтому малодоступна исследователям. В ней население рассматривается комплексно, но основной упор делается на уровне жизни и трудовым ресурсам. Естественное и миграционное движения носят подчиненный, второстепенный характер. Книга была подцензурной и в ней просматриваются цензурные или самоцензурные ограничения [1]. Книга Е. Л. Малинина, А. К. Ушакова [2], изданная в период особенно сильных цензурных ограничений не могла претендовать на полноту освещения проблемы. Хотя в ней по горячим следам публиковались оценки и расчеты, которые ценны своей оперативностью. Работы В. И. Переведенцева посвящены миграциям и методам их изучения [3, 4, 5]. Это представляет для нас особую ценность. Они содержат и конкретные цифровые и фактические данные. Подцензурность работ повлияла на содержание. В них население Западной Сибири рассматривается как составная часть населения Азиатской России. Экономисты подготовили для нужд пятилетки 1966 – 1970 гг. справочное издание по развитию Западно-Сибирского района, содержащее интересные характеристики развития производительных сил. Трудовые ресурсы в ней затронуты слабо, но характеристика городов и подрайонов позволяет понять причины миграций из региона [6]. В коллективной монографии Население Западной Сибири в XX веке регион рассмотрен комплексно, но периоду 1950–1970 гг. уделено немного места. Основной упор делается на формировании трудовых ресурсов [7]. В коллективной монографии по миграциям населения Азиатской России [8] население региона как составной части Зауралья зачастую особо не выделяется в интересующем нас территориальном аспекте. Интересной является монография Л.В. Зандановой [9], посвященная крестьянства Сибири и Дальний Восток. В этих работах содержатся конкретные цифровые данные по переселениям, месту вселения и закрепления новоселов в осваиваемых местах. Книга математика и экономиста Е.М. Левицкого содержит, произведенные им расчеты по продолжительности жизни населения Сибири и Дальнего Востока на основе данных переписи населения 1959 г. и материалов текущего статистического учета [10]. Подобное исследование не было подкреплено в дальнейшем по итогам последующих переписей вплоть до распада СССР. Данные текущей статистики не были достаточно точны, поэтому востребованной и

¹ СССР в цифрах. Статистический сборник. М.: Госстатиздат, 1958. С. 7, 432, 435.

актуальной является статья А.М. Востриковой [11], возглавлявшей в свое время отдел статистики населения ЦСУ СССР. Статистическая служба проводила регулярно проверки качества собранных материалов. В частности, уже в 1966 г. сообщались принципы, на которых проводились проверки качества регистраций рождений и смертей. «Контрольные проверки полноты и качества учета регистрации родившихся и умерших проводятся статистическими органами ежегодно выборочным путем по плану статистических работ» [11, С. 311]. Проверка осуществлялась по сельской местности, где пропуски были наибольшими. Все сельские советы по региону располагались в перечне и нумеровались в строго в алфавитном порядке, несмотря на то в каком районе они находятся. Каждый год обследовались 10% сельсоветов, т.е. в обследуемом году в сплошную проверку попадали, например, 1, 11, 21 и т.д. по номеру последней цифры. При 20% обследовании в ряде регионов 1, 6, 11, 16 и т.д. Каждый год номерация для проверки менялась. Для проверки полноты регистрации родившихся и умерших использовались «записи о родившихся, отметки об умерших в похозяйственных книгах и списках сельсоветского учета, уточненные при проверке (или закладке) похозяйственных книг по состоянию на 1 января текущего года» [11, С. 312, 313]. Автор проводил исследование тенденций смертности в данный период для населения региона, половозрастной и национальный состав [12, 13, 14, 15].

Основными источниками для исследования являются официальные публикации итогов переписей населения и данных текущей статистики и архивные фонды статистических органов регионов Западной Сибири. В управления статистики стекалась вся информация с мест. В них она перепроверялась, обрабатывалась, составлялись отчеты, справки. В статуправлениях аккумулировалась и переписка между органами власти и статистической службой. Каждый территориальный статистический орган производил расчеты, составлял динамические ряды по численности населения, рождаемости, смертности, которые иногда различались от данных ЦСУ РСФСР.

В фондах статистических управлений в госархивах Западной Сибири проявляется недостаток – отсутствие статистической информации о численности населения регионов за 1950–1958 гг., не всегда рассчитываются показатели естественного движения. В Государственном архиве Новосибирской области в фондах статуправления области (Ф. 11.) рассчитываются показатели естественного движения по области, но расчеты базируются на итогах переписи населения 1939 г., которые к 1950 г. безнадежно устарели. В фондах Исторического архива Омской области в фонде управления статистики Омской области (Ф. 2122) данные по численности населения за 1950–1958 гг. отсутствуют, не рассчитаны относительные показатели естественного движения. Исходя из этого, был произведен запрос непосредственно в статистические органы регионов, составляющих Западную Сибирь. Официальные ответы содержали данные о численности населения, абсолютные числа родившихся и умерших, в том числе до 1 года, показатели естественного движения за 1950–1970 гг. Не смогли предоставить информацию статистики Горного Алтая. Западная Сибирь принимается согласно экономическому районированию тех лет. В нее входят Алтайский край (с Горно-Алтайской АО), Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская области [2, С. 28]. Данные по Тюменской области не запрашивались, так ныне данная территория официально в Сибирь не входит, а ответы статуправлений носят коммерческий характер. Поэтому данные по Тюменской области извлечены из опубликованных источников и носят вспомогательный характер.

Численность населения Западной Сибири представлена в таблице 7.1. В динамике просматривается неравномерность прироста численности жителей. В частности, из 21 года наблюдений в 6 случаях население сокращалось. Прирост практически отсутствовал в 1966 г., прирост от 1% до 1,5% наблюдался в 7 годах, от 1,5% до 2,0% в 2 годах, свыше 2,0% до 3% в 3 годах, свыше 3% в 1955 г. В 1950 г. прирост составлял 2,2% и отмечался минимальный отток за пределы региона. В 1951–1953 гг. и 1957–1959 гг. общий прирост был 1,3–1,4%. (миграционный баланс стал отрицательным, а естественный прирост снизился). Пик прироста наблюдался в период освоения целины: 1954 г. – 2,2%, в 1955 г. – 3,5%, в 1956

г. –1,7%. В 1957–1959 гг. из региона происходил массовый отток граждан после официальной реабилитации. В 1960 г. отмечался прирост населения – 1,8% , а в 1962 г. в 2,2%.

Численность сельчан сокращалась постоянно. Исключения составили: 1950 г. (прирост жителей в деревне составлял 0,2%), 1954 г.(1,8%) и 1955 г.(3,9%). Последние 2 года – это освоение целины. За период с 1949 по 1966 гг. в регион вселилось 269 тыс. хозяйственных переселенцев, в том числе 1954–1959 гг. 173,6 тыс., или 64,5% [9. С. 108, 155]. Жителей села за 20 лет стало на 20% меньше. Средний темп сокращения составил 1% в год. Снижение жителей села было менее 1% в 1956 г., 1957 г., 1959 г., 1960 г. От 1 до 2% уменьшение отмечалось 4 года, от 2 до 3% – 4 года, свыше 3% – 3 года (в 1958 г. и 1968 г. по 3,2%, в 1969 г. - 3,1%).

Таблица 7.1.

Численность населения Западной Сибири в 1950–1970 гг. (без Горного Алтая и Тюменской области)

Год	Численность населения, тыс.			Индекс динамики			Базисный индекс, 1950=100%		
	Все	Город	Село	Все	Город	Село	Все	Город	Село
1950	8462,1	3645,0	4817,1	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1951	8650,7	3822,1	4828,6	102,2	104,9	100,2	102,2	104,9	100,2
1952	8768,7	4044,1	4724,6	101,4	105,8	97,8	103,6	110,9	98,1
1953	8894,4	4227,8	4666,6	101,3	104,5	98,8	105,1	116,0	96,9
1954	9006,5	4399,4	4607,1	101,3	104,1	98,7	106,4	120,7	95,6
1955	9252,2	4562,7	4689,5	102,7	103,7	101,8	109,3	125,2	97,4
1956	9573,5	4702,8	4870,7	103,5	103,1	103,9	113,1	129,0	101,1
1957	9739,5	4883,1	4856,4	101,7	103,8	99,7	115,1	134,0	100,8
1958	9868,5	5062,3	4806,2	101,3	103,7	99,0	116,6	138,9	99,8
1959	9996,0	5345,3	4650,7	101,3	105,6	96,8	118,1	146,6	96,5
1960	10137,9	5497,3	4640,6	101,4	102,8	99,8	119,8	150,8	96,3
1961	10323,0	5717,1	4605,9	101,8	104,0	99,3	122,0	156,8	95,6
1962	10448,9	5844,3	4604,6	101,2	102,2	100,0	123,5	160,3	95,6
1963	10688,9	6076,4	4612,5	102,3	104,0	100,2	126,3	166,7	95,8
1964	10661,9	6116,4	4545,5	99,7	100,7	98,5	126,0	167,8	94,4
1965	10659,9	6220,9	4439,0	100,0	101,7	97,7	126,0	170,7	92,2
1966	10638,1	6307,6	4330,5	99,8	101,4	97,6	125,7	173,0	89,9
1967	10639,2	6388,6	4250,6	100,0	101,3	98,2	125,7	175,3	88,2
1968	10616,0	6483,1	4132,9	99,8	101,5	97,3	125,5	177,9	85,8
1969	10580,2	6580,2	4000,0	99,7	101,5	96,8	125,0	180,5	83,0
1970	10548,9	6674,2	3874,6	99,7	101,4	96,9	124,7	183,1	80,4

*Официальные ответы на запрос; Алтайкрайстата № ВТ-22-22/673-ДР от 22.09.2015; Кемеровостата №. 06-35/201 от 15.09.2015 г.; Новосибирскстата № 06-56-20/1220-Д8 ; 20-06-10/238 от 30.10.2015 г; Омскстата № ЕШ-57-06/684-ОГ от 30.09.2015 г.; Томскстата № СК -72-13/1264 ДР от 11.09.2015 г.

В 1950 г. в городах проживало 2/5 жителей региона (таб. 7.2), в 1959 г. – 53,5%. Доля горожан достигла в 1959 г. в Новосибирской области 55%, на Кузбассе 77%, на Алтае 33%, в Омской области 43, в Томской – 48%. Западная Сибирь была более урбанизированной, чем СССР (48%) и РСФСР (52%). В 1970 г. перепись установила удельный вес горожан в Кемеровской области 82,3%, в Новосибирской 65,4%, в Омской 55,3%, в Томской 59,3%, на Алтае–46,0%. В 1979 г. горожане составляли 86% жителей Кемеровской области, 71% в

Новосибирской, 63% в Омской 65% в Томской и 52% в Алтайском крае¹. В Горном Алтае – самом слабоурбанизированном регионе Западной Сибири – доля городского населения оставалась невысокой и росла медленно: в 1959 г. горожане насчитывали 19,1%, в 1970 г. – 23,8%, в 1979 г. – 27,8%. В Тюменской области темпы прироста горожан оказались самыми высокими в 1970-х гг., т.е. в годы освоения районов Крайнего Севера. Удельный вес горожан здесь был следующим: 1959 г.– 31,7%, 1970 г.– 49,1, 1979 г. – 60,9%². Удвоение горожан в Тюменской области произошло за 20 лет (1959–1979 гг.) и отставание от других регионов Западной Сибири было преодолено.

Города Сибири росли быстрыми темпами. В 1959 г. по сравнению с 1939 г. удвоили свою численность в Алтайском крае: Барнаул (рост 106%), Рубцовск (195%), Новоалтайск (265%); в Кемеровской области: Кемерово (109%), Новокузнецк (127%), Прокопьевск (163%), Киселевск (196%), Белово (147%), Осинники (166%); в Новосибирской области: Новосибирск (119%), Куйбышев (135%), Бердск (163%); в Омской области – Омск (101%), в Тюменской области: Ханты-Мансийск (176%). Рост остальных городов был умеренным. Однако появились ряд новых городов, которые превысили 30 тыс. чел.: Юрга (46,6 тыс.), Междуреченск (54,5 тыс.). Рост Тюмени составил 90%, Томска–72%, Анжеро-Судженска–68%, Ленинска-Кузнецка–60%, Бийска–82%, Славгорода–79%, Ишима 54%, Татарска – 44%, Барабинска 36%³.

Таблица 7.2.

Доля городского и сельского населения в регионе (без Горного Алтая и Тюменской области, %*.

Год	Город	Село
1950	43,1	56,9
1951	44,2	55,8
1952	46,1	53,9
1953	47,5	52,5
1954	48,8	51,2
1955	49,3	50,7
1956	49,1	50,8
1957	50,1	49,9
1958	51,2	48,8
1959	53,5	46,5
1960	54,2	45,8
1961	55,4	44,6
1962	55,9	44,1
1963	56,8	43,2
1964	57,4	42,6
1965	58,4	41,6
1966	59,3	40,6
1967	60,0	40,0
1968	61,1	38,9
1969	62,2	37,8
1970	63,3	36,7

* Официальные ответы статуправлений.

¹ Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.: Финансы и статистика, 1985. С. 10–12.; Население СССР, 1973 (численность, состав и движение населения). М.: Статистика, 1975. С.16, 17.

² Население СССР.1973. С.16, 17. Численность и состав населения СССР. .. 1979 года. С.10,12.

³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. С.36, 37.

Следующий межпереписной период 1959 – 1970 гг. показал замедление роста большинства городов, хотя прирост оставался высоким. Высоким стоит признать прирост свыше 30% за 11 лет. В 1959–1970 гг. такой прирост наблюдался в Алтайском крае: в Барнауле (45%), Рубцовске (30), Новоалтайске (46%), Алеске (33%); в Кемеровской области: Кемерово (33%), Новокузнецке (31%), Междуреченске (50%), Юрге (33%), Березовском (59), пгт. Грамотеино (80%); в Новосибирской области: Новосибирск (31%), Бердск (83%), Искитим (32%), Куйбышев (32%), Обь (47%); Омск (41%); Томск (36%); в Тюменской области: Тюмень (79%), Тобольск (35%), Салехард (32%), Заводоуковск (101%), Сургут (464%). Бийск прирос на 28%, Славгород и Новоалтайск на 25%, Ялуторовск на 26%. Однако во многих городах население сокращалось. Причиной этого стала монопрофильность экономики города и сельскохозяйственная специализация. Потеряли население Ленинск – Кузнецк, Киселевск, Прокопьевск, Мариинск, Называевск, Тара, (на 1–3%), Татарск, Барабинск (4–6%), Белово, Осинники, Гурьевск, Купино (8–10%), Болотное 14%, Тайга 21%¹, Чулым 22%.

Темп прироста численности горожан колебался от 0,7% (в 1964 г.) до 5,6% (1958 г.) и 5,8% (в 1951 г.). Увеличение численности горожан за 20 лет составило 83,1%, т.е. примерно 4% в год. Выше 4% прирост наблюдался в 7 годах (1950 – 1953 гг., 1958, 1960, 1962 гг.), ниже среднего уровня (3,7 – 3,8%) еще в 3 годах (1954, 1956, 1957). Максимальный прирост отмечался в 1950-х гг. После чего он снизился и не превышал 2% в год. Это был период массивного сокращения «неперспективных деревень». Жители сел не поехали в крупные села, как планировали власти, и в малые города региона, которые не могли обеспечить ни работой, ни жильем, а покидали Сибирь. С 1963 г. население региона начало уменьшаться в своей численности. За 1963 – 1970 гг. оно сократилось на 140 тыс., или 1,3%. Отток из региона усилился, а естественный прирост уменьшился в 3 раза. Плановики отмечали недостаточное социально-экономическое развитие, ограниченную миграционную емкость малых городов. Это и обеспечивало устойчивый отток населения за пределы региона. (таб. 7.3).

Период с 1970 г. по 1979 г. не принес серьезных изменений в ранжировании городов. Темпы прироста падали повсеместно, кроме городов Тюменского Севера. Отдельные города ускорили свой прирост, но он оставался не высоким, или просто, получив новый импульс развития, в ряде городов стала снова прирастать численность населения. В этот период стоит признать высоким прирост 15% и выше за период между переписями. В Алтайском крае такими темпами прирос Барнаул (на 21%), Горно-Алтайск (17%), в Кемеровской области: Кемерово (22%), Юрга (26%), Березовский (19%), в Новосибирской области: Бердск (27%), Искитим (29%), Куйбышев (16%); Омск (24%), Томск (24%), Тюмень (34%), Ялуторовск (29%), Тобольск (26%). Стремительно росли Нижневартовск (594%), Сургут (216), Нефтеюганск (166). Новосибирск прирос на 13%, Ханты-Манский на 14%. Миграционные возможности села быстро исчерпывались. Села покидали не только молодые, но и люди среднего возраста, а переселялись не только в города региона, но и продолжали покидать регион. Не выросло население Кемеровской области и Алтайского края, т.е. миграционные потери почти сравнялись с естественным приростом, который соответственно сократился. Потеряли население 10 городов Кемеровской области (в том числе Прокопьевск, Анжеро-Судженск, Киселевск, Осинники, Тайга), 3 города в Новосибирской (Болотное, Черепаново, Купино), Исилькуль (Омской области). Стагнация наступила в Барабинске – крупном железнодорожном узле². Другими словами население покидало и малые города, которые не могли обеспечить ни работой, ни жильем.

Миграционная убыль составила за 20 лет 1045,0 тыс. чел, или 1/3 естественного прироста. Миграционный прирост отмечался в 1950 г. и в годы освоения целины (в 1954 г. - 54,2 тыс., в 1955 г. - 115,5 тыс.). С 1956 г. выезд превышал переезд из других регионов.

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: Статистика, 1972. Т.1. С. 38, 39.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.: ЦСУ СССР, 1980. Т.1. С. 79–82.

Миграционная убыль в конце 1950 гг. достигала 80 тыс. Она замедлилась в 1960 – 1961 гг. Диссонансным является 1962 г., когда миграционный прирост стал положительным 82,5 тыс., или 0,8%. Причину предстоит выяснить. В 1963 г. зарегистрирована миграционная убыль 170 тыс., что вдвое выше среднегодовой величины механической убыли в 1957–1959 гг. С 1964 г. величина миграционной убыли снижается, но превышает показатели 1957 – 1959 гг. в 1,5 - 1,7 раза. Основные миграционные потери несли Кемеровская область и Алтайский край. Всего Западная Сибирь включая Тюменскую область и Горный Алтай, имела положительный прирост только за 1950–1955 г. -33,0 тыс., без указанных последними регионов, всего 20,0 тыс. В 1956–1960 гг. чистый миграционный отток составил 333,9 тыс., в 1961–1965 гг. 311,0 тыс., в 1966–1970 гг. 430,8 тыс., в 1971–1972 гг. 96,8 тыс. чел.[16. С. 52.]. Итого общие потери составили за 1950–1969 гг. 1042,5 тыс. По данным ответов статуправлений отрицательная нетто-миграция составила 1045,0 тыс. (без Тюмени и Горного Алтая). Таким образом, все потери пришлось исключительно на Алтайский край, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую области и в меньшей степени Томскую. По данным ответов статуправлений получаем, что в указанных последними регионах чистый прирост наблюдался только в 1950–1955 гг. -20,0 тыс. чел. После чего отток составлял отрицательную величину. Без Тюменской области и горного Алтая чистый отток составлял в 1956–1960 гг. 292,1 тыс., 1961-1965 гг. 374,9 тыс., 1966-1969 – 398 тыс.гг. Тюменская же область приобретала население постоянно, кроме периода 1956-1960 гг. После начала освоения газо-нефтерайонов приток в нее был огромным по отношению к местному населению: в 1966 г. чистая миграция в Тюменский регион составила 39,4 тыс., в 1967 г. -35,9 тыс., в 1968 г. -28,1 тыс., в 1969 г. -25,3 тыс., в 1970 г. – 20,3 тыс. Миграция составила львиную долю общего увеличения населения в Тюменском регионе: 85,5%; 95,8%; 96,1%; 94,6% и 90,2% соответственно[17. С. 138]. Следовательно, демографические процессы в ней протекали совершенно иначе, чем в остальных регионах Западной Сибири, поэтому изучать ее вместе с другими территориями, составляющими Западную Сибирь, не имеет смысла. Она должна рассматриваться особо. Воспроизводство населения Западной Сибири происходило в условиях миграционного оттока, что замедляло его темпы.

Таблица 7.3.

Соотношение естественного и миграционного прироста в 1950–1970 гг. *

Год	Прирост в тыс. чел.			Доля в общем приросте, в %	
	Общий	Естественный	Миграционный	Естественный	Миграционный
1950	188,6	178,5	10,1	94,6	5,4
1951	118,0	181,7	-63,7	154,0	-54,0
1952	125,7	171,8	-46,1	136,6	-36,6
1953	112,1	162,1	-50,0	144,6	-44,6
1954	245,7	191,5	54,2	77,9	20,1
1955	321,3	205,8	115,5	64,1	35,9
1956	166,0	206,9	-40,9	124,6	-24,6
1957	129,0	208,7	-79,7	161,8	-61,8
1958	127,5	212,0	-84,5	166,3	-66,3
1959	141,9	212,2	-70,3	149,5	-49,5
1960	185,1	201,8	-16,7	109,0	-9,0
1961	125,9	180,2	-54,3	143,1	-43,1
1962	240,0	157,5	82,5	65,6	34,4
1963	-27,0	143,0	-170,0	x	x
1964	-2,0	113,3	-115,3	x	x
1965	-21,8	96,0	-117,8	x	x
1966	1,1	88,5	-87,4	804,5	-794,5
1967	-23,2	77,2	-100,4	x	x
1968	-35,8	72,6	-108,4	x	x

1969	-31,3	70,5	-101,8	х	х
всего	2086,8	3131,8	-1045,0	150,1	-50,1

* Рассчитано по: данным официальных ответов статуправлений. Миграционный прирост принят как разность между общим и естественным приростом.

Согласно итогам переписей население СССР с 1959 г. по 1970 г. возросло с 208,8 млн. до 241,7 млн., или на 15,8%¹. Общее увеличение числа жителей не отражает изменения распределения населения по возрастам. Рост населения по возрастным группам не был равномерным, например, выше общего прироста население страны отмечено у лиц в возрастах 15–19 лет (на 63%), 20–24г (34%), 40–44 года(43%), 45–49лет (83%), 60–69 лет(38%), 70–79 лет(50%),80–89 лет (на 30%), 90–99 лет (65%), старше 100 лет (на 37%). Не изменилась численность лиц в возрасте 50–54 года. В возрастах 5–9 лет и 35–39 лет прирост составил всего 11%. В остальных возрастах численность возрастной когорты сократилась: в 0–4 года и 25–29 лет на 16%, 50–59 лет на 13%, а в возрасте 30–34 года на 24%². Такое изменение численности возрастных групп привело к увеличению доли лиц старших возрастов. За период с 1959 по 1970 гг. числа жителей страны увеличилась на 16%, а число лиц старше 60 лет на 45%. В 1959 г. доля последних составила 9,4%, то в 1970 г. – 11,8%. Процесс увеличения в населении доли лиц старше 60 лет называется «старением населения». Для анализа используем шкалу старения польского демографа Э. Россета, согласно которой при доле лиц старше 60 лет в населении менее 8% население является молодым, 8–10% оно находится в первом преддверии старости, 10–12% собственно преддверии старости, при доле старших возрастных групп выше 12% наступает демографическая старость. Население СССР в 1959 г. уже находилось в стадии преддверии старения, а в 1970 г. почти достигло уровня демографической старости. С 1970 г. по 1979 г. население СССР приросло на 8,6% (с 241,7 млн. до 262,4 млн.). Численность лиц, которым было 60 лет и старше увеличилось на 18,3%. Доля старших поколений составила 12,9%, в том числе в городах 11,5%, в селах –15,2%. В стадию старость вошло все население страны и жители сел. Горожане вплотную подошли к этому рубежу.

Ситуация в РСФСР оказалась аналогичной. Особенностью развития населения данной республики было замедленный прирост населения (11% против 16% по СССР) из-за быстрого снижения рождаемости, оттока жителей в другие регионы страны и повышенной смертности относительно других республик. Несмотря на кажущиеся сходства в смертности в Российской Федерации более низкой оставалась смертность детей, но повышенной смертность у трудоспособного населения в старших возрастах, что усиливало старение. Средняя продолжительность жизни для новорожденного в РСФСР была ниже на 0,5–1,0 год по отношению ко всему населению СССР (для женщин и на 1–2 года для мужчин). В 1963–1968 годах (наиболее благоприятном периоде для населения РСФСР) продолжительность жизни составляла для мужчин 64 года, для женщин 73. В СССР аналогичные показатели составили 66 и 74 года³. В Сибири отставание было еще большим.

В РСФСР за период 1959–1970 гг. существенно численно возросли возрастные группы 10–14 лет (на 55%), 15–19 лет (на 37%), 35–39 лет (на 45%), 40–44года (на 77%), 55–59 лет (на 44%), 60–69 лет (на 54%), 70–79 лет (на 28%), 80–89 лет (на 60%), 90–99 лет (на 39%). Незначительно прирос численно возраст 30–34 года (на 6%). Остальные возрастные группы существенно уменьшились, в том числе 0–4 года на 30%, 5–9 лет на 4%, 20–24года на 155, 25–29 лет на 33%, 45–49 лет на 6%, 50–54года на 12%⁴. Такое изменение численности

¹ Численность, размещение, возрастная структура, уровень образования, национальный состав, языки и источники средств существования населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: Статистика, 1971. С.3.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т.2. М.: Статистика, 1972. С.12, 13.

³ Возрастной состав население РСФСР (По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). М.: ЦСУ РСФСР, 1972. С. 114.

⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970г. Т.2. С. 17.

возрастных групп привело к увеличению доли лиц старших возрастов. За период 1959 г. по 1970 гг. числа жителей страны увеличилась на 11%, а число лиц старше 60 лет на 46%. В 1959 г. доля последних составила 9,0%, то в 1970 г. – 11,85%. Таким образом, население РСФСР старело более быстрыми темпами, чем население СССР в целом. Россия вошла в стадию демографической старости уже к 1971 г.

С 1970 г. по 1979 г. население России увеличилось на 5,6%. (130,1 млн. до 137,5 млн.). Доля старших поколений увеличилась с 11,85% до 13,7%¹. В Западной Сибири отмечен меньший уровень старения. В 1979 г. в возрасте 60 лет и старше находилось 1459,1 тыс. чел., или 11,25% всех жителей. Самыми старыми оказались жители Алтайского края, где доля старших возрастов составила 12,6%, и Новосибирской области – 12,4%. Демографически молодыми оказались жители Тюмени. Здесь лица 60 лет и старше составили 7,8% и их доля уменьшилась по сравнению с 1970 г. Вплотную подошли к уровню демографической старости жители Кузбасса (11,4%) и Прииртышья (11,1%). Томская область преодолела рубеж преддверия старости. Здесь старшие поколения составили 10,3% населения².

При работе с материалами переписи в разрезе пола и возраста бросается в глаза – это существенное увеличение числа лиц, которые свой возраст не указали. В 1959 г. в СССР их оказалось 8362 (мужчин 4008, женщин 4354). В 1970 г. таковых оказалось 268788 человек (мужчин 130383, женщин–138405)³. Число лиц без указания возраста возросло у мужчин в 32,5 раза, у женщин в 31,8 раза. Такой рост лиц, точно не знающих свой возраст, заставил ЦСУ СССР в публикации кратких итогов переписи населения для широкого использования не публиковать их точное число. Была приведена общая численность населения, а разбивка по пятилетним, а для старших возрастов – 10 летним группам, не давала итога, поэтому указывали в «том числе»⁴. Ясно, что «рост материального и культурного уровня населения СССР» не мог дать такой результат. Материалы переписи населения 1959 г. могли вызвать сомнение в распределении населения по возрасту. Например, самым старым человеком в СССР оказался житель г. Евлах в республике Азербайджан в возрасте 160 лет, старше 100 лет насчитали 21708 человек, в том числе 1667 возраст которых не был точно установлен, 110 лет перешагнули 2,5 тыс., а 120 лет – 592 человека [18. С. 36, 37]. В РСФСР ситуация немногим отличалась от общесоюзной. Так по переписи 1959 г. число лиц, не указавших возраст, составило 3899 чел, мужчин 2004, женщин 1895. В 1970 г. возраст не указали 114174 человека, мужчин 54623, женщин 59551. Прирост числа не указавших возраст составил для обоих полов 29,3 раза, для мужчин – 27,3, для женщин – 31,4 раза⁵. В тоже время в материалах переписи 1970 г. отмечено отсутствие лиц, старше 100 лет, точный возраст которых не установлен.

Число лиц, не указавших свой возраст в регионах Западной Сибири в 1959 г. составило 367 чел. По регионам экономического района амплитуда колебаний практически отсутствовала. Максимум –137 чел – отмечался в самой многолюдной Кемеровской области, минимум выделить можно только относительно 60 чел в Алтайском крае (в том числе в Горном Алтае –2), 90 чел. в Новосибирской, 55 в Омской, 25 чел в Томской области⁶. Такое количество не указавших свой возраст позволяло говорить о ничтожной величине с точки зрения статистики. Согласно итогов переписи населения 1970 г. число лиц без возраста составило в Алтайском крае в городах 1351 чел (против 12 в 1959 г.), в сельской местности

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.: ЦСУ СССР, 1980. Т.2.: Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Ч.1. С. 39.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.: ЦСУ СССР, 1980. Т.2. Ч.1.С.321, 324, 330, 333, 336, 338, 342.

³ Численность, состав и размещение населения СССР. Краткие итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. М.: Госстатиздат, 1961. С.23; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т.2.С.12, 13.

⁴ Численность, размещение, возрастная структура, уровень образования, национальный состав ...С.17, 18.

⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т.2. С. 16, 17

⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. С. 71.

949 чел. (в 1959 г.– 48), в Кемеровской области аналогичные цифры 1437 (против 83) и 298 (против 540), в Новосибирской области 972 (380) и 415 (52), в Омской 406 (13) и 288 (39), в Томской области 162 (12) и 115 (13) чел.¹. Рост числа не указавших возраст был от 2 до 20 раз т.е. существенно меньше, чем в СССР и РСФСР. Данный факт свидетельствует о более качественном учете на территории Западной Сибири (или большей фальсификации на местах).

В увеличении числа лиц, не указавший свой возраст, существенную роль сыграло изменение формулировки вопроса о возрасте в переписном листе, а так же увеличение миграционной подвижности населения, так как некоторую часть населения переписывали заочно по данным административных органов, которые могли содержать неточности.

В переписи 1959 г., как и во всех предыдущих переписях населения в России и в СССР, вопрос о возрасте, формулировался как «число исполнившихся лет». Это вызывало возражения специалистов. В 1957 г. на II совещании статистиков, значительное число специалистов (в их числе М. В. Птуха, Б. Ц. Урланис) настаивали на формулировке «год и месяц рождения», утверждалось, что «данная формулировка будет способствовать уменьшению возрастной аккумуляции и уменьшению числа случаев округления возраста. Они отметили, что в «настоящее время подавляющее большинство населения СССР знает год своего рождения и год рождения детей, и поэтому формулировка вопроса о возрасте: «сколько минуло от роду лет, для детей моложе года – месяцев» при нынешнем уровне развития экономики и культуры неприемлема и ее нужно заменить вопросом о дате рождения» [19. С. 6]. Часть специалистов утверждала, что такая постановка вопроса не сможет дать точный ответ, ибо в некоторых местностях страны часть населения (особенно в преклонном возрасте) не знает точной даты своего рождения. «Обоснованием этого являлись: незаконченная паспортизация сельского населения; в районах проживания тюркских народов используются показатель число исполнившихся лет, год рождения исчисляются по лунному календарю, что затрудняет перевод в современную датировку». В результате в переписи 1959 г. вопрос о возрасте формулировался как вопрос о числе исполнившихся лет. В 1967 г. во время проведения пробной переписи, которая предшествовала переписи 1970 г., вопрос о возрасте формулировался о дате (число, месяц, год) рождения [19. С. 7]. В 1970 г. при проведении Всесоюзной переписи населения вопрос формулировался в 2 вариантах, т.е. о числе исполнившихся лет и о дате рождения. Переписному персоналу выдавались специальные вспомогательные таблицы для определения возраста по году рождения [20. С. 166].

В 1979 г. число лиц, не указавших возраст, по СССР составило 88551 чел. (37090 мужчин и 51461 женщин), или на 1/3 меньше, чем в 1970 г. В Западной Сибири таковых было 2679 чел.(1292 мужчины и 1387 женщин), т.е. 0,02% всех жителей. В городах Западной Сибири таковых оказалось 2110 (1017 мужчин и 1093 женщины), в селах 569 чел.(275 и 294 соответственно). На Алтае не указали возраст 363 чел., в Кемеровской области–823, Новосибирской–196, в Омской–288, в Томской –58, в Тюменской –548 чел.². Практически проблема была советской статистикой решена.

Рассмотрим ситуацию в Западной Сибири. Согласно экономическому районированию в 1959 г. к Западно-Сибирскому экономическому району относились следующие территории³: Алтайский край (261,7 тыс. кв.км), в состав которого входила Горно-Алтайская автономная область (92,6 тыс. кв.км), Кемеровская (95,5 тыс. кв.км), Новосибирская (178,2 тыс.кв.км), Омская (139,7 тыс. кв.км) и Томская области (316,9тыс.кв.км). Площадь региона составляла 992 тыс. кв.км. Население насчитывало 10160 тыс. (таб. 7.4). Плотность населения 10,2 чел/кв.км.

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т.2. С.76, 108, 122, 123, 137.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.: ЦСУ СССР, 1980. Т 2. Ч.1 С. 33, 321, 322, 323, 324, 330, 333, 336, 338, 342.

³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. С. 70.

Таблица 7.4.

Население Западной Сибири по данным переписей*

Территория	Численность населения, тыс. чел.						1970 к 1959 г., %		
	1959 г.			1970 г.					
	Все	Городское	Сельское	Все	Городское	Сельское	Все	Городское	Сельское
Алтайский край	2683	882	1801	2670	1228	1442	99,5	139,2	80,1
В том числе Горно-Алтайская АО	157	30	127	168	39	129	107,0	130,0	101,6
Кемеровская область	2786	2149	637	2918	2401	517	104,7	111,7	81,2
Новосибирская область	2299	1276	1023	2505	1638	867	109,0	128,4	84,7
Омская область	1645	711	934	1824	1008	816	110,9	141,8	87,4
Томская область	747	360	387	786	466	320	105,2	129,4	82,7
Всего региона	10160	5378	4782	10703	6741	3962	105,4	125,3	82,9

*Народное хозяйство СССР в 1959 году. М.: Госстатиздат, 1960. С. 27–30. Народное хозяйство СССР в 1969 году. М.: Статистика, 1970. С. 13–15. Отметим, что в публикации итогов переписи населения 1959 г. (Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. С.70) численность населения Западно-Сибирского региона показана на 1 тыс. меньше (10159437 чел), чем в статистическом ежегоднике за 1959 г.

Население Западной Сибири в 1959 г. составило примерно 5% от общесоюзного итога. Оно выгодно отличалась от других территорий страны повышенной долей детей в населении, молодым его составом и большей долей мужчин в населении региона. Причин здесь было несколько. Потери населения в годы войны частично компенсировались депортациями в данную местность, например, немцы, остались не реабилитированными к моменту проведения переписи населения 1959 г. и оставались жить в местах бывшей ссылки, так как на возвращение на места прежнего проживания разрешения дано не было. В середине 1950 гг. часть юг Западной Сибири оказался отнесенным к целинным землям, которые в массовом порядке осваивали переселенцы, в большинстве своем молодежь и преимущественно мужчины. Повышенная рождаемость в районах Сибири способствовала как омоложению возрастного населения, так и увеличению доли мужского населения за счет младших возрастов. Соотношение полов в районах Западной Сибири оставалось неблагоприятным для воспроизводства населения. Многие молодые женщины не могли найти себе спутников жизни и вступить в брак. В 1959 г. доля мужчин в населении Западной Сибири составила 46,0%. Наиболее высокой удельный вес сильного пола составил в Кемеровской области 47,4%. (Таб. 7.5). Такое относительное благополучие сложилось вследствие того, что во время войны на военных заводах и шахтах сохранялась «бронь» для мужчин от призыва на военную службу, а среди ссыльных, чей труд использовался на военном производстве, доминировали мужчины. Остальные регионы имели пониженный относительный вес мужчин. Наименьшее их число наблюдалось в Горном Алтае (44,8%), где сельское население понесло большие потери среди мужчин во время Великой Отечественной войны. Система бронирования для сельчан практически отсутствовала, и власти считали

ресурсы села неисчерпаемыми. В Новосибирской и Омской области доля мужчин оказалась примерно одинаковой. Здесь военное производство и железная дорога обеспечивали бронирование для значительного числа мужчин, но преобладание сельского населения и наличие множества небольших городских поселений «сельского» типа не позволило сделать бронирование сколько-нибудь существенным, чтобы уменьшить призыв на военную службу в 1941–1945 гг. Алтайский край и Томская область показали удельный вес мужчин несколько выше, чем по региону в целом. Причин несколько. Здесь оказалась повышенной доля ссыльных, заключенных, значительная часть которых осталась на проживание, большее число военных предприятий в Алтайском крае и лесное хозяйство в Томской области способствовало сохранению трудовых ресурсов для производства и, следовательно, жизнью для людей в тылу.

Ситуация с соотношением полов осталась неблагоприятной и по данным переписи населения 1970 г. В целом по региону удельный вес мужчин возрос на 0,4 процентных пункта (п.п.). Численность мужчин возросла на 5,9%, а женщин на 4,9%. Повышенный естественный прирост в регионе сводился на нет миграционным оттоком из Западной Сибири. За период 1959–1969 гг. естественный прирост (включая Тюменскую область) составил 1646 тыс. чел., а сальдо миграционного оттока было отрицательным 788 тыс. Таким образом, общий прирост 858 тыс. [5. С. 58] оказался равным 52,1% от величины естественного прироста населения.

Таблица 7.5.

Состав населения Западной Сибири по полу по данным переписи 1959 г. и 1970 г.*

Регион	Численность, чел				1970 г. к 1959 г., %		Доля в населении мужчин, %	
	мужчин		женщин		Муж.	Жен.	1959г.	1970г.
	1959 г.	1970 г.	1959 г.	1970 г.				
Западная Сибирь	4680944	4956258	5478114	5747142	105,9	104,9	46,0	46,4
Алтайский край	1220311	1225790	1461982	1444471	100,4	98,8	46,5	46,9
В том числе								
Горно-Алтайская АО	70343	76264	86818	91997	108,4	106,0	44,8	45,3
Кемеровская область	1320770	1366717	1465102	1551636	103,5	105,9	47,4	46,8
Новосибирская область	1044562	1150020	1254891	1355229	108,9	110,1	45,4	45,9
Омская область	749896	842941	894742	980890	112,4	109,6	45,6	46,2
Томская область	345405	370790	401367	414916	107,3	103,4	46,3	47,2

*Состав. и расчет. по: Возрастной состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). М., 1972. С. 286–303.

Среди мигрантов преобладали мужчины. Их доля за этот период составила 56%, женщин 44%. Это замедляло процесс выравнивания полов в регионе. Увеличение доли мужчин в период 1959 – 1970 гг. был примерно одинаковым по всем регионам 0,4–0,5 п. п. Исключение составила Томская область, где из-за притока на новые месторождения нефти и лесоразработки приток мужчин был повышенным, и увеличение удельного веса мужчин было выше – 0,9 п.п. В Томской области мужчин за межпереписной период возросло на 7,3%, а женщин на 3,4%. Вторым регионом, выходящим из общего ряда территорий, была Кемеровская область, в которой доля мужчин сократилась на 0,6 п.п. Здесь прирост мужчин

был невысоким 3,5% против 5,9% у женщин. Кроме миграционного оттока, существенную роль сыграла повышенная смертность мужского населения. Разрыв в продолжительности жизни между ними и женщинами вырос с 8 лет в 1958–1959 гг. до 11 лет в 1969–1970 гг. В Кемеровской области продолжительность жизни всего населения из-за экологических проблем и условий труда оказалась ниже, чем по региону еще на 2,5 года.

Прирост мужчин в Алтайском крае составил 0,4%, а женщин стало меньше на 1,2%. В Горно-Алтайской АО, входившей тогда в состав Алтайского края, прирост всего населения (7,0%) и мужчин (8,4%), и женщин (6,0%) был выше, чем в целом по региону 5,4%; 5,9% и 4,9% соответственно. Численность населения росла быстрее, чем в регионе, в Новосибирской (9,0%) и Омской области (на 10,9%). Здесь наблюдался значительный естественный прирост населения, а развитие промышленного производства и рост областных центров позволяли удерживать населения от миграции в другие регионы страны, и отток из областей был меньшим. Все территории Западной Сибири оказались донорами для прочих регионов, основная часть мигрантов происходила из Кемеровской области и Алтайского края. Отток за пределы Алтайского края привел к тому, что население за 11 лет уменьшилось на 0,5%.

В Новосибирской области за межпереписной период (1959–1969 гг.) естественный прирост достиг 13,4% от общей численности населения, а реальный – 8,1%, т. е. был на 40% ниже. В абсолютном исчислении естественный прирост составил 307,3 тыс. чел., а общий – всего 205,8 тыс. чел., т. е. 67% от величины естественного прироста. В этот период население из области активно мигрировало в европейские регионы страны, а также в республики Средней Азии. Происходило возвращение в родные места эвакуированных и вынужденных переселенцев в годы войны, отмечался целевой набор специалистов на предприятия Средней Азии. Чистый отток из области в этот период составил 101,5 тыс. чел.¹

Таким образом, отток населения стал основной причиной того, что доля населения Западной Сибири в стране стала снижаться. При этом интенсивность миграции, особенно сельского населения усиливалась. Об этом говорили исследователи начала 1970-х годов [1. С. 18; 2. С. 15, 49].

С 1970 г. по 1979 г. население СССР приросло на 8,6%, в РСФСР прирост составил 5,6%. Население Западной Сибири прирастало быстрее, благодаря наличию районов ускоренного освоения в Тюменской области. С 1970 г. по 1979 г. численность населения Западной Сибири приросло на 7% (12109,5 тыс. до 12958,5 тыс., в том числе городское на 18% (7431,3 тыс. до 8767,8 тыс.), а сельское уменьшилось на 10% (4678,2 тыс. до 4190,6 тыс.)². Население Западной Сибири в 1970–1979 гг. представлена в таб. 7.6 и 7. 7.

Таблица 7.6.

Население Западной Сибири по данным переписи 1970 г. и 1979 г., тыс. чел.*

Регион	1970 г.			1979 г.		
	Все	город	село	Все	город	село
Зап. Сибирь	12109501	7431318	1678183	12958453	8767827	4190626
Алтайский край	2670261	1228465	1441796	2674614	1400041	1274573
В том числе Горный Алтай	168261	39717	128544	171835	47899	123936
Кемеровская	2918353	2401406	516947	2958066	2550590	407476

¹ Подсчитано: Естественное и механическое движения населения Новосибирской области. Статистический сборник Новосибирск: Областное статистическое управление, 1968. С.1. Естественное и механическое движения населения Новосибирской области в 1976 г. Статистический сборник. Новосибирск: Областное статистическое управление, 1977. С.4-6.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том.1: численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М.:ЦСУ СССР, 1980. С. 32, 33.

область						
Новосибирская область	2505249	1638528	866721	2618024	1871568	746456
Омская область	1823831	1007601	816230	1954663	1228485	726178
Томская Область	785706	465793	319913	865934	566964	298970
Тюменская область	1406101	689525	716576	1887152	1150179	736973
В том числе						
ХМАО	271157	170625	100532	569139	445675	123464
ЯНАО	79977	34247	45730	157616	79708	77908

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том.1: численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М.: ЦСУ СССР, 1980. С.32, 33.

Из данных таблиц просматривается ускоренный прирост населения Тюменской области (из-за удвоения населения округов) и Томской области, где тоже наличествуют нефтедобывающие территории. Общее увеличение РСФСР составил в 1970–1979 гг. 5,6%, в Западной Сибири 7,0%. Если исключить прирост населения в округах, то приращение окажется весьма скромным– 4,4%. Это оказывается меньше естественного прироста. Следовательно отток населения из Западной Сибири продолжился. Например, в Новосибирской области естественный прирост в 1970–1978 гг. составил 171,1 тыс., нетто-миграционный отток – 58,3 тыс., а весь прирост – 112,8 тыс.¹. Общее увеличение оказалось на 44% ниже естественного прироста. Треть естественного прироста было «съедено» миграционными потерями. Следовательно, воспроизводство население происходило замедленными темпами. По данным таблицы 7.7, просматривается замедленное увеличение, меньше, чем естественный прирост, в Алтайском крае, Кемеровской и Омской области. Томская и Тюменская области имели миграционный прирост, хотя Томская область прирастала в основном за счет естественного роста.

Таблица 7.7.

Рост населения и доля городского населения в Западной Сибири в 1970–1979 г.*

Регион	1979 г./1970 г., %			Доля горожан	Доля горожан
	Все	город	село	1970 г.	1979 г.
Зап. Сибирь	107	118	90	61	68
Алтайский край	100	114	88	46	52
В том числе Горный Алтай	102	121	96	24	28
Кемеровская область	101	106	79	82	86
Новосибирская область	105	114	86	65	71
Омская область	107	122	89	55	63
Томская область	110	122	93	59	65
Тюменская область	134	167	103	49	61
В том числе					
ХМАО	210	261	123	63	78
ЯНАО	197	233	170	43	51

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том.1: численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М.:ЦСУ СССР, 1980. С.32, 33.

¹ Численность, состав и движение населения Новосибирской области в 1994 году. Новосибирск, май 1995. С. 55

Переписи показывали соотношение полов в населении. В 1959 г. доля женщин оказалась самой высокой за рассматриваемый период. Потери в Великую Отечественную войну были огромны. Почти все потери населения Сибири в борьбе с фашистским оккупантами пришлось на мужчин, которые были мобилизованы в армию или трудовые лагеря. В последние попали в основном неблагонадежные элементы и представители ссыльных народов. Смертность в трудармии была высока, а гибель на фронте частой. В мирное время начался естественный процесс увеличения доли мужского населения. Рождалось на 100 девочек 105–107 мальчиков, снижение смертности у мужчин в Сибири пошло быстрее, чем у женщин. В 1960-е годы рост удельного веса мужчин был относительно высоким, но вскоре замедлился и стал едва заметным. Кроме роста смертности у мужского населения сыграла роль миграция из региона. Выезжали в основном мужчины, как более мобильные, чем женщины. При переезде целыми семьями оказывалось, что доля мужского пола была выше, чем в среднем у населения Сибири. (таб. 7.8). Приток же работников на тюменский север превратил округа региона, где доминировали мужчины. При этом их преобладание отмечено уже в 1970 г. Поток был массовым, и это привело к выравниванию полов у всего населения Тюменской области. В Новосибирской и Омской областях, а так же в Алтайском крае миграционный отток и повышенная смертность мужчин привели к сокращению в населении доли мужчин, что хорошо просматривается на материалах переписи 1979 г.

Таблица 7.8.

Удельный вес полов в Западной Сибири по данным переписей, %.*

Категория жителей	мужчин			женщин		
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.
Западная Сибирь						
Все	46,0	46,4	47,0	54,0	53,6	53,0
городское	46,3	46,4	46,8	53,7	53,6	53,2
сельское	45,6	46,4	47,5	54,4	53,6	52,5
Алтайский край						
Все	45,5	45,9	46,4	54,5	54,1	53,6
городское	45,8	45,9	45,9	54,2	54,1	54,1
сельское	45,4	45,8	46,9	54,6	54,2	53,1
В том числе Горный Алтай						
Все	44,5	45,0	46,0	55,5	55,0	54,0
городское	43,8	41,5	43,9	56,2	58,5	56,1
сельское	44,7	46,1	46,8	55,3	53,9	53,2
Кемеровская область						
Все	47,4	46,8	47,1	52,6	53,2	52,9
городское	47,6	46,7	47,1	52,4	53,3	53,3
сельское	46,9	47,3	47,0	53,1	52,7	53,0
Новосибирская область						
Все	45,4	45,9	46,1	54,6	54,1	53,9
городское	45,4	45,8	45,6	54,6	54,2	54,4
сельское	45,4	46,1	47,2	54,6	53,9	52,8
Омская область						
Все	45,6	46,2	46,6	54,4	53,8	53,4
городское	45,6	46,0	46,5	54,4	54,0	53,5
сельское	45,6	46,4	46,7	54,4	53,6	53,3
Томская область						
Все	46,3	47,1	47,7	53,7	52,9	52,3
городское	46,0	46,8	47,1	54,0	53,2	52,9
сельское	46,4	47,5	48,7	53,6	52,5	51,3

Тюменская область						
Все	44,7	47,0	49,1	55,3	53,0	50,9
городское	44,5	47,5	49,1	55,5	52,5	50,9
сельское	44,7	46,4	49,2	55,3	53,6	50,8
В том числе ХМАО						
Все	47,0	50,4	52,2	53,0	49,6	47,8
городское	45,2	50,5	51,9	54,8	49,5	48,1
сельское	47,6	50,2	53,2	52,4	49,8	46,8
В том числе ЯНАО						
Все	47,8	50,9	53,5	52,2	49,1	46,5
городское	45,2	51,9	51,8	52,7	48,1	48,2
сельское	48,0	50,1	55,3	52,0	49,9	44,7

*Численность населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. С. 82, 83.

Интересным представляется состав населения по возрасту (таб. 7.9). Из данных таблицы видно, что в 1959 г. остается высокой доля лиц в возрасте 0–9 лет. В Сибири традиционно сохранялась более высокая рождаемость, чем по стране в целом. В основных фертильных возрастах находились многолюдные поколения конца 1920-х–1930-х годов рождения. Успехи советского здравоохранения позволили в несколько раз сократить младенческую смертность. В результате, несмотря на понижение рождаемости по сравнению с предвоенным периодом доля младших возрастных групп оказалось почти равной предвоенной переписи 1939 г. В Томской области и Горном Алтае доля детей до 10 лет даже несколько возросла. В остальных регионах доля лиц в возрасте 0–9 лет снизилась на 0,1–1,9 п.п. На таком понижении отразилась усиленная урбанизация региона. Максимальное снижение оказалось в Новосибирской области 1,9 п.п. (она оказалась одной из высокоурбанизированных в стране, доля горожан составила в ней 59% против 49% в целом по СССР), в Омской области 1,5 п.п. (здесь доля горожан приблизилась к половине населения региона). в Кемеровской области, где потери в войну среди мужского населения были меньше. Меньшим было и сокращение доли детей (0,7 п.п.), но число детей уже в 1939 г. было ниже, чем в соседних регионах. На 0,1 п.п. снизилась доля детей до 10 лет в Алтайском крае, в котором сельское население составляло 2/3 населения.

В 1959 г. перепись обнаружила «демографический провал» в возрасте 10–19 лет. Это дети, годы, рождения которых пришлись на последний предвоенный, военные и тяжелые послевоенные годы. Число родившихся в те годы резко сократилось, а младенческая смертность оставалась высокой. В результате немногочисленная при рождении генерация существенно сократилась в своей численности в первые годы жизни. Этим лицам предстояло вступать в фертильный возраст и брак уже в 1960 гг., что в дальнейшем определит резкое сокращение рождаемости в следующее десятилетие и уменьшение детей в итогах переписи 1970 г. Последнее составило в возрасте 10–19 лет на Алтае 10,3 п.п., Томской области 10,1 п.п., Омской – 9,2 п.п., в Кемеровской – 8,8 п.п., в Новосибирской – 8,5 п.п. Подростков и юношей стало почти вдвое меньше по сравнению с предвоенным периодом.

Таблица 7.9.

Состав населения Западной Сибири по возрасту, %*

	0–9 лет	10–19 лет	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Алтайский край							
1939 г.	25,7	25,4	16,3	13,4	7,5	5,3	6,4
1959 г.	25,6	15,1	19,0	14,8	10,1	7,6	7,8
1970 г.	17,1	22,5	12,1	15,5	13,6	8,6	10,5
1979 г.	16,1	16,2	18,9	10,9	14,1	11,2	12,6

В том числе							
Горно-Алтайская область							
1939 г.	26,3	24,1	17,8	13,0	7,0	4,9	6,9
1959 г.	28,5	13,6	18,6	14,9	9,7	6,9	7,8
1970 г.	21,6	23,9	10,5	14,6	12,7	7,8	8,8
1979 г.	20,1	19,0	18,6	9,1	12,9	10,1	10,2
Кемеровская область							
1939 г.	25,3	23,9	18,0	13,5	7,8	5,5	6,0
1959 г.	24,6	15,1	20,7	15,7	10,0	7,1	6,8
1970 г.	16,6	21,8	13,1	16,9	13,9	8,3	9,4
1979 г.	16,4	15,7	19,3	11,9	14,9	11,4	11,4
Новосибирская область							
1939 г.	26,1	23,8	16,9	13,6	7,7	5,5	6,4
1959 г.	24,2	15,3	19,8	14,8	9,4	7,8	7,7
1970 г.	16,5	21,4	13,5	16,3	13,3	8,8	10,2
1979 г.	15,0	16,1	19,5	11,8	14,3	10,9	12,4
Омская область							
1939 г.	26,6	24,2	16,3	13,1	7,9	5,5	6,4
1959 г.	25,1	15,0	20,1	14,6	10,0	7,5	7,7
1970 г.	18,9	21,8	12,7	16,2	12,6	9,1	9,7
1979 г.	16,6	18,2	19,1	11,0	13,9	10,1	11,1
Томская область							
1939 г.	23,6	25,9	17,3	12,3	8,0	6,2	6,7
1959 г.	24,0	15,8	19,9	15,3	10,0	7,2	7,8
1970 г.	16,3	22,2	15,5	15,4	13,3	8,1	9,2
1979 г.	16,3	16,6	21,9	12,0	12,9	10,0	10,3
Тюменская область							
1939 г.	25,8	22,9	16,1	13,7	8,2	5,7	7,6
1959 г.	26,2	14,6	18,6	14,2	10,1	8,0	8,3
1970 г.	19,6	21,2	13,6	16,9	12,2	7,5	8,9
1979 г.	17,7	16,4	23,4	13,5	13,1	8,0	7,8

*Состав. и расчит. по: Возрастной состав населения РСФСР, 1972. С. 286–304; Возрастной состав населения РСФСР. По данным всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Республиканский информационный центр, 1990. С. 272–301. В некоторых случаях сумма не дает итога 100% из-за наличия лиц, не указавших свой возраст.

В тоже время многочисленные поколения 1930 гг. рождения находились в основном репродуктивном возрасте 20–29 лет. Доля лиц этого возраста возросла во всех территориях региона по сравнению с 1939 г. Увеличение составило на Алтае и Кемеровской области по 2,7 п.п. В Томской области 2,6 п.п., в Новосибирской области 2,9 п.п., в Омской области 3,8 п.п. Несколько увеличился удельный вес лиц 30–39 лет. Их доля возросла от 1,2 п.п. в Новосибирской области и на Алтае до 3,0 п.п. в Томской области. Эта возрастная когорта также активно участвовала в деторождении. Наличие многочисленных поколений 20-39 лет и способствовало высокому уровню общего показателя рождаемости в регионе, который наблюдался в 1959 г. Относительно пониженный уровень общего показателя рождаемости при такой возрастной структуре свидетельствовал о том, что интенсивность деторождения в возрастных группах сокращалась, а суммарный коэффициент рождаемости существенно уменьшился.

Значительно увеличилась и доля 40–49-летних и 50–59-летних в населении. Это говорило о начавшихся процессах старения населения. Особенно значительный оказался рост доли старших возрастов. Число лиц в возрасте 60 лет и старше в процентном отношении возросла в 1,2–1,33 раза относительно предвоенного 1939 г. Население оставалось еще

молодым. Доля старших возрастных групп не превысила в целом по региону 8%, но подошло к этому рубежу вплотную, составив на Алтае и Томской области 7,8%, в Новосибирской и Омской области 7,7%. Кемеровская область не достигла 7% доли старших возрастных групп в населении (6,8%).

В таб. 7.10 показано соотношение полов в различных возрастах. Преобладание мужской части населения наблюдается в возрастах до 20 лет повсеместно, и до 25 лет во всех регионах, кроме Горного Алтая и Омской области.

Таблица 7.10.

Число женщин на 100 мужчин по возрастам*

Возраст	Алтайский край		Горно-Алтайская АО		Кемеровская область		Новосибирская область		Омская область		Томская область	
	1959 г	1970 г	1959 г	1970 г	1959 г	1970 г	1959 г	1970 г	1959 г	1970 г	1959 г	1970 г
все	120	118	123	121	111	114	120	118	119	116	116	112
0-4	97	97	98	95	97	96	96	96	95	97	97	96
5-9	96	96	96	97	97	97	97	96	97	97	98	95
10-14	97	97	101	97	98	97	98	96	97	95	97	96
15-19	95	96	109	115	88	95	97	97	100	98	93	102
20-24	96	97	111	122	84	98	99	98	102	102	92	96
25-29	98	104	101	109	93	100	102	103	100	102	94	85
30-34	123	100	121	105	112	100	122	103	122	101	120	90
35-39	159	99	168	104	141	100	158	105	156	102	151	93
40-44	162	122	164	121	143	113	157	122	156	122	152	114
45-49	171	168	174	173	144	154	164	164	162	166	156	158
50-54	176	171	175	180	152	157	170	168	166	167	164	163
55-59	232	192	251	204	196	170	223	185	234	185	214	177
60 и старше	215	238	225	244	198	218	211	236	199	229	199	232

*Возрастной состав населения РСФСР. С.286, 289, 292, 295, 298, 301.

При рождении на 100 девочек рождается 105–107 мальчиков. Смертность среди представителей сильного пола выше и постепенно соотношение полов выравнивается. Переписи отразили данную биологическую закономерность. Мальчики и юноши преобладают над своими сверстниками. Такая ситуация наблюдается до 20–25 лет. После чего соотношение меняется, постепенно нарастает женский перевес. Эта закономерность существенно была искажена последствиями Великой Отечественной войны. В 1959 г. в возрасте 31 год находились мужчины, которые принимали в военных действиях непосредственное участие. В результате, начиная с возрастной группы 30–34 гг. наблюдается резкий перевес женского населения. На 100 мужчин приходится в данных возрастах 123 женщины. Это превышает аналогичное соотношение между полами, отмеченное для всего населения – 120. В дальнейшем перевес только нарастает. Если до возрастов 65 лет данное обстоятельство может свидетельствовать о тяжести военных потерь, то после данного возраста – это результат повышенной смертности мужского населения по сравнению с представительницами слабого пола. В 1970 г. на 100 мужчин приходилось 118 женщин, а до 40 лет не наблюдалось доминирования женского населения, в более старших возрастах диспропорция была менее резко выражена по сравнению 1959 г. Это был результат кратковременного снижения смертности в 1950–1960 гг. В возрастах 60 лет и старше ситуация продолжала ухудшаться. В возрастах старше 70 лет на 1 дедушку приходилось 3–4 бабушки.

Такая возрастная структура отразила все перипетии в развитии страны, большие потери в годы войны 1941–1945 гг., и не являлась устойчивой с точки зрения воспроизводства населения. Пониженная доля мужчин во всем населении, сокращение их доли в репродуктивных и трудоспособных возрастах, вызывало необходимость привлечения к труду домохозяек, увеличивало производственную нагрузку на женщин, объективно способствовало сокращению размеров семьи. Данное обстоятельство совпало с периодом вступления в детородный период малолюдных поколений и усилило демографические проблемы в 1960 г. Снижение рождаемости стало неизбежным и эхо войны слишком «долгим и громким». В 1967 г. интенсивность рождаемости в Западной Сибири по сравнению с 1959 г. снизилась на 38,6%. Чем старше были женщины детородного возраста, тем выше было снижение по возрасту показателя рождаемости. Например, до 20 лет сокращение составило 16,2%, в 20–24 года 20,0, а 25–29 лет 34,4%. В возрастных группах старше 30 лет снижение рождаемости было одинаковым 41,9–42,6% [1. С. 23]. В 1960 г. показатель рождаемости в Западной Сибири составлял 23,3‰, в 1965 г. 14,7‰, в 1968 г. – 14,0‰¹. Возрастная структура по переписи 1970 г. четко обозначила проблемы падения рождаемости и стабилизации продолжительности жизни.

Перепись 1970 г. отметила значительное постарение населения региона. При увеличении населения на 5,4% число лиц, старших 60 лет, возросло на 39,4% (на Алтае 33,7%, в том числе Горном Алтае – 22,1%, в Кемеровской области 45,5%, в Новосибирской – 44,8%, в Омской – 39,8%, в Томской области 22,9%). В результате доля старших возрастных групп существенно увеличилась. В Новосибирской области и Алтайском крае она превысила 10% населения, т.е. преодолело порог преддверия «демографической старости». В Омской области для этого не хватило всего 0,3%. Кемеровская и Томская область достигли уровня постарения населения, наблюдавшего в СССР в 1959 г., превысил аналогичный показатель для РСФСР в том же году. Горно-Алтайская АО лишь немногим не достигла уровня постарения в 9%. Следовательно, процессы постарения населения значительно ускорились и оказались выше общесоюзных показателей прироста. За период 1959 – 1970 гг. по данным переписи доля старших возрастных групп увеличилась в целом по СССР с 9,4% до 11,9%, т.е. на 2,5% пункта. В Западной Сибири увеличение составило в Алтайском крае – 2,7 п.п., в Кемеровской области – 2,6 п.п., в Новосибирской области – 2,5 п.п., в Омской – 2,0 п.п., в Томской – 1,4 п.п. В процентном отношении прирост составил: в СССР 25,5%, в РСФСР 32,2%, в Алтайском крае 34,6%, в Кемеровской 38,2%, Новосибирской области 32,5%, Омской 26,0%, Томской 17,9%. Старение быстрее происходило в сельской местности. Например, в Алтайском крае доля лиц, старше 60 лет, составляла в 1959 г. в городских поселениях – 6,9%, в сельских – 8,3%. В 1970 г. аналогичные показатели составили 9,4% и 11,5%. Женщин «старели» быстрее мужчин. В том же Алтайском крае в 1959 г. шестидесятилетний рубеж в городах преодолели 4,8% мужчин и 8,6% женщин; в сельской местности края 5,8% мужчин и 10,4% женщин. Ситуация 1970 г. такова удельный вес мужчин, старше 60 лет, составил в городах 6,0%, в селах 7,4%, а женщин 12,3% и 14,9% соответственно². Небольшое увеличение удельного веса у мужчин в старших возрастах – прямое указание на низкую продолжительность жизни мужчин и, особенно в сельской местности. Такой же процесс наблюдался и в промышленно развитых регионах Западной Сибири. В Кемеровской области доля лиц старше 60 лет в 1959 г. составляла в городах у мужчин 4,1%, женщин 7,8%, в сельской местности 7,0 и 11,0% соответственно. В 1970 г. рубеж в 60 лет перешагнули 5,8% мужчин и 11,5% женщин в городах, 8,6% и 15,1% в сельской местности³ (таб. 7.11).

Старение населения Западной Сибири стало усиливаться, сочетая в себе одновременно два фактора: снижение рождаемости (старение снизу) и увеличение

¹ Расчт. по: Возрастной состав населения РСФСР. С. 105.

² Возрастной состав население РСФСР. С. 290, 291.

³ Возрастной состав население РСФСР. С. 292, 293.

продолжительности жизни (старение сверху). Однако последний фактор проявился двояко. С одной стороны снижение рождаемости приводило к увеличению доли старших возрастов, а при сокращении рождаемости до уровня ниже простого воспроизводства (это стало реальностью в середине 1960-х годов) – и средних. Снижение уровня младенческой смертности тормозило данный процесс, но остановить его не могло, да и само сокращение смертности детей стало замедляться (снижение смертности детей – эквивалентно некоторому росту рождаемости), а в конце изучаемого периода наступила стабилизация смертности детей. Одновременно прекратилось снижение смертности в трудоспособных возрастах, которое сменилось даже некоторым увеличением повозрастных показателей смертности.

Таблица 7.11.

Доля лиц старше 60 лет в населении. (1959–1979 гг.),%*

ПОЛ	Доля лиц старше 60 лет в населении.								
	Городское			Сельское			Все население		
	1959	1970	1979	1959	1970	1979	1959	1970	1979
Алтайский край									
Муж.	4,8	6,0	7,3	5,8	7,4	8,5	5,5	6,8	8,0
Жен.	8,6	12,3	14,7	10,4	14,9	18,8	9,8	13,7	16,7
Горно-Алтайская АО									
Муж.	5,6	6,2	7,8	5,2	5,5	5,9	5,3	5,7	6,7
Жен.	8,8	11,2	14,3	9,9	11,5	13,0	9,7	11,4	13,4
Кемеровская область									
Муж.	4,1	5,8	7,2	7,0	8,6	10,5	4,8	6,3	7,7
Жен.	7,8	11,5	14,3	11,0	15,1	19,4	8,6	12,1	15,0
Новосибирская область									
Муж.	4,8	6,2	7,5	6,2	7,4	8,4	5,4	6,6	7,8
Жен.	8,8	12,6	15,0	10,5	14,3	18,4	9,5	13,2	16,0
Омская область									
Муж.	5,0	5,8	6,6	6,0	7,0	8,2	5,7	6,4	7,1
Жен.	8,9	12,0	13,5	9,8	13,2	17,7	9,4	12,6	14,5
Томская область									
Муж.	5,0	5,2	6,3	6,4	6,8	7,1	5,7	5,9	6,5
Жен.	6,4	9,1	13,1	7,7	10,4	15,4	7,4	9,8	13,7
Тюменская область									
Муж.	5,1	4,5	3,8	5,8	6,0	6,0	5,6	5,3	4,7
Жен.	9,7	10,6	9,3	11,0	13,5	13,7	10,6	12,1	11,5

*Составлено и рассчитано: Возрастной состав населения РСФСР. М., 1972. С. 286–306; Возрастной состав населения РСФСР. По данным всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990, С.272–295.

Эти обстоятельства стали усиливать темп старения населения. Рост продолжительности жизни приостановился в 1965–1967 гг., после чего средняя продолжительность жизни стала сокращаться. При этом за 1967–1969 годы ее снижение оказалось равным 1 году. Отмечался и рост повозрастных показателей смертности в старших возрастах, что замедляло старение населения. Частично увеличение смертности можно было объяснить улучшением качества учета смертности. В пользу этого обстоятельства свидетельствует тот факт, что статистики сообщали о значительном числе смертных случаев, зарегистрированных во втором и третьем кварталах года, следующего за отчетным. Такие случаи в статистической отчетности не отражались. Кроме того, в итогах переписи 1970 г. оказалось больше детей до 10 лет, чем указывала текущая статистика (результат недоучета рождений) и меньше лиц, старше 65 лет, – результат недоучета смертей. Заметим, что недоучитывалось согласно оценкам статистиков примерно 1,5 – 4%. При этом качество из года в год улучшалось. Смертей недоучитывали больше, чем рождений. Косвенно об этом

свидетельствуют результаты переписи населения 1970 г. В текущей статистике численность населения была завышена, особенно в Омской области и Алтайском крае, т.е. в регионах, где преобладало сельское население, и недоучет демографических событий был выше. В последнем после подведения итогов переписи 1970 г. выяснилось, что вместо увеличения численности населения по отношению к данным переписи 1959 г. на 1%, население сократилось на 1,2%. Миграция в СССР, как в тоталитарном государстве, учитывалась относительно не плохо и ее ошибки не могли привести к существенному искажению численности населения.

Итоговые результаты переписи населения по возрастному составу населения в разрезе городской и сельской местности областей представлены в таблице 7.12.

Таблица 7.12.

Возрастной состав городского и сельского населения Западной Сибири по данным переписи населения 1970 г., %*

Категория населения	ГОД	0–9 лет	10–19 лет	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Алтайский край								
Городское	1970	14,9	21,0	15,8	16,7	13,7	8,4	9,4
Сельское		19,0	23,6	9,0	14,5	13,4	8,9	11,5
Городское	1979	15,2	15,7	20,7	12,6	13,8	10,6	11,4
Сельское		16,9	16,6	17,0	9,1	14,5	11,9	14,3
В том числе								
Горно-Алтайская АО								
Городское	1970	14,4	25,1	14,7	14,8	13,5	8,3	9,1
Сельское		23,9	23,6	9,3	14,5	12,4	7,6	8,7
Городское	1979	15,2	19,1	20,4	10,2	12,8	10,8	11,5
Сельское		22,0	19,1	17,9	8,7	12,8	9,8	9,7
Кемеровская область								
Городское	1970	16,2	21,6	13,9	17,4	14,0	8,1	8,8
Сельское		18,2	23,0	9,3	14,1	14,0	9,3	12,0
Городское	1979	15,0	15,6	19,8	12,4	15,0	11,2	11,0
Сельское		16,4	16,0	15,6	8,9	16,6	13,3	15,2
Новосибирская область								
Городское	1970	14,4	20,2	16,0	17,3	13,6	8,8	9,7
Сельское		20,4	23,5	8,9	14,6	12,7	8,7	11,2
Городское	1979	14,4	15,6	20,9	12,8	14,2	10,6	11,5
Сельское		16,8	17,7	16,3	9,2	14,7	11,5	13,8
Омская область								
Городское	1970	15,6	20,7	16,1	17,4	13,0	8,0	9,2
Сельское		23,1	23,3	8,6	14,5	12,0	8,3	10,2
Городское	1979	15,1	17,3	21,5	12,2	13,7	9,9	10,3
Сельское		19,1	19,6	15,2	8,8	14,1	10,6	12,6
Томская область								
Городское	1970	14,1	21,6	19,2	15,9	12,7	7,9	8,6
Сельское		22,6	22,0	10,2	15,3	12,0	7,8	10,0
Городское	1979	15,1	16,7	23,5	13,0	12,6	9,3	9,8
Сельское		18,2	16,4	18,7	10,0	13,6	11,7	11,4
Тюменская область								
Городское	1970	16,7	20,4	17,1	18,7	12,3	7,0	7,7
Сельское		22,6	22,0	10,2	15,3	12,0	7,8	10,0
Городское	1979	17,4	15,5	25,5	15,0	12,9	7,3	6,6

Сельское		18,5	17,6	20,2	11,1	13,3	9,0	10,3
----------	--	------	------	------	------	------	-----	------

* Состав. и рассч. по: Возрастной состав населения РСФСР, 1972. С. 286–306. Возрастной состав населения РСФСР, 1990. С.272–295. В некоторых случаях сумма не дает итога 100% из-за наличия лиц, не указавших свой возраст.

Как видно из данных таблицы, население в сельской местности имело большую величину как детей, так и лиц старше 60 лет. Это отражало более высокую рождаемость у сельского населения, миграционный отток молодежи из деревень. Политика укрупнения сельских поселений оказала негативное влияние на возрастную структуру села. Поток молодежи резко ускорился, а направление миграции шло в города (переезжать так один раз), а не более крупные села. Миграционная подвижность постоянно возрастала, хотя село имело дефицит трудовых ресурсов [1. С. 56–90; 2. С. 49]. Самым старым оказалось население села в Кемеровской области, где доля лиц старше 60 лет составила 12,0%, немногим от этого показателя отстали Алтайский край (11,5%) и Новосибирская область (11,2%). В последней оказалось самым старым население городов (9,7%). Немногим ниже уровень старения наблюдался в Алтайском крае (9,4%). Самыми молодыми были жители сел Томской области (10% старше 60 лет) и, особенно, Горного Алтая – 8,7%. Последний входил в состав Алтайского края и оказался также с минимальным показателем старения в городах 9,1%. При этом постарение городов оказалось большим, чем сельского населения. Это обстоятельство можно объяснить высокой рождаемостью и низкой миграцией жителей сельской местности данного региона.

Доля детей до 10 лет в 1970 г. в городах во всех регионах оказалась существенно ниже, чем в 1959 г. - результате значительного снижения рождаемости, составив 14,1–16,2 % жителей. В сельской местности амплитуда колебаний была существенно выше. Она составляла: от 18,2% в Кемеровской до 22,6% в Томской области и до 23,9% в Горном Алтае. Рождаемость в сельской местности до середины 1960-х годов почти не снижалась, что способствовало высокой доли детей 5–10 лет по данным переписи 1970 г. Доля лиц 10-19 лет почти не отличалась по своему удельному весу в городах и селах региона. Однако в следующей возрастной группе 20–29 лет ситуация меняется. В городах повсеместно доля молодежи в 1,7–2,0 раза выше, чем в сельской местности. Повышенным, хотя и несколько меньшей мере, остается удельный вес лиц 30-39 и 40-49 лет в городах. В возрасте 20–59 лет доли населения в городах и селах примерно равные, после чего старшие возрастные группы более весомее в процентном отношении отмечались в сельской местности.

В 1979 г. перепись подтвердила основные векторы демографического развития в регионе. Старение населения продолжилось, хотя темпы его стали снижаться. Закрепились тенденции в падении рождаемости и росте смертности. Для большинства регионов актуальной оставалась потеря населения из-за миграции. Замедлился темп и увеличения доли мужчин в населении (кроме Тюменской области). Замедлилось старение в городах. В Кемеровской области и в Горном Алтае доля старших поколений даже сократилась, что связано в обоих случаях с ростом смертности населения (в том числе и у лиц старше 60 лет) и вступлением в возрастную группу 60+ людей, которые родились в Первую мировую войну и в начале гражданской. Противоречивой была тенденция у детей до 10 лет. Их доля увеличилась у городского населения во всех регионах Западной Сибири и сократилась у сельского населения у всех регионов. В целом подъем рождаемости 1970-х годов увеличил вес данной возрастной группы в населении. Снизилась доля подростков 10–14 лет и юношества 15–19 лет в населении региона - это были поколения, рожденные в период падения рождаемости в 1960-х годах. Возросла доля 20–29 летних (рожденные в 1950-х годах) и 40–49 лет (рожденных в 1930-х годах). Это были периоды повышенной рождаемости. Высокой оставалась доля женщин в 50–59 лет, рожденных в годы нэпа, но одновременно мало оказалось их сверстников, многие из которых погибли в войну. Пониженной оказалась доля 30-39 летних, рожденных перед, после или во время войны.

Таким образом, население Западной Сибири в основных чертах проходило такой же путь развития, как и все население страны. Однако примерно с временным лагом 10–12 лет.

Кроме того, наблюдался постоянный отток из данного региона. Если города теряли с другими районами страны незначительное число жителей в ходе миграционного обмена, то сельское население теряло жителей как с обменом с городами региона, так и другими областями и республиками страны.

Обращает на себя внимание факт, что после смерти И. В. Сталина показатели рождаемости в стране вплоть до 1959 г. превышали показатели 1953 г. Это произошло несмотря на то, что в репродуктивный возраст вступали относительно малолюдные поколения 1932–1935 гг. рождения, а число абортос после их легализации в 1955 г. неуклонно и быстро возрастало. Значит, причину низкой рождаемости в первые послевоенные годы следует искать в социально-экономической ситуации тех лет. Голод 1946–1948 гг. и ухудшение продовольственного снабжения в 1950 г., а также критическая ситуация 1952–53 гг., когда села находились на грани голода, свидетельствуют, что до самой смерти Сталина население жило под постоянной угрозой голода. Это и отразилось на низком уровне рождаемости. (таб. 7.13).

Таблица 7.13.

Естественное движение населения Западной Сибири (без Горного Алтая) в 1950–1970 гг., ‰.*

Год	РОЖДАЕМОСТЬ			СМЕРТНОСТЬ		
	Все	Город	Село	Все	Город	Село
1950	32,7	31,9	33,4	11,9	11,8	11,9
1951	32,8	31,5	33,8	11,9	11,1	12,7
1952	30,2	31,8	30,9	10,7	9,8	11,6
1953	27,7	27,5	29,9	9,6	8,8	10,3
1954	30,2	28,4	31,9	9,2	8,1	10,2
1955	31,0	27,3	34,6	9,1	8,1	10,2
1956	29,0	25,0	32,9	7,6	6,7	8,4
1957	29,0	25,1	33,0	7,7	6,7	8,6
1958	28,4	24,9	32,3	7,1	6,5	7,8
1959	28,4	24,0	31,5	7,3	6,9	7,8
1960	26,6	23,6	30,2	6,8	6,4	7,3
1961	24,3	21,9	27,4	7,0	6,5	8,0
1962	21,9	19,9	24,5	7,0	6,5	7,6
1963	19,9	18,2	22,2	6,5	6,1	7,3
1964	17,2	16,3	18,4	6,6	6,3	6,9
1965	15,8	14,8	17,2	6,8	6,4	7,2
1966	15,2	14,6	16,1	6,9	6,6	7,3
1967	14,4	14,0	15,0	7,1	6,7	7,7
1968	14,2	14,0	14,5	7,4	7,0	7,9
1969	14,4	14,5	14,3	7,8	7,5	8,3
1970	14,7	15,0	14,4	7,9	7,5	8,8

* Рассчитано по: данным официальных ответов статуправлений.

В РСФСР за этот период уровень рождаемости и абсолютные числа родившихся заметно снизились. Послевоенного пика рождаемость в целом по РСФСР достигла в 1954 г. — 2948,8 тыс. рождений. С 1954–1959 г. число рождений уменьшилось на 5,2%¹. Показатель рождаемости имел явную тенденцию к понижению. Он сократился в этот период с 26,9 до 23,6‰, т. е. на 12,3%². В основной репродуктивный возраст вступали многолюдные поколения, родившиеся в конце 30-х гг. Тогда с 1937 г., после запрещения абортос и

¹ Население СССР (численность, состав, движение), 1973. М., 1975. С. 70.

² Там же.

улучшения снабжения населения, число родившихся заметно возросло. Юридическая легализация аборт практически не повлияла на их фактическую частоту, а лишь улучшила качество учета их лечебными учреждениями. Следовательно, начался резкий, скачкообразный переход к малодетной семье. В РСФСР наблюдалось абсолютное падение числа рождений, которого не было ни в СССР в целом, ни в большинстве республик. В близких по демографическому поведению Украине и Белоруссии число рождений постоянно росло. Кроме России имела уменьшение числа родившихся только Эстония — на 4,8%¹.

Таким образом, в РСФСР послевоенный рост рождений наблюдался на протяжении самого короткого в СССР периода — менее 9 лет, с 1946 по 1954 г. После разрешения абортов он сразу сменился спадом рождений. Падение числа родившихся продолжалось на протяжении 15 лет (1954–1968 гг.). При больших миграциях за пределы РСФСР (освоение целины, развитие промышленности в национальных регионах) это должно было насторожить руководство страны. Однако данное явление в то время не только не вызвало озабоченности руководства, на него даже не обратили внимания. По крайней мере, в 1961 г. руководитель переписи 1959 г. П. Г. Подъячих сформулировал, как одну из основных черт закона народонаселения социалистического общества, «постоянный и быстрый рост населения». Он объявил, что высокий уровень рождаемости в целом по СССР есть «свидетельство растущего материального благосостояния советского народа, показатель уверенности советских людей в своем завтрашнем дне»[18. С. 3, 17].

Весь ход демографического развития страны в период 1946–1958 гг. говорит о том, что падение в «демографическую яму» 60-х гг. было закономерным. Переписью 1959 г. зафиксировано сокращение доли подростков в населении страны, так как в этом возрасте находились лица, родившиеся в годы войны. В следующее десятилетие они вступали в репродуктивный возраст. Административные меры по отношению к крестьянству ускорили и углубили процесс сокращения рождаемости. Всеобщая занятость женщин и растущая урбанизация городов способствовали закреплению репродуктивной установки на малодетную семью. О динамике численности рождений и показателях рождаемости в Западной Сибири можно судить по данным таб. 7.13.

Как видим, резкое сокращение числа родившихся и снижение показателя рождаемости — процессы, начавшиеся после 1954 г., — стали усиливаться. В 1959–1960 г. абсолютное число родившихся стабилизировалось. Однако в 1960 г. в селах отмечено абсолютное падение числа родившихся. Особенно это проявилось в Новосибирской области на 1095 чел., или на 9,7%. Такое падение рождаемости в селах не могло быть объяснено только абсолютным уменьшением числа сельских жителей. Оно свидетельствовало о структурных изменениях в составе населения села. Отток молодых людей ухудшил половозрастную структуру. Административное вмешательство в экономику семьи сельчан — существенное ограничение в ведении подсобного хозяйства — лишало семью уверенности в завтрашнем дне, особенно в неперспективных селах. Все это наносило удар по менталитету многодетной семьи.

Ситуация еще более ухудшилась после вхождения малолетних поколений женщин военных лет рождения в репродуктивный возраст. Миграции обострили диспропорцию полов. Массовый отток молодых женщин и девушек (16–25 лет) из села в город вызвал резкую нехватку в селах невест. Он задержал вступление в брак юношей в селах, девушек — в городах. У многолюдных поколений мужчин, родившихся в предвоенные годы, потенциальными невестами являлись женщины из малолетних поколений военных годов рождения. Наряду с ухудшением количественных характеристик происходило улучшение качественного состава населения. Росла образованность, продолжительней стала учеба, усилилось вовлечение женщин в общественное производство.

Дети военных лет рождения имели больше шансов на поступление в вузы и стремились получить хорошее образование. Страна, испытывающая нехватку специалистов,

¹ Там же. С. 71–72, 83.

пошла на расширение вечернего и заочного обучения, что уменьшило потребность в детях и привело к снижению числа родившихся. Резко изменился уклад жизни сельчан, мигрирующих в город. Это снижало потенциал демографического воспроизводства. Общественное мнение однозначно заняло сторону малодетной семьи. Многодетные семьи и женщины-домохозяйки стали вызывать скептическое отношение.

Снижение рождаемости в годы семилетки (1958–1965 гг.), объясняется специалистами облстата следующим образом: «Уменьшение рождаемости объясняется неблагоприятным соотношением между численностью мужчин и женщин, уменьшением численности женщин в возрастах, в которых они способны к деторождению (15–49), ростом численности и удельного веса городского населения (уровень рождаемости среди городского населения ниже, чем среди сельского), увеличением численности женщин, занятых в общественном производстве, при недостаточной обеспеченности детей детскими учреждениями, повышением культурного уровня населения, увеличением аборт (сохранен стиль источника, но внесены некоторые грамматические исправления. - А. Б.)»¹.

В приведенной цитате имеется характерное для тех лет убеждение о нехватке мест в детских учреждениях как причине снижения рождаемости. Вместе с тем доказано, что дети в домашних условиях лучше доглядываются матерями или бабушками, реже болеют и доставляют меньше забот родителям. Ранний отрыв детей от семьи в детские учреждения стал способствовать изменению менталитета семьи. Доказано также, что это способствует росту разводов. Характерно, что распространение абортов названо причиной снижения рождаемости, а не следствием оно, к тому же это только средство достижения цели.

Кроме вышеперечисленных причин, можно отметить следующие. Падение рождаемости совпало с введением в 1956 г. Закона о госпенсиях, гарантирующего пособие в старости, последний возлагал на государство содержание стариков. Закон не стимулировал рождения детей второй-четвертой очередности. Одной из основных причин снижения рождаемости стало увеличение продолжительности жизни населения, т. е. снижение смертности, особенно у детей и молодежи.

Рост продолжительности жизни в СССР был огромным. В предвоенные годы продолжительность жизни составляла 47 лет. В 1950 – 1954 гг. она увеличилась до 61,7 лет. В дальнейшем рост замедлился, но остался высоким: 1955–1960 гг. — 68,4 года, 1960–1969 гг. — 70 лет [21. С. 361, 362]. Особенно значительным было снижение младенческой смертности. В 1940 г. она составляла 181,5‰, к 1950 г. снизилась до 80,7‰, т. е. более, чем в 2 раза, в 1960 г. — до 35,3‰, далее стабилизировалась на уровне 26–27‰². В РСФСР число умерших детей до года сократилось с 1940 по 1960 г. почти в 6 раз — с 205,2 до 36,6‰. К 1970 г. оно сократилось до 23‰³.

Недоучет смертности завышал среднюю продолжительность жизни населения. В 1958 г. средняя продолжительность жизни, рассчитанная ЦСУ СССР, составляла 69 лет. По современным данным, она равнялась 66,9 года, т. е. была на 2,1 года ниже [21. С. 71]. Основной массив недоучета пришелся на районы Средней Азии, Закавказья, Молдавию и национальные регионы Российской Федерации (Северо-Кавказские автономии, Бурятия, Тува, Горный Алтай и Якутия). В меньшем масштабе недоучет коснулся сельских местностей РСФСР. По данным проверок ЦСУ, пропуски регистрации по сельским советам и горзагсам области были единичными (несколько десятков случаев). Большая часть незарегистрированных рождений приходилась на недоношенных детей, у которых смертность выше. Выявленные случаи незафиксированных смертей составляли значительную величину. Для дальнейшего анализа мы использовали официальные данные о числе умерших, так как общую тенденцию развития они показывают верно. В динамике смертности населения СССР и РСФСР отмечалось временное повышение ее показателей в

¹ Развитие культуры и здравоохранения Новосибирской области: Статсборник. Новосибирск, 1966. С. 59.

² Население СССР. М., 1987. С. 344.

³ Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. М., 1988. С. 349.

1957 и 1959 гг. Это объяснялось тогда эпидемиями гриппа (в настоящее время считается, что повлияло качество учета). В Новосибирской области в 1957 г. смертность несколько снизилась, а в 1959 г. общесоюзная тенденция некоторого повышения наблюдалась и здесь. В год переписи населения точность учета была большей, и это, на наш взгляд, повлияло на рост показателя смертности наряду с эпидемией гриппа.

Во второй половине 50-х гг. постоянно отмечалось сокращение числа родившихся и показателя рождаемости в сельской местности области. Рождаемость в селе падала быстро как по допереписной, так и по послепереписной оценке. Показатель рождаемости с 1957 по 1961 г. в селах Новосибирской области сократился с 33,3 до 28,0‰¹(на 16%), на Алтае с 33,6‰ до 26,6‰ (на 21%), в Кемеровской области 31,1‰ до 24,2‰(на 22%), Томской области 30,3‰ до 25,0‰ (на 17%), Омской области 34,4 и 31,4‰ (на 10%)². (Именно в этот период резко усилилась миграция из сел, в первую очередь молодежи. Это привело к ухудшению половозрастной структуры и как следствие к снижению рождаемости. Мигранты из сел, попав в чуждую им городскую среду, не были обустроены жилищно и материально. Они откладывали рождения, а зачастую прекращали их.)

Проводимая политика сселения неперспективных деревень стала дополнительным административным импульсом перехода к малодетной семье. Кроме неблагоприятной половозрастной структуры, этому же способствовал рост занятости женщин на производстве, стимулировавший ограничение детей в семье и увеличивший количество производимых аборт. Последние в условиях сплошной медицинской малограмотности играли роль основного средства регулирования размеров семьи. Официально аборт стал считаться причиной снижения рождаемости, а не следствием отказа от деторождения и способом его регулирования [22].

Все это говорило о низкой профессиональной квалификации руководства страны того периода, о непонимании ими долгосрочных путей развития страны. Последствия непродуманных решений ощущаются до сих пор.

Таким образом, послевоенные годы характеризовались противоречивыми тенденциями в развитии рождаемости. Рост числа родившихся был следствием компенсаторного процесса, одновременно произошло увеличение доли женщин фертильных возрастов в населении, что увеличило число первых и вторых рождений. Но эта тенденция объективно противоречила происходящему процессу модернизации общества, который вел к ограничению числа детей в семье. В 50-е годы большинство семей так или иначе регулировали деторождение[23].

В Новосибирской области младенческая смертность в 1939 г. составляла (196,0‰), в 1959 г. — 46,2, 1967 г. — 23,8‰³, т. е. процесс снижения протекал быстрее, чем по РСФСР. Несмотря на некоторый недоучет, можно констатировать огромное достижение. Хотя следует отметить, что оно имело и обратную связь. Население стало сокращать число рождаемых детей. За 1959–1970 г. суммарный коэффициент рождаемости заметно снизился (на 30%). В целом по РСФСР в 1969–1970 гг. он равнялся 1,9 рождения на одну женщину, а брутто-коэффициент воспроизводства составлял 0,9675. По Западной Сибири показатели были еще ниже. Здесь суммарный коэффициент снизился до 1,8. Брутто-коэффициент равнялся 0,88. Таким образом, население Западной Сибири, в том числе Новосибирской области, вступило в стадию резко суженного воспроизводства. Показатель рождаемости в целом по Западной Сибири с 1958 по 1965 г. сократился на 43,4% (с 28,6 до 16,2‰). В Алтайском крае сокращение составило 48%, в Кемеровской области — 47, в Омской — 40%. В Новосибирской области показатель рождаемости уменьшился на 42% (с 27,1 до 15,6‰⁴). В

¹ Естественное и механическое населения. Новосибирск, 1968. С. 1–2.

² Расчитано по данным ответов стауправлений.

³ Женщины и дети Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). Новосибирск, 1973. С. 19.

⁴ Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. М., 1966. С. 20.

1958–1960 гг. рождаемость в Сибири превосходила показатели РСФСР и СССР. К 1968–1970 гг. она сравнилась с общероссийскими показателями и была ниже на 14% показателей СССР.

Специальный коэффициент рождаемости в Западной Сибири с 1959 по 1970 г. сократился на 43% (в РСФСР - на 36%, в СССР - на 26%). Интенсивность падения по возрастной рождаемости в Сибири была выше, чем в РСФСР, во всех возрастных группах [6.С. 81, 82]. О снижении рождаемости в этот период свидетельствует сокращение среднего размера семьи в Западной Сибири (таб. 7.14).

Таблица 7.14.

Средний размер семьи в 1959–1979 гг.*

Год	Категория населения	РСФСР	Западная Сибирь	Новосибирская область
1959 г.	все	3,6	3,8	3,8
	городское	3,5	3,7	3,6
	сельское	3,8	3,9	3,9
1970 г.	все	3,5	3,6	3,4
	городское	3,4	3,5	3,9
	сельское	3,8	3,9	3,3
1979 г.	все	3,3	3,3	3,2
	городское	3,2	3,2	3,4
	сельское	3,4	3,4	3,2

*О численности и составе семей в Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). Новосибирск, 1973. С. 3 Население Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). Новосибирск, 1980. С. 105. [7. С. 65].

Из таблицы видно, что падение размера семьи за 1958–1970 гг. произошло исключительно за счет городского населения. В целом по РСФСР уменьшение составило 2,8%, в Сибири - 5,3%. В Новосибирской области в городах снижение было большим, чем по Российской Федерации и Сибири. В селах величина семьи не изменилась. У сельчан накопился потенциал детей, рожденных в 50-е и начале 60-х гг. Он был реально «сброшен» в 70-е гг. Следовательно, средний размер семьи еще не отразил тенденцию падения рождаемости целиком.

Расчет специального коэффициента рождаемости показывает, что число родившихся у женщин репродуктивного возраста сократилось с 1959 по 1970 г. по области на 44,6%. У горожанок оно уменьшилось на 33,45%, у жителей села — на 50,6%. Нужно учесть, что специальный коэффициент рождаемости испытал воздействие изменения возрастной структуры. В 1958–1959 гг. в возрастах наивысшей рождаемости (20–29 лет) находились многолюдные поколения довоенных лет рождения. В 1969–1970 гг. в этих возрастах были малочисленные поколения, родившиеся в военные и первые послевоенные годы. Регистрировалось значительное снижение рождаемости (таб. 7.15).

Таблица 7.15.

Показатели рождаемости в Новосибирской области в 1958–1970 гг.*

Год	Число родившихся, чел	Среднее за 2 года, чел.	Число женщин, в возрасте 15–49 лет, чел**.	Специальный коэффициент рождаемости, ‰	Индекс динамики, %
Всё население области					
1958	61777	60621	658959	91,99	
1959	59466				
1969	35267	35498	696371	50,98	55,42

1970	35729				
Городское население					
1958	28086	27714	396666	69,87	66,55
1959	27343				
1969	22520	23018	495016	46,50	
1970	23516				
Сельское население					
1958	33691	32907	262293	125,46	49,40
1959	32123				
1969	12747	12480	201355	61,98	
1970	12213				

* Рассчитано по: Естественное и механическое движения... Новосибирск, май 1968. С. 1; Естественное и механическое ... июль 1973. С.6–7; Возрастной состав населения новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). Новосибирск, май 1974. С. 12–13, 24–25, 36–37.

** На дату переписи.

Низкие показатели рождаемости конца 60-х гг. в Западной Сибири объяснялись спецификой возрастной структуры. Много женщин находилось в возрасте старше 30 лет. У них показатели рождаемости очень сильно отличаются от интенсивности деторождения в основном фертильном возрасте (20–35 лет). Однако чрезвычайно низкие показатели свидетельствовали о переходе к массовой однодетной семье. Динамика рождаемости показывает, что суженное воспроизводство в целом по региону началось с 1964 г. Однако в городах оно отмечалось с 1961–1962 гг. В сельской местности в целом суженного воспроизводства не наблюдалось. Хотя в ряде сельских районов оно стало реальностью.

В целом по СССР уровень рождаемости обеспечивал расширенное воспроизводство населения. В Западной Сибири отмечались самые высокие темпы падения в России. Наиболее значительное сокращение действительной рождаемости (без влияния возрастной структуры) произошло в городских поселениях. Динамика же общих показателей фиксирует обратное. В некоторых сельских районах Новосибирской области рождаемость снизилась более чем в 2,5 раза. За десятилетие (1958–1967 гг.) в Куйбышевском районе произошло сокращение с 35,4 до 11,7‰, в Барабинском — с 41,3 до 14,2, в Чулымском — с 33,3 до 12,9‰. В городах падение было меньшим: в Барабинске - с 21,7 до 10,0‰, в Куйбышеве - с 27,6 до 13,8‰¹. Такое обманчивое впечатление вызвано спецификой возрастной структуры: в городах было больше молодых, что позволило поддержать уровень общей рождаемости.

Ситуация в Западной Сибири, как и в России, стала меняться с 1969 г. Число родившихся увеличилось по сравнению с 1968 г. на %. Незначительное увеличение было вызвано вхождением в репродуктивный возраст поколений послевоенных лет рождения. В 1967 г. сроки службы в Вооруженных силах были сокращены. Вернувшиеся ранее, чем обычно, мужчины стали вступать в брак более молодыми (призывной возраст тоже был снижен с 19 до 18 лет).

Однако общая тенденция снижения рождаемости осталась прежней. Действительная рождаемость, т. е. число родившихся на одну женщину, в 70-е годы продолжала падать. Меры по стимулированию рождаемости не были приняты, что способствовало закреплению менталитета малодетной семьи.

В этой ситуации рост числа рождений стал зависеть исключительно от структурного фактора. Его действие привело к значительному увеличению числа рождений и показателя рождаемости. Процесс охватил как городское, так и сельское население. Это привело ряд исследователей к мнению о начале позитивных изменений.

В действительности же увеличение числа рождений было неравномерным и противоречивым. Например, с 1969 по 1974 г. число родившихся в области возросло на 6,8

¹ Естественное и механическое... 1968. С. 14.

тыс., или на 19,2%, но в 1973 г. отмечено уменьшение их числа, а за пятилетие (с 1974 по 1979 г.) увеличение составило 2,3 тыс., или 5,5%. На долю первого пятилетия пришлось 75% прироста. Рост числа рождений прекратился в 1977 г. В 1978 и 1979 гг. отмечено сокращение абсолютного числа рождений и в целом по области и у горожан, в сельской местности число родившихся продолжало возрастать. В 1979 г. и в городах, и в селах наблюдалось снижение показателя рождаемости. Снижение числа родившихся в 1973 г. повторяет падение рождаемости в 1952–1953 гг. Женщины, родившиеся в эти годы, в 1973 г. вступили в основной фертильный возраст. Падение числа появившихся на свет в 1978–1979 гг. было обеспечено вхождением в основной репродуктивный возраст поколений 1957–1960 гг. рождения, когда стало регистрироваться снижение рождаемости.

Превышение рождаемости городского населения над сельским отмечено в 1970 – 1974 гг. в Новосибирской, Кемеровской, Томской областях и на Алтае, что объясняется более молодой возрастной структурой городов. Значительный отток из сел в начале 70-х гг. заметно деформировал половую структуру в молодых возрастах. В города мигрировали в основном девушки 20-24 лет. Из-за «сселения» неперспективных деревень в сельской местности происходило более интенсивное снижение действительной рождаемости. При стабилизации и некотором росте последней в конце 70-х гг. положение выравнивалось. С 1975 г. общие показатели рождаемости на селе стали превышать аналогичные городские. В 1970 г. в Томской области в сельской местности показатель рождаемости составил 15,3‰, а в городах 16,4‰; в Кемеровской области соответственно 12,7‰ и 14,7‰, на Алтае 14,2‰ и 15,9‰. В Новосибирской области они сравнялись – 14,2‰. Только в Омской области в селах показатель рождаемости превысил аналогичный у горожан 16,6‰ и 15,3‰. В 1971 г. в городах Новосибирской области показатель составил 15,6‰ против 15,3‰ в селах, в 1972 г. 16,1‰ и 16,0‰ соответственно, в 1973 г. 15,8‰ и 16,3‰, в 1974 г. 16,9‰ против 15,9‰ в селах. Начиная с 1975 г. рождаемость в селах Новосибирской области постоянно превышала соответствующие показатели в городах. В 1975 г. произошло одновременное увеличение числа рождений в сельской местности и падение числа родившихся в городах. Повышение рождаемости в селах на 1723 чел. с лихвой перекрыло уменьшение рождений в городах на 778 чел. Общий показатель рождаемости по области в этот год увеличился. В городах Новосибирской области в 1975 г. сократились даже абсолютные числа родившихся¹, хотя предпосылок для этого структурного характера не было.

В 50-е гг. были достигнуты большие успехи в здравоохранении. Результатом этого стало прежде всего значительное сокращение смертности. В целом по СССР с 1950 по 1960 г. смертность сократилась на 26,8%. Таких низких показателей страна еще не знала. Продолжительность жизни увеличилась с 61,7 года в первой половине 50-х гг. до 68,4 во второй [20. С. 362]. В 1960 г. новорожденному предстояла жизнь в 69,5 лет. Существовавший недоучет смертности несколько завышал данный показатель.

По современным расчетам величина недоучета, оставаясь существенной, неуклонно снижалась. Если в 1950 г. не было зарегистрировано 17% смертей, то в 1958 г. — 10%. Среди родившихся недоучет снизился с 8 до 2%. Младенческая смертность (по данным регистрации) в 1950 г. составила 81‰. По современным расчетам, в 1950 г. она составила для детей до года 104‰, т. е. была на 28% выше. В 1958 г. показатели соответствовали 41 и 55‰, т. е. разница снизилась до 25% [21. С. 69].

В год смерти И. В. Сталина положение в демографической сфере стало заметно улучшаться. Темп сокращения смертности в Новосибирской области после 1953 г. был более высоким, чем в целом по СССР и России. В 50-е гг. в Западной Сибири сложилась более молодая возрастная структура населения, чем в СССР и РСФСР. Действительная смертность (показатель, обратный продолжительности жизни) в области превышала общесоюзную, так

¹ Естественное и механическое движения населения. Новосибирск, июль 1973. С.6–7; Естественное и механическое ... в 1976 году. Новосибирск, июль 1977. С.6, 8–9; Официальные ответы статуправлений по остальным территориям.

как продолжительность жизни находилась на более низком уровне. (Таб. 7.16.) Тенденции в динамике смертности за изучаемый период были противоречивы. В 1958 – 1959 гг. средняя продолжительность жизни населения Западной Сибири составляла 67 лет, в том числе для мужчин 63, для женщин 71 год. В СССР аналогичные показатели равнялись 69; 64 и 72 года соответственно. Показатели средней продолжительности жизни в Западной Сибири равнялись показателям Российской Федерации [11. С. 20, 37, 41, 45, 73, 77, 81, 85, 89, 93]. Расчеты завышали реальную продолжительность жизни населения. Контрольными проверками в 1964 г. в СССР был установлен размер недоучета смертности 4,4% (в городах – 1,2%, в сельской местности – 5,9%), в РСФСР – 3,4%; 1,2% и 4,7% соответственно¹. Статистики в отчетах сообщали о большом количестве случаев рождений и смертей, зарегистрированных во втором и третьем кварталах года, следующим за отчетным. Такие случаи в годовую отчетность не попадали. Естественный прирост несколько завышался. Недоучет демографических событий наблюдался повсеместно. В 1970 г. в ходе проведения переписи в Новосибирской области контрольной проверкой выяснилось, что во всех районах существует недоучет событий².

На протяжении 50-х – 70 гг. младенческая смертность в Западной Сибири по данным регистрации была выше, чем в СССР. Сказывалось отставание в экономическом и социальном развитии восточных районов страны. Кроме того, в регионе существовала более точная регистрация смерти младенцев, особенно в первый месяц жизни, чем в СССР. Темпы снижения младенческой смертности были в области выше, чем по СССР. Только в 1957 г. показатели в Западной Сибири почти не отличались от общесоюзных.

Таблица 7.16.

Средняя продолжительность жизни населения Западной Сибири в 1958–1959 гг., лет.

Регион	Все население	Мужчин	Женщин	Разница, гр.4 к гр.3
Западная Сибирь	67,39	62,62	71,53	8,91
Городское	67,47	62,69	71,42	8,73
Сельское	67,34	62,53	71,47	8,94
Алтайский край	67,44	62,80	71,32	8,52
Кемеровская область	67,38	62,70	71,59	8,89
Новосибирская область	67,31	62,41	71,39	8,98
Омская область	67,58	62,95	71,45	8,50
Томская область	66,85	62,44	70,65	8,21
Тюменская область	62,12	61,43	68,11/	6,68

*Составлено и рассчитано: [9. С. 20, 37, 41, 45, 73, 77, 81, 85, 89, 93]. Расчет для обоих произведен по удельному весу в населении мужчин и женщин.

За десятилетие в динамике младенческой смертности произошел перелом. Рассмотрим на примере Новосибирской области. Смертность детей до 1 года сократилась в Новосибирске с 1950 по 1960 гг. в 4,1 раза, в других городах и поселках городского типа в 2,9 раза, в сельской местности в 2,4 раза. Таким образом, основной выигрыш от улучшения медицинского обслуживания получили жители областного центра, в меньшей степени -

¹ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф.2122. Оп.1. Д. 4457. Л. 171.

² ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8668. Л. 22

жители сел. Однако в конце десятилетия именно в селах и малых городах темпы сокращения младенческой смертности были выше. Окончательного выравнивания по внутриобластным регионам не произошло. Экологические проблемы еще не были обострены, а медицинское обслуживание в селах было хуже. В более поздний период выигрыш от состояния экологии в селе и небольших городах стал более значительным. Вследствие этого в целом по области с середины 60-х и 80-х гг. смертность детей до 1 года оказалась в селах ниже, чем в Новосибирске. Снижение смертности по возрастам происходило неравномерно. Доля умерших детей до 1 года в 1950 г. была выше примерно на четверть, чем умерших в возрасте 60 лет и старше. К 1960 г. доля умерших стариков и пожилых стала в 3,5 раза выше, чем в 1950 г. К этому году число умерших старых и пожилых людей составило почти половину всех смертей. Резкое сокращение младенческой смертности произошло в 1955–1960 гг. (Таб. 7.17).

Таблица. 7.17.

Младенческая смертность в Новосибирской области (1940–1960 гг.)*

Год	Число умерших детей до 1 года							
	Всего		Новосибирск		Прочие города		Села	
	абс.	‰	абс.	‰	абс.	‰	абс.	‰
1950	7352	114	2302	128	1000	108	4050	109
1955	4981	77	1038	57	719	72	3224	88
1956	3291	52	665	39	434	46	2192	59
1957	2901	47	609	36	424	47	1868	53
1958	2758	45	689	37	422	47	1647	48
1959	2777	46	...	35	...	47	1677	52
1960	2092	35	609	31	339	37	1144	37

* Составлено и рассчитано по: Естественное и механическое движения населения Новосибирской области. Новосибирск, май 1968. С. 17, 22–23; Численность населения и развитие здравоохранения Новосибирской области. Новосибирск, октябрь 1959. С. 22. Расчет младенческой смертности произведен по формуле РАТСа для регионов с высокой младенческой смертностью, т.е. с весами 1/3 числа умерших предыдущего года рождения и 2/3 – текущего года рождения.

В первой половине 50-х гг. смертность сокращалась в основном в возрасте от 1 года до 40 лет. Процентное увеличение на 10 пунктов доли умерших в старшей возрастной группе связано на 55,7% со снижением доли умерших младенцев и на 44,3% — умерших в возрасте с выше 55 лет. Рост доли умерших в возрасте 50–59 лет на протяжении всего периода объясняется тем, что у этих лиц снижение показателей смертности было меньшим. Кроме того, численно эта возрастная группа постоянно возрастала быстрее, чем все население. Абсолютное число умерших в возрасте 50–59 лет было стабильным до 1957 г. Затем оно стало расти.

Ситуация в целом по стране в 60-е гг. была противоречивой. В начале 60-х гг. почти повсеместно наблюдалось снижение смертности, хотя оно и прерывалось эпидемиями гриппа. Последний уносил много жизни из-за вызываемых им осложнений и ослабления организма. Показатели смертности достигли уровня одного из самых низких в мире. Минимум в 6,9‰ в целом по СССР регистрировался в 1964 г. Тогда же он составлял в РСФСР 7,2‰, в Новосибирской области 6,7‰¹. После этого в целом по СССР и по большинству регионов увеличивалась смертность. Темп прироста был различным, а само повышение вызывалось разными причинами. Не стоит утверждать, что весь зафиксированный в статистике прирост числа смертей был вызван реальным увеличением смертности.

¹ Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. М., 1966. С. 23.

С 1959 по 1969 г. естественный прирост в СССР составил 32 172,1 тыс. чел., а общий — 32 893,5 тыс. чел.¹ Таким образом, выявленный неучтенный естественный прирост составил 721,4 тыс. чел. В эти годы в СССР наблюдалось незначительное, но отрицательное сальдо внешних миграций. Поэтому величина недоучета еще более возрастает.

В данных текущей статистики обнаруживается недоучет населения в возрасте до 10 лет - результат незарегистрированных рождений (он выявлен переписью 1970 г.). Отмечено также завышение в текущей статистике числа лиц в возрасте 55 лет и старше. Последнее вызвано неточностями переписи населения 1959 г. и неполной регистрацией смертей в межпереписное время. Завышение числа лиц в возрасте 55 лет и старше в текущей статистике частично объясняет рост повозрастной смертности в 1968–1969 и 1969–1970 гг. Однако значительного повышения числа смертей не наблюдалось. Недоучет рождений с 1959 по 1969 г. составляет минимум 1,8 млн., или по 170 тыс. ежегодно. К концу периода регистрация и рождений, и смертей стала, безусловно, лучше. Официальные публикации утверждают, что продолжительность жизни в стране составляла в 1963–1968 гг. 70 лет². По этим же данным в РСФСР отмечена та же величина. В 1965–1966 гг. у мужчин России показатель достиг 65 лет, а у женщин — 74³. К 1969–1970 гг. средняя продолжительность жизни сократилась. В РСФСР она составила всего 68,8 года, в том числе у мужчин – 63,4, у женщин – 73,4 года⁴.

Такая динамика и быстрый рост показателя смертности подтверждают наличие факта недоучета смертей в РСФСР. В России он был заметно меньше, чем по СССР в целом. В 70-е гг. более качественная регистрация смертей привела к тому, что стала фиксироваться значительно меньшая продолжительность жизни в Средней Азии, Казахстане и Молдавии. Там её снижение оказалось большим, чем в СССР и РСФСР.

Некоторый недоучет сохранялся в Западной Сибири. В Омской области Органы ЗАГС неоднократно возвращали документацию на доработку органам здравоохранения. Констатировалось, что не все случаи рождений и смертей регистрируются в органах ЗАГС. Зачастую умерших вскоре после рождения регистрировали как мертворожденных. Например, ребенок прожил 1ч 15 минут, а был зарегистрирован как мертворожденный⁵. Мертворожденных в селах было больше, чем в городах, что свидетельствовало включении умерших вскоре после рождения в число мертворожденных. В Новосибирской области в 1967 г. за один из кварталов по данным обследования точности регистрации органов ЗАГС здесь были выявлены единичные случаи пропуска записей смертей и рождений. В сельской местности обнаружено 11 пропусков рождений и три — смертей. До 1 года не был зарегистрирован один умерший ребенок⁶. В Куйбышевском районе за 4-й квартал 1971 г. не зарегистрированы один родившийся и два умерших ребенка⁷. Проверкой охватывались отдельные сельсоветы. В 1970 г. в ходе проведения переписи в области контрольной проверке подлежали 1108 детей до 1 года. Из них были зарегистрированы 995. Среди незарегистрированных семь местных жителей и 104 неместных. О местожительстве двух детей не сообщалось. В справке отмечалось, что во всех районах Новосибирской области существует недоучет событий⁸. Он составил 0,7% от числа родившихся в данной местности и 9,4% от всего числа лиц данного возраста. Часть родившихся была бы зарегистрирована в более поздние сроки. Фактическая величина недоучета стала бы меньше. Ее можно оценить в 0,2–0,4%. Она бы сохранялась и в дальнейшем.

¹ Население СССР, 1974. С. 166–167; Население СССР, 1987. С. 110.

² Население СССР, 1987. С. 351.

³ Естественное и механическое... 1968. С. 6.

⁴ Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 409.

⁵ ИАОО. Ф. 2122. Оп. 3. Д. 1035. Л. 97.

⁶ ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8502. Л. 3.

⁷ ГАНО. Ф. 11. Оп. 4. Д. 1433. Л. 12–13.

⁸ ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8668. Л. 22.

В 1963–1964 гг. были достигнуты самые низкие показатели смертности. В сельской местности в 1964 г. стал отмечаться рост общей смертности. На следующий год её подъем затронул и города. Там он начался с опозданием, что объяснялось более молодой возрастной структурой населения. Продолжавшийся отток из деревень привел к абсолютному сокращению числа жителей в сельской местности. В свою очередь, выезд молодежи усилил старение. Росту смертности способствовало ухудшение условий быта в неперспективных селах, внедрение автоматизации, которое приводило к росту травматизма.

В целом с 1959 по 1969 г. смертность в селах возросла на 4%, а в городах — на 6%. Удалось добиться заметного уменьшения младенческой смертности. По Новосибирской области она сократилась почти вдвое, а в селах — в 2,3 раза. Как показывают данные смертности детей до года, наибольшее снижение наблюдалось в возрастах старше одного месяца. Доля умерших в течение первого месяца жизни постоянно возрастала. В 1959 г. она составила в Новосибирской области 26,6%, в 1960 г. — 32,7, в 1967 г. — 43,7 от числа умерших до года. Абсолютное число детей, умерших до года, уменьшилось с 738 в 1959 г. до 372 в 1967 г., т. е. вдвое¹. Такое уменьшение в значительной степени вызывалось сокращением числа родившихся. В городах доля умерших в течение первого месяца жизни в 1967 г. составила 54,1%, в селах — 24,7% от числа умерших до года². Это свидетельствовало о недоучете смертности детей в селе в первый месяц жизни, ибо при невысоких показателях смертности примерно 50% приходится на 1 месяц жизни. Во второй месяц доля умерших в городах сократилась в 6,2 раза, в селах — в 3 раза. В Тюменской области в 1950 г. младенческая смертность составляла 122,4‰, в 1960 г. — 39,4, а в 1963 г. — 37,4‰, т. е. сократилась 3,3 раза. В Западной Сибири (без Тюменской области) соответствующие показатели составили 111,6‰; 35,0 и 28,9‰, т. е. снизились в 3,9 раза. Следовательно, в более южных регионах снижение смертности детей до года происходило быстрее, несмотря на то, что показатели уже в 1950 г. были более низкими, чем в Тюменской области. (таб. 7.18; 7.19). В Кемеровской области снижение за 13 лет составило 4,5 раза, на Алтае 4 раза, в Омской области 3,1 раза, Новосибирской — 3,8 раза, Томской — 3,3 раза.

Таблица 7.18.

Снижение младенческой смертности в Западной Сибири (1950–1963 гг.).*

Регион	Младенческая смертность, ‰			1960 г. /1950 г., %	1963 г. / 1950 г., %
	1950 г.	1960 г.	1963 г.		
Тюменская область	122,4	39,4	37,4	32,2	30,6
Западная Сибирь (без Тюменской области)	111,6	35,0	28,9	31,4	25,9
Алтайский край	110,5	36,1	27,7	32,7	25,1
Кемеровская область	117,8	34,1	26,1	28,9	22,2
Новосибирская область	114,5	35,1	29,9	30,7	26,1
Омская область	100,5	36,7	32,0	36,5	31,8
Томская	105,5	35,5	32,0	33,6	30,3

¹ Рассчитано по: Естественное и механическое... 1968. С. 18–19.

² Там же. С. 18.

область					
---------	--	--	--	--	--

*Составлено и рассчитано: Численность, состав и движение населения СССР. М.: ЦСУ СССР, 1965. С. 282, 283.

Как показывает анализ материалов государственной статистики, решающую роль в быстром снижении смертности в 1950-е годы, внесли спасенные жизни детей до 1 года. В 1950 г. доля умерших младенцев в общем числе смертных случаев составляла 26% (Омская область)–35% (Кемеровская область). 1951–1953 гг. существенного снижения доли умерших детей не внесли. Хотя показатель младенческой смертности сократился существенно. Увеличение числа родившихся и сокращение смертности взрослого населения при сохранении высокой смертности младенцев, нивелировали успехи здравоохранения в снижении смертности новорожденных. В регионе сохранялся тяжелый труд у женщин в антисанитарных условиях. Руководство предприятий волновало выполнение планов, а в колхозах и совхозах о падеже молодняка скота знали лучше, чем о гибели новорожденных. Постепенно ситуацию удалось переломить. Рубеж этот можно установить довольно четко 1955-1958 гг. В стране началась массовая вакцинация детей, которая привела к резкому снижению младенческой смертности и доли умерших детей до 1 года в общей смертности. Изменилась и структура смертности новорожденных. Врожденные патологии и состояния, возникающие в перинатальном периоде, асфиксии и родовые травмы увеличивали свою долю в смертности. Отступали пневмонии, болезни органов пищеварения, кишечные инфекции и прочие инфекции, паразитарные заболевания. Если в 1955 г. доля детей умерших до года составляла $\frac{1}{4}$ всех умерших, то к 1960 г. она снизилась до $\frac{1}{7}$. Младенческая смертность снизилась за этот период вдвое с 70–77‰ на 1000 родившихся до 34–37‰. К 1965 г. абсолютное число умерших детей до 1 года сократилось из-за падения рождаемости. Однако существенно снизился показатель младенческой смертности до 24–25‰, доля умерших детей составила 5–7% среди умерших. Сыграл свою роль и факт увеличения абсолютного числа смертей в регионе. Качество статистического учета возрастало и объективно способствовало более точному учету новорожденных и смертей у них.

В конце 1960-х годов доля умерших младенцев составляла 4–5% всех умерших, а показатели младенческой смертности 22–25. Исключение составляла Томская область, отстававшая в своем социально-экономическом развитии от других регионов Западной Сибири.

Мертворожденных в селах было больше, чем в городах. Последнее говорит о включении умерших вскоре после рождения в число мертворожденных, ибо по числу умерших младенцев судят по работе медперсонала и развитию здравоохранения в регионе. К тому же в первую неделю жизни умирало меньше детей, чем зарегистрировано мертворожденными. Это противоречит статистической практике. Проверки показывали пропуски в регистрации смертей новорожденных. Обязанность регистрировать умерших детей до 1 года была возложена на родителей, что способствовало существенному недоучету событий.

Таблица 7.19.

Младенческая смертность по регионам Западной Сибири (1950–1970 гг.)*

Год	Алтайский край		Кемеровская область		Новосибирская область		Омская область		Томская область	
	На 1000 родившихся	% от умерших	На 1000 родившихся	% от умерших	На 1000 родившихся	% от умерших	На 1000 родившихся	% от умерших	На 1000 родившихся	% от умерших
50	109,8	30,5	116,5	34,6	114,5	30,9	102,0	26,3	107,0	27,5
51	119,6	31,5	113,1	33,6	115,6	32,0	110,0	28,3	98,0	26,6
52	93,0	24,5	93,2	29,5	99,9	27,8	82,0	25,2	90,0	23,3
53	80,6	23,9	80,7	26,0	89,0	26,2	76,0	22,1	81,0	22,8

54	79,4	24,4	66,3	23,9	75,9	24,1	71,0	22,2	72,0	21,8
55	77,2	25,0	76,0	26,1	76,9	25,6	74,0	25,2	70,0	22,9
56	54,8	21,1	49,7	19,9	52,0	19,6	48,0	19,2	58,0	20,3
57	46,2	17,4	43,3	17,2	47,1	17,1	47,0	17,8	48,0	16,2
58	42,7	17,0	39,1	16,1	44,7	17,2	41,0	17,4	44,0	16,6
59	43,7	17,6	43,0	16,3	46,2	15,9	43,0	17,0	47,0	16,5
60	36,3	14,0	34,2	13,7	35,1	13,1	34,1	14,2	37,0	13,1
61	36,1	12,7	32,9	11,7	34,0	11,6	35,0	13,3	39,0	11,9
62	32,9	10,1	31,4	10,2	36,2	10,8	33,0	11,6	42,0	11,9
63	27,3	8,2	26,9	8,4	30,3	9,0	33,0	11,3	33,0	9,1
64	28,4	7,2	28,7	7,5	29,6	8,0	32,0	9,9	31,0	7,6
65	22,9	3,4	23,7	5,5	24,9	5,8	25,3	7,1	25,0	5,5
66	23,1	4,8	25,3	5,5	23,8	5,1	23,8	6,4	26,0	5,5
67	21,0	6,0	24,7	5,0	23,8	4,8	25,3	6,0	23,0	4,6
68	22,1	4,1	22,9	4,4	24,2	4,5	24,7	5,5	25,0	4,9
69	23,5	4,1	22,1	4,1	23,9	4,3	24,8	5,3	27,0	4,8
70	23,0	4,0	22,3	4,1	24,5	4,4	20,8	4,3	21,0	4,1

*По данным официальных ответов облстатов. Текущий архив Новосибирского территориального органа федеральной службы государственной статистики. Качество предоставленных материалов по Томской и Омской областям оставляет желать лучшего.

По причинам смертности детей распределение было следующим. Лидировали болезни органов дыхания (в Новосибирской области в 1966 г. - 30%, в 1967 г. - 30,5%) и болезни новорожденных (соответственно 35,2 и 37,6%), от инфекций умирало меньше детей, чем от несчастных случаев, отравлений и травм¹. На недоучет смертей младенцев указывает их более низкая смертность в сельской местности (начиная с 1962 г.). При этом младенцы погибали в селе реже по всем причинам, кроме пневмонии, кори, туберкулеза и несчастных случаев². При рассмотрении данных по районам области видно, что проявлялся закон игры малых чисел, т.е. количество смертей зависело от стечения множества случайностей. При общей тенденции к снижению смертности по всем регионам области за 1960–1967 гг. колебания ее показателей достигали большого размаха. Они варьировали в 2 раза и более. Например, в Кочковском районе в 1965 г. показатель младенческой смертности составлял 25,1‰, в 1966 г. – 13,8, в 1967 г. - 23,5‰. В Куйбышевском районе он был равен соответственно 18,3, 14,2 и 32,8‰, в Чановском — 34,1, 11,7 и 30,1‰³.

Минимальные показатели наблюдались в 1968 г. в селах Татарского района — 9,1‰ и в Бердске — 11,1‰. Максимум отмечен в Сузуне — 46,2‰⁴. Несмотря на широкий диапазон колебаний, младенческая смертность за 1960–1967 гг. значительно сократилась до 32,2‰. Этому способствовало улучшение медицинского обслуживания. Снижение действительной смертности, т. е. рост продолжительности жизни, в области продолжалось до 1967 г. Тогда продолжительность жизни новосибирцев достигала 69 лет. Облстатуправление уже в 1966 г. отмечало, что за период с 1958 по 1965 г. показатель смертности остался на прежнем уровне — 7,0‰. Снизилась смертность у детей и молодежи, но в старших возрастах она существенно возросла⁵.

Несмотря на стабилизацию общего показателя смертности, в 1967 г. был отмечен рост повозрастной смертности от сердечно-сосудистых заболеваний и болезней органов

¹ Естественное и механическое... 1968. С.20.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 23.

⁴ Здравоохранение Новосибирской области. 1969. С. 7–11.

⁵ Развитие культуры и здравоохранения в Новосибирской области. Новосибирск, 1966. С. 62, 64.

кровообращения. По сравнению с 1961 г. число умерших от гипертонии выросло на 62,7%, ревматизма — в 2,2 раза, от инфарктов (без гипертонии) — в 2,7 раза. Число умерших от всех сердечно-сосудистых заболеваний увеличилось на четверть, в том числе среди 30–39-летних — на 63,4%, 40–49-летних — на 47, 50–59-летних — на 9, старше 60 лет — на 21,1%. Сокращение числа умерших в возрасте 20–29 лет (на 40%) совпадает с уменьшением абсолютной численности лиц данного возраста¹.

Это свидетельствовало об увеличении по возрасту показателей смертности. Средний возраст умерших от сердечно-сосудистых заболеваний уменьшился на два года. При этом в городах рост показателя смертности составил 15%, а в селах — более 50%. Косвенно это свидетельствовало об улучшении качества учета — ставился реальный диагноз после осмотра врачом, а не фельдшером. Наряду с большими изменениями в структуре населения можно заметить реальное увеличение смертей и значительное омоложение умерших. Доля скончавшихся от данных заболеваний выросла с 21,3% в 1959 г. до 28,3% в 1967 г. Число смертей от сердечно-сосудистых заболеваний сокращалось до 1964 г., после чего стало стремительно возрастать (таб. 7.20).

Таблица 7.20.

Смертность от сердечнососудистых заболеваний в Новосибирской области (1959–1967 гг.)*

Год	Число умерших на 100 тыс. жителей, чел.		
	Всего	Город	Село
1959	160,0	169,2	148,5
1960	158,4	161,3	154,6
1961	161,2	164,4	156,9
1962	163,1	167,7	156,6
1963	157,4	163,4	148,0
1964	149,5	150,5	147,9
1965	183,1	173,5	197,2
1966	200,7	176,9	239,4
1967	204,5	193,2	223,5

* ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8666. Л. 173.

В возрасте до 40 лет смертность от сердечно-сосудистых заболеваний в 1958–1964 гг. увеличилась в 3 раза. В возрастах до 30 лет и старше 60 лет смертность от ревматизма снижалась, во всех остальных — возрастала².

Существенно возросла смертность от злокачественных новообразований. Только с 1958 по 1967 г. она увеличилась на 30%, в том числе за 1965–1967 гг. — на 8,3%³. При этом наибольший рост отмечался от рака органов дыхания — 81%, молочной железы — 80%. Среди умерших от новообразований большинство составляли скончавшиеся от рака желудка, хотя доля последних и снизилась с 40,6% в 1958 г. до 36,6% в 1967 г.⁴

Такая структура смертности от онкологических недугов, повышение удельного веса умерших от новообразований свидетельствуют об экологическом неблагополучии в регионе. И.М. Савицкий напрямую связывает это с испытаниями ядерного оружия на Семипалатинском полигоне и в Китае, сопровождавшимися выпадением радиоактивных осадков и загрязнением местности осколками ступеней ракет с остатками ядовитого топлива. Данный вывод подтверждается сведениями ветеринарных служб о наличии радиоактивных нуклеидов в сене, молоке, мясе и большом распространении лейкоза среди домашних и

¹ ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8666. Л. 172–174.

² ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8666. Л. 172–174.

³ ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8666. Л. 176

⁴ Расчит. По: Естественное и механическое... 1968. С. 9; Развитие культуры... С. 65.

диких животных. Последствия ядерных испытаний будут сказываться в течение нескольких десятилетий. Например, пик распространения злокачественных новообразований у населения может быть достигнут в 2002 — 2006 гг. [24. С. 95–100].

Число умерших от несчастных случаев, отравлений и травм выросло с 1958 по 1964 г. на 50%. Это обеспечило 49,9% всего прироста числа умерших. Среди погибших от этих причин преобладали молодые люди. 80% мужчин в возрасте 20–24 лет умирали насильственной смертью. Такой рост свидетельствовал о возрастании смертности в молодых возрастах, особенно у мужчин. Местные статистики пытались рассчитать показатели продолжительности жизни. Так по расчетам Омскстата в 1964 г. мальчику Прииртышья предстояло прожить 63,27 года, а девочке -71,05 года. Оба пола 67,7 года. Для горожан эти показатели составляли соответственно 63,58; 71,24 и 68,0года. Для жителей сельской местности 63,14; 70,94 и 67,66 года¹.

Рост средней продолжительности жизни блокировался увеличением смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, новообразований, отравлений и травм, т. е. основными причинами смерти. С 1967 г. средняя продолжительность жизни в Западной Сибири стала сокращаться по сравнению с предшествующими годами.

Негативные тенденции, наметившиеся в конце 60-х гг., отчетливо проявились в 70-х гг. [25]. В этот период возник целый комплекс социальных проблем. Несмотря на увеличение числа врачей и среднего медицинского персонала, снижалось качество медицинских услуг. Ухудшалось снабжение населения промышленными и продовольственными товарами, обострилась жилищная проблема, усилилось экологическое неблагополучие, в том числе и радиоактивное загрязнение местности. Все это способствовало медленному, но постоянному росту смертности.

Тенденция увеличения повозрастной смертности наметилась еще в 60-х гг., но резко ускорился этот процесс в середине 70-х гг. Хронологически этот подъем совпадал с общесоюзным. Особенно возросла младенческая смертность. Этому способствовал целый ряд факторов. Всплеск смертности отмечен у новорожденных, которые родились у лиц, появившихся на свет в 50-х гг. Это была плата за проведение массовой вакцинации в детские годы у родителей. Поначалу она способствовала резкому снижению смертности, но увеличила заболеваемость, например, аллергией в детских возрастах [25. С. 125–127]. Во многих районах страны, в том числе и в Новосибирской области, была распространена стафилококковая инфекция. Все это наложилось на ухудшение экологической ситуации. Кроме того, на повышение показателей смертности повлияло улучшение качества учета. Ужесточились сроки регистрации и требования к признанию плода мертворожденным. По Новосибирской области младенческая смертность поднялась с 20,1‰ в 1971 г. до 29,9‰ в 1976 г. В СССР — соответственно с 22,9 до 31,4‰. В РСФСР увеличение показателя не превышало 20% и было менее продолжительным² [26. С. 208–209].

В 70-х гг. рост смертности наблюдался в большинстве других возрастных групп. При этом в Новосибирской области повышение было более значительным — 28% против 26% в СССР и 24% в РСФСР³. Это привело к тому, что смертность в Новосибирской области во всех возрастах превысила показатели в РСФСР и в большинстве возрастных групп — общесоюзные [27. С. 109].

Рост смертности вызвал свертывание демографических исследований и публикаций, засекречивание многих показателей, в частности материалов переписи 1979 г. Они были выпущены по стране всего в одном томе (материалы переписи 1959 г. были изданы в 16 томах, а 1970 г. - в семи).

Рост смертности был почти одинаковым как в городах, так и в сельской местности (см. таб. 7.21). Младенческая смертность в селах имела тенденцию к более быстрому

¹ ИАОО. Ф. 2122. Оп.1. Д. 4457. Л. 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17.

² Население СССР, 1987. С. 344; Естественное и механическое ... в 1976 г. Новосибирск, 1977. С. 8–9

³ Население СССР, 1987. С. 127–129.

подъему, а затем более быстрому снижению. В селах Новосибирской области за 1971–1976 гг. она возросла на 70,4%, в городах — на 40,8, в целом по области — на 48,8%. К тому же увеличение удельного веса горожан способствовало росту младенческой смертности. После 1976 г. младенческая смертность стала падать. К 1979 г. ее уровень и в городах, и в селах стал ниже, чем в 1970 г., но не достиг уровня 1971 г. Одной из причин роста смертности детей является качество учета. С сентября 1973 г. обязанность регистрации смертности детей до 1 года была снята с родителей ребенка и возложена на роддома, которые могли проверяться прокуратурой, загсами, милицейскими и прочими государственными органами. Младенческая смертность должна была возрасти из-за улучшения регистрации. Свою роль внесли так же инфекции. Отмечается так же в литературе и тот факт, что у родителей, которых привили в детстве в 1950-х годах, дети оказывались ослабленными, что могло привести к росту их летальности от заболеваний.

Обращает внимание, что основной скачок смертности в СССР, РСФСР, Сибири и в Новосибирской области пришелся на 1975 г. В СССР и в РСФСР смертность возросла на 0,6‰, в Сибири на 0,7‰, а Новосибирской области на 0,9‰. Если принять во внимание наличие в этот год эпидемии гриппа, то надо признать ее частичное влияние на увеличение смертности детей до 1 года и роста смертности лиц пожилого возраста. Однако последнее противоречит тому, что в Сибири была более молодая возрастная структура, чем в СССР и РСФСР. Следовательно, можно предположить об улучшении регистрации смертей и влиянии на смертность ухудшающихся условий жизни (обострение товарного дефицита, рост пьянства и травматизма). Проверки показывали наличие большого числа не зарегистрированных смертей в сельской местности и даже в городах. Это свидетельствует в пользу того, что улучшение статистической регистрации привело к мнимому росту смертности в 1970-х годах. В статотчетности сообщалось о значительном числе регистраций смертей во 2, и 4 кварталах года следующим за отчетным. Поскольку годовая отчетность закрывалась на 1 апреля, такие случаи в статистическую разработку не попадали. Как показывает анализ материалов стауправления Омской области за 1960-е гг., надо увеличить показатель смертности, за счет регистраций смертей с пропущенным сроком регистрации на 01,-0,3‰, а рождаемости на 0,1‰. При этом идет речь, только о прямых пропусках событий, выявленных позже срока закрытия годовых отчетов [27. С. 31]

Таблица 7.21.

Смертность в 1969–1980 годы в Новосибирской области*

Год	Смертность общая, ‰			Младенческая смертность, ‰		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
1969	7,9	7,6	8,3	23,9	24,5	22,8
1970	7,9	7,5	8,7	24,5	25,0	23,5
1971	7,9	7,6	8,7	20,1	21,1	17,9
1972	8,2	7,7	9,3	23,0	23,9	21,3
1973	8,6	7,9	9,9	22,6	21,8	24,3
1974	8,5	8,0	9,7	22,1	22,2	22,0
1975	9,4	8,7	11,1	28,0	27,3	29,7
1976	9,4	8,8	11,0	29,9	29,7	30,5
1977	9,5	8,9	11,2	27,5	27,8	26,7
1978	9,8	9,3	11,4	24,4	25,1	22,7
1979	10,1	9,8	10,9	21,8	22,8	19,4
1980	10,5	10,1	11,3	23,2	23,2	23,3

*Естественное и механическое движения населения Новосибирской области. Новосибирск, июль 1973. С. 6–9; Естественное и механическое ... 1976 – июль 1977. С. 8–9; Естественное и механическое ... 1979. С. 6–10; Материалы для заполнения динамических рядов по статистике населения, здравоохранения, культуры, народного образования за 1980 год. Новосибирск, 1981. С. 4–6.

Повышенную смертность в области в 70-х гг., как и ранее, обуславливали в основном насильственные причины: несчастные случаи, отравления и травмы, уносящие жизнь молодых и здоровых людей. Высокой была смертность и от злокачественных новообразований, что связано во многом с экологической ситуацией. Доля умерших по этой причине в Новосибирской области составляла 17–18%, что заметно выше показателей по СССР. Умершие от новообразований – в основном люди средних лет, на 5-15 лет моложе, чем умершие во всем населении. Высокие показатели смертности от злокачественных новообразований существенно снижали продолжительность жизни в области. Рак пищевода, желудка, легких, трахеи и бронхов давал основной прирост смерти от онкологических причин. В г. Куйбышеве число умершие от новообразований давали 20-21% всех смертей. Одновременно в этом городе отмечен абсолютный рекорд по выбросу в атмосферу загрязняющих веществ на душу населения — 1200–1600 кг в год [28. С. 109–110].

Динамика общей смертности соответствовала тенденциям развития смертности в РСФСР и СССР. Наибольшее увеличение (как по абсолютному числу умерших, так и по росту показателя смертности) произошло в 1975 г. В Новосибирской области показатель вырос более, чем на 10%. Такого не наблюдалось ни по СССР, ни по РСФСР. Другой особенностью являлось то, что в 1974 г. в области снизилось абсолютное число умерших. Этого тоже не наблюдалось ни в Российской Федерации, ни в Советском Союзе. Более медленным был рост смертности в 1975–1979 гг. Это было вызвано быстрым снижением младенческой смертности и действием структурного фактора. В частности, в возраст 60 лет и старше вступали малолюдные поколения, родившиеся в годы первой мировой войны. В этот период сальдо миграций стало благоприятным для области. Рост населения за 1976–1978 гг. в молодых возрастах был заметно выше, чем по СССР и РСФСР, что не могло не отразиться на динамике показателя смертности. Общая смертность в 1979 г. сравнялась с общесоюзным показателем, но была заметно ниже, чем в РСФСР. Возрастная структура населения оставалась более молодой, чем в Советском Союзе и Российской Федерации. В РСФСР средняя продолжительность жизни составляла 67,7 года, в СССР — 67,9¹. В Западной Сибири за 1970-е годы средняя продолжительность жизни снизилась на 4,45 года у городских мужчин, а у сельских на 2,59 года. У сельского населения сократилась и продолжительность жизни женщин на 1,60 года. В тоже время у женщин-горожанок отмечено увеличение продолжительности жизни на 1,13 года. Общий коэффициент смертности возрос за данный период на 2,3 п.п. [6. С. 85]. В 1979/1980 году продолжительность жизни для обоих полов составляла: в Алтайском крае 66,94 года, Кемеровской области 68,54 года, Новосибирской области 65,08 года, Омской—66,87; в Томской 68,08, в Тюменской 65,36 года [29. С. 241, 242]. Таким образом, максимальное повышение смертности отмечалось в Новосибирской области, которая еще в 1958/1959 гг. имела наивысший показатель продолжительности жизни в регионе. Причины этого в основном известны: рост алкоголизации населения, особенно в сельской местности, травматизма, повышение младенческой смертности до 1977 г., снижение ее в 1978–1979 гг. не компенсировало весь подъем, увеличение онкологических заболеваний и смертности от них, которое происходило из-за поздней диагностики, экологического неблагополучия и радиоактивной и химической загрязненности местности. Облучению подверглись 100% жителей Новосибирской области, большинство обитателей Алтая и Прииртышья. Смертность от рака стала молодеть, возраст умерших от этой причины снизился на 5–7 лет. Кроме этих причин повлияла точность регистрации смертей, диагностика причин смертности. Например, такая причина смерти как старость в одном районе составляла 2–3%, а в некоторых районах достигала 30% всех случаев. Это говорило о формальном подходе при определении диагноза, труп врачами зачастую не осматривался, а в сельской местности справка выдавалась фельдшером. Ухудшение товарного снабжения, низкое качество и уровня жизни, плохие дороги, дефицит лекарств и устаревшее оснащение больниц, не хватка

¹ Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 409; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. С. 351.

квалифицированных медицинских кадров внесли свою лепту в подъем смертности в 1970-е гг. На общий показатель смертности повлияло и старение населения, особенно это проявилось в сельской местности и малых городах. Но решающую роль в повышении коэффициента смертности внесло увеличение показателей повозрастной смертности. В Новосибирской области повозрастная смертность была выше во всех возрастах по отношению к РФ и в почти всех возрастных группах, кроме детей до 10 лет, по отношению к показателям смертности в СССР.

Достигнув своего максимума в 1980 г., смертность стала иметь тенденцию к снижению. Уменьшение ее показателей наблюдалось в 1981 и 1982 гг. Анализ повозрастных показателей смертности по месяцам по стране, РСФСР и области свидетельствует о том, что число умерших в них уменьшилось благодаря понижению смертности в зимний и осенний периоды. Следовательно, характер сокращения смертности был неустойчивым и временным. Сыграл роль и структурный фактор - возраст 60 лет и старше переступили поколения, рожденные в годы первой мировой и гражданской войн. Частично они находились в возрастной группе 55–59 лет, имевшей абсолютное сокращение численности за период с 1970 по 1979 г. на 14,5%. Одновременно удалось переломить тенденцию роста абсолютного числа умерших в возрасте до 1 года. Это произошло, несмотря на существенное увеличение числа родившихся¹.

Миграционное и естественное движение, ассимиляционные процессы отразились и на этническом составе населения Западной Сибири. (таб. 7.22). Продолжала медленно возрастать доля русских, татар, алтайцев. Уменьшалась численно мордва и украинцы, белорусы и евреи.

Доля русских составляла в 1959 г.: 81,9% в Тюменской области, 77,4 в Омской, 86,2% в Томской, 89,5% в Новосибирской, 85,7% Кемеровской области, 85,8% на Алтае. В Тюменской области значительные доли в населении составляли татары(6,6%), народы Севера(3,6%), немцы (2,2%), украинцы(1,6%), коми и коми-пермяки (0,9%), белорусы(0,8%), чувашаи (0,7%), казахи (0,6%).. Остальные этнические группы не превышали 1% населения. В Омской области проживали крупные этнические группы: украинцы (7,8%), немцы (6,4%), казахи (2,7%), татары (2,2%), белорусы и евреи по 0,6%., латыши и эстонцы по 0,4%, поляки 0,3%, мордва и коми по 0,2%. Остальные этнические группы не превышали 1% жителей. В Томской области весомыми были группы немцев (2,8%), украинцев (2,7%). Более одного процента жителей имели татары (1,8%), белорусы(1,3%). Чувашей было 0,6%. Народы Севера, литовцы, латыши, молдаване и мордва по 0,5%, евреи и поляки по 0,4% в населении. Остальные народы вместе не составляли 1% населения.

Многонациональная Новосибирская область в 1959 г. имела значительные группы немцев (3,4%) всех жителей области, украинцев (2,7%), татар (1,1%), казахов (0,6%), евреев и белорусов по 0,5%, чувашей и мордвы по 0,3%, эстонцев 0,2%, поляков, латышей и калмыков по 0,1%. Здесь, как и во всем регионе, оставались представители ссыльных народов. В Кемеровской области жили 3,9% украинцев от всех жителей области, 2,4% татар, 2,3% немцев, 1,3% чувашей, 1,0% мордвы, 0,9% белорусов, 0,5% шорцев, по 0,2% башкир и удмуртов, по 0,1 % поляков, эстонцев, латышей, молдаван, болгар и казахов.

В Алтайском крае многочисленными были этнические группы: немцы (5,3%), украинцы (4,2%), алтайцы (1,6%), казахи (0,7%), мордва (0,6%), татары (0,3%), чувашаи и евреи по 0,2%, калмыки, армяне, литовцы по 0,1%.

В 1970 г. удельный вес русских на Алтае составил 87,5%, а в 1979 г. – 87,9%. На Алтае росла доля этноса – алтайцев, сокращалась численность и удельный вес немцев, украинцев. В Кемеровской доля русских в населении возросла с 89,0% (1970 г.) и 90,3%

¹ Народное хозяйство Новосибирской области (в разрезе районов) в 1985 г. Новосибирск, 1986. С. 7–8; Материалы для заполнения динамических рядов по статистике населения, здравоохранения, культуры, народного образования за 1981 г. Новосибирск, 1982. С. 4–7; Материалы ... за 1980 г. 1981. С. 4–7; Население Новосибирской области (по данным ... 1979 г.). С. 42.

(1979 г.). Новосибирская область оказалась самой русской по этническому составу: в 1970 г. их доля составляла 91,3%, а в 1979 г. - 91,9%. В этой области уменьшался удельный вес всех народов, кроме татар. В Омской области русских было в 1970 г. 80,0%, в 1979 г. – 80,3%. В ней наличествовали многочисленные группы татар, немцев и казахов. Доля немцев выросла с 6,1% в 1970 г. до 6,2% в 1979 г. Казахов за этот же период с 2,9% до 3,1%. Татарское население составляло 2,4% населения в обоих случаях. Томская область в своем населении насчитывала в 1970 г. 89,4% русских, но их доля уменьшилась к 1979 г. до 89,1%. Здесь за счет новых вселений выросла доля украинцев с 1,8% до 2,3%. В ней увеличивалась доля чувашей и татар, а так же прочих народов. В Тюменской области доля русских постоянно снижалась за счет новых вселений значительных групп украинцев (их доля выросла с 1,85 до 4,2%), белорусов (их доля увеличилась с 0,7% до 0,9%), башкир (0,2 и 0,5% соответственно) армян (0,04% до 0,1%), азербайджанцев (0,03 до 0,1% соответственно), и высокого естественного прироста у татар (их доля стабильна 7,3%). Ненцы, ханты, манси, свой удельный вес уменьшили соответственно 1,4% до 1,0%; 1,4 до 1,0% и 0,5 до 0,4%.

Таблица 7.22.

Национальный состав регионов Западной Сибири в 1959–1970 гг.

Национальн ость	Алтайск ий край	Кемеровска я область	Новосибирск ая область	Омская область	Томская область	Тюменская область
1959г.						
Все	2683231	2785906	2298481	1645017	746802	1092126
Русские	2302004	2386468	2056945	1273736	643738	894008
Украинцы	111875	109544	62261	128011	20275	17643
Белорусы	11194	24478	11684	9634	9852	8194
Татары	9143	67382	24926	36421	13449	72306
Чуваши	5019	36173	7849	4903	4613	7595
Мордва	16583	26861	7006	3709	3373	1122
Евреи	4538	7175	12429	9458	3148	1604
Казахи	19798	3458	13265	44876	247	6371
Алтайцы	41705	1980
Народы Севера	3726	39314
Немцы	143074	65041	78769	105728	21152	24174
Удмурты	1130	4713	817	245	1403	305
Шорцы	276	13670
Латыши	742	2698	2459	6993	3573	448
Эстонцы	1169	2562	4219	6053	1870	691
Коми и коми –пермяки	414	2255	1096	2403	337	10256
Башкиры	545	4374	589	403	248	282
Молдаване	920	2434	642	844	3372	1662
Калмыки	1732	459	2067	1367	720	1340
Поляки	1423	3894	2691	4163	3065	865
Литовцы	1614	1189	1348	559	3659	857
Финны	234	1171	512	834	...	516
Цыгане	1418	1346	1723	770	405	448
Армяне	1645	1856	608	342	247	251
Марийцы	327	2065	454	291	597	164
Другие и не указано	4709	11504	3964	3211	2690	1485

1970г.						
Все	2670261	2918353	2505249	18123831	785706	1406101
Русские	2335483	2596453	2286554	1458541	702589	1141053
Украинцы	81746	71743	47583	104614	14439	25872
Белорусы	10694	20383	12015	9977	7295	10376
Татары	8052	69313	28825	44330	15226	102861
Чуваши	5294	31387	8007	6007	6145	16236
Мордва	11005	19158	5885	3308	2750	3012
Евреи	...	5012	11864	8081	2381	
Казахи	19689	...	12184	52703	...	8868
Алтайцы	51142	...	172	
Народы Севера	3234	47195
Немцы	127084	52155	67931	111807	15257	20969
Удмурты	...	5003	1388	...	1825	2970
Шорцы	...	14059	
Латыши	1928	4231	...	
Эстонцы	2745	5160	...	
Коми	705	10606
Башкиры	830	1929
Другие	20072	33687	16633	15072	14565	14154
1979г.						
Все	2686196	2958429	2620130	1956799	866713	1885184
Русские	2361015	2670256	2407183	1571106	772218	1492516
Украинцы	73869	62373	46997	103823	20225	79925
Белорусы	9824	17857	11589	10612	7755	16524
Татары	7854	64817	28547	46712	17629	136749
Чуваши	4596	26052	6756	5864	7401	19337
Мордва	8466	15239	4729	...	2517	5507
Евреи		...	9633	6904
Казахи	19457	...	11837	61157	693	10196
Алтайцы	55009	...	218
Народы Севера	2487	46451
Немцы	124745	47040	64895	120806	15027	22316
Удмурты	4382	1341	...	1901	4176
Шорцы	12767
Латыши	1714	3761
Эстонцы	2353	4544
Коми	553	10728
Башкиры	3917	948	...	1046	9913
Азербайджанцы	959	...	1356	...	687	2645
Узбеки	2105	...	1065	...
Поляки	1959	...	1987	...
Молдаване	956	...	1302	3585
Марийцы	2187	3176
Армяне	1600	1782
Чеченцы	169	572
Другие	20402	33729	10505	21510	12773	19086

*Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года (численность, расселение, городское и сельское население, соотношение мужчин и женщин, родной язык). М.: ЦСУ РСФСР, 1961. С. 399–408; Итоги всесоюзной переписи населения 1970 г. Т.4: Национальный состав населения СССР. М.: Статистика, 1973. С. 61, 93, 107, 108, 120, 121; Характеристика национального состава населения области (по данным сплошной и выборочной переписи населения на 15 января 1970 г.). Новосибирск, 1973. С. 6–9; Национальный состав населения РСФСР. По данным всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. С. 527, 538, 541, 547, 559, 560, 567, 568; Национальный состав населения Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Новосибирск, 1990. С. 11–15.

Таким образом, демографическое развитие Западной Сибири с опозданием на 10–15 лет повторяло развитие страны. Темпы изменений в регионе были выше, чем по РСФСР. Отставание постепенно преодолевалось. Сибирь становилась все более многонациональным регионом.

Литература:

1. Население, трудовые ресурсы и уровень жизни в Западной Сибири. 1959–1980 гг.: в 2 ч. Ч. 1 / Науч. ред. Е. Д. Малинин. Новосибирск: СО АН СССР, Ин-т экон. и орг. пром. пр-ва, 1970. 239 с.
2. Малинин Е. Л., Ушаков А.К. Население Сибири / Е. Л. Малинин, Ушаков А.К. М.: Статистика, 1976. 168 с.
3. Переведенцев В. И. Современная миграция населения Западной Сибири / В. И. Переведенцев. Новосибирск: Зап-Сиб. кн. изд-во, 1965. 96 с.
4. Переведенцев В. И. Миграция населения и трудовые ресурсы Сибири / В. И. Переведенцев. Новосибирск: Наука, 1966. 192 с.
5. Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения / В. И. Переведенцев. М.: Наука, 1975. 232 с.
6. Западно - Сибирский экономический район / Отв. ред. А. Б. Марголин. М.: Наука, 1967. 252 с.
7. Население Западной Сибири в XX веке / Отв. ред. Н.Я. Гущин, В.А. Исупов. Новосибирск: СО РАН, 1997. 172 с.
8. Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв. Новосибирск: Параллель, 2011. 392 с.
9. Занданова Л. В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40-х – середина 60-х гг. XX века) / Л. В. Занданова. Иркутск: Изд-во педуниверситета, 1997. 158 с.
10. Левицкий Е. М. Экономико-статистическое исследование воспроизводства населения Сибири и Дальнего Востока на основе таблиц продолжительности жизни / Е. М. Левицкий. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1962. 143 с.
11. Вострикова А.М. Выборочное обследование в демографической статистике. / А.М. Вострикова // Выборочное наблюдение в статистике СССР / Под ред. А. Я. Боярского, В.В. Джапаридзе, В.С. Овсиенко, М.Р. Эйдельмана. М.: НИИ ЦСУ СССР, 1966. С. 310 – 327.
12. Бурматов А. А. Тенденции смертности в Западной Сибири в 1959 – 1970 гг. / А. А. Бурматов // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – в начале XXI в.: материалы II Всероссийской науч. конф. Новосибирск: ИИСОРАН, 2014. С. 184 – 188.
13. Бурматов А.А. Половозрастной состав населения Западной Сибири в 1959–1970 гг. // Проблемы исторической демографии Сибири. Новосибирск: Параллель, 2015. Вып.4. С. 291–312.
14. Бурматов А. А. Рождаемость в малых городах Западной Сибири (1959-1970 гг.) // Университеты в системах развития и интеграции России: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 40-летию Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, 23–24 октября 2014 г.). Омск, Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. С. 130-131.
15. Бурматов А.А. Национальный состав населения Западной Сибири в 1959 г.: что скрывала официальная статистика // История и историография России и Сибири в

исследовательском и образовательном контекстах. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию проф. Е.И. Соловьевой, 65-летию проф. В.А. Зверева и 70-летию кафедры отечественной истории.- Новосибирск, НГПУ, 2014. С. 133-138.

16. Демографическая ситуация в СССР. Научно-аналитический обзор / Отв. ред. Г.Б. Косов. М.: АН СССР ИИНИПоОН, 1977. 74 с.

17. Алексеев В.В, Логунов Е.В. Демографические процессы на Тюменском севере. 60-е–80-е гг.// Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР: вопросы комплексного изучения. М.: ИИ СССР, 1990. С. 136–148.

18. Подъячих П. Г. Население СССР. М.: Политиздат, 1961. 192 с.

19. Боярский А.Я., Джапаридзе В.В, Волков А.Г., Коровина Л.В., Павлов Г.А, Сифман Р.И. Промежуточный отчет по теме № 5 «Демографические исследования и вопросы переписи населения» [Рукопись]: доклад о результатах углубленного анализа материалов пробной переписи населения 1967 г. / НИИ ЦСУ СССР, лаборатория демографии. М.: НИИ по проектированию вычислит. центров и систем экон. информации ЦСУ СССР, 1968. 105 с.

20. Колосова Г.И. Пол, возраст и состояние в браке населения СССР // Всесоюзная перепись населения 1970 года. М.: Статистика, 1976. С. 166–181.

21. Die Weltbevölkerung in Zahlen / Herausgegeben von P. Khalatbari. Berlin, 1983. 439 р.

22. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза. 1922–1991. М.: Наука, 1993. 143 с.

23. Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М.: Медицина, 1969. 194 с.

24. Воспроизводство населения СССР / Под ред. А.Г. Вишневого и А.Г. Волкова. М.: Финансы и статистика, 1983. 303 с.

25. Савицкий И.М. Экологические последствия испытаний ядерного оружия и ракетной техники в Западной Сибири (1950-е – первая половина 90-х гг.) // Гуманитарные науки в Сибири, 1999. №2. С. 95 – 100.

26. Бедный М.С. Демографические факторы здоровья. М.: Медицина, 1984. 246 с.

27. Население мира: Демографический справочник./ Сост. В.А. Борисов. М., 1989. 477 с.

28. Бурматов А.А. Население Омской области в 1950–1970-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири, 2016. №1. С. 27 – 34.

29. Бурматов А.А. Демографическая история Каинска-Куйбышева и его округа. Новосибирск, НГПУ, 1997. 162 с.

Глава 8.

От закрытости к гласности (конец 1970-х – конец 1980-х гг.).

В 1979 г. в СССР была проведена Всесоюзная перепись населения. Она охватила все население страны по состоянию на 17 января. Согласно ее итогам в Советском Союзе проживало 262436 тыс. чел. Это было на 8,6% больше, чем в 1970г. Перепись уточнила население страны. Оно оказалось примерно на 120 тыс. выше, чем в текущем статистическом учете. Так согласно опубликованному динамическому ряду за межпереписной период (1970 – 1979 гг.) в 1978 г. население было оценено в текущей статистике 260040 тыс.¹, после подведения итогов переписи 260142 тыс.², или 0,4% выше. По оценке немецкого демографа Д. Штемпеля на дату проведения переписи жителей насчитывалось 262,5 млн., или на 0,2% больше. [1. S. 197]. В 1970 г. прирост населения существенно замедлился. Так согласно прогнозам ООН, оглашенным на конференции по народонаселению в Бухаресте в 1974 г., в середине 1980 г. ожидалось 268,1 млн. [2. S. 363], фактически было 265,5 млн., или на 1% меньше. Другими словами, в течение 5 лет темп прироста оказался на 0,2% ниже, чем оценивалось экспертами ООН.

Главной причиной такой ситуации оказалось неожиданное осложнение демографической ситуации. Падение повозрастных коэффициентов рождаемости некоторое время перекрывалось увеличением рождающих контингентов женщин. В начале и середине 1970-х годов частично быстрый прирост рождений был вызван улучшением качества учета. В 1978 и 1979 г. в РСФСР число рождений не изменилось, а показатель рождаемости стал снижаться. Стабилизировались показатели рождаемости в СССР. В 1970-х гг. в СССР отмечался рост смертности. В некоторой степени он был вызван увеличением доли пожилых и старых людей в населении. В 1970 г. удельный вес лиц старше 60 лет составлял 11,8% и в СССР и РСФСР. К 1979 г. их стало 12,9% в СССР и 13,7% в РСФСР. Такое увеличение численности старших поколений не могло увеличить смертность с 8,2 ‰ в 1970 г. до 10,1‰ в 1979 г. В стране с 1972 г. стали быстро расти повозрастные коэффициенты смертности, в том числе у детей до 1 года. Улучшение статистического учета, видимо, сыграло в этом решающую роль. Алкоголизация населения привела к росту травматизма, увеличению смертности от сердечно – сосудистых заболеваний. Экологическое неблагополучие привело к росту смертности от желудочно-кишечных, легочных и онкологических заболеваний. Продолжительность жизни населения существенно сократилась. В 1969–1970 гг. она составляла в СССР 69,3 года (мужчин 64,4; у женщин 73,4), в РСФСР 68,8 года (63,1 и 73,3 года соответственно). В 1978–1979 гг. показатели снизились в СССР для обоих полов 67,7лет, у мужчин 62,2, у женщин 72,5 года. В РСФСР ситуация была несколько напряженней. Здесь общая продолжительность жизни снизилась до 67,5 лет, у мужчин – до 61,5, у женщин – 73,0 года³. Прогнозы ООН предполагали непрерывный рост средней продолжительности жизни в СССР по пятилетиям: за 1965 – 1970 гг. для обоих полов 70,0 лет (мужчин 65,5; женщин –74,0); за 1970 – 1975 гг. соответственно 70,4; 66,5и 74,3; за 1975–1980 гг. – 70,9; 67,1 и 74,7 лет. [2. S. 362, 363]. Увеличение смертности противоречило политике партии о «росте материального и культурного уровня» и «заботе о здоровье трудящихся» и опровергало идею о превосходстве «социалистического образа жизни». Даже в подцензурных советских публикациях говорилось о повышенной смертности в РСФСР по сравнению с общесоюзными. При расчете стандартизированных показателей по союзным республикам за 1978 г. выяснилось, что максимальная смертность отмечалась в Молдавии и РФ. Стандартизированный показатель смертности в них был выше общесоюзного на 13% (9,7‰ против 8,6‰), ситуация к 1980 г. несколько изменилась к 1980 г., когда лидером по уровню смертности стали Молдавия и Туркмения. Россия заняла 4 место, пропустив вперед и

¹ Народное хозяйство СССР в 1977 г. М.: Статистика, 1978. С.10.

² Население СССР. 1987. М.: Финансы и статистика, 1988. С.8.

³ Народное хозяйство СССР за 70 лет. М.: Финансы и статистика, 1987. С.409.

Киргизию. Разрыв между смертностью в РСФСР и СССР сократился до 2,2% (9,1% против 8,9%). [3. С. 94; 4. С. 77] Рост смертности за 1970–1978 гг. был выше, чем по другим республикам. Неожиданное изменение ситуации к 1980 г. еще требует объяснения. По современным публикациям выясняются чрезвычайно низкие показатели продолжительности жизни в Сибирском регионе в конце 1970 гг. Так, по расчетам ЦСУ РСФСР в 1979 – 1980 гг. средняя продолжительность жизни для новорожденного (для обоих полов составляла): в Алтайском крае 66,94 года, Кемеровской области 68,54; в Новосибирской области 65,08 года, Омской – 66,87; Томской области 68,08 и Тюменской – 65,36 года. [5. С. 241, 242]. В целом по региону Западной Сибири продолжительность жизни оказалась ниже, чем по РСФСР (67,4года) примерно на 1,3 года. При этом только в Кемеровской и Томской области смертность оказалась несколько ниже, чем в РФ. В таком крупном регионе как Новосибирская область продолжительность жизни оказалась на 2,5 года ниже, чем по России. Сравнение повозрастных коэффициентов смертности по Новосибирской области с общесоюзными и общероссийскими приведено в таблице 8.1.

Таблица 8.1.

Сравнение данных по возрастной смертности в 1978–1979 гг.*

Возраст, лет	Умерло, чел. На 1000 лиц данного возраста			Новосибирская область, %	
	СССР	РСФСР	Новосибирская область	к СССР	к РСФСР
0–4	8,1	5,9	6,03	74,4	100,2
5–9	0,7	0,6	0,69	98,5	115,0
10–14	0,5	0,5	0,55	110,0	110,0
15–19	1,0	1,2	1,26	126,0	105,0
20–24	1,7	2,0	2,08	122,4	104,0
25–29	2,3	2,7	2,90	126,1	107,4
30–34	2,9	3,3	3,87	133,5	117,3
35–39	4,3	4,8	5,23	121,6	109,0
40–44	5,4	6,0	6,11	113,1	101,8
45–49	7,8	8,6	8,71	111,7	101,3
50–54	10,3	11,1	11,41	110,8	102,8
55–59	13,5	14,5	14,42	106,8	99,4
60–64	20,1	20,8	22,30	110,9	107,2
65–69	29,2	30,1	30,14	103,2	100,0
70+	76,5	77,7	78,32	102,4	100,8
Все	9,9	10,6	9,98	100,8	94,2

*Народное хозяйство СССР за 70 лет. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 408–409. Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. М.: Финансы и статистика, 1988. С.351. [6. С. 109].

По Новосибирской области в 1970 г. повышение смертности было значительным – на 28%, против 26 по СССР и 24 в РСФСР. Смертность в Новосибирской области оказалась выше во всех возрастах, чем в Российской Федерации, и выше, чем в СССР, в большинстве возрастных групп.

Именно рост смертности привел к засекречиванию демографических сведений. Сначала исчезли данные по младенческой смертности, потом по возрастной смертности по полу и в разрезе городских и сельских населений, даже биологическая константа (доля мальчиков и девочек в числе родившихся) была засекречена. С 1977 г. прекратилась публикация повозрастных коэффициентов смертности. Неблагополучие в демографической сфере привело к необходимости закрыть данные переписи населения 1979 г. Ее данные оказались самыми скудными в публикациях в открытой печати. Если материалы переписи

1959 г. составляли 16 томов (по тому каждой союзной республики и по СССР в целом), а переписи 1970 г. в 7 томах (по объему материала незначительно отличались от 1959 г.), то итоги переписи 1979 г. были опубликованы в журнале «Вестник статистики», а затем в единственном томе в 1984 г.¹. Секретность охватила практически все разделы итогов переписи. Не публиковались данные по городам и районам, возрастная структура, искажались данные по распределению населения из-за наличия значительного числа «закрытых городов», армии и пенитенциарных заведений. Это касалось союзных республик. О регионах и экономических районах, тем более об областях, говорить не приходилось вообще. Материалы стали недоступны для многих исследователей даже в служебном порядке. Такая ситуация не позволяла объективно оценивать тенденции развития демографических процессов, скорость их протекания. Летом 1986 г., будучи студентом второго курса исторического факультета НГПИ, автор этих строк написал гневное письмо в журнал «Вестник статистики» по поводу такого ненормального положения дел. В письме привел и свои оценки продолжительности жизни в СССР, которые оказались настолько близки к действительности, что меня в конце 2 курса допустили к работе с материалами, имевшими гриф «для служебного пользования» в спецфонд научной библиотеки Сибири – ГПНТБ.

Перепись 1979 г. была проведена по состоянию на 17 января. Критическим моментом был признан момент 00ч 00 мин. 17 января, или 12ч.00 мин ночи с 16 января на 17 января 1979 г.². Население СССР составило 262436227 чел., население РСФСР 137550949 чел.³, или 52,41% общесоюзного. Территория РСФСР занимала 17075,4 тыс. кв. км, а Западной Сибири 2427,2 тыс.кв. км, в том числе без Тюменской области – 992,0 тыс. кв. км. Плотность населения составляла: в Алтайском крае 10,2 чел/кв. км (в том числе в Горно-Алтайской автономной области 1,9); Кемеровской области 31,0; Новосибирской – 14,7; в Омской области –14,0; Томской области 2,7; в Тюменской области –1,3 чел/кв.км. Всего по региону 5,3 чел/кв.км⁴. В наиболее населенной – Кемеровской области – плотность была вдвое выше, чем в Новосибирской и Омской областях, втрое выше Алтайского края и почти в 12 раз выше, чем в Томской. Плотность региона без Тюменской области возрастает до 11,2 чел/кв.км. Это заметно выше, чем в целом по Российской Федерации и сопоставимо с некоторыми центральными областями РСФСР. Население регионов Западной Сибири представлено в табл. 8.2.

Таблица 8.2.

Население Западной Сибири данным Всесоюзных переписей*

Регион	1970 г., чел.	1979 г., чел.	1979 г. к 1970г., %	Доля в населении, %	
				1970г.	1979г.
Все	10703400	11071301	103,4	100	100
Алтайский край	2670261	2674614	100,2	24,95	24,16
В том числе Горно-Алтайская АО	168261	171835	102,1	1,57	1,55
Кемеровская область	2918353	2958066	101,4	27,26	26,72
Новосибирская область	2505249	2618024	104,5	23,41	23,65

¹ Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.: Финансы и статистика, 1984.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том 1: Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М.: ЦСУ СССР, 1980. С.3.

³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том 1. С.25.

⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том 1. С.12.

Омская область	1823831	1954663	107,2	17,04	17,65
Томская область	785706	865934	110,2	7,34	7,82
Городское	6741793	7617648	113,0	63,0	68,8
Алтайский край	1228465	1400041	114,0	46,0	52,3
В том числе Горно-Алтайская АО	39717	47899	120,6	23,6	27,9
Кемеровская область	2401406	2550590	106,2	82,3	86,2
Новосибирская область	1638528	1871568	114,2	65,4	71,5
Омская область	1007601	1228485	121,9	55,2	62,8
Томская область	465793	566964	121,7	59,3	65,5
Сельское	3961607	3453653	87,2	37,0	31,2
Алтайский край	1441796	1274573	88,4	54,0	47,7
В том числе Горно-Алтайская АО	128544	123936	96,4	66,4	62,1
Кемеровская область	516947	407476	78,8	17,7	13,8
Новосибирская область	866721	746456	86,1	34,6	28,5
Омская область	816230	726178	89,0	44,8	37,2
Томская область	319913	298970	93,5	40,7	34,5

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том 1: Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М.: ЦСУ СССР, 1980. С.32, 33. Наличное население. Для всего населения указан удельный вес региона в Западной Сибири.

Межпереписная динамика населения показывает низкий или умеренный прирост населения по регионам, входящим в Западную Сибирь, в 1970–1979 гг. Так прирост по всем территориям составил 3,4%. Население в Алтайском крае приросло всего на 0,2%. Если учесть более высокий рост числа жителей в Горном Алтае (который также выросло на небольшую величину –2,1%), то по остальным районам и городам Алтайского края прироста не наблюдалось. Все население увеличилось примерно на 4,2 тыс. чел., то в Горно-Алтайской АО на 3,6 тыс., или 85% общего прироста. Увеличение населения остальных территорий Алтая составило 0,6 тыс. за 11 лет. Это не превышает статистической погрешности при проведении переписи. Если учесть, что в 1970 г. существовал незначительный недоучет населения, то можно считать, что Алтайский край численно сократился. Миграция перекрыла весь естественный прирост числа жителей. Города Алтайского края увеличили свое население на 171,6 тыс., или на 14%. Миграционная емкость городских поселений и их специализация не могли поглотить отход населения сел и маленьких городов, поэтому весь Алтай терял население с большинством территорий СССР. Горный Алтай увеличил численность городского населения на 20,6%. Однако абсолютный прирост не был велик и составил 8,2 тыс. чел. В Алтайском крае рекордные темпы прироста показывал Барнаул. Численность его жителей за межпереписной период возросла на 21% (439,1 до 533,3 тыс.). Краевой центр превратился в город с полумиллионным населением. В советские времена эта грань предоставляла определенные привилегии его жителям. Относительно быстро в своей численности прирастали: Бийск на 14% (186,3 тыс. в 1970 г. до 211,6 в 1979 г.), Рубцовск на 8% (145,0 тыс. и 157,1 тыс. соответственно). Эти города превышали сотысячный рубеж. Хорошие темпы роста показывал Горно-Алтайск – центр одноименной автономии – 17% (34,4 тыс. и 40,2 тыс.). Камень – на – Оби увеличился на 12%

(35,6 тыс. и 40,0 тыс.), Новоалтайск вырос на 1%, но превысил рубежный порог в 50 тыс. на 34 человека (Кстати, это косвенный признак фальсификации. Для статуса городским властям необходимо было, чтобы число жителей перешагнуло рубеж в 50 тыс. Это давало новый статус городу). Остальные города сократили численность жителей Славгород на 2%, Алейск и Горняк по 4%. Поселки городского типа показали хорошие темпы прироста Южный 31%, Благовещенка 20%, Яровое 36%, Заринская на 123%. Сократилось число жителей в Тальменке на 0,8%¹.

Вторым аутсайдером прироста населения оказалась Кемеровская область. В ней общее число жителей возросло на 1,4% или 39,7 тыс. чел. Будучи самой высокоурбанизированной и густонаселенной территорией Западной Сибири, Кемеровская область не могла предоставить населению широкого выбора профессиональной занятости. Специализация ее могла обеспечить работой в основном мужское население, труд женщин был менее востребованным. Шахтерская профессия в этот период стала малопривлекательной для лиц, получивших хорошее образование. Это привело к оттоку населения из региона, который к тому же отличался пониженным естественным приростом. Численность горожан в Кемеровской области возросла на 149,2 тыс., или на 6,2%. Это было ниже естественного прироста городского населения региона. Сельское население численно сократилось на 109,5 тыс., или 21,2%. В Кемеровской области располагалось большинство городов региона с населением свыше 100 тыс. (7 из 13). Население крупнейшего города области Новокузнецка превышало 500 тыс. Рос Новокузнецк уже медленно, утратив высокие темпы развития. С 1970 г. по 1979 г. он вырос на 9% (с 496,0 тыс. до 541,4 тыс.). Областной центр г. Кемерово показывал темпы прироста рекордными для стагнирующего населения Кузбасса. За межпереписной период он возрос на 22% (с 385,0 тыс. до 470,6 тыс.). Из других городов области численно хорошо увеличились: Юрга (на 26%, с 62,1 тыс. до 78,3 тыс.); Березовский (на 19%, с 34,8 тыс. до 41,4 тыс.), Междуреченск (с 81,7 тыс. до 91,3 тыс.) и Мыски (36,2 тыс. до 40,6 тыс.), или по 12%. Низкими темпами росло население г. Топки (на 7%). Крупные города как Ленинск-Кузнецкий (на 3%) и Белово (на 4%) росли крайне медленно. Они в своей численности превышали 100 тыс. еще в 1970 г. Ленинск-Кузнецкий в 1979 г. насчитывал 132,1 тыс. (против 127,7 тыс. в 1970 г.), Белово 111,8 тыс. (против 107,9 тыс.). Остальные города области теряли население. Прокопьевск уменьшился на 3% (274,5 тыс. и 266,2 тыс.), Киселевск на 4% (с 126,6 тыс. до 121,9 тыс.), Анжеро-Судженск на 1% (с 105,2 до 105,1 тыс.). Средние города темп снижения численности ускоряли в целом по группе сокращающей население. Так Осинники сократились на 3% (62,0 и 59,8), Мариинск на 0,5% (37,6 и 37,5 тыс. соответственно), Гурьевск (27,2 до 25,6 тыс.), Тайга (26,9 тыс. до 25,2 тыс.) по 6%. Таштагол потерял 3% (0,7 тыс.), Калтан 11% (3,0 тыс.). Поселки городского типа Грамотеино и Промышленная численно почти не изменились (рост составил несколько десятков человек). Население Полысаево сократилось на 16%². Таким образом, Кузбасс оказался в сложном демографическом положении. С одной стороны занятость оказалась монопрофильной (угольная, металлургия, металлообработка и машиностроение, химическая промышленность), оставляя не востребованным труд женщин. С другой стороны сфера услуг, которая могла обеспечить женщин занятостью, развивалась слабо, новое подрастающее поколение, рожденное в конце 1950-начале 1960-х гг. стремилось порвать с тяжелым и неперспективным трудом, не находило применение своим знаниям в регионе.

В Новосибирской области увеличение население составило 4,5%. Несмотря на небольшую величину прироста, она оказалась на 1/3 выше, чем в целом по Западной Сибири. Для региона так же было характерно отрицательное сальдо миграций. Население теряли не только сельские местности, но и большинство малых городов и поселков городского типа. Общий прирост населения в области 112,8 тыс. сложился из увеличения горожан на 233,0, или 14,2%, и сокращения численности жителей сельских местностей на 120,2 тыс., или

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том 1. С. 79, 80.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том 1. С. 80.

13,9%. Прирост горожан произошел в основном Новосибирска (на 151,5 тыс.), а так же городов Бердска (14,2 тыс.), Искитима (13,2), Куйбышева (6,1), Карасука (2,9тыс.). В Новосибирской области были образованы новые поселки городского типа (пгт) Линево (9,7 тыс.), Краснообск (7,0), а районные центры Красноозерское (8,0) и Здвинск (4,8 тыс.) были преобразованы в пгт. Прирост от 0,8 до 1,4 тыс. тыс. наблюдался в Чанах, Мошково, Ордынском. В них население было немногочисленным от 6 до 9 тыс. Пригород Новосибирска – Пашино возрос на 3,7 тыс. (с 17,9 тыс. до 21,6 тыс.). В оставшиеся городах и поселках городского типа наблюдалась стагнация стагнации или падение численности жителей. Особенно это проявилось в старых транспортных центрах в Барабинске и Татарске, население которых не могло найти себе занятость в родных городах. Прирост населения в Татарске оказался более 1 тыс. (в 3,5 раза меньше естественного). Уменьшение численности постоянного населения отмечено в Барабинске на 0,3 тыс., несмотря на естественный прирост в 2,5 тыс. Численно сократились города Черепаново (на 0,6%), Болотное (на 5%), Купино (на 7%), Чулым (на 9%). Уменьшилось население в пгт Листвянский (на 20%)¹.

Население Омской области за 1970 – 1978 гг. приросло на 130,7 тыс., или 7,2%. Это было вдвое выше, чем по региону. Из области так же отмечался отток населения за пределы региона. Городское население выросло на 220,9 тыс., или на 21,9%. Основное приращение численности городских жителей принес Омск. Областной центр предпочитал развиваться сам, не позволяя расти прочим городским поселениям. Перепись 1979 г. существенно скорректировала численность Омска в текущей статистике. По оценке статистиков в нем должно было проживать к 1979 г. примерно 1090 тыс. Фактически оказалось 1014246 чел.², включая несколько пригородных поселков. Без них Омск насчитывал всего 1003,8 тыс. Постоянного населения в Омске с пригородами насчитывалось 1015797 чел. Таким образом, городом миллионером Омск стал только в 1978 г., а не в 1975 г. (перед своим 260-летием), как считалось ранее (на 1 января 1976 г. по оценке в текущей статистике в Омске проживало 1002тыс.)³. По сравнению с 1970 г. (821151 чел. – наличное население⁴) прирост населения в столице Прииртышья составил 193,1 тыс., или 23,5%. Прочие города области выросли незначительно: Тара на 4% (с 22,4 тыс. до 23,2 тыс.), Калачинск на 8% (20,8 тыс. до 22,4 тыс.), а Исилькуль сократился численно на 0,9% (с 26,0тыс. до 25,7 тыс.)⁵. За пределами областного центра проживало 214 тыс. городского населения. Это составляло 21% от жителей Омска и 11% всего населения области. Миграционные возможности Омска не позволяли вселить всех желающих переместиться в города. Развитие пригородов не решало эту проблему. Высокий естественный прирост в сельских местностях области, наблюдаемый до середины 1960 гг., обеспечивал наличие многочисленной генерации, которые не находили применение своим рукам в селах и районных центрах. Сельское население численно сократилось на 90,0 тыс., или 11%. При этом в сельской местности сохранялся повышенный в регионе естественный прирост. В области развивались агрогородки. Примером привлечением стороннего населения в сельскую местность в пригородной зоне является предприятие «Омский бекон», развитие которого превратило с. Лузино в благоустроенный населенный пункт с быстрорастущим населением. В 1979 г. в нем проживало 5210 чел., а в 1989 г.– 9648 чел., т. е. прирост составил 85,2%⁶. Заметим, что с. Криводановка в Новосибирской области с аналогичной специализацией росло примерно такими же темпами:

¹ Население Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). Новосибирск: Облстат, 1980. С.5.

² Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.: Финансы и статистика, 1985. С.18.

³ Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. М.: Статистика, 1976. С.13.

⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том 1: Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М.: ЦСУ СССР, 1980. С. 81.

⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том 1. С.81.

⁶ Сельские населенные пункты РСФСР по данным всесоюзной переписи населения 1989 года. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. С.352.

в 1979 г. 5019 чел., а 1989 г. 8649чел. Эти крупные села не являлись районными центрами. Села – районные центры – росли медленнее от 2% (с. Кыштовка в Новосибирской области) – до 25%(с. Усть –Тарка в Новосибирской области (23%), с. Большие Уки и с. Знаменское в Омской (на 22,2–22,7%) за 1979 – 1989 гг. Исключение из сел, которые были райцентрами, составляла Нижняя Омка в Омской области, увеличившая число жителей за этот период на треть.

Томская область приросла за 1970–1978 гг. на 10,2%, что превышало региональные показатели в 3 раза. В абсолютном измерении это составило 80,2 тыс., в том числе городское на 101,2 тыс., или 21,7%. Сельское население Томской области сократилось на 6,5%, или 20 тыс. чел. Областной центр численно возрос с 338,4 тыс. в 1970 г. до 420,7 в 1979 г., или на 24,3%. Медленнее росли старые города области: Колпашево на 15% (24,9 тыс. до 28,6 тыс.), Асино на 8% (29,4 тыс. до 31,6 тыс.). В тоже время г. Стрежевой, находящийся в районах добычи томской нефти, увеличил численность населения на 174% (с 8,4 тыс. до 23,1 тыс.)¹. В 1979 г. численность закрытого города Северск не была опубликована. Его жителей раскидывали по соседним регионам. Это искажало динамику населения Томской области и всех других регионов Западной Сибири. Приток населения на работу в районы добычи полезных ископаемых существенно повлияло на миграционные потоки в Томской области. Официальная статистика показывает, что область имела миграционный отток населения. При учете миграции в закрытый Томск 7, вектор миграции меняется на противоположный. В 1989 г. численность Томска 7 (Северска) составляло 110 тыс. чел.

Динамика населения в 1979–1989 гг. представлена в табл. 8.3 и 8.4. По данным таблицы 8.3 прослеживается тенденция увеличения темпов прироста населения в Западной Сибири по отношению к предыдущему десятилетию. Например, в Алтайском крае за межпереписной период прирост увеличился в 27 раз (с 0,2% до 5,5%) в абсолютных размерах это составило 147,7 тыс. При этом замедлилось сокращение численности сельского населения. За 10 лет с 1979 по 1989 г. оно уменьшилось на 8,2 тыс., или 2,6%. В предыдущий период между переписями сокращение составило 11,6 %. Увеличился темп прироста и числа горожан с 14,0% до 24,6%. Позитивные изменения затронули и автономную область. В ней общий прирост составил 11,6% против 2,1%, т.е. был в 6 раз выше. При этом рост горожан был скромнее, чем в предыдущий период: 8,6% против 20,6%. Сокращение числа жителей села в 1959–1969 гг. составило 3,6%. В 1979 – 1989 гг. оно приросло в своей численности на 12,8%. Ежегодный прирост численности жителей Алтайского края возрастал с 0,2% до 0,5% в первое пятилетие (1979 – 1984 гг.), после чего стабилизировался на уровне 0,6 – 0,7% в год. Позитивные изменения в основном произошли у сельского населения, темпы падения численности которого сократились с 0,7% до 0,1% в течение десятилетия. При этом несколько лет подряд они составляли 0,3% в год. У горожан ситуация была более прогрессивной. Практическое отсутствие прироста в начале периода сменилось ускорением увеличения численности. Уже в 1983 г. города численно приросли выше 1,4%, после чего произошел скачок до 2,6%, и плавное увеличение до 5,1% в год в 1988 г. Эти изменения связаны с принятием в СССР продовольственной программы, которая способствовала проведению мероприятий по развитию села, принятые меры по стимулированию рождаемости, а потом и антиалкогольная кампания существенно увеличили естественный прирост, как в городах, так и в селах. Строительство объектов соцкультбыт назначения задержало отток молодежи из сел и края в целом.

Таблица 8.3.

Наличное население Западной Сибири в 1979–1989 гг., тыс. чел.*

Регион	1979 г.	1989 г.	1989 г. к 1979 г., в %
Западная Сибирь			

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том 1. С.81.

все	12958,5	15003,2	115,8
городское	8767,8	10920,7	124,6
сельское	4190,7	4082,5	97,4
Алтайский край			
все	2674,6	2822,3	105,5
городское	1400,0	1581,6	113,0
сельское	1274,6	1240,7	97,3
В том числе Горно-Алтайская АО			
все	171,8	191,7	111,6
городское	47,9	52,0	108,6
сельское	123,9	139,7	112,8
Кемеровская область			
все	2958,1	3176,4	107,4
городское	2550,6	2775,8	108,8
сельское	407,5	400,6	98,3
Новосибирская область			
все	2618,0	2782,0	106,3
городское	1871,6	2078,0	111,0
сельское	746,4	704,0	94,3
Омская область			
все	1954,7	2140,3	109,5
городское	1228,5	1451,7	118,2
сельское	726,2	688,6	94,8
Томская область			
все	865,9	1001,6	115,7
городское	566,9	690,6	121,8
сельское	299,0	311,0	104,0
Тюменская область			
все	1887,2	3080,6	163,2
городское	1150,2	2343,0	203,7
сельское	737,0	737,6	100,1
Западная Сибирь (без Тюменской области)			
все	11071,3	11922,6	107,7
городское	7617,6	8577,7	112,6
сельское	3453,7	3344,9	96,8

*Составлено и рассчитано: Численность населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. С.21, 22.

Существенные изменения произошли в динамике населения Кемеровской области. За 1979–1989 гг. население Кузбасса приросло на 7,4% против 1,4% в период между предыдущими переписями. Сельское население Кемеровской области сократилось, хотя и незначительно, на 1,7%. В 1970 – 1979 гг. уменьшение составило 21,2%. Городское население с 1970 гг. увеличилось на 6,2%, т.е. приросло меньше, чем все население в 1979 – 1989 гг. В последний период прирост составил 8,8%. Отток населения из Кузбасса прекратился, и миграционный прирост составил 19,1 тыс., т.е. обеспечил 10% увеличения общей численности. Наличие застойных в экономическом отношении городов и шахтерских поселков обеспечивало повышенную миграцию внутри региона.

Таблица 8.4.

Динамика населения Западной Сибири 1979-1989 гг., тыс.*

Год	Алтайский край	Кемеровская Обл.	Новосибирская обл.	Омская область	Томская область	Западная Сибирь
1979	2686,2	2958,4	2620,1	1956,8	866,7	11088,2
1980	2691,2	2970,2	2634,5	1969,6	876,1	11141,6
1981	2698,9	2984,7	2650,9	1976,5	885,0	11196,0
1982	2709,1	3005,7	2666,7	1989,1	899,9	11270,5
1983	2723,4	3035,5	2682,4	2016,9	915,9	11374,1
1984	2740,0	3067,2	2705,0	2042,0	932,8	11487,0
1985	2756,1	3086,2	2717,4	2064,4	950,1	11574,2
1986	2770,3	3108,7	2727,1	2084,6	960,9	11651,6
1987	2787,9	3134,0	2745,4	2104,6	976,6	11748,5
1988	2807,8	3161,8	2765,2	2119,7	989,3	11843,8
1989	2822,1	3171,1	2778,7	2141,9	1001,7	11915,5
Индекс динамики, %						
1979	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1980	100,2	100,4	100,6	100,7	101,1	100,5
1981	100,3	100,5	100,6	100,4	101,0	100,5
1982	100,4	100,7	100,6	100,6	101,7	100,7
1983	100,5	101,0	100,6	101,4	101,8	100,9
1984	100,6	101,0	100,8	101,2	101,9	101,0
1985	100,6	100,6	100,5	101,0	101,8	100,8
1986	100,5	100,7	100,4	101,0	101,4	100,7
1987	100,6	100,8	100,7	101,0	101,6	100,8
1988	100,7	100,9	100,7	100,7	101,3	100,8
1989	100,5	100,3	100,5	101,0	101,3	100,6
Базисный индекс, %, 1979=100						
1979	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1980	100,2	100,4	100,6	100,7	101,1	100,5
1981	100,5	100,9	101,2	101,0	102,1	101,0
1982	100,8	101,6	101,8	101,7	103,8	101,6
1983	101,4	102,6	102,4	103,1	105,7	102,6
1984	102,0	103,7	103,2	104,4	107,6	103,6
1985	102,6	104,3	103,7	105,5	109,6	104,4
1986	103,1	105,1	104,1	106,5	110,9	105,1
1987	103,8	105,9	104,8	107,6	112,7	105,9
1988	104,5	106,9	105,5	108,3	114,1	106,8
1989	105,1	107,2	106,0	109,5	115,6	107,5
Городское население						
1979	1399,0	2547,5	1868,0	1230,0	568,9	7613,4
1980	1416,7	2563,8	1888,7	1242,1	579,3	7690,6
1981	1431,6	2580,7	1910,5	1257,1	588,6	7768,5
1982	1446,4	2603,8	1929,7	1274,2	600,3	7854,4
1983	1464,3	2635,3	1949,3	1297,2	617,1	7963,2
1984	1484,3	2666,9	1970,3	1313,0	626,1	8060,6
1985	1504,2	2684,5	1985,3	1338,3	636,3	8148,6
1986	1522,6	2705,6	2002,4	1361,7	647,2	8239,5
1987	1542,4	2731,7	2025,6	1404,0	659,4	8363,1

1988	1563,2	2756,1	2050,0	1427,1	679,6	8476,0
1989	1575,8	2768,9	2071,1	1448,6	690,5	8554,9
Индекс динамики, %						
1979	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1980	101,3	100,6	101,1	101,0	101,8	101,0
1981	101,1	100,7	101,1	101,2	101,6	101,0
1982	103,3	100,9	101,0	101,4	102,0	101,1
1983	104,7	101,2	101,0	101,8	102,8	101,3
1984	101,4	101,2	101,1	101,2	101,5	101,2
1985	107,5	100,7	100,8	101,9	101,6	101,1
1986	101,2	100,8	100,8	101,8	101,7	101,2
1987	101,3	101,0	101,2	103,1	101,4	101,2
1988	101,4	100,9	101,2	101,7	103,1	101,4
1989	100,8	100,5	101,0	101,0	101,6	100,9
Базисный индекс, %, 1979=100						
1979	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1980	101,3	100,6	101,1	101,0	101,8	101,0
1981	102,3	101,3	102,3	102,2	103,5	102,0
1982	103,3	102,2	103,3	103,6	105,5	103,2
1983	104,7	103,5	104,3	105,5	108,5	104,6
1984	106,1	104,6	105,5	106,8	110,0	105,9
1985	107,5	105,4	106,3	108,8	111,8	107,0
1986	108,8	106,2	107,2	110,7	113,8	108,2
1987	110,3	107,2	108,4	114,2	115,9	109,9
1988	111,7	108,2	109,7	116,0	119,5	111,3
1989	112,6	108,7	110,9	117,8	121,4	112,4
Сельское население						
1979	1287,2	410,9	752,1	726,8	297,8	3474,8
1980	1274,5	406,4	745,8	727,5	296,8	3451,0
1981	1267,3	404,0	740,4	719,4	296,4	3427,5
1982	1262,7	401,9	737,0	714,9	299,6	3416,1
1983	1259,1	400,2	733,1	719,7	298,8	3410,9
1984	1255,7	400,3	734,7	729,0	306,7	3426,4
1985	1251,9	401,7	732,1	726,1	313,8	3425,6
1986	1247,7	403,1	724,7	722,9	313,7	3412,1
1987	1245,5	402,3	719,8	700,6	317,2	3385,4
1988	1244,6	405,7	715,2	692,6	309,7	3367,8
1989	1246,3	402,2	707,6	693,3	311,2	3360,6
Индекс динамики, %						
1979	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1980	101,3	100,6	101,1	101,0	101,8	99,3
1981	99,4	99,4	99,3	100,3	99,9	99,3
1982	99,6	99,5	99,5	99,4	101,1	99,7
1983	99,7	99,6	99,5	100,7	99,7	99,9
1984	99,7	100,0	99,5	101,3	102,6	100,4
1985	99,7	100,3	100,2	99,6	102,3	100,0
1986	99,7	100,4	99,7	99,6	100,0	99,6
1987	99,8	99,8	100,0	96,9	101,2	99,2
1988	99,9	100,9	99,4	98,9	97,6	99,5
1989	100,0	99,1	98,9	100,1	100,5	99,8

Базисный индекс, %, 1979=100						
1979	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1980	101,3	100,6	101,1	100,1	101,8	99,3
1981	98,4	98,3	98,4	98,9	99,5	98,6
1982	98,1	97,8	98,0	98,4	100,6	98,3
1983	97,8	97,4	97,5	99,0	100,3	98,1
1984	97,5	97,4	97,7	100,3	103,0	98,6
1985	99,7	97,8	97,3	99,9	105,4	98,6
1986	99,7	98,1	96,4	99,5	105,4	98,2
1987	99,8	97,9	95,7	96,4	106,5	97,4
1988	99,9	98,7	95,1	95,3	104,0	96,9
1989	100,1	97,9	94,1	95,4	104,8	96,7

*Составлено и рассчитано: Численность, состав и движение населения в РСФСР. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. С.56,57,60,61,64,65.

В Новосибирской области сохранялся миграционный отток населения. В области, согласно текущему учету, в некоторые годы стал отмечаться механический прирост. Возможно, при проведении переписи населения 1989 г., в Новосибирской области был допущен некоторый недоучет населения. По крайней мере, смягчение административного давления на переписчиков и органы статистики при проведении ценса существенно снизилось, а сами итоги показали, что данные текущего учета разошлись с итогами переписи почти повсеместно. Другим объяснением может служить уменьшение фальсификаций при проведении более ранних переписей, но рассмотрение их итогов и тренда демографического развития, говорит в пользу некоторого недоучета в 1989 г. Негативное влияние оттока населения из области смягчили меры демографической политики, которые частично компенсировали миграционные потери. Сальдо миграций было отрицательно 21,3 тыс.¹. По данным областного статистического управления² величина оттока составила 22,4 тыс. Сделанный нами расчет, давал несколько иную цифру 22,9 тыс. [7. С. 280, 281]. Он не учитывал регистрации смертей и рождений, произведенных после истечения срока, установленного для закрытия годового отчета, т.е. после 1 апреля года, следующего за отчетным. Следовательно, минимальное число смертей по Новосибирской области, с пропущенным сроком регистрации, за 1979 – 1988 гг. составило 1,6 тыс., т.е. по 160 в год. Сальдо миграции по Новосибирской области по годам представлено в табл. 8.5. По данным расчета прослеживается тенденция уменьшения миграционной убыли населения, которая по обоим вариантам в конце периода сменилась небольшим, но миграционным приростом.

Таблица 8.5.

Сальдо миграции в Новосибирской области 1979–1988 гг., тыс. чел.*

Год	Расчет, произведенный по динамике, тыс. чел	
	до переписи	после переписи
1979	-1,3	-5,0
1980	+2,1	-0,6
1981	+0,1	-3,1
1982	-2,0	-4,9
1983	+3,8	0,0
1984	-2,7	-5,1

¹ Численность, состав и движение населения в РСФСР. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. С. 36.

² Численность, состав и движение населения Новосибирской области в 1994 году. Новосибирск: Облстат, май 1995. С. 55.

1985	-4,6	5,9
1986	+0,8	+0,1
1987	+2,3	+1,6
1988	0,0	0,0
Всего	-2,5	-22,9

* Рассчитано как разность между общим и естественным приростом по данным Новосибирского областного управления статистики.

В Омской области в межпереписной период характерно стабильное приращение числа жителей. Согласно официальной динамике Госкомстата РФ в 1979–1982 гг., прирост населения составлял 0,4–0,7%. Это было заметно меньше, чем естественный прирост в регионе. Население Омской области не могло найти применения своим рабочим рукам и знаниям в ней. Причиной этого были как природно-климатические условия, в том числе бедность почв, сильная заболоченность, так и социальные. В регионе отставало социально-экономическое развитие. Уже в 1960-х гг. отмечалось промышленная и социальная не развитость малых городов области. Территория оказалась трудоизбыточной вследствие не возможности осуществить быстрый промышленный подъем и не желания населения, особенно молодежи, оставаться на жительстве в малых селах, многие из которых были признаны неперспективными. Даже когда решения о сселении неперспективных сел и деревень были признаны ошибочными, потоки мигрантов из сел это не могло уже затормозить. Маленькие города в области не развивались, стагнировали и теряли население. Столица Прииртышья предпочитала развиваться сама, концентрируя в областном центре более половины населения области. Перепись населения 1989 г. отметила прирост населения в Омске на 13,1%. Это было в 1,5 выше, чем по области. Но городское население приросло на 17%. Положительная динамика на первый взгляд не скрывает противоречий в размещении населения Омской области. Все города увеличили свою численность своих жителей на меньшую величину, чем городское население в целом. Следовательно, больший прирост отмечался в поселках городского типа. Например, в Кормиловке, Большеречье, и Русской Поляне на 29%, Саргатском и Марьяновке по 21%, Полтавке и Входном на 32%, Таврическом 36%, Крутой Горке на 42%¹. Часть поселков располагались в пригородной зоне Омска. Запоздалое развитие этих небольших поселений помогло уменьшить отток населения из Омской области за ее пределы. Прирост численности жителей, начиная с 1983 г. по 1987 гг., составлял от 1% до 1,4%. Если в 1979–1982 гг. сельское население численно прирастало, то потом в отдельные годы наблюдалось и уменьшение числа сельских обывателей, так и некоторый прирост их. В целом за 1979 – 1989 гг. жителей села стало меньше на 5%. Отток населения из области не прекратился, но стал составлять стабильную величину 3–5% в год.

Таблица 8.6.

Изменение численности населения Западной Сибири в 1979 – 1989 гг., тыс.

Регион	1979–1988 гг.				1989 г.			
	Изменение		В том числе		Изменение		В том числе	
	Абс.	%	ЕП	МП	Абс.	%	ЕП	МП
Западная Сибирь	2044,7	15,8	1228,4	816,3	95,0	0,6	88,9	6,1
Западная Сибирь (без Тюменской)	851,3	7,7	885,8	-34,5	40,0	0,3	53,5	-13,5

¹ Городские поселения РСФСР по данным всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. С. 224–225.

обл.)								
Алтайский край	147,7	5,5	202,5	-54,8	12,9	0,5	12,0	0,9
Кемеровская Область	218,3	7,4	199,2	19,1	0,4	0,01	10,6	-10,2
Новосибирская область	164,0	6,3	185,3	-21,3	7,7	0,3	10,5	-2,8
Омская область	185,6	9,5	208,1	-22,5	11,4	0,5	14,3	-2,9
Томская область	135,7	15,7	90,7	45,0	7,6	0,8	6,1	1,5
Тюменская область	1193,4	63,2	342,6	850,8	55,0	1,8	35,4	19,6

* Составлено и рассчитано: Численность, состав и движение населения в РСФСР. М.:

Республиканский информационно-издательский центр, 1990.. С.36, 37. ЕП - естественный прирост, МП - миграционный прирост.

В Томской области население прирастало от 1 до 1,9% ежегодно. Это превышало уровень естественного прироста. Миграционная составляющая была значительной 1/3 общего увеличения числа жителей. При этом ежегодно увеличивалось городское население, в том числе за счет развития новых городских поселений. Сельское население приросло на 4,8% за десять лет. В 1980 г., 1982 г., 1987 г. оно сократилось, в 1979 г., 1981 г. и 1986 г. увеличилось от 1 до 2%, в 1983 г., 1984 г. прирастало от 2,2% до 2,6%.

Динамика населения по городам региона показывает ускоренное развитие территорий, прилегающих к районам нефте- и газодобычи. Например, г. Стрежевой с 1979 г. по 1989 г. увеличился на 86,6%, пгт. Каргасок на 30%, Белый Яр на 27%. В 1987 г. появился г. Кедровый (2 тыс. в 1989 г.). Областной центр г. Томск стал многолюдней на 19%. Это было выше, чем по области в целом (15,6%), но меньше, чем прирост городского населения в области (на 21,7%). Население г. Томска превысило полмиллиона человек, составив 501,9 тыс.¹ жителей. Незначительное превышение рубежа в 500 тысяч могло свидетельствовать о том, что административные органы при проведении переписи вмешались в деятельность статистических учреждений с целью получить необходимый результат. В СССР город с населением 500 тыс. получил некоторые преференции в экономическом и социальном плане.

Города Западной Сибири показывали примерно такие же тенденции в изменении численности населения, как и в предыдущее десятилетие. Однако темпы прироста падали в большинстве из них. Миграционные возможности сел исчерпывались, естественный прирост стабилизировался, отток из региона продолжался, а миграционная емкость большинства городов оказывались весьма небольшими. За 1979 – 1989 гг. сократилось население в небольших городах. Уменьшилось население в городах Тогучин (1,3%), Каргат (5,9%), Купино (93,4%), Болотное (4,3), Татарске (3,1), Барабинске (0,3%) в Новосибирской области, Горняк (0,1%), Алейск (4,1%). В городах Кемеровской области прекратилось снижение численности жителей. Прирост в городах, которые в 1970-х гг. теряли население, был небольшой в пределах 1–6%, он не отменял застойных явлений в развитии, но это свидетельствовало только об увеличении в них естественного прироста. Например, Тайга в 1970–1979 гг. уменьшила свою людность на 6%, то в 1979 – 1989 гг. приросла численно на эту же величину. Если в 1970-е гг. уменьшали население: Киселевск – на 4%, Гурьевск - 6%, Прокопьевск - 3%, Осинники - 3%, то в 1979–1989 гг. увеличили свою численность соответственно на 5%, 10%, 2,4% и 4%. Почти не изменился прирост в тех городах Кузбасса, которые имели небольшой прирост в 1970-х гг. Например, Ленинск – Кузнецкий увеличил

¹ Городские поселения РСФСР по данным ...1989 г. С.225.

прирост с 3 до 4%, а Белово, наоборот, сократил с 4 до 1,2%. Сохранили свой прирост или его слегка увеличили Междуреченск с 12 до 16%, Юрга 26 и 23 соответственно, Новокузнецк 10 и 11%, Мыски 12 и 12%. Кемерово стал прирастать медленнее. Его прирост уменьшился с 22 до 12%. В Омской области города росли медленнее, чем областной центр. Прирост за 10 лет в Омске составил 13%, Тара и Калачинск на 11%, Исилькуль 5%, Тюкалинск 4%, Называевск 2%¹.

В целом Западная Сибирь оставалась высокоурбанизированным регионом. Доля горожан составляла в Западной Сибири 68,7% (без Тюменской области, с ней 67,7%) (табл.8.7), что существенно превышало удельный вес горожан в СССР (62,3%), но было несколько ниже, чем в РСФСР (69,3%). Повышенную долю горожан отмечалась в Кемеровской (86,2%) и Новосибирской (71,5%) области, существенно ниже их доля была в Омской области (62,8%) и Алтайском крае (52,3%). В Горном Алтае, входившим тогда в состав Алтайского края, удельный вес городского населения составлял 27,9%. В Томской области городское население так же было меньше, чем в РСФСР, – 65,5%. Из областей минимум горожан был в Тюменской области (с округами) – 60,9%. В автономных округах доля горожан оказалась высокой в Ханты-Мансийском округе (78,3%) и одной из самых низких в Западносибирском экономическом районе, и в СССР, – в Ямало-Ненецком округе (50,6%)². В течение 1979–1988 г. доля горожан прирастала стабильно на 0,2–0,3% в год. В 1989 г. перепись показала увеличение доли горожан на 3,2 п.п. (без Тюменской области). Если включить Тюменскую область, то доля горожан в Западносибирском экономическом районе возрастает до 72,8%. Таким образом, урбанизация в районах севера протекала более интенсивно. В Тюменской области горожанами оказалось 76,1% населения, в том числе в Ямало-Ненецком округе 77,9%, а Ханты-Мансийском 90,9%. В Западной Сибири в городах проживало 72,6% мужчин и 73,0% женщин региона. Следовательно, урбанизация не влияла на соотношение полов по месту проживания. Максимальный вес горожан в регионе остался в Кемеровской области (87,4%). Выше, чем по региону доля горожан осталась в Новосибирской области (74,7%). В Омской области горожане составляли 67,8%, в Томской 68,9%. Как и прежде, наименее урбанизированными оказался Алтайский край 56,0%, в том числе Горный Алтай 27,1%. Прирост горожан на Алтае составил 4 п.п., т.е. соответствовал аналогичному в Западносибирском экономическом районе. В Горно-Алтайской АО доля горожан даже сократилась с 27,9% до 27,1%, т.е. на 0,8 п.п.³. Этот регион оставался слабоурбанизированным и медленно развивающимся. Это позволяло сохранять его природные красоты. В настоящее время данное обстоятельство позволяет расширять туризм в «Сибирскую Швейцарию».

Таким образом, регион имел темпы прироста городского населения, превышающие темпы прироста аналогичного в СССР. По темпам роста доли горожан Западная Сибирь примерно соответствовала общероссийским. Процесс урбанизации происходил ускоренно. Сокращалась не только доля сельского населения, но быстро уменьшалась его абсолютная численность. Аналогичные выводы приводят и авторы коллективной монографии «Население Западной Сибири в XX веке», изданной в 1997 г. в Новосибирске [8. С. 34].

Слабо менялось распределение населения по полу. Причиной данного явления оставалась повышенная смертность мужского населения, миграционный приток в Тюменскую область способствовал большему приращению численности мужского населения. Повышение рождаемости в начале и середине изучаемого периода так же способствовало ускорению прироста мужского населения из-за повышенной доли мальчиков среди родившихся. Миграционные потери Омской и Новосибирской областей тормозили процесс выравнивания полов, так как среди мигрантов преобладали мужчины (см. табл.8.7).

¹ Городские поселения РСФСР по данным ... 1989 г. С. 220–225.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том 1. С. 29, 32, 33.

³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том 1. С. 32, 33. Городские поселения РСФСР по данным ... 1989 г. С. 20, 21, 22, 23.

Уже в 1979 г. в Тюменской области число мужчин и женщин почти сравнялось, в 1989 г. население оказалось поделено по полу ровно пополам. В округах из-за большого притока мигрантов по отношению к местному населению в 1979 г. преобладали мужчины, к 1989 г. доля женщин существенно возросла. Вслед за мужьями в районы переселялись жены и дети. Половая диспропорция стала меняться в сторону роста доли слабого пола. В Томской области женский перевес был слабее, чем в других областях и крае. Здесь так же отмечался существенный миграционный приток. В прочих регионах Западной Сибири доля мужчин составляла 46–47%, но численность представителей сильного пола в межпереписной период росла быстрее, чем слабого. Доля мужчин за 1979–1989 гг. возросла повсеместно на 0,4 (Кемеровская, Омская области) – 0,7 (Алтайский край) п.п. в целом по Западной Сибири увеличение удельного веса мужчин составило 0,8 п.п. из-за значительного роста численности населения в автономных округах.

Таблица 8.7.

Распределение населения Западной Сибири по полу в 1979–1989 гг.*

Пол	Численность, абс.		1989 к 1979 г., в %	Доля в населении, %		Удельный вес городских жителей, в %.	
	1979 г.	1989 г.		1979 г.	1989 г.	1979 г.	1989 г.
Западная Сибирь							
Оба пола	12973451	15013169	115,7	100,0	100,0	67,7	72,8
Муж.	6096549	7179235	117,8	47,0	47,8	67,5	72,6
Жен.	6876902	7833934	113,9	53,0	52,2	67,8	73,0
Алтайский край							
Оба пола	2686196	2822092	105,1	100,0	100,0	52,3	56,0
Муж.	1245315	1330357	106,8	46,4	47,1	52,1	55,7
Жен.	1440881	1491735	103,5	53,6	52,9	52,6	56,3
Горно-Алтайская Автономная Область							
Оба пола	172040	190831	110,9	100,0	100,0	27,9	27,1
Муж.	79075	90946	115,0	46,0	47,7	27,2	26,3
Жен.	92965	99885	107,5	54,0	52,3	28,5	27,9
Кемеровская область							
Оба пола	2958429	3171134	107,2	100,0	100,0	86,2	87,4
Муж.	1392549	1507346	108,3	47,1	47,5	86,3	87,3
Жен.	1565880	1663788	106,3	52,9	52,5	86,2	87,5
Новосибирская область							
Оба пола	2620130	2778724	106,1	100,0	100,0	71,5	74,7
Муж.	1207554	1297496	107,5	46,1	46,7	71,0	74,1
Жен.	1412576	1481228	104,9	53,9	53,3	71,9	75,2
Омская область							
Оба пола	1956799	2141909	109,5	100,0	100,0	62,8	67,8
Муж.	911668	1007509	110,5	46,6	47,0	62,9	67,2
Жен.	1045131	1134400	108,6	53,4	53,0	62,8	68,4
Томская область							
Оба пола	866713	1001653	115,6	100,0	100,0	65,5	68,9
Муж.	412982	488009	118,2	47,6	48,7	64,9	68,6
Жен.	453731	513644	113,3	52,4	51,3	66,0	69,3
Тюменская область							
Оба пола	1885184	3097657	164,3	100,0	100,0	60,9	76,1
Муж.	936481	1548518	167,2	49,7	50,0	60,9	76,1
Жен.	958703	1549139	161,6	50,3	50,0	60,9	76,0

Ханты-Мансийский Автономный Округ							
Оба пола	570763	1282396	224,7	100,0	100,0	78,3	90,9
Муж.	297742	657441	220,8	52,2	51,3	77,8	90,7
Жен.	273021	624955	228,9	47,8	48,7	78,8	91,1
Ямало –Ненецкий Автономный Округ							
Оба пола	158844	494844	311,5	100,0	100,0	50,6	77,9
Муж.	85015	259214	304,9	53,5	52,4	48,7	77,6
Жен.	73829	235630	319,2	46,5	47,6	52,7	78,2

*Составлено и рассчитано: Городские поселения РСФСР по данным ...1989 г. С. 20,21,22,23. Возрастной состав населения РСФСР... по..1989 г. С. 272 – 301.

В Западной Сибири был высокий уровень урбанизации. В 1979 г. без Тюменской области доля горожан достигла 68,7%. В последующие годы доля горожан прирастала стабильно на 0,2 – 0,3 п.п. в год. В 1980 г. и 1987 г. прирост был выше 0,4 п.п., а в 1986 г. 0,5 п.п. В 1980 г. это связано с небольшим общим увеличением прироста всего населения, хотя в абсолютном отношении прирост почти не изменился по отношению к смежным с ним годам. В 1986 г. и 1987 г. увеличение прироста населения в городах связано с ожиданием перемен (рост рождаемости) и снижением смертности в ходе антиалкогольной кампании. Принципиально эти отклонения общей картины не изменили (табл. 8,8).

Таблица 8.8.

Численность городского и сельского населения в Западной Сибири. (постоянное население, без Тюменской области), тыс.*

Год	Все	Городское	Сельское	Городское, %	Сельское, %
1979	11088,2	7613,4	3474,8	68,7	31,3
1980	11141,6	7690,6	3451,0	69,0	31,0
1981	11196,0	7768,5	3427,5	69,4	30,6
1982	11270,5	7854,4	3416,1	69,7	30,3
1983	11374,1	7963,2	3410,9	70,0	30,0
1984	11487,0	8060,6	3426,4	70,2	29,8
1985	11574,2	8148,6	3425,6	70,4	29,6
1986	11651,6	8239,5	3412,1	70,7	29,3
1987	11748,5	8363,1	3385,4	71,2	28,8
1988	11843,8	8476,0	3367,8	71,6	28,4
1989	11915,5	8554,9	3360,6	71,8	28,2

* Рассчитано: Численность, состав и движение населения в РСФСР. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. С.56,57,60,61,64,65.

Как видно из таблицы 8.9, возрастной состав населения за 1979–1989 гг. претерпел существенные изменения. Несмотря на повышение рождаемости, доля детей до 6 лет возросла незначительно с 10,2% до 10,9%, в городах¹. Причина этого явления очевидна. Во-первых, рождений в середине 1970 г. существенно возросло, и доля детей оказалась относительно высокой. Вторая причина заключается в динамике рождаемости в межпереписной период. Стабильный уровень 1979–1980 гг. сменился кратковременным подъемом 1982-1984 гг. Падение рождаемости в 1984-85 гг. и некоторое колебание с неяркой выраженной тенденцией роста 1985–1987 гг. не могло существенно прирастить долю детей. Тем более в 1988 г. отмечалось существенное сокращение рождений. В Новосибирской области уровень рождаемости был ниже, чем до мер по стимулированию рождаемости, начиная с 1986 г., а в 1988 г. по общей рождаемости был сопоставим с серединой 1970 гг.

¹ Возрастной состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. С.272-274

Повышенной долей детей отличались Тюменская область – территория с большим, хотя и снижающимся миграционным притоком населения, и Омская область, где повышенная доля сельского населения и национальных групп с традиционно высокой рождаемостью позволили сохранить более значительным прирост населения. Доля родившихся в 1979 г. по 1982 г., т.е. в момент проведения переписи которым исполнилось 6–9 лет, возросла с предыдущим межпереписным периодом с 5,9% до 6,9% (города с 5,6% до 6,6%, в сельской местности с 6,4% до 7,6%). Рост доли в селах был несколько выше, но доля таковых в городах росла быстрее и превысила удельный вес по предыдущей переписи данной когорты в сельской местности. Не следует забывать, что численность горожан быстро прирастала, но село старело быстрее. Поэтому благоприятная тенденция в селах проявилась отчетливой.

Таблица 8.9

Возрастной состав населения Западной Сибири (1979 –1989 гг.),% *

Возраст	Все население		Мужчины		Женщины	
	Городское и сельское					
	1979	1989	1979	1989	1979	1989д
0-5	10,2	10,9	10,9	11,7	9,5	10,4
6-9	5,9	6,9	6,3	7,3	4,6	6,5
10-15	8,5	9,2	9,2	9,8	5,5	8,7
16-19	7,9	5,3	8,5	5,6	8,0	5,0
20-24	10,6	6,6	11,5	7,0	7,3	6,3
25-29	9,4	9,3	10,3	10,0	9,8	8,8
30-34	6,0	9,7	6,5	10,4	8,6	9,1
35-39	5,8	8,4	6,1	8,9	5,5	7,9
40-44	7,5	5,1	7,8	5,3	5,5	4,9
45-49	6,6	4,9	6,9	4,9	7,1	4,8
50-54	6,7	6,0	6,1	5,9	6,4	6,0
55-59	3,7	5,1	2,8	4,9	7,3	5,3
60-64	3,2	5,0	2,3	4,0	4,6	5,8
65-69	3,3	2,6	2,2	1,7	4,2	3,4
70+	4,7	5,0	2,6	2,6	6,7	7,1
Городское						
0-5	9,7	10,5	10,5	11,3	9,0	9,8
6-9	5,6	6,6	6,0	7,0	5,2	6,2
10-15	7,6	8,9	8,2	9,5	7,1	8,4
16-19	8,3	5,7	8,5	5,9	8,2	5,6
20-24	11,3	6,9	12,0	7,4	10,6	6,6
25-29	10,1	9,6	10,9	10,3	9,3	9,0
30-34	6,6	10,0	7,2	10,6	6,2	9,5
35-39	6,2	8,8	6,6	9,2	5,9	8,4
40-44	7,6	5,5	8,0	5,7	7,3	5,3
45-49	6,4	5,0	6,6	5,1	6,2	5,0
50-54	6,6	5,9	6,1	5,8	7,0	6,0
55-59	3,6	4,8	2,7	4,4	4,4	5,0
60-64	3,1	4,7	2,3	3,8	3,7	5,5
65-69	3,0	2,4	2,1	1,6	3,9	3,2
70+	4,3	4,7	2,4	2,4	6,0	6,5
Сельское						
0-5	10,2	10,4	11,0	11,3	9,4	9,7
6-9	5,9	6,7	6,5	5,4	5,4	6,3

10-15	8,5	9,3	9,3	7,8	7,8	8,7
16-19	7,7	5,2	8,4	7,0	7,0	4,9
20-24	10,2	6,0	11,2	9,4	9,4	5,6
25-29	8,7	8,5	9,5	7,9	7,9	7,9
30-34	5,5	9,2	6,0	5,1	5,1	8,7
35-39	5,4	7,9	5,7	5,2	5,2	7,4
40-44	7,2	7,9	7,7	6,8	6,8	4,7
45-49	6,9	4,8	7,3	6,5	6,5	4,8
50-54	7,1	6,2	6,4	7,7	7,7	6,1
55-59	4,1	5,8	3,0	5,0	5,0	5,9
60-64	3,5	5,8	2,6	4,4	4,4	6,7
65-69	3,7	3,1	2,5	4,7	4,7	4,0
70+	5,7	6,1	3,0	3,1	8,0	8,5

* Возрастной состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. С. 272-274.

Доля детей в Алтайском крае почти не изменилась. В 1979 г. детей до 6 лет в нем было 10,2% в 1989 г. 10,4%. При этом незначительный рост доли детей был как в городах (на 0,3%), так и в селах (на 0,6%). Более значительным было приращение удельного веса детей в автономии. Здесь доля лиц до 6 лет в населении возросла с 11,7% до 13,7% (у горожан с 9,7% до 10,0%: у жителей сел с 13,9 до 14,9%). Доля детей 6 – 9 лет так же выросла. Хотя общее процентное увеличение было небольшим. В целом по краю с 5,9% до 6,7%, у горожан с 5,7% до 6,2%, в селах с 6,2% до 7,4%. В Горном Алтае тенденция роста проявилась отчетливо. Здесь прирост доли 6–9 летних составил на 0,7 процентных пункта (п.п.), как и у горожан автономии, а у сельчан 0,6%¹.

В Кемеровской области с 1979 г. по 1989 г. удельный вес детей 0–6 лет вырос на 0,2% (с 9,7% до 9,9), у горожан на 0,4% (с 9,4% до 9,8%), у жителей деревень на 1,3% (10,5% до 11,8%). Соотношение городского и сельского населения здесь привело к уменьшению общего прироста. Не большим был прирост и доли 6 – 9-летних. Для всего населения – с 5,7% до 6,5% (в городах с 5,6 до 6,5%, в селах с 5,9 до 7,4%)².

Тенденции роста доли детей мало проявилась и в Новосибирской области. Здесь удельный вес 0–5 лет изменился с 9,5% до 9,8% (на 0,3 п.п.), в городах соответственно 9,1 и 9,2 (на 0,1 п.п.), в селах 10,7 и 11,4 (на 0,7 п.п.). Почти не менялась здесь и доля 6 – 9 - летних. Она выросла с 5,5% до 6,4% (0,9 п.п.), в городах 5,3 до 6,0% (на 0,7 п.п.), в селах с 6,1 до 7,4 (1,3 п.п.)³. Здесь население слабо реагировало на меры правительства по стимулированию деторождения, как и в кемеровской области. Отток населения, в основном в молодых детородных возрастах продолжался. Доля горожан, как и в Кемеровской области, была высока, а стимулирование рождаемости почти не решало проблем именно горожан. Подорвав экономическую ценность детей, как работника (что отчасти сохранялось в сельской местности), запоздав на 20–25 лет с принятием решений по активной демографической политике, правительство СССР не могло предусмотреть и не осознавало до конца яму демографического падения населения страны, в которой оно оказалось.

В Омской области ситуация оказалась более благоприятной. Здесь доля детей приросла в большей степени из-за более высокой рождаемости. Удельный вес 0–5 летних за 10 лет между переписями вырос с 10,6% в 1979 г. до 11,1% в 1989 г. В городах рост был с 9,7% до 10,3%, в селах с 12,0% до 13,0%⁴. Однако миграционный обмен для области остался отрицательным и складывался в основном за счет молодежи.

¹ Возрастной состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 275-280.

² Возрастной состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 281–283.

³ Возрастной состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 284–286.

⁴ Возрастной состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 287–289.

В Томской области, имевшей миграционный приток на нефтедобычу и лесную промышленность, ситуация должна была сложиться благоприятней. Однако рост доли детей в населении 0–5 лет был скромным. 10,4% до 10,9% (города с 9,6% до 10,3%, села – 11,7% до 12,7%). Доля детей до 6–9 лет изменилась тоже незначительно: в селах с 6,5% до 8,0%, в городах с 5,5% до 6,4%, для всего населения с 5,9% до 6,9%¹. Миграционный прирост составил 1/3 от общего, но приток имел явный мужской перевес.

Особенной в регионе стоит Тюменская область с округами. Здесь отмечался исключительно быстрый рост населения. Основной вклад внесла миграционная составляющая - $\frac{3}{4}$ от общего прироста. Основной прирост в 1,2 миллиона пришелся на округа. В Ханты – Мансийском автономном округе (ХМАО) население возросло в 2,2 раза, в Ямало-Ненецком округе (ЯНАО) в 3,1 раза. Вся область на 63,2%. В округах стало проживать 1754,6 тыс. жителей (57%) из 3080,6 тыс. таким образом, юг области почти не отличался от остальных районов Западной Сибири в демографическом отношении, но округа меняли все тренды развития. Без округов Тюменский регион прирос с 1160,4 тыс. до 1326,0, или на 14,3%. Это превышало показатели остальных территорий региона, но и юг тюменской области был под воздействием ускоренного развития нефтегазоносных территорий севера. Рождаемость в Тюменском регионе была велика, но это нивелировалось огромным притоком трудоспособного населения (от 80 до 85%), которое молодое и находящее в детородном возрасте производило детей. В результате доля детей 0–5 лет выросла существенно с 11,4% до 13,2% по всему региону (в городах 11,1% до 13,4%; в селах 11,6% до 13,0%). Особенностью являлось повышенная доля детей в городах области и больший прирост доли детей за десятилетие, чем в сельской местности. В округах эта тенденция проявилась отчетливой. В ХМАО прирост составил всего 2,1 п.п. (с 12,7% до 14,8%), в городах 1,9% (с 12,8% до 14,7%) , в селах на 2,1 (с 12,8% до 14,9%). В ЯНАО с 12,2 до 14,3% для всего населения, в городах с 12,0 до 14,0%, в селах с 12,4 до 15,2% соответственно. Удельный вес детей 6–9 лет в Тюменской области всего с 6,5 до 7,7%, городское с 6,3 до 7,8, сельское 6,9 и 7,7%, ХМАО с 7,3 до 8,5% (города 7,3 до 8,5; сельское – 7,5 до 8,5%) ЯНАО возрос с 7,4 до 8,2% (городах 7,2 и 8,0; села 7,6 до 8,8%). В абсолютном выражении детей по Тюменской области стало больше на 95%, то в округах в ХМАО в 2,6 раза (в городах 3,1 раза), в ЯНАО в 3,6 раза (в городах почти в 5,5 раз) больше².

Таким образом, Тюменская область существенно корректировала ситуацию по Западной Сибири. Это создавало иллюзию благополучия по всему экономическому району. Анализ статистических материалов показывает, что южные регионы Западной Сибири в миграционном притоке на Тюменский север не играли существенной роли. Отток из них шел в Казахстан и Северный Кавказ, на Украину. В Тюменский регион приезжали выходцы из Европейской части страны РСФСР, Украины и Азербайджана. Наше наблюдение подтверждают расчеты исследователей того периода. По их данным доля трудоспособного населения в миграционных потоках составляла в 1970 г. – 85,6% прибывших, в 1975 г. – 86,9%, в 1980 г. – 84,7%, основные потоки шли из европейских районов СССР [9. С.139].

Изменение доли лиц старше 60 лет обусловило процесс постарения населения, т.е. увеличение доли старых и пожилых людей в населении. Критерием принята доля лиц старше 60 лет. Применим для определения степени постарения шкалу польского демографа Э. Россэта. (табл. 8.10).

Таблица 8.10.

Шкала старения Э. Россэта.

Доля лиц в возрасте 60 лет и старше, %	Этап старения и уровня старости населения
<8	Демографическая молодость
8–10	Первое преддверие старости
10–12	Собственно преддверие старости

¹ Возрастной состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 290–292.

² Возрастной состав населения РСФСР. С. 293–301.

12 и выше	Демографическая старость
12–14	Начальный уровень демографической старости
14–16	Средний уровень демографической старости
16–18	Высокий уровень демографической старости
18 +	Очень высокий уровень демографической старости

*http://bono-esse.ru/blizzard/Medstat/Demograf/stat_zab_5_1.html (дата обращения 27.03.2016г)

Как видно из сравнения табл. 8.9 и 8.10, доля населения старше 60 лет и старше превышала 12% в 1979 г. в сельской местности всего региона 12,9%. В городах уровень старения составлял 10,4%, для всего населения 11,2. В 1989 г. ситуация изменилась. В сельской местности доля старше 60 лет составила 15%, в городах 11,8%, для всего населения 12,6%. Таким образом, в течение периода 1979–1989 гг. население региона перешагнуло уровень старости в 12,0%. Города вплотную подошли к этому рубежу. Если учесть возможную статистическую погрешность, то и города достигли нижней границы уровня старости. Жители сел находились в демографической старости уже в 1979 г., а в 1989 г. вошли в зону среднего уровня развития старости. Горожане в 1979 г. еще находились в преддверии старости. Доля старших возрастов оказалась ниже, чем по России в целом. Повышенная доля детей до 15 лет обусловлена повышенной рождаемостью, наблюдавшейся в сибирских регионах с середины 1970-х гг. по сравнению с РФ. Однако уровень демографической нагрузки оказался ниже, чем по РСФСР. Доля трудоспособных возрастов в Сибири оказывалась существенно выше, чем по Российской Федерации. (табл. 8.11). С 1979 г. по 1989 г. в районах Западной Сибири возросла доля детей на 1,6–3,0 п.п., а в Тюменской области 3,8 п.п. Доля трудоспособного возраста сократилась повсеместно от 2,3 п.п. (Тюменская обл.) до 4,8 п.п. (Алтайский край). Максимум снижения 5,5 п.п. отмечен в Кемеровской области. Доля трудоспособных снижалась как снизу (росла доля детей), так и сверху (росла доля пенсионных возрастов). Доля лиц, старше трудоспособных возрастов выросла от 1,5 п.п. (Томская и Омская область) до 3,4 п.п. (Кемеровская область). Высокий прирост (3,0 п.п.) отмечен в Новосибирской области. Выделялась из общего ряда Тюменская область, где доля пенсионных возрастов не увеличилась, а сократилась на 1,4 п.п. Это произошло из-за роста рождаемости и огромного притока трудоспособных из-за пределов региона.

Таблица 8.11.

Распределение населения по укрупненным возрастным группам 1979–1989 гг.

Регион	Доля в населении					
	Младше трудоспособного		Трудоспособного возраста		Старше трудоспособного	
	1979	1989	1979	1989	1979	1989
Горно-Алтайская АО	30,9	32,5	56,4	52,9	12,7	14,6
Алтайский край	24,1	26,1	60,4	55,6	15,5	18,3
Кемеровская обл.	23,4	25,4	62,5	57,1	14,1	17,5
Новосибирская обл.	23,3	24,9	61,9	57,3	14,8	17,8
Омская обл.	25,9	27,6	60,6	56,4	13,5	16,0
Томская область	24,1	27,1	63,1	58,7	12,7	14,2
Тюменская	26,9	30,7	63,3	61,0	9,7	8,3

обл.						
------	--	--	--	--	--	--

*[5. С. 244, 245].

В феврале 1981 г. в СССР были приняты меры, направленные на стимулирование рождаемости. Они устанавливали частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им 1 года. Неоплачиваемый отпуск был продлен до 1,5 лет. Вводилось постановление в различных районах страны поэтапно, начиная с ноября 1981 г. На территории Сибири, Дальнего Востока стимулирование рождаемости началось с момента реализации данной программы. Западная Сибирь попала под действие постановления сразу.

Принятые меры были направлены на увеличение рождений в семьях вторых и третьих детей. В 1981 г., еще до введения вышеуказанных мер, число родившихся увеличилось. Рост был лишь в некоторой степени связан с ожиданием вводимых льгот. Не вызывает сомнений, что число родившихся увеличилось бы и без них. Тенденция смещения в календаре рождений, т. е. сокращение временного интервала между 1 и 2 рожденьями, отчетливо наметилась уже в 1977–1978 гг. Продолжали увеличиваться доля и абсолютное число женщин основных фертильных возрастов — 20–35 лет. Подъем рождений (на 1 п.п.) в селах Омской области отмечался и в 1980 г. В остальных регионах он оставался стабильным.

Можно с уверенностью говорить, что в 1981 г. рост числа рождений наблюдался только у городских женщин. У сельских женщин Новосибирской области произошло абсолютное сокращение числа родившихся, однако отмечен значительный рост показателя рождаемости. Последнее произошло благодаря тому, что относительное падение численности жителей села было большим, чем уменьшение числа родившихся в сельской местности. Это свидетельствовало об увеличении интенсивности повозрастных показателей рождаемости у женщин села. В данный период в сельском населении достигли максимума абсолютная численность и удельный вес женщин основных фертильных возрастов. При увеличении интенсивности числа родов произошел эффект всплеска рождаемости. Значительно увеличился показатель рождаемости у жителей сел в остальных регионах. О действии в основном структурных факторов свидетельствует то, что в 1982 г. (когда меры реализовывались) в Новосибирской области число рождений увеличилось примерно на ту же величину, что и в 1981 г. Но 1982 г. — год, когда структурные факторы себя практически исчерпали. (Именно это год пикового показателя рождаемости в Омской области, где в 1983 г. показатель снизился на 1%, но число родившихся возросло). Они еще некоторое время лишь способствовали поддержанию показателя рождаемости. Вместе с тем, с 1980 по 1983 г. интенсивность рождений, т. е. поверхностный показатель рождаемости у женщин, значительно возросла. В городской местности ее увеличение составило 13,2%, в сельской местности — 20,2%. Всего по области рождаемость увеличилась на 14,7% [10. С. 19]. Коэффициент рождаемости достиг пика в 1983 г. — 19,0‰. В абсолютном выражении число родившихся составило 51,5 тыс. чел. Этого было недостаточно для замены родительского поколения. Даже в абсолютном выражении число родившихся едва превысило количество появившихся на свет в 1962 г. Пик числа родившихся в области наблюдался за все послевоенное время в 1954–1955 гг. Число родившихся в 1983 г. равнялось 84,5% от среднегодового уровня 1955–1960 гг. в Новосибирской области, и от 80% до 87% в остальных регионах, в Алтайском крае он составил всего 65% от пиковых значений 1950-х гг.

В табл. 8.12. не показаны данные по Тюменской области, но в целом по региону учтен данный регион. В 1979–1980 гг. рождаемость в Тюменской области составляла 19,4‰ (рождаемость превышала по региону 1,5 п.п.), в 1981 г. — 20,6 (на 1,9 п.п.), в 1982 г. — 22,7 (на 2,7 п.п.), в 1983 г. — 23,1‰ (на 2,9 п.п.). В 1985 г. разрыв составил 3,9 п.п., в 1986 г. — 3,8 п.п., в 1987 г. — 3,7 п.п. Молодая возрастная структура и приток молодежи в регион обеспечивали повышенную рождаемость, одновременно завывшала показатели по Западной Сибири, искажая всю динамику воспроизводства. При этом в Тюменском регионе рождаемость в

городах превышала рождаемость сельского населения, что было диссонансом в регионе и скрывало различия в показателях рождаемости всего экономического района. Поэтому не характерные для Западной Сибири показатели Тюменской области оговариваются особо, так как представляют собой выходящие из ряда, «кричащие цифры». Доля региона росла быстро, и влияние на весь Западносибирский регион становилось все существенно. Если устранить данные по Тюменской области, то общий показатель рождаемости снизится в Западной Сибири на 0,4–0,7‰. По сути, в регионе сложились два населения: на юге (старееющее и теряющее население из-за миграции длительный период) и на севере (молодое с огромным механическим приростом).

Таблица 8.12.

Естественное движение населения Западной Сибири 1979–1989 гг., ‰

Год	Алтайский край	Кемеровская Обл.	Новосибирская обл.	Омская область	Томская область	Западная Сибирь
ВСЕ НАСЕЛЕНИЕ						
Рождаемость						
1979	17,8	16,8	16,9	19,1	18,5	17,9
1980	17,9	16,8	17,1	19,2	18,2	17,9
1981	18,5	17,4	17,8	19,8	18,8	18,7
1982	19,6	18,5	18,5	21,4	20,7	20,0
1983	19,8	18,6	19,1	21,2	20,6	20,2
1984	18,5	17,4	17,8	20,5	19,5	19,1
1985	17,6	16,5	16,7	19,7	18,4	18,4
1986	17,7	17,2	16,8	20,1	19,3	18,8
1987	18,0	17,2	16,5	19,3	18,2	18,6
1988	16,8	15,4	15,4	17,8	16,9	17,0
1989	14,9	13,8	14,3	16,0	15,2	15,3
Смертность						
1979	10,7	10,5	10,1	9,5	9,5	10,0
1980	11,1	11,0	10,5	9,9	9,8	10,4
1981	10,7	10,6	10,5	9,5	9,2	10,0
1982	10,5	10,5	10,3	9,5	9,3	9,8
1983	10,9	11,0	10,5	9,7	9,2	10,1
1984	11,8	11,6	11,1	10,2	9,8	10,6
1985	11,4	11,0	10,8	9,8	9,2	10,1
1986	10,0	9,9	10,0	9,1	8,4	9,0
1987	10,1	10,0	9,7	9,7	8,5	9,0
1988	10,4	10,3	10,2	10,2	8,7	9,2
1989	10,7	10,5	10,3	9,4	9,2	9,3
Естественный прирост						
1979	7,1	6,3	6,8	9,6	9,0	7,9
1980	6,8	5,8	6,6	9,3	8,4	7,5
1981	7,8	6,8	7,3	10,3	9,6	8,7
1982	9,1	8,0	8,2	11,9	11,4	10,2
1983	8,9	7,6	8,6	11,5	11,4	10,1
1984	6,7	5,8	6,7	10,3	9,7	8,5
1985	6,2	5,5	5,9	9,9	9,2	8,3
1986	7,7	7,3	6,8	11,0	10,9	9,8
1987	7,9	7,2	6,8	10,2	9,7	9,6
1988	6,4	5,1	5,2	8,6	8,2	7,8
1989	4,2	3,3	4,0	6,6	6,0	6,0
Городское население						

Рождаемость						
1979	16,7	16,6	16,2	17,8	17,5	17,2
1980	17,0	16,6	16,5	17,8	17,2	17,3
1981	17,5	17,2	16,9	18,1	17,8	17,9
1982	18,3	18,4	17,6	19,7	19,3	19,2
1983	18,5	18,3	18,3	19,4	19,0	19,4
1984	17,4	17,0	17,0	18,8	18,0	18,2
1985	16,4	16,1	15,9	18,2	17,4	17,8
1986	16,5	16,8	16,0	19,0	18,1	18,2
1987	16,7	16,8	15,9	18,0	17,1	18,0
1988	15,7	15,1	14,9	16,8	16,0	16,4
1989	13,9	13,5	13,7	15,2	14,3	14,7
Смертность						
1979	9,8	9,9	9,8	8,7	8,7	9,4
1980	9,8	10,4	10,1	9,0	8,9	9,6
1981	9,7	10,1	10,1	8,8	8,5	9,3
1982	9,5	10,1	9,9	8,7	8,6	9,1
1983	9,9	10,5	10,1	8,9	8,6	9,4
1984	10,7	11,1	10,8	9,5	9,0	9,9
1985	10,4	10,6	10,5	9,1	8,7	9,4
1986	9,3	9,7	9,7	8,6	7,9	8,5
1987	9,3	9,4	9,4	8,6	8,0	8,4
1988	9,6	9,8	9,8	8,6	8,1	8,6
1989	10,0	10,3	10,0	9,0	8,6	8,8
Естественный прирост						
1979	6,9	6,7	6,4	9,1	8,8	7,8
1980	7,2	6,2	6,4	8,8	8,3	7,7
1981	7,8	7,1	6,8	9,3	9,3	8,6
1982	8,8	8,3	7,7	11,0	10,7	10,1
1983	8,6	7,8	8,2	10,5	10,4	10,0
1984	6,7	5,9	6,2	9,3	9,0	8,3
1985	6,0	5,5	5,4	9,1	8,7	8,4
1986	7,2	7,1	6,3	10,4	10,2	9,7
1987	7,4	7,1	6,5	9,4	9,1	9,6
1988	6,1	5,1	5,1	8,2	7,9	7,8
1989	3,9	3,2	3,7	6,2	5,7	5,9
Сельское население						
Рождаемость						
1979	18,9	17,8	18,8	20,3	20,3	19,3
1980	19,0	17,7	18,9	21,6	20,3	19,3
1981	19,7	19,1	19,9	22,6	21,0	20,4
1982	21,1	19,6	21,0	24,2	23,5	21,7
1983	21,2	20,1	21,3	24,3	23,9	22,1
1984	19,9	20,0	20,1	23,6	22,4	21,1
1985	19,0	19,2	18,9	22,5	20,3	20,0
1986	19,1	19,7	19,0	22,4	21,9	20,4
1987	19,5	19,8	18,2	21,9	20,5	20,1
1988	18,3	17,7	17,1	19,8	18,9	18,5
1989	16,2	16,3	16,2	17,9	17,1	16,8
Смертность						

1979	11,8	14,1	10,9	10,8	11,0	11,4
1980	12,5	14,3	11,3	11,4	11,6	12,0
1981	11,8	14,0	11,5	10,8	10,7	11,6
1982	11,7	13,4	11,2	10,8	10,6	11,3
1983	12,0	14,0	11,5	11,2	10,6	11,8
1984	13,2	14,8	12,1	11,4	11,2	12,4
1985	12,5	13,9	11,7	11,1	10,1	11,7
1986	10,9	11,9	10,7	10,0	9,4	10,4
1987	11,0	12,1	10,5	10,0	9,6	10,4
1988	11,3	12,4	11,4	10,3	10,0	10,7
1989	11,5	12,5	11,2	10,2	10,6	10,8
Естественный прирост						
1979	7,1	3,7	7,9	10,5	9,3	7,9
1980	6,5	3,4	7,6	10,2	8,7	7,3
1981	7,9	5,1	8,4	11,8	10,3	8,8
1982	9,4	6,2	9,8	13,4	12,9	10,4
1983	9,2	6,1	9,8	13,1	13,3	10,3
1984	6,7	5,2	8,0	12,2	11,2	8,7
1985	6,5	5,3	7,2	11,4	10,2	8,3
1986	8,2	7,8	8,3	12,4	12,5	10,0
1987	8,5	7,7	7,7	11,9	10,9	9,7
1988	7,0	5,3	5,7	9,5	8,9	7,8
1989	4,7	3,8	5,0	7,7	6,5	6,0

* Составлено и рассчитано: Численность, состав и движение населения в РСФСР. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. С. 87,89,91,93,95,97,99,101,103,105,107,109.

В первые три года действия стимулирующих рождаемость мер ее интенсивность выросла у женщин основных фертильных возрастов 20–34 гг. Особенно это проявилось у 30–39-летних. Последнее свидетельствовало о реализации отложенных рождений или о пересмотре числа детей женщиной. Например, в Новосибирской области в возрасте 20–24 лет интенсивность деторождения увеличилась на 6%. Основной прирост наблюдался у женщин в возрасте 30–34 лет — 19,9% и в возрасте 35–39 лет — на 84,5%. Это проявилось как в городах, так и в сельской местности. Рост числа родившихся у женщин в возрасте 35–39 лет составил у горожанок 93,7%, у жительниц села — 72,9% [10. С. 20]. Он свидетельствовал о том, что это явление временное, так как были реализованы ранее отложенные рождения. К тому же рост отсчитывался от невысоких показателей рождаемости у женщин данных возрастов. Существенного влияния на общее число родившихся эти возрасты не оказали. Рост показателя в старших возрастах говорил о частичной реализации отложенных ранее намерений родить ребенка. В Кемеровской показатель рождаемости был выше, чем в 1981 г. на 1,1%, Омской 1,6%, в Томской 1,9%, т.е. сразу после введения мер, по стимулированию рождаемости, тогда как в Новосибирской скачок оказался растянутым на 3 года. В 1984–1985 гг. рождаемость падала повсеместно. Темп падения несколько отличался, но снижение оказалось примерно одинаковым 2,0–2,2%. Следовательно, чем ниже показатель, тем выше оказывалась скорость падения рождаемости. Уже 1985 г. на Алтае, в Кемеровской и Новосибирской областях уровень рождаемости был ниже, чем в 1980 г., в Омской незначительно превышал показатель 1980 г. Таким образом, эффект от введения, стимулировавших рождаемость, мер, был исчерпан.

В 1984–1985 гг. число родившихся заметно сократилось. Падение затронуло женщин всех возрастов. Максимальное уменьшение показателя на 8% оказалось у женщин в возрасте 20–24 лет. В основных репродуктивных возрастах интенсивность рождений у жительниц городов оказалась ниже, чем в 1980 г. В Новосибирской области уменьшение составило у женщин в возрасте 20–24 лет — 3,6%, 25–29 лет — 5,6%. В селах интенсивность

рождаемости сократилась только у 15–19-летних — на 3,3%. В целом по региону у женщин в возрасте 20–24 лет показатель рождаемости был ниже, чем в 1980 г., на 1,9% [10. С. 20]. Одновременно увеличился средний возраст матери. Об этом свидетельствует снижение доли детей, родившихся у матерей до 25 лет. В Новосибирской области в 1980 г. эта доля составляла 60,2%, к 1983 г. она снизилась до 53,3%, а к 1985 г. составила чуть меньше половины всех родившихся¹.

Практически рост рождаемости прекратился. Если в 1980 г. в возрасте до 25 лет находились женщины, начиная с 1955 г. рождения, то в 1985 г., - начиная с 1960 г. рождения; последних было значительно меньше. Можно констатировать, что структурный фактор к 1986 г. заметно утратил свое положительное повышающее значение. Примерно с 1987 г. он стал действовать на рождаемость отрицательно. Снижение рождаемости в 1987 г. произошло, несмотря на то, что в первый период перестройки в СССР в ходе эмоционального подъема повсеместно наблюдался скачок числа рождений. В Новосибирской области рост был едва заметен — в 1986 г. он составил менее 400 чел. В результате повторился показатель рождаемости предшествовавшего года. О понижающем структурном воздействии на рождаемость свидетельствует то, что в 1986 г. число женщин в фертильном возрасте на селе сократилось на 9,6%. В соседних областях ситуация складывалась более позитивно. В Томской области в 1986 г. прирост рождаемости составил 0,9%, в Кемеровской 0,7%, в Омской области 0,4%. В Алтайском крае, как и в Новосибирской области, прирост был минимальным.

Косвенно об увеличении действительного уровня рождаемости в 80-е гг. свидетельствует рост доли третьих и последующих детей среди родившихся. Доля этих детей в Новосибирской области составляла в 1980 г. 10,3%. К 1985 г. она возросла до 16,6%, к 1986 г. — до 17,6%. В 1987 г. таковых было 18%. Абсолютное число третьих детей возросло с 4666 в 1980 г. до 7561 в 1985 г., т. е. в 1,6 раза. В 1986 и 1987 гг. их прирост продолжился и составил соответственно 8089 и 8199 чел. Другими словами, абсолютное число третьих и последующих детей выросло на 75,7%. Общее же число родившихся за 1980–1987 гг. увеличилось на 0,2 тыс. чел. Увеличение среди родившихся детей третьей и последующей очередности обеспечило стабилизацию числа родившихся в первые годы перестройки. Если бы абсолютное число третьих рождений было таким же, как в 1980 г., то рождаемость в области составила бы в 1987 г. 15,0%. Реальный показатель этого года – 16,3%. В 1988–1989 гг. число родившихся стало резко сокращаться.

Как показывают расчеты (см. табл. 8.13), за период 1978–1989 гг. специальный коэффициент рождаемости в Новосибирской области уменьшился на 2%. В городе он сократился на 2%, а в селе возрос на 2%. К 1989 г. эффект от принятых мер по стимулированию рождаемости уже не проявлялся. Стоит заметить, что специальный коэффициент рождаемости (СКР) по сравнению с 1969–1970 гг. существенно увеличился (табл. 8.13). Рост произошел несмотря на то, что повозрастные показатели рождаемости в 1978–1979 и 1988–1989 гг. были ниже, чем в 1969–1970 гг. Это говорит об увеличении доли молодых женщин в составе женского населения репродуктивного возраста. Аналогичное просматривается в других регионах Западной Сибири.

Таблица 8.13.

Специальный коэффициент рождаемости в Новосибирской области в 1978–1989 гг.*

Год	Число родившихся, абс.	Среднее за 2 года	Число женщин 15–49 лет. **	СКР, %	Индекс динамики, %

¹ Основные показатели экономического и социального развития городов и районов Новосибирской области. Новосибирск: Облстат, 1989. С. 17.

Всё население области					
1978	44866				
1979	44405	44636	764912***	60,74	
1988	42846				
1989	39887	41367	694773	59,54	98,02
Городское население					
1978	31060				
1979	30450	30755	558212***	55,10	
1988	30712				
1989	28504	29608	548231	54,01	98,02
Сельское население					
1978	13806				
1979	13955	13881	176699***	78,55	
1988	12134				
1989	11383	11759	146542	80,24	102,15

* Рассчитано по: Состав населения Новосибирской области по полу, возрасту и состоянию в браке (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Новосибирск: Облстат, апрель 1990. С.26–27, 38–39, 50–51; Естественное и механическое движения населения Новосибирской области. Новосибирск: Облстат, 1980. С.8–10; Население СССР. 1988. М.: Финансы и статистика, 1989. С.132, 138, 144; Демографический ежегодник СССР. 1990. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 132, 138, 144; Численность, состав и движение населения в Новосибирской области в 1991 году. Новосибирск: Облстат, 1992. С.7.

Косвенно об уровне рождаемости можно судить по величине семьи в Западной Сибири (см. 8.14). Как видно из данных таблицы в 1959 г. средняя величина семьи в регионе превышала общероссийский показатель на 6% (0,2 чел.). При этом более многочисленными оказались семьи как в городе, так и в сельской местности. В 1970 г. разрыв сократился до 0,1 чел. Новосибирская область, которая своим демографическим развитием была в числе передовых в регионе, в 1970 г. в городах имела семьи меньшего размера, чем в РСФСР в целом. Семьи сельского населения превышали еще размерами общереспубликанские семьи. К 1979 г. ситуация изменилась: семьи сибиряков оказались равными общероссийским показателям, а в Новосибирской области меньше общереспубликанских. В 1989 г., несмотря на симулирование рождаемости, размер семей уменьшился. Реальный уровень рождаемости не изменился, а накопленный ранее потенциал детей был сброшен, старшее поколение стало зачастую жить отдельно от взрослых детей.

Таблица 8.14.

Средний размер семьи 1959–1989 гг.*

Год	Категория населения	РСФСР	Западная Сибирь	Новосибирская область
1959	Все	3,6	3,8	3,8
	Городское	3,5	3,7	3,6
	Сельское	3,8	3,9	3,9
1970	Все	3,5	3,6	3,4
	Городское	3,4	3,5	3,3
	Сельское	3,8	3,9	3,9
1979	Все	3,3	3,3	3,2
	Городское	3,2	3,2	3,4
	Сельское	3,4	3,4	3,2
1989	Все	3,2	3,2	3,2
	Городское	3,2	3,2	3,2
	Сельское	3,3	3,3	3,3

* О численности и составе семей в Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.) Новосибирск: Облстат, 1973. С.3 население Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). Новосибирск: Облстат, 1980. С. 105. Население Новосибирской области (по данным ... 1989 г.). Новосибирск: Облстат, 1990. С. 104 [8. С. 65].

Рассмотрим эволюцию смертности населения. Общая смертность в 1979 г. сравнивалась с общесоюзным показателем (если исключить из расчетов Тюменскую область, то показатель смертности в Западной Сибири превысил показатель в СССР), но была заметно ниже, чем в РСФСР. Возрастная структура населения оставалась более молодой, чем в Советском Союзе и Российской Федерации. Доля старых и пожилых людей в 1979 г. в Западной Сибири составляла 11,2%, тогда как по СССР — 12,9, а по РСФСР — 13,7%¹. Старение населения в регионе происходило быстрее, чем по стране в целом. В СССР и РСФСР доля старых и пожилых людей в 1970 г. составляла 11,8%. Численность лиц старших возрастов в СССР увеличилась к 1979 г. на 9,3%. Удельный вес тех, кто был старше 60 лет достиг 12,9%. В РСФСР соответствующие показатели составили 16,1 и 13,7%. Доля старых и пожилых людей в Западной Сибири за этот период возросла 9,8% до 11,2%, т.е. на 14,3%, т.е. немногим больше, чем в РСФСР.

Усредненный показатель не отражал различия по территориям, входящим в Западную Сибирь. 1970 г. доля лиц старше 60 лет составляла в Алтае 10,5%, Кемеровской области 9,4%, Новосибирской 10,2%, Омской 9,7, Томской 9,2%, Тюменской 8,9%. В 1979 г. доля старших возрастов составляла в Алтайском крае 12,6%, в Кемеровской области 11,4%, Новосибирской 12,2%, в Омской 11,1%, Томской 10,3%, в Тюменской 7,9%². На Алтае доля старших возрастов выросла на 20%, в Кемеровской области на 21,3%, в Омской на 14,4%, Томской на 12,0%. В Тюменской области доля старших возрастов снизилась на 1% (с 8,9% до 7,9%), т.е. в ней происходило омоложение возрастного состава населения. Подробнее рассмотрим Новосибирскую область.

В Новосибирской области за этот период рост составил с 10,1 до 12,2%, т.е. на 20,8%. Таким образом, темп старения в последней был в 1,3–2 раза выше. В селах области соответствующие показатели составляли в 1970 г. 11,3%, в 1979 г. — 13,8, а в городах — 9,7 и 11,6%³. Мужское население оставалось молодым. Доля старых и пожилых среди мужчин увеличилась за указанный период в городах с 6,2 до 7,5%, в селах — с 7,5 до 8,4%. У женщин постарение было ярко выражено. В городах доля женщин старше 60 лет составляла в 1970 г. 12,5%, в 1979 г. — 15,0%, а в селах — соответственно 14,5 и 18,5%⁴. Нетрудно заметить, что степень постарения в городах Новосибирской области в 1979 г. соответствовала степени постарения населения СССР в 1970 г. В селах она равнялась уровню РСФСР 1979 г. Показатели смертности в городах области за 1979 г. были выше, чем в СССР за 1970 г., на 19,5% (9,8‰ против 8,2‰), а в селах выше, чем в РСФСР за 1979 г., на 1% (10,9‰ против 10,8‰). В селах области смертность в 1979 г. сократилась по сравнению с 1978 г. Отсюда видно, что средняя продолжительность жизни была заметно ниже республиканского и союзного показателей. В городах она не превышала 67, в селах — 64 лет. В РСФСР средняя продолжительность жизни составляла 67,7 года, в СССР — 67,9⁵. Показатели смертности в РСФСР увеличились с 8,7‰ до 10,8‰ (на 24,1%), а в Западной

¹ Население Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). Новосибирск: Облстат, 1980. С. 42; Население СССР. 1987. С. 48–51; Возрастной состав населения РСФСР по данным ... 1989. С. 272

² Возрастной состав населения РСФСР (По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). М.: ЦСУ РСФСР, 1972; С.50. Возрастной состав населения РСФСР по данным ... 1989. С. 272–293

³ Население Новосибирской области (по данным... 1979 г.)... С. 44–50.

⁴ Там же.

⁵ Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 409; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. С. 351.

Сибири с 8,1‰ до 10,0‰ (на 23,4%)¹. Следовательно, общий показатель смертности увеличивался примерно на одну величину.

Повышенную смертность в 70-х гг., как и ранее, обуславливали в основном насильственные причины: несчастные случаи, отравления и травмы, уносящие жизнь молодых и здоровых людей. Высокой была смертность и от злокачественных новообразований, что связано во многом с экологической ситуацией. (Доля умерших по этой причине в Новосибирской области составляла 17–18%, что заметно выше показателей по СССР). Умершие от новообразований – в основном люди средних лет, на 5–15 лет моложе, чем умершие во всем населении. Высокие показатели смертности от злокачественных новообразований существенно снижали продолжительность жизни в области. Рак пищевода, желудка, легких, трахеи и бронхов давал основной прирост смерти от онкологических причин. Повышенную смертность от онкологических заболеваний регистрировали в Омской, Кемеровской, Новосибирской области и Алтайском крае. Это связано в том числе с экологическим неблагополучием, повышенной загрязненности радиоактивными осадками от ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне, химическое отравление от остатков топлива от ступеней ракет загрязняли почву и воду, приводили к заболеваемости и гибели животных и человека. Достигнув своего максимума в 1980 г., смертность стала иметь тенденцию к снижению. Уменьшение ее показателей наблюдалось в 1981 и 1982 гг. В последнем году уровень смертности был ниже, чем в 1980 г., на 5%.

Анализ повозрастных показателей смертности по месяцам по стране, РСФСР и области свидетельствует о том, что число умерших в них уменьшилось благодаря понижению смертности в зимний и осенний периоды. Следовательно, характер сокращения смертности был неустойчивым и временным. Сыграл роль и структурный фактор - возраст 60 лет и старше переступили поколения, рожденные в годы первой мировой и гражданской войн. Частично они находились в возрастной группе 55–59 лет, имевшей абсолютное сокращение численности за период с 1970 по 1979 г. на 14,5%. Одновременно удалось переломить тенденцию роста абсолютного числа умерших в возрасте до 1 года. В 1981–1982 гг. умерших младенцев было меньше, чем в 1980 г. Это произошло, несмотря на существенное увеличение числа родившихся².

В силу своего неустойчивого характера, сокращение смертности в 1981 и 1982 гг. сменилось увеличением в 1983–1985 гг. На рост числа смертей в 1984–1985 гг. существенно повлияла эпидемия гриппа.

Каковы же причины рецидива роста смертности, наблюдавшегося с середины 60-х до середины 80-х гг.? Они хорошо известны специалистам. Одной из причин общего повышения смертности является структурный фактор. Основной же вклад в увеличение смертности внесло старение населения. Уже было показано, что темп старения в регионе был выше, чем по СССР и РСФСР. Не могло не отразиться на числе умерших повышение рождаемости при сохранении высокой младенческой смертности. Вместе с тем увеличение числа умерших из-за этого фактора, например, в Новосибирской области не повысило показатель более чем на 0,2‰ и существенной роли не играло. Оно способствовало значительному сокращению продолжительности жизни. Сыграло роль некоторое повышение доли мужчин в населении. На всем протяжении сохранялась их сверхсмертность по

¹ Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973. М.: Статистика, 1975. С. 92,93.

Численность, состав и движение населения в РСФСР. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. С.99.

² Народное хозяйство Новосибирской области (в разрезе районов) в 1985 г. Новосибирск, 1986. С. 7–8; Материалы для заполнения динамических рядов по статистике населения, здравоохранения, культуры, народного образования за 1981 г. Новосибирск: Облстат, 1982. С. 4–7; Материалы ... за 1980 г. Новосибирск: Облстат, 1981. С. 4–7; Население Новосибирской области (по данным ... 1979 г.). Новосибирск: Облстат, 1980. С. 42.

отношению к женскому населению, которая с 1965 по 1985 г. заметно возросла. Качество учета смертей могло существенно повлиять только на младенческую смертность.

К другим причинам повышения смертности следует отнести неблагоприятную экологическую ситуацию, радиоактивное загрязнение местности, что вызывало рост числа онкологических заболеваний и болезней органов дыхания. Алкоголизм и курение способствовали росту смертности от сердечнососудистых заболеваний и злокачественных новообразований, увеличивали травматизм. Несбалансированное питание, малоподвижный образ жизни, стрессы стимулировали рост смертности от ишемической болезни сердца, инфарктов, инсультов и диабета.

В старших возрастах находились поколения, перенесшие тяготы войны. Они имели повышенную смертность относительно предшествующих им поколений. Дети, родившиеся в годы войны или пережившие ее в раннем возрасте — до 5 лет, также имели повышенную смертность из-за ослабленного здоровья [11. С. 173]. Науке хорошо известно, что здоровье закладывается в раннем детстве и от того, как человек проживет этот возраст, зависит его долголетие. Следовательно, повышенная смертность лиц старше 50 лет во многом объясняется отдаленными последствиями войны. Хотя в Западной Сибири военных действий не велось, трудность военных и голод первых послевоенных лет сказываются на здоровье населения до сих пор. К тому же не выяснено, как отразилось военное детство родителей на детях, которых они произвели. Известно, что американские демографы еще в 60 – 80-х гг. призывали учитывать перечисленные факторы и объективно анализировать рост смертности в СССР рассматриваемого периода [12. С. 79].

Не выяснено влияние на смертность и такого фактора, как кризис семьи, в частности постепенная утрата отцом доминирующего положения в ней. Видимо, в значительной степени именно с этим связан рост самоубийств и алкоголизма, а также наркомании. Общество в годы борьбы с пьянством подсчитало экономические потери от алкоголизма. Но роль падения духовности в обществе и демографические последствия этого не просчитаны.

Кампания 1985–1987 гг. достигла определенных успехов в борьбе с пьянством, хотя методы достижения поставленной цели вызвали негативный эффект в общественном мнении. Уровень смертности в годы борьбы с пьянством и алкоголизмом сократился на %. Эффект от борьбы с пьянством сказывался на снижении смертности до в 1991 г. Уровень смертности 1984 г. был превышен лишь в 1992 г., когда началось ее обвальное повышение, вызванное социальным стрессом начала 90-х гг.

Основными причинами, понизившими смертность во второй половине 80-х гг., было связано с антиалкогольной кампанией снижение уровня травматизма, отравлений, уменьшение числа несчастных случаев. В 1986 г. пониженную смертность регистрировали в зимние месяцы, когда в отличие от 1984–1985 гг. эпидемии гриппа не наблюдалось.

При анализе смертности становится ясно, что значительный вклад в увеличение продолжительности жизни у женщин внесло сокращение смертности в возрастах старше 55 лет. Следовательно, говорить об эффекте борьбы с пьянством в достижении этого результата у женского населения довольно проблематично. Скорее всего, повлияли отсутствие эпидемии гриппа и благоприятные метеорологические условия лета 1986 г. (оно было теплым и влажным). У мужчин смертность сократилась в большинстве возрастных групп. Особенно большое снижение наблюдалось в молодых и средних возрастах. Отмечено снижение смертности от травматизма, в частности меньшее число людей погибло от дорожно-транспортных аварий. Здесь эффект антиалкогольных кампаний сомнений не вызывает. Число умерших от новообразований увеличивалось на 1% ежегодно.

Обратившись к данным таблицы 8.15, видим, что смертность в регионах Западной Сибири оказалась выше, чем в СССР и РСФСР. В 1985 г. продолжительность жизни стала выше показателей СССР (68,4 года) и РСФСР (68,5 года). Общий показатель смертности в СССР с 1984 г. по 1985 г. снизился на 0,2%, в РСФСР на 0,3%. В областях Сибири снижение было большим на Алтае и Омской области 0,4%, в Кемеровской и Томской 0,6%. Только в Новосибирской области 0,3% (по расчету на основе переписи 1989 г., до переписные 0,4%).

Сама динамика смертности начала 1980 гг. говорила о том, что в регионах прирост продолжительности жизни начался ранее, чем антиалкогольная кампания и прерывался в 1983, 1984 гг. из-за эпидемии гриппа. Тем не менее, прирост оказался выше, чем по стране. В РСФСР продолжительность жизни при рождении составляла 67,7 года, по СССР 67,9 года. В 1980 г. показатель смертности вырос, но незначительно приросла и продолжительность жизни. Старение населения повысило в это время показатель незначительно. Для региона прирост наблюдался за счет снижения смертности младенцев. В 1985 г. смертность выше, чем в 1979/1980 г. оказалась в Кемеровской области (сказывалось экологическое неблагополучие). В остальных регионах прирост составил: 1,8 года в Алтайском крае, 1,95 года в Томской, 2,77 в Омской, 3,32 года в Тюменской областях. Максимальный прирост отмечался в Новосибирской области 4,21 года. Томская область для обоих полов преодолела рубеж в 70 лет. Его в 1986 г. превысили все регионы, кроме Кемеровской области.

Таблица 8.15.

Средняя продолжительность жизни населения Западной Сибири (оба пола) 1979–1990 гг., лет*

Регион	1979/1980г.	1985г.	1989/1990	Изменение 1979–1990, лет
Алтайский край	66,94	68,76	68,72	+1,78
Кемеровская область	68,54	68,21	68,08	-0,46
Новосибирская область	65,08	69,29	69,30	+4,28
Омская область	66,87	69,64	69,78	+2,91
Томская область	68,08	70,03	68,40	+0,32
Тюменская область	65,36	68,68	69,68	+3,32

*[5. С. 241, 242].

Наибольший эффект в 1986 г. был достигнут в селах. Общая смертность сократилась в селах Новосибирской области с 12,1 до 10,5‰, т. е. на 13,7% (до переписной оценке). На Алтае и Кемеровской на 16%, в Омской 11%, Томской 7%. В городах ситуация отличалась меньшей амплитудой колебаний. В Томской, Омской и Новосибирской областях снижение составило 7%, на Алтае и в Кемеровской области 13 и 11% соответственно. В 1987 г. рост смертности отмечен на 0,1‰ (Алтай, Кемеровская и Томская области), 0,6‰ в Омской. Снижение на 3% и (с 10,0‰ до 9,7‰) зарегистрировано в Новосибирской области, которая продолжила тренд более быстрого роста продолжительности жизни, антиалкогольная политика здесь проводилась более интенсивно. Не случайно, подъем смертности в начале 1990-х в ней более ярко выражен, чем в соседних регионах. В 1988 г. прирост смертности был практически одинаков во всех регионах 3–5%. Темп прироста в городах был меньше, чем в сельской местности. В 1989 г. рост смертности в городах замедлился (кроме Омской и Томской областей). В сельском населении динамика оказалась с большими колебаниями. В 1987 г. 2% снижение показателя отмечено в Новосибирской и стабилизация в Омской области. На остальных территориях прирост был небольшим на 2%. В 1988 г. рост остался 2–3% на всех сельских территориях регионов, кроме Новосибирской, где прирост составил 8%. В 1989 г. рост показателя был существенным у сельского в Томской области. В остальных регионах прирост или не отмечался, или был небольшим и вызван постарением населения.

Стоит отметить, что снижения смертности в детских возрастах не наблюдалось. В 1987 г. младенческая смертность существенно (на 11%) возросла. В селах наблюдалось обратное явление. Если учесть, что требования к признанию плода мертворожденным существенно возросли, улучшилось качество учета, то говорить об этом можно уверенно.

Вместе с тем регистрируемая младенческая смертность в 1985–1987 гг. оставалась более высокой, чем в Латвии в 1965 г., Украине в 1966 г. и Белоруссии в 1970 г. [11. С. 51]. На территориях этих республик в 70-х гг. рост младенческой смертности либо не отмечен, либо был непродолжительным по времени, а подъем невысоким. К 1988–1989 гг. в Новосибирской области смертность младенцев была в 1,5 раза выше, чем в Псковской области и целом ряде других регионов РФ, Прибалтики, Белоруссии и Украине¹. Соотношение смертности отмечено примерно одинаковое как для городского, так и для сельского населения. В целом показатели в РСФСР были на 10–15% ниже, чем в Новосибирской области, и ниже, чем по регионам Западной Сибири. В 1989 г. младенческая смертность в РФ составляла 17,8‰ на 1000 родившихся, в Западной Сибири 19,0‰. По регионам экономического района амплитуда колебания не была значительной. Минимальные показатели смертности регистрировались в Омской области (18,0‰), Алтайском крае (18,4‰). Максимальный уровень смертности младенцев оказался в Кемеровской области (20,4‰). Смертность детей до 1 года в Тюменской области (18,8‰), Новосибирской (19,1‰) почти равнялись общему показателю Западной Сибири. Несколько меньше, чем в Кемеровской, но выше, чем по региону оказался показатель младенческой смертности в Томской области – 19,6‰². Следовательно, отставание в уровне жизни и качестве медицинского обслуживания отмечались статистикой смертности детей и продолжительности жизни.

Продолжительность жизни в Новосибирской области в 80-е гг. не отличалась от общероссийской, что достигалось благодаря более низкой смертности у женщин старших возрастов, а также более высокой доли женщин во всем населении. Но в детских и молодых возрастах смертность была выше, чем в РСФСР. В 1989–1990 гг. продолжительность жизни у мужчин Новосибирской области составляла 63,9 года, у женщин — 74,3 года. По РСФСР — соответственно 63,9 и 74,4 года. Для обоих полов показатель был одинаковым — 69,3 года³. Если в начале 1980-х гг. смертность была существенно выше общероссийских, то в конце соответствовала республиканским показателям.

В 1989–1990 гг. в Тюменской и Омской областях продолжительность жизни превышала показатели РСФСР. В Томской, Кемеровской области и Алтайском крае смертность была выше. Особенно это относится к Кемеровской области [13; 14]. В целом за 10 лет прирост ожидаемой жизни отмечался во всех регионах, кроме Кемеровской области, которая потеряла 0,46года. Томская область увеличила только 0,32 года. По сравнению с 1985 г. снижение продолжительности жизни отмечено: на Алтае (0,04года), в Кемеровской (0,13года), и особенно в Томской (1,63 года). В Новосибирской прирост составил 0,01года и в Омской области 0,14года (не превышает точность статучета). Только в Тюменской области наблюдался прирост 1,0 год, что было диссонансом для региона.

На здоровье женщины существенное влияние оказывали аборты. Не случайно 25.07.1985 г. был секретный республиканский приказ №590 Минздрава РСФСР «О неудовлетворительной работе по предупреждению и снижению абортов в РСФСР и повышению ее эффективности» [15. С. 178]. Например, в 1986 г. в Новосибирской области на 1000 женщин репродуктивного возраста было совершено 200,1 аборт, в РСФСР — 125,6, в СССР — 101,2⁴. Даже официальные данные были вдвое выше общесоюзных. С учетом криминальных абортов, особенно в возрастах до 20 лет, они наверняка оказались бы выше. В последующие годы, когда проводилась программа планирования семьи, число абортов снизилось, но оставалось высоким.

Существенную роль в увеличении смертности сыграло отставание медицины от уровня развитых стран. В середине 80-х гг. в Новосибирской области была единственная

¹ Демографический ежегодник СССР. 1990. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 149–166.

² Там же. С. 149, 155, 161.

³ Народное хозяйство СССР в 1990 г. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 94; Численность, состав и движение населения области в 1997 г. Новосибирск: Облстат, 1998. С. 51.

⁴ Население СССР. 1987. С. 318; Медицинская газета. 1988. 14 сент.

типовая детская больница в Искитиме. Уровень ее оснащения и обслуживания не соответствовал даже требованиям того времени¹. Это важно отметить, потому что уровень развития медицины влияет на уровень смертности весьма существенно, определяя его на 20–25%. Остальные 75–80% — это образ жизни самого человека, его витального поведения и духовного развития общества в целом. Несколько лучше обстояло медицинское обслуживание в Кемеровской и Омской областях. Экологическое неблагополучие Кузбасса перекрывало выигрыш в снижение смертности от лучшего медицинского обслуживания и уровня жизни. Кемеровская область стала аутсайдером по продолжительности жизни в регионе, хотя в 1979–1980 гг. регион лидировал по этому показателю.

Общеизвестно, что в периоды эпидемий гриппа смертность повышалась. Данные, отражающие помесечную смертность в за 1987–1988 гг., этот вывод подтверждают. В 1987 г. грипп не перешел в эпидемию. Смертность в течение почти всего года не превышала обычных величин; в феврале и октябре зафиксировано минимальное число смертей. В 1988 г. наблюдалась эпидемия гриппа, что вызвало увеличение смертности в феврале-марте и декабре.

В середине 80-х гг. наблюдалось значительное снижение смертности. Число умерших от несчастных случаев, отравлений и травм сократилось почти на 40% с 1984–1987 гг. Начиная с 1988 г., число погибших от отравлений и травм стало возрастать. В Новосибирской области 1988 г. от данных причин скончалось 3172 чел., в том числе 2144 мужчины, или две трети от общего числа умерших от отравлений и травм в этом году. К 1990 г. общее число умерших возросло по сравнению с 1988 г. на 10,6% и достигло 3509 чел. Это было меньше, чем в 1984 г. Практически весь прирост пришелся на мужчин. Их умерло 2479 чел., т. е. на 15,6% больше, чем в 1988 г. У женщин число умерших от этих причин снизилось на 4,5%. На 100 тыс. жителей число умерших от несчастных случаев, отравлений и травм с 1988 по 1990 гг. увеличилось на 10,7% (с 113,5 до 125,7 ‰)².

От заболеваний органов кровообращения в Новосибирской области в 1990 г. умерло на 4,4% меньше, чем в 1988 г. (15 895 чел. и 15 197 чел.). При этом снижение наблюдалось как в городах, так и в селах. Незначительно — с 5321 до 5346 чел. — возросло число умерших от злокачественных новообразований. Несколько увеличилась смертность от заболеваний органов дыхания (с 1482 до 1519 чел.). Среди умерших от инфекционных, желудочно-кишечных заболеваний и причин смертности младенцев наблюдалось устойчивое снижение. Аналогичные причины доминировали в других регионах. Соотношение между причинами смерти не имело по регионам существенных различий. Однако снижение смертности в 1989 и 1990 гг. отмечено только в Омской области.

Естественное и механическое движение определили изменения в национальном составе населения (см. табл. 8.15). Динамика показывает абсолютное приращение численности русских, татар, немцев, украинцев и белорусов. Росла численность алтайцев, шорцев, народностей Севера, но доля их сокращалась. Традиционно сокращалась численность населения еврейской и мордовской национальностей, поляков, эстонцев, латышей, литовцев. Если мордва уменьшалась численно из-за ассимиляции, то остальные имели еще и отрицательный миграционный прирост. Увеличение численности узбеков, азербайджанцев, армян, молдаван и, особенно, украинцев, — результат новых вселений. Доля русских увеличивалась незначительно в Новосибирской области, где она возросла на 0,13% (с 91,87 до 92,00%), в Кемеровской на 0,26% (с 90,26 до 90,51%), в Омской на 0,03% (с 80,29 до 80,32%). Удельный вес русских сократился в Томской на 0,87% (с 89,10 до 88,23%) и Тюменской на 6,59% (с 79,17 до 72,58%). Усложнялся в основной национальный состав Тюменской области, где быстро росла доля лиц национальностей, в основном проживающих на Кавказе, молдаван, украинцев, которые приезжали на заработки в районы Крайнего

¹ Советская Сибирь. 1988. 11 сент.

² Естественное движение населения Новосибирской области. Новосибирск: Облстат, 1991. С. 31; Естественное движение... Новосибирск: Облстат, 1989. С. 30.

Севера. Доля украинцев в Тюменской области выросла вдвое (4,24 и 8,39%), в Томской прирост доли украинцев был незначительным (2,33 и 2,58% соответственно), а в других регионах она повсеместно уменьшилась. Доля народов Севера же сократилась в Тюменской области на 1/3, а в Томской на 1/4. Незначительно возрос удельный вес татар в Тюменской области (с 7,25 до 7,34%), в Томской (с 2,03 до 2,07%), в остальных областях и крае их доля уменьшилась. В Томской области существенной стала доля белорусов, чувашей, узбеков, азербайджанцев и мордвы, т.е. народов приехавших в область на нефте-газодобычу. Заметим, что в публикации итогов переписи 1979 г. они не выделялись¹. Всего за 1979–1989 гг. численность русских увеличилась на 13,1%, украинцев на 50,8%, белорусов на 52,4%, татар на 31,8%, чувашей на 14,0%, немцев 5,5%. Доля русских в регионе составляла в 1979г. 86,9%, в 1989 г.–84,9 (снижение 2%), украинцев 3,0 и 3,9% (рост 0,9 п.п.) соответственно, белорусов 0,6 и 0,8% (рост 0,2 п.п.), немцев 3,0 и 2,8% (снижение на 0,2 п.п.), татар 2,3 и 2,7% (рост 0,4 п.п.). Доля других национальностей составляла в 1979 г. 4,1%, в 1989 г. 5,5%. Национальный состав населения региона несколько усложнился.

Таблица 8.16.

Национальный состав населения Западной Сибири в 1979 г. и 1989 г.*

Регион	Алтайский край	В том числе Горно-Алтайская АО	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область
Русские						
1979	2361015	108795	2670256	2407183	1571106	772218
1989	2469669	115188	2870125	2556934	1720387	883767
Немцы						
1979	124745	720	47040	64895	120806	15027
1989	127731	830	47990	61479	134199	15541
Украинцы						
1979	73869	1305	62373	46997	103823	20225
1989	76738	1714	65245	51027	104830	25799
Алтайцы						
1979	55009	50203	...	218
1989	63964	59130	...	319
Казахи						
1979	19457	8677	...	11837	61157	693
1989	21709	10692	...	12322	74991	2037
Белорусы						
1979	9824	...	17857	11589	10612	7755
1989	11630	...	19294	13138	10964	9135
Татары						
1979	7864***	...	64821**	28547	46714*****	17630*****
1989	8078	...	63116	29428	49784	20812
Мордва						
1979	8466	...	15239	4729	...3098	2517
1989	7455	...	13894	4418	...	2574
Чуваши						

¹ Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.: Финансы и статистика, 1984. С.100; Национальный состав населения СССР. М.: Финансы и статистика, 1991. С.74.

1979	4596	...	26052	6756	5864	7401
1989	4718	...	24372	6085	5683	7827
Азербайджанцы						
1979	959	1356	...	687
1989	3986	3627	...	2752
Евреи						
1979	3903	9633	6924*****	1904
1989	7463	5428	...
Шорцы						
1979	12767	75
1989	12585
Удмурты						
1979	4382	1341	...	1901
1989	4370	1316	...	1944
Башкиры						
1979	3917	948	...	1046
1989	4369	2306	...	2280
Эстонцы						
1979	2353	4544	...
1989	1974	4069	...
Латыши						
1979	1714	3761	...
1989	1217	3218	...
Молдаване						
1979	956	...	1302
1989	1316	...	1928
Поляки						
1979	1959
1989	1436
Узбеки						
1979	2105	...	1065
1989	2179	...	3328
Народы Севера						
1979	2487
1989	2394
В том числе						
Ханты						
1979	38	...	1059
1989	804
Селькупы						
1979	1250
1989	1347
Другие						
1979	20402	2340	29822	14901	18390	11868
1989	26414	3277	45774	20245	28356	17803
Все население						
1979	2686196	172040	2958429	2620130	1956799	866713
1989	2822092	190831	3171134	2778724	2141909	1001653

*Итоги Всесоюзной переписи населения 1979г. Т.4:Национальный состав СССР. Ч.1 Кн.1. М.: Госкомстат СССР, 1989. С.83,87,219,288,292,348. Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989г. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990.

С.527,528,535,536,547,548,553,554,559,560. Национальный состав населения Новосибирской области (по данным переписи населения 1979 г.). Новосибирск, Облстат,1981. С. 3–14. Национальный состав населения Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Новосибирск, Облстат,1990. С.11–15.

** по другим данным 64817чел.*** 7864 чел****46712 *****17629*****6904 (Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989г. С. 547,553,559).

Литература:

1. Stempell D. Weltbevölkerung 2000. Ursachen und Tendenzen der Bevölkerungsentwicklung. Leipzig, Jena, Berlin:Urania-Verlag, 1985. 200 s.
2. Die Weltbevölkerung in Zahlen./ herausgegeben von P. Khalatbari. В.:Akademie-Verlag, 1983. 439 s.
3. Особенности демографического развития в СССР. М.: Финансы и статистика, 1982. 232 с.
4. Киселева Г. П., Веселкова Н. Н. Типы воспроизводства населения в СССР.//Народонаселение СССР и мира: Развитие, проблемы, исследования. М.: Финансы и статистика, 1983. С.59–80. 207 с.
5. Саградов А.А. Экономическая демография. М.: ИНФРА-М, 2005. 256 с.
6. Бурматов А.А. Демографическая история Каинска-Куйбышева и его округи. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1997. 162 с.
7. Бурматов А.А. Население Новосибирской области в 1937– конец XX века. Историко - демографический анализ. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 394 с.
8. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 172 с.
9. Алексеев В.В., Логунов Е.В. Демографические процессы на Тюменском севере 60-е –80-е гг. // Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР: вопросы комплексного изучения. Сборник статей. М.: ИИ СССР АН СССР, 1990. С. 136–148.
10. Бабенко А.И. Воспроизводство и охрана здоровья населения Новосибирской области //Демографическое развитие Сибири. Новосибирск: НГУ, 1987. С. 19–25.
11. Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР. М.: Финансы и статистика, 1981. 200 с.
12. Журавлева Н.И. Антисоветизм буржуазной демографии. М.: Мысль, 1987. 189 с.
13. Левина Е.И. О некоторых тенденциях в естественном движении населения Кемеровской области: 1959-2008 // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2011. №4. С. 136–141.
14. Плосконосова В.П., Бирюков В. Демографические процессы и адаптация населения Омской области к современным социально-экономическим изменениям.// Сибирский торгово-экономический журнал. 2009. №8. С. 140–144.
15. Денисов Б.П., Сакевич В.И. Очерк истории контроля рождаемости в России: блуждающая демографическая политика // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Я. Кваши/ под ред. В.В. Елизарова, М.Б. Денисенко. М.: Проспект, 2016. С. 165–187.

Глава 9.

Системный кризис 1990-х гг. в зеркале демографии.

Социально-экономическая и политическая модернизация нашей страны в конце XX в. оказала огромное влияние на протекающие в обществе демографические процессы. Для сибирских регионов этот период также являлся важным по целому ряду причин. Исторически динамика численности населения, проживающего за Уралом, зависела от государственной политики освоения, проводимой первоначально царской Россией, а в последующем и Советским Союзом. Воплощение в жизнь крупнейших народнохозяйственных проектов общегосударственного значения подобных Транссибу, Урало-Кузнецкому и Ангаро-Енисейскому ТПК, Западно-Сибирскому нефтегазовому комплексу, БАМу стимулировало приток мигрантов из других частей страны и, соответственно, рост численности местного населения.

Перестройка общественно-экономического уклада во второй половине 1980-х и рыночные преобразования 1990-х гг. привели к крупномасштабным структурным изменениям во всех сферах жизни общества, произошел распад Советского Союза на ряд независимых государств. Регионы России стали переходить на принципы самоуправления и самофинансирования, а это означало, что в рыночных условиях они должны были по мере возможности самостоятельно изыскивать варианты, которые позволят им стабилизировать или улучшить свое социально-экономическое положение. Становлению принципиально новых экономических отношений препятствовало множество трудностей. Либерализация цен и приватизация государственной собственности в целом негативно отразились на функционировании российского хозяйственного механизма. Отечественные и иностранные инвесторы в переходный период стремились получить максимальную отдачу и в сжатые сроки, не торопясь вкладывать средства в реализацию долговременных проектов. Реформы пагубно повлияли на финансовое положение многих, прежде всего, перерабатывающих, отраслей народного хозяйства. Они привели к существенному росту бедности, углубили дифференциацию в уровне доходов граждан, поляризовали общество.

Для восточных регионов этот период имел особое значение. В связи с тем, что в освоении и заселении восточных территорий государственные органы традиционно играли важную роль, особенно в советский период, снижение инвестиционной активности и свертывание многих программ хозяйственного освоения в 1990-е гг., сразу же сказалось на функционировании многочисленных индустриальных центров, созданных здесь за прошедшие годы. Качественно новые характеристики приобрели и демографические процессы.

По результатам Всероссийской переписи 2002 г. за период с 1989 г. впервые за продолжительный период времени население Западной Сибири уменьшилось – с 15,0 млн. до 14,8 млн. чел. (Табл. 1) или на 1,5%, больше, чем по России в целом (-1,3%).

Таблица 9.1

Изменение численности населения регионов Западной Сибири в межпереписной период 1989–2002 гг. (чел.) *

Западная Сибирь			
	1989	2002	Рост/сокращение
Алтайский край	2631261	2607426	-0,9
Республика Алтай	190831	202947	6,3
Кемеровская область	3171134	2899142	-8,6
Новосибирская область	2778724	2692251	-3,1
Омская область	2141909	2079220	-2,9
Томская область	1001653	1046039	4,4

Тюменская область	3097657	3264841	5,4
ХМАО	1282396	1432817	11,7
ЯНАО	494844	507006	2,5
Всего	15013169	14791866	-1,5

* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 111. Л. 109; Численность населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 295–348; Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения в 14 г. М., 2004. Т. 1. С. 210–216, 221–262.

За межпереписной период (1989–2002 гг.) смертность в Западной Сибири превысила показатели рождаемости на 369,3 тыс. чел. Если воспроизводственные процессы демонстрировали отрицательную динамику практически во всех административных образованиях России, то миграционные процессы за Уралом обладали своими отличительными чертами. За исследуемый период чистый приток населения в Российскую Федерацию достиг 5,8 млн. чел. в том числе в Западную Сибирь – 186,5 тыс. чел. Последняя оказалась единственной из восточных экономических районов, где образовалось положительное сальдо. Например, отток из Восточной Сибири за это время достиг 556,3 тыс. чел., а из Дальнего Востока – даже 1,3 млн. чел.¹

Исследуемый период можно условно разделить на три этапа (1989–1994, 1995–1998, 1999–2002 гг.). Первый из них (1989–1994 гг.) состоит, в свою очередь, из нескольких подэтапов. Данный отрезок времени можно обозначить как начало демографического кризиса. Его первые признаки можно обнаружить несколько раньше, и они совпадают по времени со снижением темпов экономического роста в СССР, однако, очевидными они становятся именно в конце 1980-х гг., когда начинают быстро падать темпы повышения численности населения. К тому же к 1989 г. изменились общественные ожидания, связанные с Перестройкой, и уменьшился эффект от предпринятых органами власти союзного государства мер, направленных на снижение потребления алкоголя.

Таблица 9.2.

Динамика населения Западной Сибири в 1989–2002 гг. (тыс. чел.) *

	Западная Сибирь			
	Общая численность	Рост/сокращение		
		всего, в т.ч.	за счет естественного прироста	за счет механического прироста
1989**	15013,2 (14961,1)	39,9 (91,9)	89,1	-49,2 (2,8)
1990	15053,0	51,2	64,4	-13,2
1991	15104,3	-0,6	40,0	-40,6
1992	15103,7	-10,6	3,1	-13,7
1993	15093,1	-32,6	-51,9	19,3
1994	15060,5	36,1	-67,3	103,4
1995	15096,6	-20,3	-61,1	40,9
1996	15076,3	-38,8	-60,1	21,3
1997	15037,5	2,1	-53,0	55,1
1998	15039,6	-13,3	-38,7	25,4
1999	15026,3	-71,1	-58,5	-12,5
2000	14955,3	-48,0	-61,0	13,1
2001	14907,3	-66,6	-57,8	-8,7
2002	14840,8	-62,4	-56,4	-6,0

¹ Рассчитано по: Численность населения Российской Федерации на начало 1990–2002 гг. (пересчеты от итогов Всероссийской переписи населения 2002 г.). Стат. бюллетень. М., 2006; Архив ГМЦ Росстата. Таблица Р241; Там же. Таблица С52.

2003	14778,3		
------	---------	--	--

* Численность населения Российской Федерации на начало 1990–2002 гг. (пересчеты от итогов Всероссийской переписи населения 2002 г.). Стат. бюллетень. М., 2006. С. 8–9; Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1990. С. 120–121; Естественное движение населения РСФСР в 1988 г. Стат. бюллетень. М., 1989. С. 5.

** В переписи 1989 г. население закрытых городов статистически распределялось по регионам страны. В этой связи численность жителей Западной Сибири была скорректирована, что повлияло на показатели роста/сокращения населения и сальдо миграции за 1989 г.

Год последней всесоюзной переписи ознаменовался также политическими реформами, сопровождавшимися передачей республикам, краям и областям дополнительных полномочий в сфере экономики. Это привело к углублению центробежных тенденций в Советском Союзе и ослаблению хозяйственных связей между предприятиями и отраслями. Для граждан страны отрицательные явления в экономике становились все более очевидными. Непрерывно ухудшалось обеспечение населения и предприятий необходимыми материальными ресурсами, устойчиво возрастал дефицит товаров народного потребления. Государственные органы уже не могли в полной мере обеспечить реализацию программ по возведению новых и реконструкции старых промышленных объектов. В отдельных республиках на основе возникших конфликтов на национальной почве обострилась общественно-политическая обстановка.

Прирост населения Западной Сибири в 1989 г. по сравнению с 1987 г. сократился более чем в два раза (с 204,1 тыс. до 91,9 тыс. чел.). Рождаемость снизилась с 18,6‰ до 15,3‰, смертность увеличилась с 9,0‰ до 9,3‰. Таким образом, естественный прирост за два года сократился на треть с 141,4 тыс. до 89,1 тыс. чел. (Табл. 2). Спад отразился и на переселенческой активности населения, что связано со снижением интенсивности создания новых рабочих мест. Сальдо миграции по РСФСР уменьшилось с 260,0 тыс. чел. в 1987 г. до 63,4 тыс. в 1989 г., т.е. в 4,4 раза. В Западную Сибирь приток населения практически прекратился (1987 г. – 62,7 тыс.; 1989 г. – 2,8 тыс. чел.)¹.

В 1990–1991 гг. экономический кризис продолжал углубляться. Объем валового национального продукта только по официальным данным сократился в 1990 г. на 3,0% по сравнению с предыдущим годом, в 1991 г. – еще на 5,0%. Значительно ускорились политическая дезинтеграция Советского Союза и хозяйственное обособление регионов. Ухудшилось материальное и финансовое положение трудящихся, увеличился уровень социального расслоения общества, выросла преступность. Если в 1990 г. по России было зарегистрировано 1839,5 тыс. правонарушений, то в 1991 г. – 2168,0 тыс. (+17,9%). Особенно выросло количество преступлений, связанных с грабежами (+22,4%) и кражами (+35,9%). В последующие годы масштабы преступности с некоторыми перерывами продолжали расти вплоть до 2001 г. Противоправные действия совершались в основном лицами, находящимися в самых репродуктивных возрастах (до 30 лет).

Ухудшилось физическое самочувствие граждан. Заболеваемость по основным классам болезней повысилась за эти два года с 651,2 на 1000 чел. до 667,5. Совокупность вышеизложенных факторов не замедлила сказаться на динамике численности населения. Рождаемость за два года снизилась с 15,3‰ до 12,6‰, смертность возросла с 9,3‰ до 10,0‰ (Табл. 3). Естественный прирост в 1991 г. уменьшился до 40,0 тыс. чел. В 1990 г. в Западной Сибири возникло отрицательное сальдо миграции, которое в 1991 г. достигло 40,6 тыс. чел.

В 1990-е гг. в результате экономического кризиса и свертывания государственных программ хозяйственного освоения, привлекательность территорий, располагающихся за Уралом, сильно уменьшилась. Сложившиеся обстоятельства в совокупности с традиционно менее развитой социальной сферой и суровыми климатическими условиями стимулировали перемещение части населения в более благоприятные и развитые, преимущественно

¹ Рассчитано по: Численность, состав и движение населения в РСФСР. М., 1990. С. 10, 120–121; Естественное движение населения РСФСР в 1988 г. Стат. бюллетень. М., 1989. С. 5.

европейские регионы страны, а также за границу. В 1990–1991 гг. восток страны стали покидать наиболее подвижные группы населения, предположительно, трудовые мигранты, которые находились здесь сравнительно недолго. С ухудшением экономического положения часть из них стала возвращаться в родные места. Сибирские территории стали также покидать лица, прибывшие ранее на строительство хозяйственных объектов, финансирование которых в условиях реформ либо резко сократилось, либо было полностью свернуто. В 1990 г. количество проживающих в Западной Сибири жителей увеличилось только на 51,2 тыс. чел. В 1991 г. впервые за долгие годы здесь была зафиксирована убыль населения, составившая 0,6 тыс. чел.

Распад СССР и рыночные реформы в России, стартовавшие 2 января 1992 г. с введением свободных рыночных цен на многие категории товаров и услуг, приватизация собственности, окончательная ликвидация командно-административной системы, привели к крупномасштабному кризису, охватившему практически всю экономику страны. Хозяйственные связи между субъектами экономической деятельности, которые нередко находились уже в разных государствах, быстро распались, правительственная поддержка предприятий сократилась до минимальных размеров.

Таблица 9.3.

Динамика рождаемости и смертности в Западной Сибири в 1989–2002 гг. (в %) *

	Западная Сибирь	
	Рождаемость	Смертность
1989	15,3	9,3
1990	13,9	9,7
1991	12,6	10,0
1992	11,0	10,8
1993	9,6	13,1
1994	9,7	14,1
1995	9,5	13,5
1996	9,2	13,2
1997	9,0	12,6
1998	9,3	11,9
1999	8,9	12,8
2000	9,4	13,5
2001	9,8	13,7
2002	10,7	14,5

* Численность населения Российской Федерации на начало 1990–2002 гг. (пересчеты от итогов Всероссийской переписи населения 2002 г.). Стат. бюллетень. М., 2006. С. 8–9; Демографический ежегодник России. Стат. сб. М., 1994. С. 47–49; Демографический ежегодник России. Стат. сб. М., 1996. С. 175–177; Демографический ежегодник России. Стат. сб. М., 1998. С. 173–175; Демографический ежегодник России. Ст. сб. М., 2001. С. 79–81; Демографический ежегодник России. Ст. сб. М., 2002. С. 68–70.

Валовой национальный продукт к 1994 г. только по официальным данным сократился по сравнению с 1991 г. на колоссальные 31,9%. По сравнению с 1991 г. производство в индустриальном секторе западносибирской экономики снизилось на 37,2%. Особенно непросто во всех отношениях оказался 1994 г., когда после завершения массовой приватизации и окончательного демонтажа прежней системы хозяйствования и управления наступил пик экономического кризиса. Рыночные преобразования сопровождались существенным ухудшением положения в социальной сфере. Возникла безработица, которая в 1994 г. в Западной Сибири достигла 586,4 тыс. чел. ¹

¹ Регионы России: Стат. сб. в 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 89.

Реальные денежные доходы граждан в РФ по сравнению с 1991 г. снизились к 1994 г. на 31,1%. Заработная плата, которая продолжала оставаться основным источником доходов большей части населения, часто выдавалась несвоевременно. Значительно сократился уровень потребления мяса, молока, масла, овощей и других продуктов питания¹.

Темпы снижения численности населения Западной Сибири стали стремительно расти. Особенно сильно последствия кризиса отразились на динамике воспроизводственных процессов. Рождаемость сократилась с 12,6‰ в 1991 г. до 9,7‰ в 1994 г., смертность соответственно выросла с 10,0‰ до 14,1‰². Уровень деторождений мог снизиться еще больше, однако в это время в возрастно-половой структуре произошли изменения, связанные с наступлением нового позитивного тренда. Стал расти удельный вес женщин фертильных возрастов, появившихся на свет в 1970-е гг., то есть в годы роста числа рождений.

Повышение количества летальных исходов стало результатом перемен, произошедших в социальной среде. В наибольшей степени смертность увеличилась от так называемых внешних (экзогенных) причин, которые сильно зависят от состояния социальной сферы и системы здравоохранения. За 1992–1994 гг. особенно возросли показатели смертности от инфекционных болезней, заболеваний органов дыхания, пищеварения, несчастных случаев и травм. В результате естественная убыль населения выросла до 67,3 тыс. чел.³

К прежним причинам, стимулирующим миграцию, добавились новые. Распад СССР на независимые государства привел к возвратному движению этнических меньшинств в «свои» республики. В свою очередь резко возросли масштабы перемещений главным образом русскоязычного населения в Российскую Федерацию из сопредельных государств. Причинами тому послужили сравнительно более благополучное социально-экономическое положение России и обострение межнациональных отношений на всем постсоветском пространстве.

Отлив населения из восточных регионов, Казахстана и Средней Азии позволил Западной Сибири компенсировать часть миграционных потерь [1. С. 221]. В 1990-е гг. произошел рост межтерриториальной экономической дифференциации по уровню доходов. Местные экономики в условиях самофинансирования и самоуправления оказались в разной степени готовы к условиям рынка. Преимуществами стали обладать те из них, у которых имелись предприятия, крупные налогоплательщики с большим количеством рабочих мест, производящие продукцию, пользовавшейся повышенным спросом в стране и за рубежом. Большая часть регионов Западной Сибири по этому показателю оказалась не в самом худшем положении. Следует также упомянуть о том, что в советское время население Западной Сибири являлось одним из источников пополнения трудовых ресурсов Восточной Сибири, Дальнего Востока, некоторых союзных республик. Поэтому после наступления кризиса трудовые мигранты стремились возвратиться в родные места, увеличивая у последних размеры оттока населения.

Отрицательное сальдо миграции Западной Сибири с 1992 г. начинает быстро уменьшаться, а в 1993 г. вновь становится положительным, достигнув максимальных значений в 1994 г. (103,4 тыс. чел.). Миграционный приток смог даже временно компенсировать естественную убыль населения, если в 1992 г. демографические потери Западной Сибири составили 10,6 тыс. чел., в 1993 г. – 32,6 тыс., то в 1994 г. – численность населения увеличилась на 36,1 тыс. чел.

Период 1995–1998 гг. можно с некоторой долей условности назвать этапом стабилизации в социально-экономической и политической сферах. Дело в том, что в эти годы снижаются темпы хозяйственного спада, в основном заканчивается период т.н. «шоковой терапии», когда центральные государственные органы применили комплекс

¹ Там же. С. 137, 139, 141, 143, 151.

² Демографический ежегодник России. Ст. сб. М., 1995. С. 52–53.

³ Там же.

радикальных мер, результатом которых стала трансформация существующих общественно-экономических и политических отношений. Валовой национальный продукт сократился за вышеуказанный период на 11,1%. Промышленное производство снизилось на 16,0%, то есть значительно меньше, чем за предшествующие три года. Несмотря на уменьшение реальных доходов граждан (на 24,1%)¹ и продолжающийся рост безработицы, население начинает адаптироваться к условиям переходной экономики.

В 1995–1998 гг. на динамику численности населения влияли следующие основные тенденции. Естественный прирост продолжал находиться на отрицательном уровне, тогда как сальдо миграции оставалось положительным. Рождаемость сократилась, но на умеренную величину, так, если в 1994 г. в Западной Сибири она составляла 9,7‰, то в 1998 г. – 9,3‰. Столь небольшое уменьшение общего коэффициента стало следствием дальнейшего роста удельного веса молодых возрастов в населении.

Одновременно с этим смертность сократилась с 14,1‰ до 11,9‰. В первой половине 1990-х гг. «шоковая» терапия способствовала резкому росту летальных исходов. Закрытие предприятий, рост безработицы, преступности, резкое снижение уровня жизни ухудшили не только материальное, но и морально-психологическое состояние населения, увеличив его смертность. С 1994 г. после окончания массовой приватизации жители страны начинают медленно адаптироваться к новым условиям. В свою очередь, это благоприятно сказалось и на показателях смертности, которые снизились во всех категориях. В результате в Западной Сибири отрицательный естественный прирост уменьшился с 67,3 тыс. чел. в 1994 г. до 38,7 тыс. в 1998 г.²

После 1994 г. продолжилась возвратная миграция преимущественно русскоязычного населения в Российскую Федерацию из сопредельных государств, однако положительное сальдо Западной Сибири почти все время снижалось. Если в 1995 г. оно составляло 40,9 тыс., то в 1998 г. – только 25,4 тыс. чел.

С 1999 г. начинается очередной этап демографического развития России. Этот период характеризуется улучшением материального и финансового положения граждан, увеличиваются государственные расходы на социальную сферу, в частности, на здравоохранение, снижается уровень преступности. Валовой национальный продукт после августовского кризиса 1998 г. вырос к 2002 г. на 25,0%. Однако экономический подъем в стране слабо отразился на демографической ситуации, которая даже ухудшилась. Темпы сокращения численности населения вновь увеличились. В 1999–2002 гг. одновременно с увеличением рождаемости с 8,9‰ до 10,7‰ повысилась и смертность с 12,8‰ до 14,5‰, которая произошла почти во всех категориях. Небольшое снижение числа летальных исходов в 1994–1998 гг. оказалось временным явлением. В структуре смертности вновь стала увеличиваться доля экзогенных факторов.

В конце 1990-х гг. также сократились переселения из ближнего зарубежья. Основная часть потенциальных мигрантов уже покинула пределы бывших советских республик, а в социально-экономическом положении последних также начинают происходить позитивные перемены. К тому же усложнилась процедура получения российского гражданства, ужесточился государственный контроль над миграционными процессами. Сальдо миграции Западной Сибири вновь становится отрицательным.

Трансформация всех сфер жизни общества в 1990-е гг. отразилась также на возрастном и половом составе населения Западной Сибири. Перемены, происходящие в возрастно-половой пирамиде, по-прежнему были обусловлены эволюционными изменениями, т.е. постепенным и последовательным снижением смертности и рождаемости в процессе демографической модернизации, и социальными катаклизмами, пережитыми Россией в XX веке.

¹ Российский статистический ежегодник. Ст. сб. М., 2001. С. 171.

² Демографический ежегодник России. Ст. сб. М., 1995. С. 52–53; Демографический ежегодник России. Ст. сб. М., 1999. С. 63–64.

**Возрастной состав населения Западной Сибири согласно данным переписей населения
1989 и 2002 гг. ***

	1989			2002		
	Численность и уд. вес		Год рождения	Численность и уд. вес		Год рождения
	тыс. чел.	в %		тыс. чел.	в %	
Все население	15013169	100,0		14791866	100,0	
0-4	1355133	9,0	1984-1988	695127	4,7	1998-2002
5-9	1321834	8,8	1979-1983	723728	4,9	1993-1997
10-14	1171043	7,8	1974-1978	1105983	7,5	1988-1992
15-19	1011974	6,7	1969-1973	1388127	9,4	1983-1987
20-24	996564	6,6	1964-1968	1251251	8,5	1978-1982
25-29	1401758	9,3	1959-1963	1147067	7,8	1973-1977
30-34	1458018	9,7	1954-1958	1001106	6,8	1968-1972
35-39	1254766	8,4	1949-1953	1024909	6,9	1963-1967
40-44	765456	5,1	1944-1948	1348054	9,1	1958-1962
45-49	731255	4,9	1939-1943	1249133	8,4	1953-1957
50-54	893896	6,0	1934-1938	1034437	7,0	1948-1952
55-59	768044	5,1	1929-1933	497059	3,4	1943-1947
60-64	745598	5,0	1924-1928	692860	4,7	1938-1942
65-69	386783	2,6	1919-1923	561512	3,8	1933-1937
70-74	297888	2,0	1914-1918	514359	3,5	1928-1932
75-79	255767	1,7	1909-1913	331415	2,2	1923-1927
80-84	130527	0,9	1904-1908	132194	0,9	1918-1922
85 и старше	66378	0,4	ст. 1903	84284	0,6	ст. 1917

* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 105. Л. 1–4; Там же. Д. 108. Л. 45–48. Возрастной состав населения РСФСР. По данным всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 64, 272, 302; Возрастно-половой состав и состояние в браке. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. в 14 т. М., 2004. Т. 2. С. 206, 218.

Особенности исторического развития восточных территорий отложили свои следы на возрастном составе населения. Государственная политика, направленная на хозяйственное освоение зауральских регионов, и традиционный недостаток собственных трудовых ресурсов предопределили высокую роль мигрантов в их хозяйственной жизни. Данные всесоюзных переписей подтверждают высокий удельный вес переселенцев в местном населении. Так, например, еще в 1979 г. доля лиц, проживающих в месте постоянного жительства не с рождения, составляла в целом по РСФСР 53,9%, в Западной Сибири этот показатель повышался до 58,5%¹.

В основном миграции была подвержена молодежь, тогда как старшие возрастные группы, теснее связанные семейными, трудовыми связями и привычками, проявляли меньше склонности к смене места жительства. Это сказалось на возрастно-половой структуре сибирского населения, где удельный вес молодых возрастов был повышенным, а старших поколений наоборот пониженным. Благоприятные по сравнению с европейской частью страны структурные характеристики и высокая доля лиц, находившихся в репродуктивном возрасте, способствовали становлению типа воспроизводства, отличавшегося повышенными в сравнении с центральными районами показателями, которые в свою очередь создавали предпосылки для сохранения этих самых характеристик в долгосрочной перспективе.

В 1989 г. доля молодежи в возрастной пирамиде российского общества составляла 45,1%, в Западной Сибири – 48,3%, в то время как доля старших возрастов в

¹ Продолжительность проживания населения РСФСР в месте постоянного жительства (По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1982. С. 6.

рассматриваемом экономическом районе была ниже (15,3% и 12,5%). Соответственно удельный вес лиц, располагающихся в группах 30–59 лет, в западносибирских регионах оказался меньшим, чем в целом по стране, хотя и не намного (39,1% и 39,6%)¹.

За время рыночных реформ структурные характеристики возрастного состава, как и прежде в годы социальных и военно-политических потрясений, претерпели сильные изменения. Всероссийская перепись 2002 г. показала, что процесс старения населения в 1990-е гг. ускорился [2. С. 58]. Если в 1989 г. удельный вес жителей западносибирских регионов в категории 60 лет и старше составлял 12,5%, то к 2002 г. достиг 15,7% (РФ – с 15,3% до 18,5%)². Повышение доли старших возрастных групп произошло, прежде всего, из-за резкого снижения рождаемости, а не в результате увеличения средней продолжительности жизни, которая в 1990-е гг. наоборот сократилась. Кроме того, пенсионного возраста достигла многочисленная группа населения, появившаяся на свет в 1930-е гг.

Одновременно с этим уменьшился удельный вес молодежи. В прежние годы данная категория преобладала в возрастной структуре населения. После Великой Отечественной войны ее доля за счет сокращения рождаемости последовательно снижалась. Так, если в 1959 г. она составляла в Российской Федерации приблизительно 55,0%, то в 1989 г. уже 45,1%. За годы реформ доля молодых возрастов снизилась до 40,4%, в Западной Сибири соответственно с 48,3% до 42,7% (Табл. 4). Рыночные преобразования особенно сказались на удельном весе детских возрастов (до 10 лет). Если по результатам переписи 1989 г. доля этой когорты в западносибирских регионах составляла 17,8%, то в 2002 г. – только 9,6%³.

Удельный вес населения в группе 30–59 лет за межпереписной период повысился с 39,1% до 41,6%. Процесс увеличения доли средних возрастов закономерен и связан с постепенным старением населения, когда при каждом последующем переходе молодых поколений в средние возрастные группы численность их преемников, как правило, не так велика из-за снижения рождаемости. Вместе с тем, на этой категории также в полной мере отразились социально-экономические и политические катаклизмы прошедшего десятилетия. По всей видимости, приватизация хозяйственных организаций, либерализация цен и их социально-экономические последствия в наибольшей степени повлияли на физическое и моральное состояние именно средних возрастных групп. Особенно сильно увеличилась смертность в категории 30–44 лет. Лицам, находящимся в этих возрастных пределах, было уже трудно изменить привычный образ жизни и адаптироваться к новым условиям.

Изменилось и численное соотношение между мужчинами и женщинами. Процесс постепенного выравнивания удельного веса полов, который длился весь послевоенный период, обернулся противоположной тенденцией. Доля женщин вновь возросла. Согласно переписи населения 2002 г. в Западной Сибири на 1000 мужчин приходилось 1126,1 женщин (1091,2 в 1989 г.). По этому показателю она оказалась в лучшем положении, чем Российская Федерация (1139,6 в 1989 г. и 1147,0 в 2002 г.)⁴. Дело в том, что в восточных регионах межполовые диспропорции были менее глубокими благодаря миграции. Углубление межполовой дифференциации было обусловлено, прежде всего, небольшим опережающим ростом мужской смертности.

Предшествующие исторические этапы хозяйственного, культурного и политического развития оказали влияние также и на национальный состав населения восточных территорий страны. Важнейшее значение при этом играли события,

¹ Возрастной состав населения РСФСР. По данным всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 64, 272, 302.

² Возрастной состав населения РСФСР. По данным всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 64; Возрастно-половой состав и состояние в браке. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. в 14 т. М., 2004. Т. 2. С. 15.

³ Возрастно-половой состав и состояние в браке. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. С. 206, 218.

⁴ Возрастной состав населения РСФСР. По данным всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 64; Возрастно-половой состав и состояние в браке. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. в 14 т. М., 2004. Т. 2. С. 15.

произошедшие в XX в., в особенности интенсивное хозяйственное освоение сибирских территорий.

Перемены в численности национальностей, проживающих в Западной Сибири, происходили под влиянием естественного прироста, миграции и ассимиляции. Социально-экономический кризис в равной степени коснулся воспроизводственных процессов этнических групп, однако в связи с тем, что они находились на различных стадиях демографического перехода, динамики естественного прироста у них оказались отличными друг от друга. Другим немаловажным фактором являлась миграция, интенсивность и направленность которой в 1990-е гг. также претерпели значительную трансформацию.

В 1990-е гг. национальный состав западносибирских регионов изменился следующим образом. Абсолютная численность русского населения почти не изменилась. Вместе с тем удельный вес русских, составлявший в 1989 г. 84,9%, за межпереписной период повысился до 85,9%. Некоторое увеличение доли русских объясняется интенсивными перемещениями преимущественно русскоговорящего населения из Казахстана, Средней Азии и других постсоветских республик, а также значительно ускорившимися в 1990-е гг. ассимиляционными процессами у других народов, проживающих на территории России.

Таблица 9.5.

Национальный состав населения Западной Сибири в 1989–2002 гг.*

Этнос	1989	2002
	Числ-ть	Числ-ть
Русские	12749136	12705844
Украинцы	583842	431534
Белорусы	113218	78040
Татары	398641	398529
Чуваши	79921	63392
Мордва	42272	28136
Башкиры	52145	54684
Марийцы	16136	16559
Удмурты	17086	13408
Немцы	416509	280619
Латыши	8361	5389
Литовцы	6033	3754
Эстонцы	9808	7056
Казахи	130153	137015
Алтайцы	67145	65324
Шорцы	13191	12070
Армяне	16058	50334
Азербайджанцы	35752	71707
Узбеки	15172	17769
Таджики	4410	18305
Киргизы	5888	7517
Чеченцы	8554	15237
прочие	223738	309644
Всего	15013169	14791866

* Национальный состав населения РСФСР. По данным всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 134–145; Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. в 14 т. М., 2004. Т. 4. Кн. 1. С. 90–91, 95–96.

Поступательный рост количественного представительства украинского этноса, наблюдавшийся в 1959–1989 гг., сменился значительным снижением его численности. Представительство этого народа в Западной Сибири за годы системных преобразований

уменьшилось на 26,1%. Распад Советского Союза, трансформация прежде межреспубликанских миграционных связей в международные, заметно сократили размеры притока украинцев из районов их преимущественного расселения. В отдельные годы, в особенности, в начале 1990-х гг., во время повсеместного ухудшения социально-экономического положения наблюдался даже некоторый отток украинцев в титульную республику. В последующие годы, несмотря на восстановление положительного баланса миграционного обмена между Россией и Украиной, из-за ассимиляционных процессов численность украинского народа продолжала снижаться. Количество украинцев признавших в качестве родного русский язык, значительно выросло. Сходные процессы наблюдались и у белорусов.

Сократилось количественное представительство народов, проживающих преимущественно в приволжских республиках. Особенно сильно снизилась в Западной Сибири численность мордва (на 33,4%), чувашей (на 20,7%) и удмуртов (21,5%). В меньшей степени эта тенденция затронула национальности, среди которых процессы ассимиляции развивались медленнее. Так, численное представительство татар и марийцев осталось прежним, а башкир – даже несколько увеличилось.

Высокими масштабами снижения своего численного состава отличались немцы, литовцы, латыши и эстонцы (Табл. 5). И дело здесь не только в ассимиляционных процессах и снижении показателей естественного прироста, но также и в миграции. В 1990-е гг., в особенности, в первой половине десятилетия после распада Советского Союза и смягчения миграционной политики представители этих этносов стали перемещаться за пределы Российской Федерации. Этому благоприятствовало социально-экономическое положение, сложившееся в титульных государствах, отличавшееся высоким уровнем жизни населения и большей стабильностью. Массовое переселенческое движение в особенности охватило немцев.

Ведущую роль в этнодемографических процессах алтайцев, казахов и шорцев играл естественный прирост, снижение которого хотя и оказалось заметным, но не достигло такого уровня как, например, у славянских народов, благодаря частичному сохранению традиционных воспроизводственных моделей поведения. За 1989–2002 гг. количество казахов увеличилось на 5,3%, алтайцев – снизилось на 2,7%, а шорцев – скорее всего за счет ассимиляции – на 16,0%.

Социально-экономические, политические и демографические последствия системных реформ оказались настолько значительными, что привели к возникновению новых явлений в национальном составе населения России и Западной Сибири, в частности. При заметном снижении численного представительства народов, прежде активно участвующих в хозяйственном освоении восточных районов, существенно повысился вклад этносов Кавказа и Средней Азии.

Больше всего возросла численность тех национальностей, в титульных государствах которых сложилась неблагоприятная политическая обстановка или разразились военные конфликты. Так, количественное представительство армян возросло в 3,1 раза, азербайджанцев – в два раза, таджиков – в 4,2 раза. Рост интенсивности трудовых миграций из Средней Азии с конца 1990-х гг., прежде всего, отразился на численности киргизов. Одновременно с этим повысилось количественное представительство некоторых этносов, проживающих преимущественно в российских северокавказских республиках. Так, например, численность чеченцев возросла в 1,8 раза.

Таким образом, рыночные преобразования второй половины 1980-х гг. – 1990-х гг. привели к заметным изменениям в численности, национальном и возрастном составе населения Западной Сибири. В новых условиях необходимо использование специальных и целенаправленных государственных мер, направленных на обеспечение экономического роста восточных районов, что позволит если не улучшить, то хотя бы притормозить процесс депопуляции важнейших с экономической, стратегической и политической точек зрения территорий страны.

Литература:

1. Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле; Союз семей военнослужащих России, 2012. 320 с.
2. Население России в XX веке. Исторические очерки в 3 т. Т. 3. кн. 3. 1991–2000 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 399 с.

Заключение

Период, охватывающий приблизительно столетие, с конца XIX в. до конца XX в., заполнен чрезвычайно важными событиями. Это было время крутых социально-экономических перемен, повлекших за собой кардинальные демографические изменения. Исследуемый период характеризуется ускоренным ростом численности населения Западной Сибири, кардинальными преобразованиями его половозрастного состава, массового перемещения сельского населения в города и форсированной урбанизации.

Отмеченные изменения очень важны, но генеральный тренд происшедших принципиальных перемен лежит глубже. Их главное содержание выразилось в так называемом «демографическом переходе» – историческом процессе, который полностью изменил «демографическое лицо» Западной Сибири. В течение всего лишь ста лет на смену старому, «традиционному» типу воспроизводства населения пришел новый, рациональный тип воспроизводства населения. В основе столь значительных демографических сдвигов лежали кардинальные преобразования не только экономики и культуры населения, но и всего образа жизни сибиряков.

В конце XIX столетия фиксируется очень высокая смертность и крайне низкая продолжительностью жизни. Вторая половина XX в. характеризуется значительно понизившейся смертностью и заметно выросшей величиной продолжительностью жизни. Снижение смертности сделало ненужной повышенную рождаемость. Она заметно сократилась. В результате, кардинально изменились все социальные механизмы, регулирующие прокреативное поведение людей. В этом нашли отражение принципиально новые тенденции, а именно регулирование числа детей в семье, установление сознательного контроля над рождаемостью. Не менее значительные преобразования претерпело матримониальное поведение сибиряков и, следовательно, институт брака и семьи. Ушла в прошлое ранняя и всеобщая брачность, столь характерная для начала исследуемого периода. Вместе с тем резко выросло число разводов, увеличилось число малодетных семей.

Для того чтобы смертность и рождаемость сбалансировались на низком уровне, первоначально необходимо было разрушить всю систему сложившегося равновесия высокой смертности и высокой рождаемости. Таким образом, суть демографической истории региона в XX в., её основополагающий стержень заключается в крайней разбалансированности всех демографических показателей, в их по-настоящему революционных преобразованиях. Концептуально активизация процесса демографического перехода обусловливалась модернизацией смертности. Развитие здравоохранения, улучшение лекарственного обеспечения, зарождение и быстрый рост коммунального хозяйства в городах, подъем общей и, что в данном случае особенно важно, санитарной культуры населения, повышение уровня материальной обеспеченности населения, улучшение жилищных условий вызвали значительное сокращению инфекционной и желудочно-кишечной заболеваемости населения, понижение числа болезней органов дыхания. Из структуры причин смертности вымывались туберкулез и воспаление легких. Становились анахронизмом сыпной, брюшной и возвратный тиф, оспа, холера, дизентерия, токсическая диспепсия и колиты. Снижалась заболеваемость детскими инфекциями – корью, скарлатиной, коклюшем и другими болезнями. Это, в свою очередь способствовало не только снижению показателей смертности, но и преобразовывало структуру причин смертности. Место экзогенных факторов (внешних по отношению к демографической подсистеме), связанных с условиями жизни людей занимали эндогенные факторы – сердечнососудистые болезни, злокачественные опухоли и другие причины дегенеративного характера. Соответственно смертность перемещалась из младших возрастов в старшие. А это, в конце концов, способствовало росту продолжительности жизни.

Теперь, когда положительные показатели естественного прироста населения достигались значительно меньшими усилиями, у мужчин и женщин появилась большая свобода выбора. Воспроизводство населения стало более экономичным, рациональным. К

концу XX в. становление нового, современного типа воспроизводства населения было близко к завершению, хотя этот процесс не закончился и до настоящего времени. Тем не менее, это стало, на наш взгляд, главным итогом демографического развития Западной Сибири в период, охватывающий столетие с конца XIX в до начала XX в.

Отметим, что Западно-Сибирский регион вступил в стадию кардинальных демографических перемен позднее, чем другие территории России. Это в значительной степени определялось исходным уровнем экономического и социокультурного развития Западной Сибири, её отставанием от большинства регионов европейской части страны.

Демографический переход являл собой стратегический, если так можно выразиться, генеральный тренд демографического развития России в исследуемый период. Но очень важно не упустить из виду ситуационные факторы недемографического характера, иными словами социально-политические условия, в которых свершался демографический переход. Исследуемый период оказался чрезвычайно сложным этапом отечественной демографической истории. В XX столетии на нашу страну обрушились три революции, гражданская и две мировые войны, индустриализация и коллективизация, проведенные варварскими методами, голодомор, обрушившийся на население страны, в том числе и Западной Сибири в начале 1930-х и повторившийся во второй половине 1940-х гг., а также массовые репрессии. Это не только привело к огромным человеческим потерям, но исказило демографический переход, несколько раз прерывало его, сильно тормозило процесс снижения смертности и рост продолжительности жизни. Россия, а тем более такой периферийный регион, как Западная Сибирь значительно отстали от мировых глобальных тенденций демографического перехода. Это отставание не только привело к незавершенности демографического перехода, но стало основной региональной особенностью демографической истории Западной Сибири в конце XIX – начале XXI столетия.

Очевидно, что коллектив исследователей, взявшихся за решение такой непростой задачи, как создание истории демографического развития Западной Сибири, стоит в начале пути. Дальнейшее изучение проблемы не только необходимо, но и даст возможность выявить новые, ранее неизвестные сюжеты.